

Т. 9, № 2 • 2024

**ОМСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК**

Серия Общество. История.
Современность

**OMSK
SCIENTIFIC
BULLETIN**

Series Society. History.
Modernity

ИСТОРИЯ HISTORY

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

ЭКОНОМИКА ECONOMY

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия
«Общество. История.
Современность»

Издается с июля 2016 г.
Выходит 4 раза в год

Том 9 № 2 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный
технический университет»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.
выдано Управлением Роскомнадзора
по Омской области

Сайт журнала:
<https://journals.omgту.ru>

Страница журнала
на сайте учредителя:
[http://www.omgту.ru/
general_information/
media.omgту/
journal_of_omsск_research_journal/](http://www.omgту.ru/general_information/media.omgту/journal_of_omsск_research_journal/)

Подписной индекс
в каталоге Роспечать 80638

Ответственный секретарь
М. Ф. Федорчук

Редактор
Т. П. Семина

Компьютерная верстка
О. Н. Чирун

Макет обложки
Н. С. Плотникова

© Редакция журнала
«Омский научный вестник»
Серия «Общество. История.
Современность»,
ОмГТУ

Подписано в печать 08.05.2024 г.
Дата выхода в свет 21.05.2024 г.

Формат 60x84 1/8.
19,76 усл. печ. л.
Бумага офсетная.

Отпечатано на дупликаторе
отдела научной информации ОмГТУ

Тираж 500 экз.
(1-й завод 1-100).

Заказ 14
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нехаев Андрей Викторович (главный редактор),
доктор философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Сушко Алексей Владимирович (заместитель главного редактора),
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия
Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

Бернацкий Владилен Осипович,
доктор философских наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Борисов Евгений Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Владимирски Ирена,
доктор исторических наук, профессор,
Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Гончаренко Марк Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

Дидикин Антон Борисович,
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
«Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»,
Астана, Республика Казахстан

Калинина Ольга Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Ковалев Василий Александрович,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Кротова Мария Владимировна,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Кулинок Святослав Валентинович,
кандидат исторических наук,
Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Ладов Всеволод Адольфович,
доктор философских наук, доцент,
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

Мартышина Наталья Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет
путей сообщения, Новосибирск, Россия

Мячин Юрий Васильевич,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Новиков Сергей Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, Россия

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент
Исторический архив Омской области, Омск, Россия

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Растова Юлия Ивановна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Федотова Марина Геннадьевна,
доктор философских наук,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Фоменков Артем Александрович,
доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Харченко Лариса Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Шевцов Вячеслав Вениаминович,
доктор исторических наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Яковлева Елена Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series
«Society. History.
Modernity»

Published Since July 2016
4 Times per Year

Volume 9 No. 2 2024

FOUNDER

Federal State
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
«Omsk State Technical University»

Mass Media Registration Certificate
ПМ № ТУ55-00555 from 29.03.2017
issued by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media,
Omsk region

Journal Website:
<https://journals.omgto.ru>

Journal Page on Founder's Website:
[http://www.omgto.ru/
general_information/media.omgto/
journal_of_omsrk_research_journal/](http://www.omgto.ru/general_information/media.omgto/journal_of_omsrk_research_journal/)

Subscription Index
in Federal Agency on Press and Mass
Communications Catalog 80638

Executive Secretary
M. F. Fedorchuk

Editor
T. P. Semina

Computer Page-Proofs
O. N. Chirun

Cover Layout
N. S. Plotnikova

© Editorial Board of
«Omsk Scientific Bulletin»
Series «Society. History.
Modernity», OmSTU

Signed in Print 08.05.2024
Date of Publication 21.05.2024

Format 60x84 1/8. Conventional
Printed Sheets 19,76. Offset Paper.

Printed on a Duplicator
at Scientific Publishing Office,
Omsk State Technical University

Circulation 500 Copies.
(The 1st Printing Factory 1-100).

Order 14
Open Price

EDITORIAL STAFF

Nekhaev Andrei Viktorovich (Chief Editor),
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Sushko Aleksey Vladimirovich (Deputy Chief Editor),
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia
Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, Russia

Bernatsky Vladilen Osipovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Borisov Evgenii Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Vladimirsky Irena,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel

Gagkuev Ruslan Grigorievich,
Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia

Goncharenko Mark Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Didikin Anton Borisovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law,
M. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Republic of Kazakhstan

Kalinina Olga Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Kovalev Vasilii Aleksandrovich,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Krotova Mariia Vladimirovna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Kulinok Svyatoslav Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences,
The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ladov Vsevolod Adolfovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, Russia

Martishina Natalia Ivanovna,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Myachin Yuriy Vasilievich,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Novikov Sergey Valentinovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russia

Petin Dmitry Igorevich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Historical Archive of Omsk Region, Omsk, Russia

Puchenkov Aleksandr Sergeevich,
Doctor of Historical Sciences,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Rastova Yuliya Ivanovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Fedotova Marina Gennadiyevna,
Doctor of Philosophical Sciences,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Fomenkov Artem Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

Kharchenko Larisa Pavlovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yakovleva Elena Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

С. В. Новиков. Российское общенародное движение: программные положения и место в политическом спектре России (1994–1996 гг.)	5
С. А. Папков. Становление Новониколаевска/Новосибирска как столицы Сибири в начале 1920-х гг.	14
А. В. Сушко. Икона украинских нацистов: к вопросу об исторической оценке «героев» под Покровами Богородицы и их современных почитателей	22
А. С. Лизогуб. Сохранение памяти о наполеоновских войнах: формы международного сотрудничества России и Германской империи в начале XX в.	33
М. С. Новиков. Развитие российского федерализма в 1990-х гг. (на примере Омской области)	42
И. С. Сильченко. Особенности разведывательных операций 3-й бригады Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте. Декабрь 1916 – март 1917 гг.	50
А. Н. Стеблянская. Семеновы-Знаменские в Харбине. Материалы к биографии	57
К. А. Тишкина. Памятные мероприятия в Омской области (1937 г.) по случаю 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина	67
А. Д. Аверкиев. Источники по истории монастырей Нижегородской епархии в XVIII веке: типы и характеристика информационных потенциалов	74
И. В. Макаров. Введение метрической системы мер и весов в Омском Прииртышье в 1920-е гг.	82
Е. И. Михайленко. Вице-губернатор в системе управленческой элиты степных областей Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств во второй половине XIX – начале XX века	88

Имя в истории

М. В. Кротова. «Сибирский сатрап» М. М. Лашевич и его смерть в Харбине	97
---	----

ФИЛОСОФИЯ

Критики и реплики

Р. А. Кочнев. Телепорт и другие неприятности	106
---	-----

IN MEMORIA CLASSICA

С. Кан. Кант и вагонетка = S. Kahn. Kant and the trolley/ пер. с англ. А. В. Нехаева	112
---	-----

АРГУМЕНТЫ И ПРЕДИКАМЕНТЫ

С. Хольм, Дж. Льюис. Аборты: аргументы pro et contra = S. Holm, J. Lewis. Abortion: pro et contra/ пер. с англ. А. В. Нехаева	120
--	-----

ПРОВОКАЦИИ

А. Р. Галлоуэй. Аутизм разума = A. R. Galloway. The autism of reason/ пер. с англ. З. М. Неустроева	132
К. МакГинн. Понятие личности = C. McGinn. The concept of a person / пер. с англ. А. В. Нехаева	141

ЭКОНОМИКА

А. Е. Миллер, Н. С. Руденко. Моделирование цифровой трансформации промышленных холдингов	146
Н. М. Калинина, Е. А. Балашова. Планирование проверки результатов финансово-экономической деятельности предприятия: организационно-методический аспект аудита расходов	153
Е. В. Медведев. Некомпетентные управленцы — современные реалии в российских компаниях	164

CONTENTS

HISTORY

S. V. Novikov. The Russian Public Movement: program positions and place in the political spectrum of Russia (1994–1996)	5
S. A. Papkov. Transforming Novosibirsk into the capital of Siberia in the early 1920s	14
A. V. Sushko. The icon of Ukrainian Nazis: on the question of the historical assessment of the «heroes» under the Protection of the Virgin Mary and their modern admirers	22
A. S. Lizogub. Keeping the memory of Napoleonic wars: forms of international cooperation between Russia and the German Empire at the beginning of the twentieth century	33
M. S. Novikov. The development of Russian federalism in the 1990s (on the example of the Omsk region)	42
I. S. Silchenko. The features of reconnaissance operations of the 3rd brigade of the Russian expeditionary corps on the Western front. December 1916–March 1917	50
A. N. Steblyanskaya. The Semenov-Znamensky family in Harbin. Materials for the biography	57
K. A. Tishkina. Commemorative events in the Omsk region (1937) on the occasion of 100th anniversary of death of A. S. Pushkin	67
A. D. Averkiev. Sources on the history of monasteries of the Nizhny Novgorod Diocese in the XVIII century: types and characteristics of information potentials	74
I. V. Makarov. The introduction of the metric system of weights and measures in the Omsk district in the 1920s	82
E. I. Mikhailenko. The Vice-governor in the system of the administrative elite of steppe regions in the West Siberian and Steppe General-Governorships in the second half of the XIX–beginning of XX century	88
History Name	
M. V. Krotova. «Siberian Satrap» M. M. Lashevich and his death in Harbin	97

PHILOSOPHY

Critical Notices and Comments

R. L. Kochnev. Teletransporter and other troubles	106
--	-----

IN MEMORIA CLASSICA

S. Kahn. Kant and the trolley / trans. from Engl. A. V. Nekhaev	112
--	-----

ARGUMENTS AND PREDICATES

S. Holm, J. Lewis. Abortion: pro et contra / trans. from Engl. A. V. Nekhaev	120
---	-----

PROVOCATION

A. R. Galloway. The autism of reason / trans. from Engl. Z. M. Neustroev	132
C. McGinn. The concept of a person / trans. from Engl. A. V. Nekhaev	141

ECONOMY

A. E. Miller, N. S. Rudenko. Modeling the digital transformation of industrial holdings	146
N. M. Kalinina, E. A. Balashova. Planning the audit of results of the financial and economic activities of an enterprise: organizational and methodological aspect of auditing expenses	153
E. V. Medvedev. Incompetent managers — modern realities in Russian companies	164

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ПРОГРАММНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И МЕСТО В ПОЛИТИЧЕСКОМ СПЕКТРЕ РОССИИ (1994–1996 гг.)

Статья посвящена деятельности Российского общенародного движения, анализу положений его программы и выявлению места в политическом спектре как западносибирского региона, так и Российской Федерации в целом.

Используя научные исследования, привлекая к работе справочные издания, материалы архивных фондов и периодической печати, политическую публицистику, аналитические материалы, автор работы ставит цель — анализируя программные положения движения, реконструируя его участие в политических событиях второй половины 1990-х гг. выявить его место в трансформирующемся спектре политических сил России.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что движение явилось частью сил, созданных в ходе партстроительства с целью размывания электората Конгресса русских общин на выборах Государственной думы 1995 г. Дальнейшая деятельность движения была сопряжена с выборами Президента РФ в 1996 г. Политическая судьба Российского общенародного движения стала отражением эволюции взглядов правящей элиты на формирование своего политического образа на фоне неприятия населением либеральной доктрины.

Ключевые слова: национальные организации, концепции развития экономики, государственно-правовые теории, «красный пояс», избирательные кампании, Российское общенародное движение, Омская область.

Деятельность Российского общенародного движения (РОД), как составной части русских национальных организаций, ранее уже подвергалась научному анализу. Исследователями подробно анализировалась издательская деятельность движения в ходе избирательных кампаний 1995 и 1996 гг. [1, с. 73, 192–195; 2, с. 28–30]. Омским историком М. С. Новиковым в статье с историографическим обзором деятельности русских национальных организаций в Западной Сибири в числе действующих организаций было проанализировано и данное движение [3, с. 26, 27]. Позднее в своей монографии он также предпринял попытку обозначить место РОД в спектре русских национальных организаций [4, с. 130, 142–143, 155, 166–168]. Несмотря на наличие определенного задела, к настоящему времени

исследователи должным образом не проанализировали положения программы движения и не выявили его места в политическом спектре как Омской области, так и Российской Федерации.

Целью статьи является — анализ программных положений и политической деятельности Российского общенародного движения (РОД), исследование участия его структурных подразделений в общественно-политических кампаниях середины 1990-х гг. Для решения указанной цели автор обращается к справочным изданиям, материалам РОД, хранящимся в архивных фондах и опубликованным в изданиях движения, интервью его лидеров в периодической печати, политической публицистике, аналитическим материалам Независимого социально-исследовательского центра (НСИА центра)

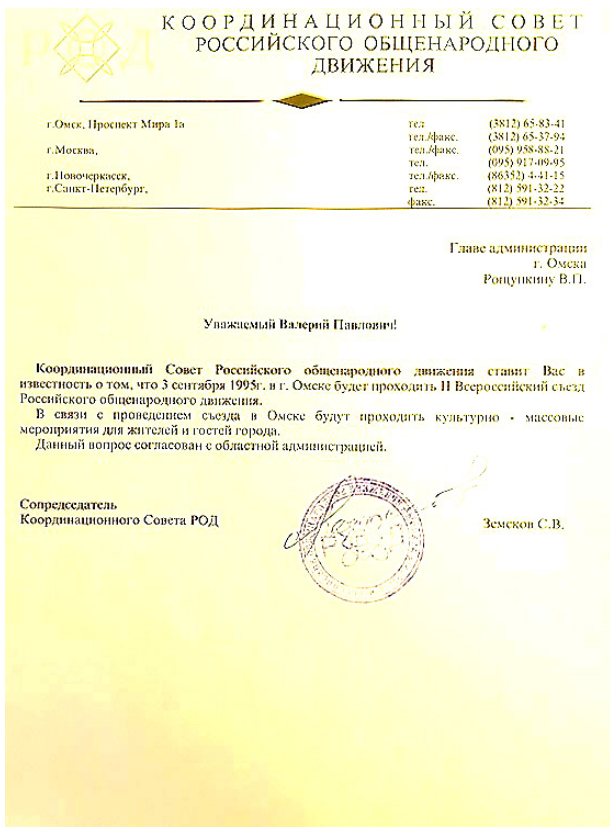

Рис. 1. Обращения Сопредседателя Координационного совета РОД С. В. Земского к главе администрации г. Омска В. П. Рошупкину. Август 1995 г.
Источник: личный архив автора

и комитета по информационно-аналитической работе Администрации Омской области, а также личным воспоминаниям.

Под чужим флагом. В памяти омичей воскресенье 3 сентября 1995 г. осталось как день, когда в городских кинотеатрах бесплатно транслировались фильмы на военно-патриотическую тематику, а на концертных площадках выступали самодельные коллективы. Так, в г. Омске прошел II Всероссийский съезд РОД. Проведение мероприятий было согласовано с Администрацией Омской области, о чем сопредседатель Координационного совета РОД С. В. Земского поставил в известность главу Администрации г. Омска В. П. Рошупкина [5, с. 103] (рис. 1).

Появление движения было столь неожиданным, что газета «Ореол-экспресс» опубликовала интервью с одним из его лидеров А. В. Баженовым с названием «Как черт из табакерки» [6].

Однако у РОД была своя предыстория. В конце 1980-х гг. на фоне разложения партийно-советских государственных структур начался процесс, получивший название «возрождение казачества». Процесс этот пошел не так, как предполагали теоретики. Если в руководстве казачьих организаций первого поколения «красных» преобладали выходцы из номенклатуры, оттеснившие зачинателей-интеллигентов на второй план, то в организациях второго поколения «белых» тон задавали личности с авантюрными наклонностями. С 1992 г. начались перекрашивания «красных» в «белых». Из-за амбиций атаманов «белый» Союз казачьих войск России (СКВР) в 1993 г. распался, а на его обломках возникли Союз казачьих войск России и зарубежья

(СКВРиЗ) атамана В. Н. Ратиева и Белый союз казачьих войск (БСКВ) атамана В. П. Титова [7].

В 1993 г. Верховный Круг СКВРиЗ принял Заявление, в котором потребовал от Правительства и Верховного Совета РФ признать казачество «народом наравне с другими народами на исторических территориях казачества», утвердить «создаваемые наравне с другими народами казачьи национально-государственные образования в составе единой и неделимой России», «в кратчайший срок решить вопрос о создании казачьих автономий на исконных казачьих землях, входящих в настоящее время в состав Казахстана, Киргизии и Украины». Во время политического кризиса в конце сентября – начале октября 1993 г. В. Н. Ратиев выразил свою поддержку Президенту РФ Б. Н. Ельцину и правительству В. С. Черномырдина в их противостоянии с ВС РСФСР. В период кампании по выборам в Государственную думу (ГД) в 1993 г. атаман СКВРиЗ вошел в избирательный список Консервативной партии России («партия Убожко»), который не собрал 100 тыс. подписей, необходимых для участия в выборах. В декабре 1993 г. Верховный атаман СКВРиЗ В. Н. Ратиев призвал голосовать за Демократическую партию России (ДПР). Ни один представитель организаций, входящих в СКВРиЗ, в ГД первого созыва избран не был [8].

В конце 1994 г. в г. Омске создается Движение за возрождение казачества (ДВК). Но «белые» идеи казаков не вызывают интереса у потенциального избирателя. С начала 1995 г. представители ДВК активно используют лево-патриотическую фразеологию [9, с. 56]. В это время часть представителей движения предполагала либо объединиться с Российским общенародным союзом (РОС) С. Н. Бабурина, либо приобрести его бренд. И то, и иное предложение были отвергнуты как основной частью сторонников ДВК, так и лидером и активистами РОС. В июне 1995 г. на учредительном съезде ими создается РОД [8].

Сопредседателями Российского общенародного движения были избраны:

Баженов Александр Васильевич, генеральный директор торгово-промышленной компании «ФА-ТЭКС». Родился 19 ноября 1962 г. в Омске в семье летчика-испытателя, русский, по происхождению из сибирских казаков. Имеет два высших образования: медицинское (хирург), экономическое [8, 10].

Мошняков Валерий Владимирович, первый заместитель Верховного атамана Союза казачьих войск России и зарубежья. Родился 1 января 1956 г. в Волгоградской области. Имеет высшее образование: историк, журналист [11].

Платонов Владимир Константинович, председатель движения «Офицеры за возрождение Отечества». Родился 2 мая 1940 г. в г. Саратове. Имеет высшее военно-инженерное образование; служил на различных командных и штабных должностях вплоть до начальника направления Генерального штаба ВС СССР; генерал-майор запаса; в конце 1991 г. вместе с генералом А. Н. Стерлиговым создал движение «Офицеры за возрождение Отечества»; в 1992 г. участвовал в создании Русского национального собора (РНС), был членом Думы РНС [12].

В качестве экономической программы лидеры движения заявили концепцию планово-управляемой двухуровневой экономики, разработанную авторской группой под руководством доктора технических наук, профессора, академика РАЕН, членкорреспондента Российской инженерной академии

ОТ РЕДАКЦИИ:

Уважаемый читатель! Вы держите в руках первый номер информационного бюллетеня «Der Werdegang». Это печатный орган Омского городского немецкого культурного общества «Согласие» - «EINTRASCHT».

Основная концепция этого издания, как нам кажется, отражена в названии, которое переводится с немецкого как «пути становления». На сегодняшний день общество «Согласие» как раз и переживает этап своего становления: формируются направления деятельности, определяется каста энтузиастов, увлеченных людей, идет процесс признания работы общества как со стороны государственных исполнительных учреждений, так и со стороны рядовых омичей.

Традиционно печатные издания подобного рода отражают мысли, идеи и концепции узкого круга лиц - учредителей. Наверное, не исключением стал и этот первый номер бюллетеня, но именно поэтому редакция акцентирует внимание на том, что в отличие от других «родственных» изданий мы приглашаем к сотрудничеству всех, кому небезразлична судьба российских немцев как этноса, кто хотел бы выразить свое видение проблем (а их сейчас очень много), кто интересуется немецким языком и немецкой культурой.

Авторитетно заявляем, что всем и каждому найдется место на страницах газеты. Пока же не

сформировался круг постоянных авторов и читателей, работой по составлению бюллетеня будут заниматься специалисты немецкого культурного общества «Согласие» и студенты омских вузов, где профессионально изучают немецкий язык и немецкую культуру.

На одном из последних заседаний немецкого молодежного дискуссионного клуба, который действует при обществе «Согласие» была обсуждена и предложена такая структура «Der Werdegang»:

Первая страница: событие месяца, юбилейный месяц, интервью с интересным человеком, а также официальная хроника.

Вторая страница: новости из вузов, этнографические и страноведческие зарисовки, студенческая жизнь, немецко-язычных групп, факультетов.

Третья страница: частные объявления, предложение услуг переводчика, пид, репетитора и др.

Четвертая страница: юмор, интересные забытые рецепты немецкой кухни, колонка руководства общества «Согласие». По общему мнению, новая газета должна одновременно быть и немецкой газетой, и общественной, и общественно-политической. Это, конечно, авансы, надежды и перспективы, но хотелось бы их оправдать, ведь сейчас есть главное - объективная потребность в появлении именно такого печатного издания.

Редакция, руководство немецкого культурного общества «Согласие» надеются, что опубликованные статьи, репортажи, новости и другие материалы привлекут внимание творческих, заинтересованных людей, будут способствовать установлению в городе единой национальной жизни российских немцев.

А проблемы, которые сейчас стоят перед этим самообытным этносом, действительно, очень много. Некоторые из них отражены уже в первом выпуске газеты. Уверены, прочитав наши материалы, у Вас появятся вопросы, Вам захочется поделиться с нами своим мнением, обсудить проблемы, прокомментировать нашу точку зрения. Мы будем рады этому. Значит наши усилия, наши стремления не пропали даром. Так что звоните, пишите...

Звонить с предложениями о сотрудничестве Вы можете по телефону: 65-05-09 Грассу Александру. Писать письма с отзывами, предложениями, замечаниями по адресу: 644008 г.Омск-8 пр.Мира 1 ком.41.

1

Рис. 2. «Der Werdegang» (г. Омск). 1991. № 1. Январь. Тираж 999 экз. Газета немецкого культурного общества «Согласие», ежемесячный спецвыпуск газеты «За народ» Российского общенародного движения
Источник: личный архив автора

Г. В. Костина. В политических кругах Г. В. Костин был известен как сторонник ВС РСФСР в 1993 г.; член Политсовета ФНС (1992–1994 г.); член ЦК КПРФ в 1995 г. [9, с. 56; 13].

Последний факт позволил газете деловых кругов «Коммерческие вести» оценить РОД как партию национальной буржуазии, готовой к союзу с КПРФ в противостоянии прозападному правительству Российской Федерации [14].

Программа РОД: предвыборные обещания или практика. Программные положения движения под заглавием «Программа РОДа — Воля народа» были представлены журналом «Вера и мужество и книгой Г. В. Костина «Планово-управляемая двухуровневая экономика как альтернатива политическому авантюризму» [15, 16]. Обратимся к их содержанию.

Официальный лозунг РОД: «Россия — Нация — Государство».

Политическая платформа объединения включала идею восстановления на территории бывшего СССР «сильного, единого и неделимого Государства Российской», путем проведения референдумов, заключения соглашений о создании экономического и оборонного союзов. Движение заявляло о своей приверженности российскому традиционализму и укоренившимся формам государственного устройства с обязательным представительством каждого народа в высших органах государственной власти, силовых ведомствах, в органах управления наукой и культурой [15, с. 4–7]. Вместе с тем нельзя не отметить заявление лидеров движения о необхо-

димости отказа от партийной системы и «единения народа с властью» [6, 17].

Движение негативно оценивало опыт национально-государственного строительства в СССР, заявляя, что «в свое время КПСС искусственно заложило скрытые межнациональные противоречия, которые ярко проявились в период «перестроечной» вакханалии и долго еще будут отрицательно сказываться на взаимоотношениях народов России» [15, с. 4]. Так, в газете «Der Werdegang» немецкого культурного общества «Согласие», вышедшей в качестве спецвыпуска газеты «За народ» Российского общенародного движения, была дана критика результатов создания в Омской области Азовского немецкого национального района (АННР) и его главы Б. Г. Рейтера [18] (рис. 2). Имели место подборки документов РОД, как-то: «Северная Осетия: подходы к регулированию отношений между Грузией и Южной Осетией», «Грузия: по поводу ситуации в Абхазии» [19]. При этом процессы, связанные с участием представителей татаро-башкирского движения «Ватан» в политической жизни Западной Сибири, планы создания на территории Омской и Тюменской областей автономии сибирских татар в материалах движения отражения не нашли [20, с. 40–41].

Позднее в марте 1996 г. в «Материалах I Всероссийской конференции Российского общенародного движения» его теоретики заявили, что «культурно-национальные автономии любого народа, проживающего на территории Российской Федерации, вполне способны обеспечить его нормальное развитие. Страна же должна получить естественно-территориальное административное устройство, при котором в разумном сочетании будут учтены интересы местного территориального самоуправления и центра, олицетворяющего собой государственное управление, направленное на равенство всех россиян перед верховенством единой Конституции России» [21, с. 11].

Через вышеприведенное положение рассматривалось идеологами движения понятие «русская нация». Программа РОД, обозначив «русский вопрос», указывала, что он «ни в коем случае не подразумевал умаление или принижение любого народа, любой национальности или национальной группы, проживающих на территории России, так как каждый россиянин, будь он русский, татарин, украинец, белорус, немец, грузин, армянин, казах, кумык, ингуш, калмык, чеченец или представитель иного этноса, является единственной незаменимой частью общего организма — русской нации» [15, с. 6].

Интересно, с точки зрения данного подхода, движение депутатов РОД в ГД по округам в Омской области: 128 округ — Р. И. Рутц; 129 — К. В. Харламов; 130 — В. И. Потапов. Следует отметить, что профессор Омского государственного аграрного университета, этнический немец Р. Г. Рутц объяснял свое участие в политической жизни пословицей — «Где родился, там и пригодился» [22, с. 6–9].

В рамках программы РОД выступал «за активное взаимодействие Церкви и Государства». Речь шла о введении «в учебные программы начальных, средних и высших учебных заведений, наряду с изучением естественных и гуманитарных наук, изучение религий: Православия, Ислама и Буддизма» [15, с. 5].

Уже упомянутая концепция планово-управляемой двухуровневой экономики России, с точки

зрения её разработчиков, учитывала общемировые тенденции развития. Верхний, управляемый государством и опирающийся на общенародную государственную собственность, сектор экономики с объемом получения не менее 75 % ВВП (Внутреннего национального продукта), был призван обеспечивать и защищать национальные интересы страны, поступательное развитие общества по пути научно-технического прогресса, накопления необходимых страховых и перспективных ресурсов. Сектор экономики, опирающейся на личную (частную) кооперативную и мелкогрупповую собственность с производством 15–25 % ВВП, использующий в основном рыночные механизмы регулирования, предназначен для мобильного удовлетворения потребностей населения.

Предполагалось провести указанный курс в три этапа:

- этап антикризисных мер;
- этап восстановления народного хозяйства;
- этап плано-управляемой двухуровневой экономики [16, с. 69, 70].

Ссылки на концепцию содержал документ «Программа РОДа — Воля народа», указывающий в разделе «В России не должно быть безработных», что безработица является «искусственным порождением и поэтому будет немедленно устранена с введением в действие программы «Плано-управляемой двухуровневой экономики». В этом же документе посредством реализации программы предполагалось решить материальную составляющую вопросов, связанных с развитием образования, культуры, здравоохранения и иные многочисленные социальные проблемы [15, с. 8–12].

Реализация концепции, по мнению её разработчиков, обеспечила бы восстановление народного хозяйства до уровня 1991 г. за 4 года и, соответственно, уровня жизни населения к 2000 г. [16, с. 72; 3; 14].

Подводя черту под анализом основных программных положений РОД, необходимо отметить их созвучность программам русских национальных организаций как-то: Российского христианско-демократического движения (РХДД), а впоследствии Конгресса русских общин (КРО) [23; 24, с. 119–120].

Середина 1990-х гг. — время испытания созданной в 1993 г. государственной и политической системы на устойчивость. Речь шла не только об устойчивости государства, но и о сохранении социально-экономического курса. Как следствие, знаковыми становились как выборы депутатов ГД, так и выборы Президента РФ. Определенный колорит в процесс добавляли выборы глав Администраций отдельных субъектов. Вот здесь и проявил себя РОД.

РОД в предвыборном пасьянсе 1995 г. Выборы депутатов ГД представляли интерес еще и в связи с появлением на политическом поле КРО. Движение, задуманное в 1992 г., стало центром притяжения и сплочения русских организаций в «ближнем зарубежье». КРО выступал в поддержку русскоязычного населения на Украине, в Азербайджане, Грузии, Казахстане, Молдове, принимал участие в размещении беженцев и вынужденных переселенцев из «суверенных государств» в Пермской и Псковской областях. В январе 1994 г. на II съезде КРО было заявлено о необходимости становления политической организации и включения в борьбу за политическую власть. Реальную политическую

силу КРО начал набирать в конце 1994 г. — начале 1995 г. с приходом в него бывшего секретаря Совета безопасности РФ, действующего главы Центра межнациональных и межрегиональных экономических проблем и Федерации товаропроизводителей России Ю. В. Скокова и генерала А. И. Лебеда [4, с. 131]. КРО, вобравший в себя широкое представительство партий и движений от эмигрантов и «монархистов» до «социалистов» и профсоюзов, по данным социологических опросов в ходе выборов мог заручиться поддержкой от 6,5 до 14 % избирателей [1, с. 191].

Ситуация была двойственной. С одной стороны, КРО оттягивала электорат от КПРФ и ЛДПР, с другой — преодоление им барьера в 5 % вывело на парламентскую арену политиков, связанных с Народно-трудовым союзом российских солидаристов (НТС). Последствия подобного завершения выборов были для сгруппировавшихся вокруг Б. Н. Ельцина олигархов непредсказуемы.

Как следствие, в рамках партстроительства властными структурами была реализована концепция выведения для участия в избирательной кампании аналогичных КРО организаций, как-то: РОС, «Профсоюзы — Промышленники России — Союз труда», «Национально-республиканская партия России», «За Родину!», РОД и другие. В рамках её реализации неожиданно о самостоятельном выдвижении предвыборного блока заявил популярный кинорежиссер С. С. Говорухин, ранее поддерживавший КРО [4, с. 145–146].

События второй половины 1995 г. нашли отражение в Омской области, где развернули деятельность две из вышеперечисленных организаций — РОС и РОД.

В августе 1995 г. в Москве состоялась учредительная конференция избирательного блока «Власть — народу!». В качестве учредителей блока выступили: РОС С. Н. Бабурина, Движение матерей «За социальную справедливость» Е. А. Шуваловой, движение «Отечество» (Краснодарский край) Н. И. Кондратенко и другие организации. Блок был зарегистрирован в Центральной избирательной комиссии. В предвыборный список блока входили: писатель В. И. Белов, бывший командир Рижского ОМОНа Ч. Г. Млынник, олимпийский чемпион Ю. П. Власов, чемпион мира по шахматам А. Е. Карпов. В то же время необходимо указать на практическое отсутствие организаций как РОС, так и блока в субъектах РФ, кроме самого г. Омска [9, с. 58; 4, с. 123].

В начале октября 1995 г. омская делегация РОД провела «День поминовения и примирения» в г. Новочеркасске и «Собрание народов России по проблемам выживания Российской нации» в г. Ростове-на-Дону. В предвыборный список РОД вошли: Верховный атаман СКВРиЗ В. Н. Ратиев, председатель «Троицкого православного Собора» С. К. Морозов, заместитель руководителя аппарата ГД по делам СНГ и связям с соотечественниками В. И. Морокин, заместитель главы администрации Омской области В. Ф. Будков [25, с. 2, 4, 19–20] (рис. 3).

Участие РОС и РОД в избирательной кампании по выборам депутатов ГД представляют интерес в связи с совпадением по времени проведения с выборами главы администрации Омской области. Действующий губернатор Л. К. Полежаев дистанцировался от НДР и стремился заручиться поддержкой сил, декларирующих национально-патриотические идеи.

Рис. 3. Обложка журнала «Вера и мужество» (г. Москва). 1995. № 5.

Тир. 10 тыс. экз. Фото шествия членов Российского общенародного движения на Соборную площадь в г. Новочеркасске. 6 октября 1995 г. Источник: личный архив автора

Ему это удалось. Легендарный экс-секретарь Омского обкома КПСС, один из лидеров образованного РОС блока «Власть — народу!» С. И. Манякин, отвечая на вопрос корреспондента одной из газет, так оценил деятельность Л. К. Полежаева: «По делам видно, что омский губернатор — человек деловой, прагматик, но сложности у него есть. Леонид Полежаев хорошо известен Президенту, Сибирскому соглашению. С ним считаются и в Сибири, и в Москве. Сегодня он делает всё для того, чтобы жителям Омска и области жилось лучше, чем в других регионах» [26, с. 40]. Что касается РОД, то движение было Л. К. Полежаевым поддержано и работало на его имидж [5, с. 95, 103].

Л. К. Полежаев соперничал с четырьмя претендентами на пост главы областной администрации: депутатом Законодательного собрания Омской области (ЗСОО), ректором СибАДИ, выдвиженцем КРО Л. Г. Горыниным; представителем КПРФ Е. Д. Похитайло; председателем комитета по управлению имуществом Омской области, сывшим радикальным демократом В. Я. Захарченко и членом фракции ГД «Гражданское общество», экс-начальником УВД Омской области В. Н. Лотковым [27, с. 19]. В указанном предвыборном пасьянсе, имея политическую поддержку одного из лидеров блока «Власть — народу!» и РОД, глава администрации Омской области действительно мог восприниматься избирателями как политик и человек нечуждый патриотическим взглядам.

Кампанию по выборам в ГД в Омской области блок «Власть — народу!» провел, опираясь на газету «Сибирское время» и активно используя коммерческую печать. Движение заручилось под-

держкой 8,7 % избирателей региона. Результатом этого успеха стала катастрофически малая поддержка омским электоратом КПРФ, получившей 16,2 % избирателей. На округах, несмотря на декларируемую победу представителей так называемой лево-патриотической оппозиции, кандидаты от КПРФ потерпели поражение. Впоследствии на одной из пресс-конференций уже упомянутый В. Ф. Будков озвучил факт поддержки блока рядом нефтяных компаний [1, с. 197, 201].

РОД разворачивал свою деятельность по ходу избирательной кампании. Движение имело поддержку Администрации Омской области, и все СМИ, финансируемые из бюджета, были обязаны оказывать ему информационную поддержку. Как следствие, оно вышло на 5-е место по количеству публикаций в районной печати, опередив КРО и «Власть — народу!». Объединенные в агитбригады, активисты РОД развернули широкую пропаганду идей движения. В результате в Омской области движение заручилось поддержкой 1,4 % избирателей. Выборы в округах РОД проиграл [5, с. 95; 1, с. 194, 200–201]. Однако следует отметить, что движение хорошо запомнилось жителям региона.

КРО получил в Омской области 2,1 % голосов избирателей. Омская организация конгресса потеряла накануне выборов поддержку лидеров движения «Ватан», решивших выдвигаться от «НУР» (СВЕТ), не удалось активистам КРО развернуть агитацию в сельской местности [9, с. 42; 23, с. 195]. Не удалось Конгрессу развернуть работу и в г. Омске. Достаточно отметить, что издание Федерации омских профсоюзов (ФОП), чьи лидеры поддержали КРО, газета «Позиция» и та публиковала материалы съезда РОД [28].

Эти итоги позволили отнести Омскую область к «красному поясу».

По стране в целом и РОС с организованным блоком «Власть — народу!», и РОД выборы проиграли, набрав соответственно 1,5 % и 0,4 % голосов избирателей. КРО получил 4,1 %, что стало его поражением и неудачей политиков, связанных с НТС в попытке стать частью парламентской системы [1, с. 198].

Как указывалось выше, организации РОС, так и блока «Власть — народу!» в субъектах РФ, помимо Омска были в лучшем случае представлены опорными группами [9, с. 58; 4, с. 123]. РОД декларировал наличие организационных структур в 65 субъектах Федерации. Однако изданная в г. Волгограде газета движения «Деловой круг» представила избирателю список только 24 областных Координационных совета. Из них в Калининграде, Саратове, Ярославле, Новокузнецке движение не имело даже почтового адреса, а часть руководителей являлась омскими или московскими функционерами [9, с. 56; 29, с. 4].

Естественно, победить на выборах подобные организации не могли.

При этом необходимо отметить, что ни одно из заявлявших себя в качестве национально-патриотических движений и не должно было победить. И РОС, и РОД, и «Национально-республиканская партия России», «За Родину!», «Блок Станислава Говорухина» и другие, имевшие близкие программы, спешно зарегистрировавшие статус избирательных объединений при отсутствии структур на местах, выполняли задачу растаскивания электората, сорентированного на заявивших себя национал-патриотами политиков из КРО. С этой задачей

они справились, получив каждое от 1,5 до 0,15 % голосов национально ориентированного электората.

«Третья сила». После выборов депутатов ГД руководство РОД, несмотря на результаты избирательной кампании, источало оптимизм. На II конференции Омского областного отделения РОД, проходящей 17 февраля 1996 г., были озвучены задачи: налаживание оргработы по «клубному принципу», создание печати и телерадиокомпании с вещанием на страны ближнего зарубежья [30].

С весны 1996 г. РОД начал работу по противодействию деятельности нетрадиционных конфессий и сект на территории г. Омска [9, с. 56]. Данная деятельность давала движению возможность:

- критики мэра г. Омска, на территории которого действовали секты. При этом с ним связывался весь негатив реформ как с либералом-западником;
- выступить с патриотических позиций, и в этом амплу закрепить в информационном поле.

На I Всероссийской конференции РОД, прошедшей в Москве 16 марта 1996 г., был озвучен доклад «Позиция Российского общенародного движения на предстоящих выборах Президента Российской Федерации». Документ призвал «голосовать против всех ныне существующих кандидатур на пост Президента страны». Так же в документах движения речь шла и о наличии коалиции «Третья сила», вбирающей кандидатов А. И. Лебеда, С. С. Говорухина, С. Ю. Глазьева... Тех, кто может стать альтернативой фаворитам предвыборной гонки Б. Н. Ельцину и Г. А. Зюганову [21, с. 5, 18–19]. Однако уже 20 мая 1996 г. Координационный совет РОД сделал заявление «Третья сила — за Ельцина», в котором призвал «голосовать на выборах 16 июня за нынешнего главу государства» [31, с. 3].

За сутки до этого, уже 19 мая, в ходе визита в г. Омск Б. Н. Ельцина именно РОД, а также сотрудники фирмы «Фатекс» с семьями, встречали Президента у областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, а позднее были переведены к зданию ЗСОО, где встреча Б. Н. Ельцина с жителями города была повторена.

В первом туре избирательной кампании в поддержку Б. Н. Ельцина негласно работало 174 представителя РОД, его агитбригада отработала в семи сельских районах области. В агитацию перед вторым туром РОД выставил 184 агитатора, а агитбригада работала в 11 сельских районах области [1, с. 210; 32, с. 1–2].

Результаты выборов по Омской области для организаторов кампании оказались неудовлетворительными. В первом туре А. И. Лебедь, представляющий «третью силу», не сумел опередить Г. А. Явлинского. Во втором туре Б. Н. Ельцин, поддержанный А. И. Лебедем, проиграл лидеру КПРФ Г. А. Зюганову [4, с. 157, 161]. Однако главным в данном случае является не результат выборов, а место РОД, очередной раз «встроенного» в избирательную кампанию в интересах действующей власти.

Заключение. В заключение необходимо отметить, что РОД продолжило свою деятельность и в последующий период. Однако в избирательных кампаниях как российского, так и регионального уровня под собственным брендом оно не участвовало.

Его появление на политической арене стало, с одной стороны, следствием стремления разрозненных русских/российских национальных органи-

заций повлиять на выбор социально-политического развития страны и решить проблемы отдельных социальных групп, а иногда и персон; с другой — составной частью концепции влияния на избирательные процессы, активно применяемой политической и экономической элитой в целях удержания власти.

Опыт использования РОД и иных организаций в избирательных кампаниях 1995, 1996 гг. оказался, в целом по стране, успешным.

Для переживающего период поиска путей развития русского/российского национального движения указанный опыт стал основой для дальнейших взаимоотношений с властью; для представителей власти, завершающей передел собственности, — возможностью смены политического имиджа.

В последующий период ряд программных положений РОД, как, впрочем, и РОС, КРО и других организаций, будет адаптирован к программным установкам национальных консервативных сил, под лозунгами которых выступает политическая и экономическая элита современной России.

Библиографический список

1. Новикова И. В., Новиков В. С., Новиков С. В. Влияние печатных СМИ на результаты избирательных кампаний федерального уровня. Омское Прииртышье (1992–2003 гг.): моногр. / под ред. С. В. Новикова. Омск: ООО ИПЦ Сфера, 2007. 306 с. ISBN 978-5-9658-0044-5.
2. Бекбаева А. Г. Деятельность Российского общенародного движения, Российского общенародного союза, Русского национального единства на территории Омской области (1992–2000 гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 2 (76). С. 28–32. EDN: MVLGNB.
3. Новиков М. С. Деятельность русских национальных организаций в Западной Сибири в 1985–1996 гг.: историографический обзор // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 223–228. EDN: ULYZYZ.
4. Новиков М. С. Русские националисты и державники в Западной Сибири на рубеже эпох: лидеры, организации, пресса: моногр. / под ред. С. В. Новикова. Омск: ИП Макшеевой Е. А., 2020. 280 с. ISBN 978-5-6044324-5-7.
5. Новиков С. В., Мордвинцева С. А. Общественно-политические организации Омского Прииртышья 1988–1995 гг.: документы и материалы / под ред. С. В. Новикова. Омск: Литограф, 1999. 112 с. EDN: TGVBCP.
6. Образцова И. «Как черт из табакерки». Именно так — внезапно и для многих неожиданно — возник в деловом и политическом мире Омска Александр Баженов // Ореол-экспресс. 1995. 26 октября–1 ноября.
7. Любо ли казаку служить Отечеству? Казачье движение. Справки на организации. Часть 2. URL: <http://www.panorama.ru/works/patr/kdoc/kaz5.html> (дата обращения: 04.01.2024).
8. Союз казачьих войск России и зарубежья (СКВРиЗ). Казачье движение. Справки на организации. Часть 2. URL: <http://www.panorama.ru/works/patr/kdoc/kaz5.html> (дата обращения: 04.01.2024).
9. Новиков С. В. Общественно-политические силы на территории Омского региона накануне и в период выборов 1999 года. Москва: ЛогосВОС, 1999. 63 с.
10. Баженов Александр Васильевич. URL: <https://global55.ru/person/id/893> (дата обращения: 04.01.2024).
11. Мошняков Валерий Владимирович // Центр военно-политических исследований. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/7116> (дата обращения: 04.01.2024).
12. Платонов Владимир Константинович // Биография. Ру. URL: <https://www.biografija.ru/biography/platonov-vladimir-konstantinovich.htm> (дата обращения: 04.01.2024).

13. Костин Георгий Васильевич // Биография.Ру. URL: <https://www.biografija.ru/biography/kostin-georgij-vasilevich.htm> (дата обращения: 04.01.2024).
14. Коммерческие вести. 1995. 29 ноября.
15. Программа РОДа — Воля народа // Вера и мужество. 1995. № 5. С. 4—14.
16. Костин Г. В. Плано-управляемая двухуровневая экономика как альтернатива политическому авантюризму. Москва: Русь, 1994. 102 с. ISBN 5-87456-023-8.
17. Карпущенко И. «За распятием — следует возрождение». Беседа с сопредседателем Координационного совета РОД В. Мошняковым // Новое обозрение. 1995. 22 ноября.
18. Der Werdegang. 1996. 1 января.
19. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П — 9618. Оп 1. Д. 217.
20. Новиков М. С. Деятельность органов власти и общественно-политических организаций по вопросам создания территориальной автономии Сибирских татар (1989—1997 гг.) // Омский научный вестник. Серия: «Общество, История, Современность». 2023. Т. 8, № 4. С. 35—45. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-36-45. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-36-45. EDN: BCMTRK.
21. Материалы I Всероссийской конференции Российского общенародного движения. Москва, 29—30 июня 1995 г. Москва: б/и, 1996. 24 с.
22. ИАОО Ф. П—9618. Оп 1. Д. 49.
23. Фоменков А. А. К вопросу об особенностях трансформации современного русского национализма // Власть. 2011. № 3. С. 69—73. EDN: NRBUGH.
24. Новиков С. В. Политический строй, государственное устройство и экономическая система суверенной России в программных документах Российского Христианско-Демократического движения (1990—1995) // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5, № 1. С. 115—124. EDN: RNBZQA.
25. ИАОО. Ф. П—9618. Оп 1. Д. 67.
26. Машкарин М. И. Десятилетие «защиты народа» или предательство его интересов? Из истории Омской областной организации КПРФ (1993—2003 гг.). Омск: ЛЕО, 2003. 175 с.
27. Гусельников Р. В. Легитимизация выборов глав административных западносибирских регионов в постсоветской России (1991—2000 гг.) // Национальные приоритеты России. 2015. № 4 (18). С. 18—31.
28. Позиция. 1995. 9—15 сентября.
29. Деловой круг. 1995. № 3.
30. Коммерсант — DAILY — Сибирь. 1996. 27 февраля.
31. Третья сила — за Ельцина // Вера и мужество. 1996. № 6.
32. ИАОО. Ф. П—9618. Оп 1. Д. 219.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, г. Омск.
SPIN-код: 7226-1354
AuthorID (РИНЦ): 650930
Адрес для переписки: zatoncherlak62@inbox.ru

Для цитирования

Новиков С. В. Российское общенародное движение: программные положения и место в политическом спектре России (1994—1996 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 5—13. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-5-13.

Статья поступила в редакцию 24.01.2024 г.
© С. В. Новиков

THE RUSSIAN PUBLIC MOVEMENT: PROGRAM POSITIONS AND PLACE IN THE POLITICAL SPECTRUM OF RUSSIA (1994–1996)

The article is devoted to the activities of the Russian Public Movement, the analysis of the provisions of its Program and the identification of a place in the political spectrum of both the West Siberian region and the Russian Federation as a whole. The analysis of the transformation program is carried out with full consideration of the political activities of the Russian Public Movement and related organizations, as well as their structural units in the election campaigns of the mid-1990s.

Referring to various sources of information, such as archive collections, the public press, reference publications, scientific articles and analytical materials, the author of the work aims to analyze the programmatic provisions of the Russian Public Movement, restoring a complex picture of its participation in the political events of the second half of the 1990s, to identify its place in the changing picture of the political forces of the Russian Federation.

The analysis allows us to conclude that the Russian Public Movement was the result of the dispersion of the electorate of the Congress of Russian Communities, between many insignificant parties and movements that were artificially brought to participate in the elections. The further activity of the movement was associated with the presidential elections of the Russian Federation in 1996. The political fate of the movement reflected the evolution of the views of the ruling elite on the formation of their political image against the background of the rejection of the liberal doctrine by the population.

Keywords: national organizations, concepts of economic development, state-legal theories, «red belt», election campaigns, Russian Public Movement, Omsk region.

References

1. Novikova I. V., Novikov V. S., Novikov S. V. Vliyaniye pchatnykh SMI na rezul'taty izbiratel'nykh kampaniy federal'nogo urovnya. Omskoye Priirtysh'ye (1992–2003 gg.) [The influence of print media on the results of federal election campaigns. Omsk Irtysh region (1992–2003)] // ed. by S. V. Novikov. Omsk, 2007. 306 p. ISBN 978-5-9658-0044-5. (In Russ.).
2. Bekbayeva A. G. Deyatel'nost' Rossiyskogo obshchenarodnogo dvizheniya, Rossiyskogo obshchenarodnogo soyuza, Russkogo natsional'nogo edinstva na territorii Omskoy oblasti (1992–2000 gg.) [The activities of Russian Public Movement, Russian National Unity, Russian Public Union on the territory of Omsk region in 1992–2000] // Omskiy nauchnyy vestnik. *Omsk Scientific Bulletin*. 2009. No. 2 (76). P. 28–32. EDN: MVLGNB. (In Russ.).
3. Novikov M. S. Deyatel'nost' russkikh natsional'nykh organizatsiy v Zapadnoy Sibiri v 1985–1996 gg. [Some results of the activities of russian national organizations in Russia and Western Siberia (1985–1996s)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015. No. 9 (162). P. 223–228. EDN: ULYZYZ. (In Russ.).
4. Novikov M. S. Russkiye natsionalisty i derzhavniki v Zapadnoy Sibiri na rubezhe epokh: lidery, organizatsii, pressa: monografiya [Russian nationalists and Superpowers in Western Siberia at the turn of the epochs: leaders, organizations, press: monograph] // ed. by S. V. Novikov. Omsk, 2020. 280 p. ISBN 978-5-6044324-5-7. (In Russ.).
5. Novikov S. V., Mordvintseva S. A. Obshchestvenno-politicheskiye organizatsii Omskogo Priirtysh'ya 1988–1995 gg. [Socio-political organizations of the Omsk Irtysh region 1988–1995]. Omsk, 1999. 112 p. EDN: TGVBPC. (In Russ.).
6. Obraztsova I. «Kak chert iz tabakerki». Imenno tak — vnezapno i dlya mnogikh neozhidanno — voznik v delovom i politicheskom mire Omska Aleksandr Bazhenov [«Like the devil out of a snuffbox». This is exactly how Alexander Bazhenov suddenly and unexpectedly appeared in the business and political world of Omsk] // Oreol-ekspres. *Oreol-Ekspres*. 1995. 26 October–1 November. (In Russ.).
7. Lyubo li kazaku sluzhit' otechestvu? Kazach'ye dvizheniye. Spravki na organizatsii. Chast' 2 [Does a Cossack like to serve the fatherland? The Cossack movement. Information about the organization. Part 2]. URL: <http://www.panorama.ru/works/patr/kdoc/kaz5.html> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
8. Soyuz kazach'ikh voysk Rossii i zarubezh'ya (SKVRiZ). Kazach'ye dvizheniye. Spravki na organizatsii. Chast' 2 [Union of Cossack Troops of Russia and Abroad (UCTRA). The Cossack movement. Information about the organization. Part 2]. URL: <http://www.panorama.ru/works/patr/kdoc/kaz5.html> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
9. Novikov S. V. Obshchestvenno-politicheskiye sily na territorii Omskogo regiona nakanune i v period vyborov 1999 goda [Socio-political forces on the territory of the Omsk region

- on the eve and during the 1999 elections]. Moscow, 1999. 63 p. (In Russ.).
10. Bazhenov Aleksandr Vasil'yevich [Bazhenov Alexander Vasilyevich]. URL: <https://global55.ru/person/id/893> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
11. Moshnyakov Valeriy Vladimirovich [Moshnyakov Valery Vladimirovich] // Tsentr voyenno-politicheskikh issledovaniy. *The Center for Military and Political Studies*. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/7116> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
12. Platonov Vladimir Konstantinovich [Platonov Vladimir Konstantinovich] // Biografiya.Ru. *Biography.Ru*. URL: <https://www.biografiya.ru/biography/platonov-vladimir-konstantinovich.htm> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
13. Kostin Georgiy Vasil'yevich [Kostin Georgy Vasilyevich] // Biografiya.Ru. *Biography.Ru*. URL: <https://www.biografiya.ru/biography/kostin-georgiy-vasilievich.htm> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
14. Kommercheskiye vesti. *Commercial News*. 1995. November 29. (In Russ.).
15. Programma RODa — Volya naroda [The program of the RNM — the Will of the People] // Vera i muzhestvo. *Faith and Courage*. 1995. No. 5. P. 4–14. (In Russ.).
16. Kostin G. Planovo-upravlyayemaya dvukhurovnevaya ekonomika kak al'ternativa politicheskomu avanturyizmu [Planned — managed two-tier economy as an alternative to political adventurism]. Moscow, 1994. 102 p. ISBN 5-87456-023-8. (In Russ.).
17. Karpushchenko I. «Za raspyatiyem — sleduyet vozrozhdeniye» Beseda s sopedredatelem Koordinatsionnogo soveta ROD V. Moshnyakovym [«The crucifixion is followed by rebirth» Conversation with the Co-chairman of the Coordinating Council RNM V. Moshnyakov] // Novoye obozreniye. *New Review*. 1995. November 22. (In Russ.).
18. Der Werdegang. *The Career*. 1996. January 1. (In Russ.).
19. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk Region (HAOR)]. File: P — 9618/1/217. (In Russ.).
20. Novikov M. S. Deyatel'nost' organov vlasti i obshchestvenno-politicheskikh organizatsiy po voprosam sozdaniya territorial'noy avtonomii Sibirskikh tatar (1989–1997 gg.) [Activities of government bodies and socio-political organizations on the creation of territorial autonomy of the Siberian Tatars (1989–1997)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 35–45. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-36-45. EDN: BCMTRK. (In Russ.).
21. Materialy I Vserossiyskoy konferentsii Rossiyskogo obshchenarodnogo dvizheniya [Materials of the First All-Russian Conference of the Russian National Movement]. Moscow, 1996. 24 p. (In Russ.).
22. IAOO [HAOR]. File: P — 9618/1/49. (In Russ.).
23. Fomenkov A. A. K voprosu ob osobennostyakh transformatsii sovremennoy russkogo natsionalizma [On the question of the peculiarities of the transformation of modern Russian nationalism] // Vlast'. *Power*. 2011. No. 3. P. 69–73. EDN: NRBUGH. (In Russ.).
24. Novikov S. V. Politicheskiy stroy, gosudarstvennoye ustroystvo i ekonomicheskaya sistema suverennoy Rossii v programmnykh dokumentakh Rossiyskogo Khristiansko-Demokraticeskogo dvizheniya. (1990–1995) [Political order, government and economic system of sovereign Russia in the program documents of the Russian Christian-Democratic movement (1990–1995)] // Istoricheskiy byulleten'. *Historical Bulletin*. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 115–124. EDN: RNBZQA. (In Russ.).
25. IAOO [HAOR]. File: P — 9618/1/67. (In Russ.).
26. Mashkarin M. I. Desyatiletie «zashchity naroda» ili predatel'stvo ego interesov? Iz istorii Omskoy oblastnoy organizatsii KPRF (1993–2003 gg.) [A decade of «protecting the people» or betraying their interests? From the history of the Omsk regional organization of the CPRF (1993–2003)]. Omsk, 2003. 203 p. (In Russ.).
27. Gusel'nikov R. V. Legitimizatsiya vyborov glav administratsiy Zapadnosibirskikh regionov v postsovetskoy Rossii (1991–2000 gg.) [Tlegitimization of elections of heads of administrations in the west siberian regions in postsoviet Russia (1991–2000)] // Natsional'nyye priority Rossii. *Russia's National Priorities*. 2015. No. 4 (18). P. 18–31. (In Russ.).
28. Pozitsiya. *Position*. 1995. September 9–15. (In Russ.).
29. Delovoy krug. *Business Circle*. 1995. No. 3. (In Russ.).
30. Kommersant — DAILY — Sibir'. *Businessman — DAILY — Siberia*. 1996. February 27. (In Russ.).
31. Tret'ya sila — za El'tsina [The third force is for Yeltsin] // Vera i muzhestvo. *Faith and Courage*. 1996. No. 6. (In Russ.).
32. IAOO [HAOR]. File: P — 9618/1/219. (In Russ.).

NOVIKOV Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Philosophy, History, Economic Theory and Law Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk.
 SPIN-code: 7226-1354
 AuthorID (RSCI): 650930
 Correspondence address: zatoncherlak62@inbox.ru

For citations

Novikov S. V. The Russian Public Movement: program positions and place in the political spectrum of Russia (1994–1996) // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 5–13. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-5-13.

Received January 24, 2024.

© S. V. Novikov

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОНИКОЛАЕВСКА / НОВОСИБИРСКА КАК СТОЛИЦЫ СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Представлен анализ факторов социально-экономического роста и преобразования Новониколаевска (Новосибирска) в административный центр Сибири в начале XX столетия. Дается описание состояния города, положения городского населения и разрушительных последствий гражданской войны. Отмечены противоречия и споры в управленческой среде по вопросу выбора Новониколаевска в качестве административного центра. Особое внимание уделено процедуре перемещения органов власти и управления из Омска в Новониколаевск. Показаны способы решения коммунальных и жилищных проблем в условиях кризиса, использование чрезвычайных мер в ходе образования новой столицы Сибири. Содержится вывод о вполне закономерном и обоснованном характере придания городу особого административного статуса в послевоенных условиях Советской России.

Ключевые слова: Сибирь, Сибревком, административный центр, Новониколаевск/Новосибирск, переезд, жилищный кризис.

Об истории города Новониколаевска (Новосибирска) издано множество публикаций различного жанра. Часть из них посвящена периоду образования и начального роста города, но большинство изданий описывает советскую эпоху, в течение которой город совершил стремительный скачок в своем развитии, превратившись из небольшого железнодорожного узла в столицу огромного края [1–9].

В публикуемой статье представлена попытка в деталях рассмотреть процесс становления Новониколаевска в ранний советский период, проследить путь преобразования города в административный центр Сибири в необычных условиях — в обстановке острейшей гражданской войны и преодоления ее чудовищных последствий. Эти условия стали главной особенностью начала советской истории города. Для жителей и многочисленных переселенцев, заселявших город в 1920-е годы, они были источником невероятных трудностей, фактором постоянной борьбы за выживание под влиянием голода, эпидемий и своеобразных социальных большевистских экспериментов.

Необычная история Новониколаевска началась со строительством железнодорожного моста через Обь в 1890-е годы. Этот период описывается в публикациях как история небольшого быстро растущего рабочего поселка, где вслед за пролетами моста и участками Сибирской магистрали возникали земляные и деревянные жилища, а затем и остальные сопутствующие постройки — склады, механические мастерские, кирпичные заводы, торговые здания, каменные жилые дома, школы...

После того как строительство моста и пути завершилось, население поселка стало быстро увеличиваться, выросли торговые обороты, появились предприятия по переработке местного сырья. Вслед за ними пришли и кредитно-финансовые органи-

зации — отделения крупных банков и страховых компаний. Новый вид транспортной связи в сочетании с водными путями на юг и на север оказался главным фактором дальнейшего прогресса: поселок приобрел такие торгово-экономические и финансовые преимущества, которые через несколько лет позволили ему обогнать в темпах развития старые сибирские города и занять особое политическое и административное положение в регионе.

Процесс обретения Новониколаевском статуса города общесибирского значения начался в дореволюционную эпоху под влиянием ускоренного роста транспортного узла, но достиг своего финала с приходом советской власти. Процесс протекал с необычайной быстротой и прошел ряд предварительных этапов, итогом которых стало оформление города как административного центра Сибири в 1921 году.

Уже с периода Первой мировой войны Новониколаевск формировался практически в чрезвычайной обстановке. Его социально-экономический рост происходил за счет сырьевых и продовольственных поставок на рынок, размещения резервных армейских частей и транзита различных грузов по водным и железнодорожным путям. Но особую роль в его развитии сыграли события революции и гражданской войны. Небольшой провинциальный городок оказался в круговороте масштабных перемен: через него хлынул огромный людской поток, включавший тысячи беженцев и военнопленных, конных и пеших военных контингентов с тыловым обеспечением и многочисленными кадрами новых советских служащих.

Как только в декабре 1919 года от города была отброшена армия Колчака, в Новониколаевске был создан ревком, руководителем которого был назначен В. Ф. Дружицкий. Органы местного самоуправления упразднены, полномочия городской Думы

и Управы перешли к Коммунальному отделу ревкома в составе трех человек, выдвинутых парткомом¹ [10, л. 34].

По условиям времени ревком вынужден был принимать безотлагательные решения. В течение нескольких дней был сформирован его руководящий состав и уже с первых чисел января он стал действовать как губернский центр управления под названием Новониколаевский (Томский) губревком. Такое двойное обозначение появилось в результате того, что в этот исторический момент Новониколаевск вновь оказался в более выгодном стратегическом положении по сравнению с прежними административными центрами ввиду необходимости оперативного руководства боевыми действиями Красной армии вдоль линии Транссиба и дальнейшего завоевания территории Востока. Именно здесь, а не в Томске, сходились не только основные коммуникации регионов Сибири, но и нити управления территориями и войсками. Таким образом, небольшой «безуездный» городок с 93-мя тысячами жителей внезапно приобрел новый статус.

С 9 января 1920 года по решению Сибревкома в должность председателя губревкома в Новониколаевске вступил Марк Левитин — бывший меньшевик, ставший большевиком и председателем Сибирской областной ЧК. Одновременно с этим было принято и другое важное решение: перенести в Новониколаевск аппарат управления во главе с Сибревкомом, который до сих пор базировался в Омске. Об этом сообщил, в частности, член сибирского руководства В. М. Косарев. На заседании Новониколаевского ревкома 29 декабря 1919 года он проинформировал собравшихся о том, что Сибревком постановил «переместить центр из г. Омска в г. Новониколаевск по различным экономическим и социальным условиям», выразив, таким образом, решимость новой власти перестроить прежнюю административную систему в Сибири [11, л. 114–115].

Но до полного исполнения замысла дело не дошло: Новониколаевск в этот период не стал ни губернским, ни общесибирским центром. Для столь важного изменения не оказалось необходимых условий. Против назначения Новониколаевска на новую роль настойчиво выступили томские руководители, справедливо усмотревшие в таком решении значительное понижение статуса своего города. Серьезные возражения были и у профсоюзных организаторов.

В одной из сводок на эту тему они отмечали: «...Обстановка, превращающая Томск в уездный город, сразу не могла, конечно, понравиться последнему. Да и была, в сущности, правильной. После нескольких месяцев борьбы, колебаний, губительно отозвавшихся как на работе Томска, так и Новониколаевска, центр снова переносится в Томск, куда перебрасываются и учреждения вместе со своими служащими и архивами.

Это было сделано несмотря на постановления губконференции профсоюзов (участвовали союзы всей губернии, за исключением Томска), признавшей желательность оставления центра в Новониколаевске» [12, л. 24 об.].

Оба решения Сибревкома — о переезде в Новониколаевск и предании городу статуса губернского центра — в середине марта 1920 года были приостановлены. В апреле-мае губернские учреждения переместились в Томск, название губернии стало прежним — Томская.

Исполнению первоначального замысла Сибревкома в самом деле не позволяла критическая обстановка. Испытывая огромный дефицит жилых и служебных помещений, город в этот момент оказался также в эпицентре стихийных бедствий из-за массовой эпидемии, растущего голода, антисанитарии и топливного кризиса. На первый план вышла задача ликвидации катастрофических последствий гражданской войны.

Наводненный тысячами военнопленных и беженцев, частями Красной армии и разного рода ходоками-переселенцами, Новониколаевск представлял собой необычную разноязыкую человеческую массу, ищущую прибежище и спасение от холода, заразных болезней и голодной смерти. Люди умирали сотнями в день...

В январе 1920 года в приказе Левитина, назначенного руководить губревкомом, говорилось: «В общей разрухе... особенно ярко выделяется очень тяжелый топливный кризис. ... Города остались почти без дров. Отопление госпиталей, больниц, казарм и приютов почти прекратилось. Раненые и больные умирают от холода. Гибнут, заболевая от холода, рабочие и дети. Замерзают мобилизованные Колчаком «белые» солдаты. Работа во всех советских учреждениях, фабриках, заводах и железных дорогах приостанавливается ввиду распространения эпидемии тифа, который косит обильную жатву. Революционный город в опасности...» [13, л. 5].

В другом сообщении весной 1920 года руководители Новониколаевска телеграфировали в Москву: «Город [в] ужасном санитарном состоянии: около двадцати тысяч тифозных трупов. Рытье братских могил заканчивается. Все трупы свезены [к] могилам. Перевозка тифозных больных и трупов возложена [на] особый добровольческий санитарный отряд. Сильный недостаток рабочей силы, важность и спешность работ привели [к] решению произвести мобилизацию мужского населения города от 18 до 30 лет и беженцев» [14, л. 2].

В течение нескольких месяцев город жил в обстановке чрезвычайного положения, ведя отчаянную борьбу с распространением эпидемии тифа и других болезней, мобилизуя жителей на заготовку дров, собирая и хороня тела умерших. «Все дома были заняты «Чекатифом», а в городе диктаторствовал «Чекатруп», построивший два крематория и рывший версты глубоких траншей для погребения трупов»² [16, л. 150]. Для отопления служебных помещений и жилья люди жгли заборы, деревянные тротуары и внутренние переборки зданий.

Драматизм переживаемых событий отражался в каждом официальном отчете этого периода. В докладах Новониколаевского ревкома в марте 1920 года, в частности, отмечалось: «... После ухода войск Колчака масса военнопленных, зараженных тифом, заразила город; из города тиф перекинулся в села и деревни. В январе заболеваемость достигала 60 %, в начале февраля поднялась до 68 %. (...) Все, что можно было, все средства и силы борьбы были собраны воедино и открыто 16 госпиталей, по преимуществу военных, но их, конечно, не хватало... Госпитали были переполнены сверх всякой меры — больные лежали на полу в коридорах, на лестницах так густо, что в госпиталь зачастую нельзя было попасть. Никакой помощи гражданскому населению не оказывалось, приходилось только подбирать и спасать от холода заболевших. Губздрав только что образовался и тоже никакой помощи

гражданскому населению оказать не мог. Взятые были все здания, какие только возможно, вплоть до кинематографов... Военнопленные, свободно расхаживающие по городу, заходя в частные дома, разносили заразу. Запертые в Военном городке люди были в ужасном положении. Не было дров, не было продовольствия. (...) Немногим лучше было положение и в городе. Не хватало врачей, не было продовольствия, дров, белья. Больные лежали в своей одежде, и вшивость в госпиталях достигала колоссальных размеров. (...) В городе переболели буквально все. Из 30-тысячного населения Военного городка не болело только 370 человек. В настоящее время население городка сократилось до 10 тысяч. Часть отправлена на работы, часть разбрелась, а часть умерла... ЧКтиф, видя свою беспомощность, обратился к гражданскому населению с призывом проявить самодеятельность. По инициативе населения стали возникать пункты — изоляторы с малой вместимостью, и эти пункты Губздравом постепенно превращены в госпитали, сейчас их 10. Военных госпиталей в городе около 30» [17, л. 54—54 об.].

Вполне очевидно, что при таких условиях переезд в Новониколаевск учреждений с тысячами служащих был совершенно не готов. Но Сибревком настоял на своем. По его указанию вскоре возобновилась разработка плана по смене резиденции сибирского центра.

В октябре 1920-го при отделе управления Сибревкома была образована межведомственная комиссия по выделению новых административных единиц Сибири. На заседании 18 октября комиссия «принципиально высказалась за образование Новониколаевской губернии» и дала указание «запросить заинтересованные в этом губернии Томскую и Алтайскую с предположением представить материалы с мотивированным заключением по данному вопросу» [18, л. 12].

С мест начали поступать различные проекты и сметы, на основании которых определялись границы новых уездов, численность в них волостей и общая экономическая оценка районирования. К весне 1921 года работа по сбору сведений была в основном завершена.

Однако проблема выделения новой губернии являлась лишь самой простой частью намечаемой реформы. Намного сложнее было решение главной задачи — создание новой столицы Сибири и размещение ее служебного аппарата в небольшом городке. Никто из советских организаторов не обладал опытом подобного переустройства и, как показала практика, не в состоянии был оценить масштаб предстоящих трудностей, но в особенности последствий этого не могли представить себе сами жители Новониколаевска.

В марте 1921 года делегация сибирских коммунистов-руководителей выехала в Москву на X съезд РКП(б). Пока шли заседания, план переезда сибирских организаций был согласован и одобрен правительстве. 16 марта, когда съезд завершал работу, газета «Советская Сибирь» сообщила, что перевод учреждений в Новониколаевск «окончательно решен в положительном смысле. Организованы под руководством т. Косарева две комиссии, которые ведут подготовительные работы по ремонту помещений и жилищ для сотрудников в Новониколаевске и Томске». Одна комиссия решала вопросы, связанные с передислокацией учреждений, другая занималась учетом и распределением жилья (чрезвычайная жилищная — ЧЖК).

Комиссия по переезду (главная) заседала в Омске. Кроме члена Сибревкома В. М. Косарева в нее входили уполномоченный Наркомата почт и телеграфа РСФСР по Сибири (Сибпочтель) С. М. Гоголев, представитель военного отдела Сибревкома Тюрин и от Сибпродкома Айзин.

На своем первом заседании 23 марта она утвердила программу «по переселению Сибирских учреждений (Сибов) из Омска в Новониколаевск» с описанием способов переезда и мест для размещения советских работников. «Принимая во внимание (...) перегруженность и квартирный кризис, — говорилось в документе, — Комиссия намечает ряд населенных пунктов в окрестностях г. Новониколаевска для выселения туда на постоянное жительство обывателей Новониколаевска, не занятых советской работой, и расквартирования советских служащих, причем находит возможным: первых выселить в пункты на расстоянии от города от 10—15 верст, а последних расквартировать в пункты на расстоянии от города до 10 верст» [19, л. 5]. Здесь же указывался перечень деревень, в которых следовало расквартировать переселяемых: для «обывателей, не занятых советской работой» — Ельцовка, Толмачево, село Бердское, Чемская, Мочище, Кубовая. А для «совслужащих», «в случае, если не найдется помещения для размещения в городе» — деревни Иня, Бугры, Малое и Большое Кривошеково.

Таким образом, принудительное выселение части горожан вместе с беженцами и иностранными подданными, именуемое «разгрузкой города», было одним из ключевых элементов проекта по переезду³ [20, л. 106]. Второй задачей комиссии стал выбор места для госпиталей. Решение состояло в следующем: «Принимая во внимание перегруженность Новониколаевска госпиталями, комиссия признает желательным госпиталь перенести в города Томск и Омск и внести этот вопрос на обсуждение Сибревкома».

Переезд из Омска начался в середине мая 1921-го. По предварительной оценке, в результате этой кампании население Новониколаевска должно было увеличиться сразу более чем на 20 тысяч человек, что неизбежно создавало множество непредвиденных проблем. Чтобы разместить и обеспечить необходимыми средствами такое количество прибывающих, предстояло найти какие-то необычные способы и приемы при самых скудных наличных ресурсах. В реальности, однако, такие средства уже имелись, и их применение открывало советским властям широкие возможности для маневра. Этому служили ликвидация системы имущественных прав в стране и всеобщая национализация жилищ и строений, проведенная в городе в 1920 году⁴ [21, л. 109].

Тем не менее перед комиссией Косарева возникли препятствия естественного свойства: размеры выселения «обывателей» и конфискуемых у них жилищ оказались весьма ограничены. Уже после перевода из Омска $\frac{3}{4}$ учреждений Комиссия констатировала, что для размещения служащих «использованы все средства возможного уплотнения и выселения из города беженцев империалистической войны», а оставшаяся четверть «может быть размещена лишь за счет самого интенсивного выселения из города граждан, нахождение которых по соображениям политическим и квартирно-жилищным нежелательно и на выселение которых уже получено разрешение Сибревкома» [22, л. 110 об.].

Рассчитывая выявить дополнительные резервы жилья, комиссия приняла решение о создании специального «квартирного фонда для размещения сотрудников Сибучреждений и их семейств». Наполнение фонда должно было происходить следующим образом: «а) ежедневно неукоснительно проводить членами ЧЖК поулочное обследование города, во время которого фиксировать нетрудовой элемент, брать на учет мебель и т.п.; б) проводить обследование посредством комендантов и их сотрудников под руководством инспекторов. (...) г) для устранения излишней волокиты в работе Комиссии по разгрузке города, а также для извлечения из недр советских учреждений и предприятий на предмет выселения из города лиц, ранее эксплуатировавших чужой труд или выбиравших промысловые свидетельства... создать особую Тройку, в которую назначить т.т. Дрейер, Солодовникова и Лосева» [22, л. 110 об.; 23].

Задачи поголового учета «нетрудового элемента», «поулочного обследования» и «извлечения из недр» без «излишней волокиты» отчетливо свидетельствовали о том, что жителям Новониколаевска уже невозможно было уклониться от «уплотнения» и «разгрузки». Именно по этой схеме и происходила реализация плана размещения «Сибов».

Положение многих горожан превратилось в бесконечный ужас. Их интересы и гражданские права были первыми принесены в жертву жилищного кризиса. Об отношении советских властей к судьбе рядовых обывателей (на большевистском языке — «нетрудовых элементов») в этот период можно судить по рассказу работника Сибревкома Якова Торика, описывающего участие в расселении как об одном из важных эпизодов своей карьеры. «С июня 1921 г. по март 1922 г., — пишет этот сотрудник, — я работал членом и заместителем председателя Чрезвычайной жилищной комиссии при Сибревкоме, которая в г. Новониколаевске практически выгнала из домов всю буржуазно-спекулятивную сволочь и разместила в этих домах тогда Сибирские краевые учреждения и их сотрудников, перебравшихся из г. Омска. В процессе этой работы каждодневно приходило по несколько сот жалобщиков, обиженных Соввластью, из которых часть приходилось выгонять как чуждых людей, а часть арестовывать за сопротивление при выселении из домов...» [24, л. 6].

Но и ресурсы тех, о которых докладывал Торик, были быстро исчерпаны. Списки для принудительного выселения стали расширяться за счет других категорий жителей. В одной из телеграмм председатель ЧЖК давал следующее разъяснение: «Выселению подлежат дезертиры труда, спекулянты, не связанные службой и хозяйством, нетрудоспособные, инвалиды, не имеющие недвижимости и ближнего родства, связанного со службой государства» [22, л. 35].

Чрезвычайная жилищная комиссия, наделенная исключительными правами, исполняла в эти месяцы особую роль как высшая инстанция. От районных комендантов и инспекторов здесь собирались все сведения о квартирах, помещениях для учреждений и выдавались распоряжения о вселении. Без санкции ЧЖК мандаты на любое занятие помещения считались незаконными. Но установить полный контроль за распределением было невозможно. Уже на начальной стадии процесс переселения тысяч служащих и членов их семей из планового мероприятия превратился в стихию. Прибывавшие же-

лезнодорожные эшелоны из Омска с людьми, тоннами багажа, мебелью и архивами очень быстро привели к исчерпанию всяких резервов, и решения ЧЖК не в состоянии были остановить хаос.

Под жилье и служебные помещения занимались все комнаты и углы, представлявшие хоть какой-то интерес. Немногочисленный фонд готовых квартир в домах был передан семьям руководящих работников, все остальное распределялось между рядовыми служащими. Постоянным жильем становились общежития, амбары, дачные домики, бани, складские помещения...

Положение усугублялось еще и тем, что в Новониколаевск из Томска начали прибывать губернские организации и их сотрудники в связи с повторным переносом губернского центра.

Город с огромным трудом адаптировался к новым условиям. «Став областным городом и центром Сибири, — говорил в одном отчете, — он насчитывает до 6500 домов крупных и мелких с 13500 комнатами, которые не могут удовлетворить требований на жилую площадь... Всякое планомерное размещение по ордерам немислимо» [25, л. 6–6 об.].

В этих условиях приобретение жилплощади или офиса превратилось в межведомственную борьбу. Поскольку ходатайства в ЧЖК уже не могли удовлетворяться, развернулось состязание статусов: преимущества получал тот, у кого имелось больше властных полномочий. Самозахваты превратились в норму, а процедура расселения перешла в стадию самотека.

В июне в Новониколаевск прибыл аппарат Сибревкома, заняв здание бывшего реального училища. В Городском торговом корпусе разместились Сибсовнархоз и штат Чрезвычайного уполномоченного по снабжению Красной армии (Чусоснабарм), отделение бывшего Московского народного банка было передано Сибтряду и штабу Трудовой армии. В доме бывшего предпринимателя Второва расположились Сибвнешторг и Комитет Северного Морского пути и т.д. Однако численность служащих значительно превышала всякие нормы по размещению.

Из-за нехватки помещений некоторые здания по требованию ЧЖК по несколько раз передавались от одних ведомств к другим. Но особенно драматично решались вопросы о жилье для служащих. Заявки и ходатайства ведомств в огромной степени превосходили наличные ресурсы, из-за чего часто происходило бесконтрольное распределение жилищ и самозахват. Летом 1921 года ЧЖК принимало такие решения: «Выселяемых, особенно мелких сотрудников, помещать в строения ни в коем случае непригодные под общежитие или учреждение, чтобы не переселять двукратно и троекратно, как это наблюдалось до сих пор, и вообще переселение делать продуманно» [26, л. 129].

Но обуздать стихию было невозможно. Выдаваемые властями ордера часто оспаривались либо вообще не давали владельцу никаких прав, и его квартиру или комнату могли в удобный момент занять другие желающие. Поэтому вскоре в оборот вошли «охранные свидетельства». Их стали требовать от ЧЖК в качестве дополнительной гарантии защиты жилья те, кто уезжал в командировку или в отпуск.

Через два месяца после начала переезда ситуация с размещением зашла в тупик. Сотрудники ЧЖК выбивались из сил, занимаясь «разгрузкой города», бесчисленными «уплотнениями», рас-

смотрением жалоб и ведомственных притязаний. В августе ЧЖК констатировала, что «дальнейшее размещение Сибучреждений в г. Новониколаевске становится невозможным ввиду того, что в город въехало и въезжают внеплановые учреждения, в то время как нет возможности вместить в городе плановые... Выселение из города не может дать требуемого количества помещений», так как контингент выселяемых небольшой, а ходатайства всевозможных учреждений в отношении многих сотрудников тормозят работу, «несмотря на то, что эти лица есть чисто буржуазного сословия и даже контрреволюционного типа».

С учетом этого ЧЖК приняло отчаянно-ультимативное решение: «Срочно доложить в Сибревком и Губисполком: «Ввиду прибытия еще в г. Новониколаевск Сибучреждений, как-то: Сибнаробраз, Сибполитпросвет, Сибвнешторг, [всего перечислено 18 ведомств. — С. П.], — при настоящих условиях разместить не представляется возможным, если Сибревкомом не будет утверждено следующее: выселить Начэвака, перевести Сибнаробраз в Томск, перевести Сибздрав в Томск, Сибтрудоармию оставить в Бердске, все детдома Новониколаевска перевести в Томск. Если Сибревком найдет невозможным удовлетворить выше изложенное, то ЧЖК вынуждено просить о сложении полномочий с членов ЧЖК и передачи дел в Губисполком или назначении других представителей» [22, л. 57].

Это предложение пришлось выполнить: часть ведомств и учреждений вскоре покинуло Новониколаевск, переместившись в Омск или Томск. Осенью 1921-го переезд в основном был завершен.

Однако проблему с размещением смягчить не удалось, и она оставалась одной из самых болезненных в жизни новой столицы в течение еще нескольких десятилетий. В официальном издании середины 1920-х годов отмечалось: «Не имея свободного квартирного фонда, город Новониколаевск, начиная с июня 1921 года, переживает страшный квартирный кризис и тесноту» [2, с. 51]. И хотя общесибирские и губернские ведомства развернули свою работу, повседневная жизнь горожан погрузилась в бытовую неустроенность и постоянную борьбу с житейскими трудностями.

Возвышение Новониколаевска как административного центра Сибири, начавшись еще в досоветскую эпоху, завершилось путем преодоления огромных препятствий. Тем не менее это был вполне закономерный итог, сформированный целым рядом исторических, социально-экономических и военно-политических причин. Самую важную роль в этом сыграли естественно-географические факторы, создавшие очевидные транспортно-логистические и экономические преимущества для роста города. Но с начала 1920-х годов их значение усиливалось влиянием происходивших военно-политических событий. Возникший в России большевистский режим был не в состоянии управлять огромной сибирской территорией из московского центра и должен был создать особое «сибирское правительство» — Сибревком вместе с Сиббюро ЦК РКП(б) в качестве своих представителей. По мере того, как коммунистическая власть на периферии укреплялась и овладевала рычагами управления, значение столичных функций агентов Москвы понижалось, административные рычаги стали сменяться экономическими, кадровые назначения — выборными должностями. Посредники для центра становились излишним звеном. В 1924 году Сиббюро ЦК,

а затем и Сибревком прекратили существование, но Новониколаевск (с 1926 — Новосибирск) продолжал выполнять роль общесибирского центра. Эта роль была снижена в 1930 году в результате разделения Сибирского края на Западно- и Восточно-Сибирский, а в 1937-м «столица» Сибири исчезла окончательно, превратившись в один из областных городов на востоке страны.

Примечания

¹ Подробнее об истории Новониколаевского ревкома см. [6].

² Детальное описание борьбы с эпидемиями в Новониколаевске содержится в документальном сборнике [15].

³ Только беженцев и подданных других стран в городе было зарегистрировано около 4500 семей.

⁴ Декретом горезездного исполкома в 1920 г. было отменено право частной собственности «на все строения, расположенные в черте города Новониколаевска, коих общая стоимость вместе с находящимися под ними землей равняется двадцати и свыше тысячам рублей, ...определенная по оценке 1917 года» [21]

Библиографический список

1. Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства 1893—1945 гг. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1978. 135 с.
2. Весь Новониколаевск. Адресно-справочная книга с краткой историей и планом города на 1924—1925. Новониколаевск: Сиб. отделение Российского телеграфного агентства, 1924. 298 с.
3. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 296 с.
4. Новосибирск. 100 лет. События. Люди: 1893—1993 / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Сиб. изд. фирма, 1993. 472 с. ISBN 5-02-030250-3.
5. История города. Новониколаевск-Новосибирск. Исторические очерки: моногр. / отв. ред. А. Ф. Косенков. Новосибирск: Изд. дом Историческое наследие Сибири, 2005. 864 с. ISBN 5-86272-099-5.
6. Кокорулин В. Г. Новониколаевск в годы гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 — март 1921 г.). Новосибирск, 2010. 324 с.
7. Маранин И., Осеев К. Новосибирск: пять исчезнувших городов. В 2 кн. Кн. II. Город красного солнца. Новосибирск: Свинья и сыновья. 2017, 452 с. ISBN 978-5-98502-175-2.
8. Мой Новосибирск: Книга воспоминаний / Авт. сост. Т. Иванова. Новосибирск, 1999. 363 с. ISBN 5-08-007748-4.
9. Молчанова О. В. Социально-экономическое развитие города Новосибирска // Новосибирская область: история и современность. Материалы научно-практической конференции. В 2 ч. Новосибирск, 2012. Ч. 1. С. 69—75. ISBN 978-5-8119-0499-0.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 29.
11. ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 4. Д. 14.
12. ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАНО. Ф. Р-1349. Оп. 1. Д. 12.
14. ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 4. Д. 32.
15. ЧЕКАТИФ: Томская (Новониколаевская) губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (декабрь 1919 г. — апрель 1920 г.); сб. документов и материалов / Под ред. А. И. Савина, Д. Г. Симонова. Новосибирск, 2020. 199 с.
16. ГАНО. Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 431 «в».
17. ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 4. Д. 22.
18. ГАНО. Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 34 а.
19. ГАНО. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 302.

20. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 635.
21. ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 1.
22. ГАНО. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 303.
23. Советская Сибирь. 1921. 5 июля.
24. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 3792.
25. ГАНО. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 578.
26. ГАНО. Ф. Р-1124. Оп. 1 Д. 306.

ПАПКОВ Сергей Андреевич, доктор исторических наук, профессор (Россия), старший научный сотрудник сектора общественно-политического раз-

вития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск.
SPIN-код: 8000-8688
AuthorID (РИНЦ): 76586
Адрес для переписки: sparkov@ya.ru

Для цитирования

Папков С. А. Становление Новониколаевска/Новосибирска как столицы Сибири в начале 1920-х гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 14–21. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-14-21.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024 г.

© С. А. Папков

TRANSFORMING NOVOSIBIRSK INTO THE CAPITAL OF SIBERIA IN THE EARLY 1920s

The development of Novonikolaevsk (Novosibirsk) and its transformation into a city of all-Siberian importance is connected with the construction of the Trans-Siberian Railway and the growth of the city's economy due to its favorable geographical location.

The decision about Novonikolaevsk as a residence of Siberia's governing bodies was made in a hurry, with the resistance of various interested parties and was finally approved in the spring of 1921 in the conditions of acute crisis caused by the consequences of the civil war. In such an environment the mass transfer from Omsk and the organization of all-Siberian institutions in Novonikolaevsk began, with the simultaneous creation of provincial government bodies in the city as well. As a result, this led to enormous problems with the accommodation of numerous employees with their families and strenuous efforts to overcome the housing crisis. Radical measures were taken to solve the difficulties: emergency commissions were set up to search for and distribute premises, mass evictions outside the city of residents not connected with service in Soviet institutions were carried out. But these measures had only a minor effect — the housing crisis and the shortage of office space persisted for decades.

Keywords: Siberia, Siberian Revolutionary Committee, administrative center, Novonikolaevsk, relocation, housing crisis.

References

1. Balandin S. N. Novosibirsk. Istoriya gradostroitel'stva 1893–1945 gg. [Novosibirsk History of urban planning 1893–1945]. Novosibirsk, 1978. 135 p. (In Russ.).
2. Ves' Novonikolaevsk: Adresno-spravochnaya kniga s kratkoy istoriyey i planom goroda 1924–1925 [All Novonikolaevsk. Address and reference book with brief history and plan of the city for 1924–1925]. Novonikolaevsk, 1925. 298 p. (In Russ.).
3. Goryushkin L. M., Bochanova G. A., Tseplyayev L. N. Novosibirsk v istoricheskom proshlom (konets XIX–nachalo XX v.) [Novosibirsk in the historical past (late XIX–early XX centuries)]. Novosibirsk, 1978. 296 p. (In Russ.).
4. Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi: 1893–1993 [Novosibirsk 100 years. Events. People: 1893–1993] / Ed. by L. M. Goryushkina. Novosibirsk, 1993. 472 p. ISBN 5-02-030250-3. (In Russ.).
5. Istoriya goroda. Novonikolaevsk-Novosibirsk. Istoricheskiye ocherki [History of the city. Novonikolaevsk-Novosibirsk. Historical essays] / Ed. by A. F. Kosenkov. Novosibirsk, 2005. 864 p. ISBN 5-86272-099-5. (In Russ.).
6. Kokoulin V. G. Novonikolaevsk v gody grazhdanskoj vojny i «voyennogo kommunizma» (fevral' 1917–mart 1921 g.) [Novonikolaevsk during the years of the civil war and «war communism» (February 1917–March 1921)]. Novosibirsk, 2010. 324 p. (In Russ.).
7. Maranin I., Oseyev K. Novosibirsk: pyat' ischeznuvshikh gorodov. V II kn. Kn. II. Gorod krasnogo solntsa [Novosibirsk: five disappeared cities. In II Books. Book II. City of the Red Sun]. Novosibirsk, 2017. 452 p. (In Russ.).
8. Moy Novosibirsk: Kniga vospominaniy [My Novosibirsk: A Book of Memories] / Cont. author T. Ivanova. Novosibirsk, 1999. 363 p. (In Russ.).
9. Molchanova O. V. Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye goroda Novosibirsk [Socio-economic development of the city of Novosibirsk] // Novosibirskaya oblast': istoriya i sovremennost'. *Novosibirsk Region: History and Modernity. In 2 Part.* Novosibirsk, 2012. Part 1. P. 69–75. ISBN 978-5-8119-0499-0. (In Russ.).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (SANR)]. File: P-1124/1/29. (In Russ.).
11. GANO [SANR]. File: P-532/4/14. (In Russ.).
12. GANO [SANR]. File: P-1137/1/2. (In Russ.).
13. GANO [SANR]. File: P-1349/1/12. (In Russ.).
14. GANO [SANR]. File: P-532/4/32. (In Russ.).
15. ChEKATIF: Tomskaya (Novonikolaevskaya) gubernskaya chrezvychaynaya komissiya po bor'be s tifom (dekabr' 1919 g. – aprel' 1920 g.): sb. dokumentov i materialov [CHECATIF: Tomsk (Novonikolaevskaya) provincial emergency commission to combat typhus (December 1919–April 1920): collection documents and materials] / Ed. by A. I. Savina, D. G. Simonova. Novosibirsk, 2020. 199 p. (In Russ.).
16. GANO [SANR]. File: P-1133/1/431 «B». (In Russ.).
17. GANO [SANR]. File: P-532/4/22. (In Russ.).
18. GANO [SANR]. File: P-1133/1/34 a. (In Russ.).
19. GANO [SANR]. File: P-1124/1/302. (In Russ.).
20. GANO [SANR]. File: P-1/1/635. (In Russ.).
21. GANO [SANR]. File: P-1137/1/1. (In Russ.).
22. GANO [SANR]. File: P-1124/1/303. (In Russ.).

23. Sovetskaya Sibir'. Sovetskaya Sibir'. 1921. July 5. (In Russ.).

24. GANO [SANR]. File: P -3/17/ 3792. (In Russ.).

25. GANO [SANR]. File: P-1124/1/578. (In Russ.).

26. GANO [SANR]. File: P-1124/1/306. (In Russ.).

PAPKOV Sergey Andreyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher of Socio-Political Development Sector, Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk. SPIN-code: 8000-8688

AuthorID (RSCI): 76586

Correspondence address: spapkov@ya.ru

For citations

Papkov S. A. Transforming Novosibirsk into the capital of Siberia in the early 1920s // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 14–21. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-14-21.

Received April 8, 2024.

© S. A. Papkov

ИКОНА УКРАИНСКИХ НАЦИСТОВ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ «ГЕРОЕВ» ПОД ПОКРОВАМИ БОГОРОДИЦЫ И ИХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЧИТАТЕЛЕЙ

В основу исследования положен источниковедческий анализ (внешняя критика) современной иконы украинских националистов, на которой под Покровами Богородицы в числе других исторических личностей изображены греко-католические митрополиты Андрей Шептицкий и Иосиф Слипый, а также лидеры ОУН-УПА (организации признаны в России экстремистскими и запрещены) Степан Бандера и Роман Шухевич. Дается историческая оценка деятельности и факта присутствия на иконе этих деятелей, сотрудничавших с германскими нацистами. Основной акцент при этом делается на взаимодействии изображенных «героев» с НСДАП, СС, СД и гестапо, признанных Международным военным трибуналом виновными в совершении преступлений против человечности. Помимо самого исследуемого образа, ставшего поводом к написанию данной статьи, источником для исследования служит судебно-следственная документация советских органов государственной безопасности, в ходе и после завершения Великой Отечественной войны допрашивавших плененных сотрудников германских спецслужб, украинских националистов и свидетелей их военных преступлений. Установлено наличие конкретных общих черт в биографиях, запечатленных на иконе нацистских преступников. Автор подчеркивает, что публично прославляющие через икону украинских националистов люди попадают под действие статьи 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, требующей от государств — участников Конвенции преследовать их в уголовном порядке.

Ключевые слова: украинский национализм, Украинская греко-католическая церковь, униаты, Православная Церковь Украины, ОУН-УПА, спецслужбы, Андрей Шептицкий, Иосиф Слипый, Степан Бандера, Роман Шухевич.

Введение. В Специальной военной операции на Украине огромную роль играет идеологическая основа [1]. Один из ее фундаментальных аспектов, который еще в должной мере не учтен российскими исследователями, — несовместимость вероучения Русской Православной Церкви (РПЦ) с одной стороны; с вероучением раскольничьих Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) и Православной Церкви Украины (ПЦУ) — с другой. Исторически учение униатов и их институции стали важнейшими идейными и организационными основами украинского национализма. Они освящали военнополитическую борьбу значительной части населения Галиции (современные территории Западной Украины) против Российской империи, а затем СССР в составе армии Австро-Венгерской империи и Третьего рейха. События мировых войн породили греко-католический пантеон «святых» епископов и политических лидеров ОУН-УПА¹ в союзе с врагами России на основе агрессивной идеологии радикального украинского национализма, пытавшихся построить государство «Украина». Сегодня эти исторические персонажи идеологически кон-

солидируют укронацистов на борьбу против РПЦ и Российской Федерации.

О роли УГКЦ в борьбе против СССР в годы Второй мировой войны и их сотрудничестве с германскими нацистами в отечественной историографии подготовлены обстоятельные и не потерявшие своей актуальности труды. Отличительной чертой советской историографии было описание тесной взаимосвязи греко-католической церкви с ОУН-УПА [2]. В современных исследованиях продолжилась эта линия и, применительно к политике советского государства, утвердился взгляд, что «политика властей в отношении религиозных организаций Западной Украины учитывала наличие внутренних связей этих организаций с национальными идеологиями, а также их контакты с соответствующими политическими течениями, враждебными коммунизму» [3, с. 57]. Вводя в научный оборот новые источники, российские историки развивают критическую линию осуждения УГКЦ за сотрудничество с германскими нацистами. Исследователь В. В. Кондрашин убедительно раскрыл мотивы лидеров униатов, которые тесно сотрудничали с наци-

Рис. 1. Икона Покрова Божией Матери («Икона Покрови Божої Матері») [8]

стами, рассчитывая на покровительство со стороны Гитлера в отношении их деятельности по «расширению» униатской греко-католической церкви не только на всю Украину, но и «на всю Россию!» Причем этот замысел явно был одобрен руководством Римско-католической церкви» [4, с. 52]. В данном смысле этот пассаж соотносится с общей политической линией украинских националистов, распространявших свое влияние далеко за пределы Украины в регионы, населенные украинцами, оказавшимися вдали от родины [5–6].

Из устоявшейся в России обличительной исследовательской парадигмы выделяется чрезвычайно ценная в отношении введенных в научный оборот источников статья А. Вишиванюк и Е. О. Шебалиной. Они попытались объяснить отношения с оккупационными властями и основные направления деятельности УГКЦ с точки зрения интересов этой религиозной организации. Исследователи делают вывод, что «в целом УГКЦ следовала принципам внешней политики Святого Престола. Иерархи старались выстраивать гибкий диалог с властями, преследуя, в первую очередь, интересы своей церкви и паствы» [7]. С этим нельзя согласиться в части интересов паствы, так как получается, что подробно описанное историками сотрудничество УГКЦ с германскими нацистами соответствовало интересам населения Галиции, в большинстве своем являвшегося паствой униатов. Конечно, это не так. Под руководством Ватикана, в годы Второй мировой войны активно сотрудничавшего с Гитлером, лидеры УГКЦ втягивали свою паству вопреки ее интересам в участие в войне на стороне германских нацистов и в их военные преступления, осужденные Международным военным трибуналом.

Знакомясь с материалами интернет-ресурсов о деятельности ПЦУ и УГКЦ, набравших в совре-

Рис. 2. Шествие колонны украинской молодежи с иконой, флагами Украины и ОУН на Софийскую площадь, где у стен святой Софии Киевской был отслужен молебен к Пресвятой Богородице по случаю Праздника Покрова, Дня Украинского Казачества, 66-й годовщины образования УПА и Дня Украинского Оружия. Киев. 14 октября 2008 г. [8]

Рис. 3. Панихида по Степану Бандере в годовщину его гибели с участием ветеранов УПА. Киев. 15 октября 2010 г. [8]

менной Украине силу, мы узнали о почитаемой сегодня укронацистами Иконе Покрова Божией Матери (рис. 1) [8]. Эту икону почитает и активно использует для пропаганды укронацизма авторитетный среди украинских радикалов, скандально известный священник ПЦУ, настоятель Сретенской церкви на Львовской площади города Киева, капеллан Братства ОУН-УПА, а с 1997 г. Верховный Капеллан Украинского Казачества протоиерей Сергей Ткачук. В отношении политической деятельности этого пастыря показательным, что он устраивал торжественную поминальную службу по греко-католическому священнику Андрею Бандере — отцу идеолога ОУН Степана Бандеры, а в годовщину вступления нацистов и их украинских пособников во Львов провел службу по главарю УПА Роману Шухевичу как по «святому» ПЦУ. Гипсовый бюст Шухевича и его портрет вместо икон были вынесены в центральную часть храма ПЦУ в Киеве, где

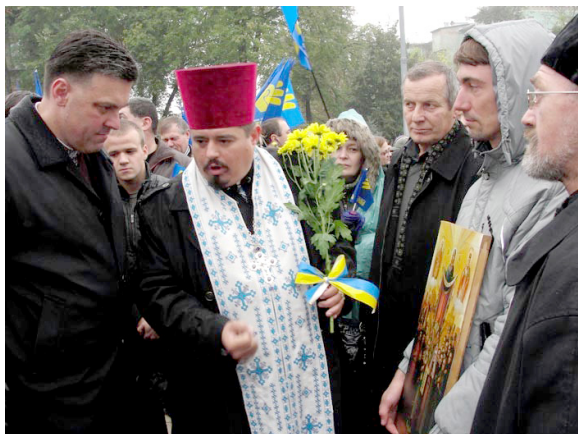

Рис. 4. Протоиерей Ткачук благословляет иконой одного из политических лидеров современных укронацистов Олега Тягнибока². Киев. 14 октября 2012 г. [8]

служил священник [9]. Об Иконе Покрова Божией Матери священник-укронацист пишет следующее: «Эта икона, очень уважаемая у нас в Киеве! Все Праздники духовно-патриотические: Покров — годовщина образования УПА проходят под покровом этой Святой для нас Украинцев — Иконы Божией Матери!» [8]. К сказанному он приобщил гиперссылки на материалы интернет-ресурсов с фотографиями, подтверждающими его слова (рис. 2–4).

Судя по источнику информации (и размещенным внутри него внешним ссылкам), этот образ имеет несколько схожих вариантов, отличающихся наличием отдельных персоналий при обязательном присутствии религиозных лидеров греко-католиков митрополитов Андрея Шептицкого (1865–1944) и Иосифа Слипого (1892–1984), а также их паствы — лидеров ОУН-УПА Евгения Коновальца (1891–1938), Степана Бандеры (1909–1959), Романа Шухевича (1907–1950). К сожалению, факт существования на Украине такой иконы и ее почитание подтверждают правоту канадского профессора Джона-Пола Химка, писавшего еще о домашней Украине, что «быть украинцем значило принять наследие» ОУН–УПА, которое «становилось главным пунктом идентификации украинцев» [11, с. 437].

Важным обстоятельством, обусловившим появление этой иконы у современных укронацистов, является совпадение религиозного праздника Покрова Пресвятой Богородицы с датой создания УПА. Обе даты приходятся на 14 октября (Шухевич в 1947 г. издал приказ, согласно которому днем образования УПА считается 14 октября 1942 г.). Украинские националисты сознательно приурочили создание своей организации к религиозному празднику. Поэтому современные укронацисты поместили под Покрова Пресвятой Богородицы своих кумиров.

Цель данной работы — историческая оценка деятельности и факта присутствия на греко-католической иконе Покрова Божией Матери сотрудничавших с германскими нацистами в годы Великой Отечественной войны персоналий. Основной акцент, при оценке деятельности изображенных на иконе «героев», будет сделан на их взаимодействии с НСДАП, СС, СД и гестапо, признанных Международным военным трибуналом виновными в совершении преступлений против человечности. В таком аспекте история УГКЦ и ОУН-УПА историками специально не рассматривалась.

В основу методологии исследования положен источниковедческий анализ (внешняя критика) современной иконы УГКЦ. Источником, свидетельствующим об использовании этой иконы для распространения современного укронацизма, являются фотографии с соответствующих «религиозных служб» и «патриотических мероприятий» с участием священника ПЦУ. Историческая оценка деятелей изображенных на иконе дается на основе биографического метода. Необходимые для исследования факты биографий религиозных и политических лидеров, изображенных на иконе, помимо исторических трудов, извлечены из судебной документации советских органов государственной безопасности в ходе и после завершения Великой Отечественной войны допрашивавших плененных сотрудников германских спецслужб, украинских националистов и свидетелей их военных преступлений.

Данная работа была дополнительно актуализирована тем, что 18 апреля 2024 г. Следственным комитетом России по Омской области в отношении священнослужителя УГКЦ, разместившего на территории религиозной организации в Омске такую икону, возбуждены уголовные дела по ч. 1 ст. 354 УК РФ (Реабилитация нацизма) и ч. 2 ст. 148 (Оскорбление религиозных чувств верующих).

Религиозные лидеры униатов. Из числа находящихся на образе под Покровами Богородицы исторических деятелей центральными фигурами данной иконы стали религиозные лидеры греко-католиков митрополиты Андрей Шептицкий и Иосиф Слипый. Основным тезисом данной части работы будет утверждение, что эти люди не просто поддерживали ОУН-УПА, а были для организации авторитетными духовными наставниками, ответственными за сотрудничество своей паствы с осужденными Нюрнбергским трибуналом нацистскими структурами гитлеровской Германии, а также за совершенные ею расправы с еврейским, польским, русинским мирным населением.

Митрополит Андрей Шептицкий обладал непрекращаемым авторитетом среди униатов и был широко известен на международной арене. С санкции Ватикана для современных украинцев в религиозном смысле он является «Праведным» [12]. Несмотря на старческие проблемы со здоровьем, митрополит до самой смерти вел корабль УГКЦ сквозь бурю Второй мировой войны. В отечественной и польской историографии «праведность» митрополита Андрея оспаривается, так как именно этот человек дал указания на сотрудничество УГКЦ и значительной части верующего населения Галиции с германскими нацистами. Как отмечает историк О. Б. Мозохин, «для руководства Украинской униатской греко-католической церкви нападение гитлеровской Германии на СССР стало настоящим праздником. Ее иерархи считали Гитлера освободителем и связывали с ним будущее украинского народа» [13, с. 557].

Шептицкий являлся классическим примером коллаборациониста. В июле 1941 г. он обратился к духовенству и верующим с посланием, напечатанным в газете «Украинские ежедневные известия» («Українські щоденні вісті»), в котором приветствовал немецко-фашистскую армию и благодарил ее за освобождение украинского народа. Одновременно с этим призывал население к послушанию и честному труду на немцев, а также давал указания священникам отправлять торжественное благодарственное богослужение в честь немецких окку-

пантов, в процессе которых произносить «многие лета» немецко-фашистской армии. Руководствуясь этим посланием, униатское духовенство повсеместно отправляло торжественное богослужение в честь фашистских захватчиков и призывало население к повиновению и послушанию немцам как «своим освободителям» [14, с. 828].

Вскоре он издал и второе послание к духовенству и верующим, где призывал духовенство создать по своей инициативе органы местного самоуправления, назначать начальников полиции, старост сельских управ и их советников, а также предлагал священникам составить подробные списки так называемых «жертв большевистского режима». В этом же послании Шептицкий указывал, что каждый священник должен иметь у себя приготовленное знамя немецкой армии и устанавливать его на приходских домах [14, с. 828].

23 сентября 1941 г. митрополит написал Гитлеру письмо в связи с вступлением немецких войск в Киев. В письме говорилось: «Как глава украинской Греко-католической церкви я передаю Вашему превосходительству мои сердечные поздравления по поводу овладения столицей Украины, златоглавым городом на Днепре — Киевом» [15, с. 774].

Характеризуя коллаборационистскую деятельность митрополита Андрея, польский историк А. А. Земба подчеркивает: «Поведение в конкретных условиях, которые существовали с июня 1941-го до начала 1944 г., должно было означать только одно: сотрудничество с Германией. Митрополит никогда никому из своих соотечественников не намекал на возможность выбора хотя бы нейтральной позиции в конфликте демонического — как он сам утверждал — характера между империями Гитлера и Сталина» [16, с. 104].

Российский исследователь В. В. Кондрашин приводит убедительные факты о финансировании гитлеровцами УГКЦ. В их числе привлекает внимание письмо Шептицкого командиру полиции безопасности и СД по Галиции Гербитрасе, датированное 17 июня 1943 г., где митрополит попросил высоко чина из СД выдать доверенность на получение средств для церковного издательства «Нове Життя» униатскому священнику, эскарху «Апостольского эскархата России» Климентию Шептицкому [4, с. 56]. Получается, что нацистская Германия содержала УГКЦ через СД, признанную Международным военным трибуналом преступной организацией. Сотрудничеством с СД Шептицкий запятнал не только свое имя, но и репутацию руководимой им УГКЦ.

В общем, как религиозный лидер, Андрей Шептицкий четко определил для руководимой им в Галиции паствы политику поддержки нацистской Германии. Основная практическая работа по ее реализации униатами легла на плечи его ближайшего соратника *Иосифа Слипого* (в документах он же Слепой, он же Слипий). Еще до начала Великой Отечественной войны у этого деятеля установились прочные личные связи с гестапо.

На этот факт обратил внимание советский исследователь С. Т. Даниленко, резюмировавший: «С гестапо он породнился без посредничества оуновцев» [2, с. 105]. В ходе Великой Отечественной войны руководимые митрополитами Шептицким и Слипым униатские священники сотрудничали с нацистскими спецслужбами, проходили службу в украинских частях СС, принимая участие в войне против СССР на должностях капелланов.

Согласно показаниям пленного фельдфебеля германской армии Альфонса Паулюса о деятельности пункта Абвера в городе Кракове, «кроме групп БАНДЕРЫ и МЕЛЬНИКА пункт «Абвера» или также команда «Абвера» 202 использовала украинскую православную церковь. В учебных лагерях генерал-губернаторства проходили подготовку и священники украинской православной церкви (так он называл униатов. — А. В.), которые участвовали в заданиях наряду с другими украинцами. Это проводилось с согласия церкви» [17, л. 81]. В начале 1941 г. в составе полка особого назначения гитлеровской армии «Бранденбург-800» были созданы две дружины украинских националистов «Нахтигаль» и «Ролаңд». Шептицкий по рекомендации Слипого 15 мая 1941 г. одобрил назначение Ивана Гриньоха капелланом батальона «Нахтигаль».

Вторжение фашистских войск и приход частей батальона «Нахтигаль» во Львов были встречены Слипым с радостью. По указанию Шептицкого он провел по этому поводу в городе торжественный молебен со словами приветствия и благодарности Гитлеру и его армии. На молебне присутствовали униатские епископы и священники, высшие чины фашистской армии, разведки, гестапо и их агентура.

После захвата гитлеровцами Львова активизировалось в практическом отношении сотрудничество Иосифа Слипого с гестапо. Согласно показаниям служившего нацистам поляка Р. Е. Руппа, допрошенного сотрудниками МГБ УССР 16 марта 1946 г., «надзор за деятельностью греко- и римско-католических церквей в гор. Львове осуществлялся сотрудниками гестапо капитаном Кнором и майором Шенк. Руководители греко-католической униатской церкви митрополит Андрей ШЕПТИЦКИЙ и Иосиф СЛИПЫЙ по всем вопросам, касающимся церкви, обращались к КНОРУ и ШЕНК» [17, л. 141]. Далее в своих показаниях Рупп подчеркнул ведущую роль Слипого в сотрудничестве с гитлеровцами со стороны украинской церкви. Он показал, что «после оккупации немецкими войсками гор. Львова греко-католическим духовенством была организована антисоветская демонстрация, в которой приняло участие около 15 тысяч человек. Демонстрация проводилась под лозунгом приветствия немецких оккупантов как «освободителей». Кроме того, во всех греко-католических униатских церквях гор. Львова проводились торжественные антисоветские богослужения. Ввиду того, что митрополит ШЕПТИЦКИЙ был болен, руководством этой антисоветской работой возглавил Иосиф СЛИПЫЙ» [18, л. 141].

Возвращаясь к критике статьи А. Вишиванюк и Е. О. Шебалиной, отметим, что ее изъяны особенно очевидны при описании участия УГКЦ в формировании дивизии СС «Галичина». Исследователи приводят несостоятельные аргументы украинской историографии о том, что «создание дивизии воспринималось многими галичанами, в том числе духовенством, как формирование некоего зачатка собственной украинской армии, которая в условиях завершения войны будет содействовать восстановлению общественного порядка и становлению Украинского государства. Следует отметить, что украинская сторона предпринимала настойчивые, но безрезультатные усилия убедить немецкое командование в необходимости создания дивизии «Галичина» вне состава войск СС, как независимое украинское военное формирование на стороне Германии против СССР» [7]. При этом, со ссылкой

на современных украинских историков, авторы данной статьи пишут о «сдержанной позиции» Слипого при формировании дивизии СС [7]. Мы не можем согласиться с такими оценками. Прогермански ориентированные руководители УГКЦ прекрасно осознавали свои деяния, совершаемые в тесном взаимодействии СС, СД и гестапо. Для «святых отцов» участие в формировании дивизии СС стало сделкой, в результате которой они получали право от германских нацистов на политику прозелитизма на временно оккупированных территориях СССР.

В своих показаниях Рупп рассказал о личных встречах Слипого с одним из главарей нацистской партии, рейхсфюрером СС Гиммлером: «Мне известно, что между СЛИПЫМ и ГИММЛЕРОМ в 1942 году был заключен договор, согласно которому греко-католическая униатская церковь обязывалась оказывать помощь немецким властям в формировании украинских националистических частей в Галиции для борьбы против Советского государства. За помощь, оказанную немцам греко-католической церковью в борьбе с Советской властью, ГИММЛЕР, согласно договору, обещал разрешить греко-католическому духовенству послать своих священников на оккупированные территории Украины для проведения среди населения униатской работы. Сотрудники гестапо МИЛЛЕР и ГАРТЕРТ, с которыми я имел связь, подтвердили изложенное выше о договоре СЛИПОГО с ГИММЛЕРОМ и дополнили, что оккупированная немцами территория Украины была уже разделена на отдельные епархии, куда были назначены униатские епископы» [18, л. 143]. Встречи Слипого с Гиммлером дали старт для последующего создания дивизии СС «Галичина».

Слипый не занимал «сдержанной» позиции при формировании дивизии СС «Галичина», а напротив — был одним из главных идейных вдохновителей ее создания. Рупп сообщал об этом следующее: «В 1943 году весь состав «УЦК» (Украинский центральный комитет. — А. В.)» во главе с БИЗАНЦ был на приеме у ШЕПТИЦКОГО и Иосифа СЛИПОГО. В то время в гор. Львове находился председатель «УЦК» Кубинович, приехавший из Кракова, который также был у ШЕПТИЦКОГО. Со слов сотрудника гестапо МИЛЛЕРА мне известно, что на указанном приеме члены «УЦК» вместе с ШЕПТИЦКИМ и СЛИПЫМ с одной стороны и представители немецких властей в лице доктора БАУЭРА и ВИЗАНЦА заключили договор о формировании из украинского населения дивизии «СС-Галичина». Рассказывая об участии духовенства в формировании этой дивизии СС Рупп показал, что «греко-католическое духовенство проводило активную пропагандистскую работу среди населения по вовлечению в дивизию «СС-Галичина». Священники униатских приходов выступили с проповедями в церквях и призывали население вступать в дивизию «СС-Галичина». Многие священники униатской церкви добровольно ушли служить в эту дивизию в качестве кашеланов» [18, л. 145].

28 апреля 1943 г. в честь создания «Галичины» в соборе Святого Юра состоялось «торжественное богослужение», которое проводил Слипый. Оценивая этот факт в своей книге, российский публицист Л. М. Млечин справедливо подчеркивает, что «на Западной Украине церковь благословила молодых украинцев на службу в войсках СС» [19, с. 165]. С учетом религиозности населения Галиции пастырское благословение иерарха УГКЦ укрепило

в своем решении местную молодежь, поступившую на службу в войска СС, и оказывало мобилизующее влияние на колеблющихся.

На допросе в НКВД 15 декабря 1945 г. Слипый пытался переложить ответственность за создание «Галичины» на своего уже умершего к этому времени духовного отца Шептицкого, без одобрения которого он действительно не стал бы развивать этой деятельности. При этом под давлением неопровержимых фактов Слипый признал, что «лично я, епископ БУДКА и другие руководители Львовской епархии униатской греко-католической церкви в течение весны и лета 1943 г. служили благодарственные богослужения в честь создания дивизии «СС-Галичина» и благословляли участников ее на борьбу против Красной Армии. Активную работу по созданию дивизии «СС-Галичина» для борьбы против Красной Армии униатское духовенство проводило в соответствии с договором, который был заключен руководством униатской церкви и представителями УЦК с немецкими оккупационными властями и в частности с генерал-губернатором Галиции доктором БЕХТЕРОМ» [14, с. 831–832].

Отметим, что подразделения дивизии СС «Галичина» военными преступлениями «отметились» не только на территории СССР в Украине и Белоруссии. Они участвовали также в массовых убийствах мирного населения на юго-востоке Польши, в Югославии и Франции. Идейные вдохновители этого карательного формирования несут ответственность в истории за ее преступления против человечности. Поэтому Иосиф Слипый — один из главных нацистских преступников на Украине в годы Второй мировой войны.

В продолжение истории с формированием дивизии СС «Галичина» и в отношении политической ориентации Шептицкого и Слипого на германских нацистов показательным, как в то время, когда ОУН-УПА стала выступать и против гитлеровцев (с 16 апреля 1942 г. украинские националисты стали нападать на немецкие гарнизоны, пункты военно-стратегического значения, эшелоны [20, с. 106]), униатские лидеры в своем послании к пастве, сделанном в ноябре 1943 г., «призывали духовенство и верующих не вести борьбу против немцев». Неуклюже оправдываясь за это на допросе в НКВД, Слипый заявил, что «издавая это послание, мы преследовали цель оградить украинский народ от излишних жертв, связанных с борьбой против немцев, а также укрепить веру в Бога» [14, с. 830].

Несмотря на очевидные тяжкие преступления, вероятно, из-за нежелания обострить отношения с Ватиканом, в СССР была дана достаточно мягкая оценка преступной деятельности Иосифа Слипого. Военный трибунал войск МВД Украинского военного округа 29 мая 1946 г. приговорил Слипого к 8 годам лишения свободы по статьям 54-1 «а», 54-11 УК УССР.

За судимость 1946 г. Слипый был позднее реабилитирован на основании закона Украины от 17 апреля 1991 г. Оценивая процесс реабилитации нацистских преступников, который в условиях повсеместной борьбы с коммунистическим прошлым, начался в СССР с конца 1980-х гг. и стал масштабным на Украине и в странах Балтии после обретения ими независимости. Томский историк В. Н. Уйманов, в том числе в связи с реабилитацией участников ОУН — УПА отмечает, что «фактором, заметно повлиявшим на процесс реабилитации, стало смещение политических акцентов в странах

Балтии и на Украине в определении жертв массовых репрессий. Лица, участвовавшие в бандформированиях либо воевавшие на стороне фашистской Германии и ее союзников, в этих странах были приравнены (даже с большими правами) к жертвам политических репрессий» [21, с. 429].

Последствием такой реабилитации стало распространение укронацизма. Применительно к роли в этом упомянутых здесь религиозных организаций показательно сотрудничество ПЦУ и УГКЦ по увековечению памяти дивизии СС «Галичина». Клириками ПЦУ и УГКЦ 28 июля 2019 г. совместно было проведено отпевание останков 29 погибших в боях под Бродами бойцов дивизии СС «Галичина». В своем слове благочинный Золочевского района ПЦУ Василий Саган заявил, что «будет момент не только признания дивизии СС «Галичина», но будет момент, когда многих из этих героев Церковь и Господь признают своим способом, в свое время. И не просто героями, но и святыми. Многие из них таковыми и являются» [22]. Военнослужащими ВСУ были отданы воинские почести останкам нацистов, накрытым государственным флагом Украины. На церемонии исполнялся государственный гимн Украины.

Таким образом, с точки зрения исторической науки, сотрудничество Слипого с германскими нацистами, в том числе лично с Гиммлером, гестапо и СС, ведущая его роль в создании дивизии СС «Галичина» не вызывают сомнений. Здесь принципиально важно подчеркнуть, что Гиммлер был одним из главных нацистских преступников. Гестапо и СС осуждены международным трибуналом за преступления против человечности. Политическое решение властей Украины о реабилитации Слипого в качестве «жертвы политических репрессий» ничтожно для России, так как в Конституции Российской Федерации закреплена норма о «защите исторической правды». Описанные здесь факты безоговорочно говорят о сопричастности Слипого к германскому нацизму, а значит — он преступник.

Политические лидеры украинского национализма. Исследуемая икона представляет под Покровом Богородицы политических лидеров украинского национализма, агентов германских нацистов Степана Бандеру и Романа Шухевича. Здесь важно подчеркнуть, что оба находились под значительным влиянием УГКЦ.

Бандера — сын униатского священника, и основы его мировоззрения были заложены в семье. Важно подчеркнуть, что Бандера решил на попытку образования «Украинской державы» по благословению Шептицкого. Об этом историк С. Т. Даниленко писал: «Митрополит без всяких оговорок одобрил и благословил намерения Бандеры образовать "правительство" во главе с Ярославом Стецько. Шептицкий вместе с Бандерой, Стецько и "представителем немецких государственных властей" Хансом Кохом провел "государственное совещание", где обсуждалась и была утверждена процедура провозглашения "украинской державы"» [2, с. 124].

Среди предков Шухевича был сельский грекокатолический священник. На протяжении своей жизни он тесно общался с униатскими церковными деятелями [19, с. 237]. Особенно наглядно связь Шухевича с УГКЦ описана в одной из работ О. Б. Мозохина, где доказано, что «Шухевич широко использовал в проводимой им националистической работе униатское духовенство, привлекая священников в качестве содержателей конспира-

тивных квартир, исполнителей особых поручений. Он получал от них идеологическую и материальную поддержку» [23, с. 284–285]. В этой связи историк описывает то, как именно через работу с униатами органам государственной безопасности удалось пресечь деятельность этого военного преступника, уничтожив его.

Основным тезисом данной части работы будет утверждение о том, что руководители ОУН-УПА были не политическими лидерами национально-освободительного движения, а военными преступниками повинными в гибели сотен тысяч мирных людей, активно сотрудничавшими с нацистскими структурами, осужденными Международным военным трибуналом.

Степан Бандера был завербован германскими спецслужбами до начала Великой Отечественной войны. С первых дней войны бандеровцы воевали на стороне Германии. В частности, это следует из материалов допроса бывшего начальника отдела Абвер-2 полковника Эрвина Штольца, который об этом поведал следующее: «После вербовки Мельник изложил свой план подрывной деятельности. В основу было поставлено налаживание связей украинских националистов, проживавших на территории тогдашней Польши, с националистическими элементами на территории Советской Украины, проведение шпионажа и диверсий на территории СССР, подготовка восстания. Тогда же Абвер взял на себя все расходы, необходимые для организации подрывной деятельности. Однако эти меры оказались недостаточными. В этих целях был завербован Степан Бандера, один из главарей ОУН, освобожденный из польской тюрьмы, где он содержался за участие в террористическом акте против министра Польши Перацкого. Кто вербовал Бандеру, я не помню, но я работал с ним» [14, с. 665].

Украинские националисты пришли на Украину вместе с германскими нацистами. Уже 30 июня 1941 г. бандеровцы провозгласили «Акт о независимости украинского государства» в содержании которого во всей полноте проявилась нацистская сущность нового государственного образования, создававшегося бандеровцами при участии УГКЦ (принятие акта от имени Андрея Шептицкого торжественно благословил Иосиф Слипый [19, с. 138]) с целью поддержки того миропорядка, который хотел установить Гитлер. В акте говорилось следующее: «Восстановленное Украинское государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Велико-Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации» [15, с. 341]. Таким образом, бандеровцы с первых дней войны самоопределились в качестве «младших братьев» германских нацистов.

В современной украинской историографии утвердился взгляд на то, что бандеровцы после неудачного провозглашения Украинской державы, ареста своего вождя и его ближайших соратников стали бороться как против гитлеровцев, так и против сторонников советской власти. На уровне низовых организаций ОУН это действительно было отчасти так. Однако сам Бандера не прекратил своего сотрудничества с нацистскими структурами гестапо и СС. После освобождения из заключения он получил под Берлином виллу от отдела 4-д гестапо. А когда он оказался в занятом советскими войсками Кракове, то его вызволял знаменитый любимец

Гитлера командир диверсионной группы войск СС штурмбанфюрер Отто Скорцени [19, с. 198–199]. Данные факты демонстрируют значимость фигуры Бандеры для германских нацистов.

Наиболее ярко проявил себя в годы войны в качестве нацистского преступника соратник Бандеры военный руководитель УПА **Роман Шухевич**. Он имел офицерский чин и соответствующую должность в вооруженных силах нацистской Германии. В 1941 г. вступил в диверсионный батальон Абвера «Нахтигаль», затем в 201-й батальон шццманшафта.

Важно подчеркнуть, что это было именно подразделение войск СС — нацистской организации, осужденной Международным военным трибуналом. Шухевич дослужился там до звания гауптмана (капитана). В течение 9 месяцев в Белоруссии оно уничтожало советских партизан. По справедливой оценке историка С. В. Васильева, «апофеозом пересмотра роли украинского национализма в национальной истории стало присвоение звания Героя Украины Р. Шухевичу, который являлся офицером войск СС гитлеровской Германии» [24, с. 7].

Важно подчеркнуть, что в ходе допросов упомянутый Э. Штольц признал факты совершения преступлений против мирного населения подразделениями Абвера, в тесном сотрудничестве с гестапо. Поэтому на допросе 30 ноября 1951 г. он показал: «Признаю и то, что органы Абвера свою шпионско-подрывную и репрессивную деятельность против СССР и советских граждан контактировали с государственной тайной полицией — гестапо, полевой тайной полицией ГФП, которые, безусловно, занимались расправами и зверствами над мирным населением» [25, л. 105].

30 июня 1941 г. батальон «Нахтигаль» вошёл в занятый немцами Львов в строевом порядке, с песнями на украинском языке. В этих песнях были слова, выражавшие ненависть к польскому, еврейскому и русскому народам: «смерть, смерть, ляхам смерть, смерть московско-жидовской коммуне, нас до бою ОУН нас веде» [17, л. 62]. Здесь Шухевич участвовал в провозглашении создания «Украинской державы». В тот же день начались массовые избиения львовских евреев украинскими националистами. Погром продолжался три дня. В ходе него, после пыток и издевательств, было зверски убито около 5000 евреев, преимущественно женщин, детей и стариков. Погром непосредственно направлялся Шухевичем как самозванным заместителем «военного министра Украинской державы» и организатором Львовской «милиции».

Вслед за евреями в течение двух дней были ликвидированы несколько десятков проживавших во Львове представителей польской интеллигенции. В их расстрелах принимали участие военнослужащие батальона «Нахтигаль». Важно подчеркнуть, что украинский министр Шухевич ходил по городу в форме гитлеровского офицера, лично организуя и контролируя убийства евреев и поляков. Допрошенный в качестве свидетеля сотрудниками прокуратуры М. Н. Гресько на допросе 13 января 1960 г. показал, что 1 июля 1941 г. «в городе увидел самого ШУХЕВИЧА в форме немецкого офицера. Спустя день или два я узнал от соседей, что немцы и украинские националисты арестовали многих польских профессоров и преподавателей Политехнического института, университета и других видных деятелей польского народа. Спустя некоторое время я узнал, что все эти польские профессора и ученые были

расстреляны немцами и украинскими националистами» [17, л. 59].

Красноречивые показания о «совместной работе» немцев и возглавляемых Шухевичем украинских националистов 15 января 1960 г. дал бывший военнослужащий батальона «Нахтигаль» Г. И. Мельник. Он показал следующее: «В тот же день (30 июня 1941 г. — **А. В.**) из нашего взвода была отобрана группа кадровых националистов для выполнения специального задания. В их числе я помню заместителя немецкого командира нашего взвода Григория ЛУЩИКА, Ивана ПАНЬКИВ, Василия ПАНЧАК... Как я позже узнал, такие же группы были выделены и из других взводов и рот, а всего этот специальный отряд состоял примерно из 80 человек. Выделенные люди отсутствовали примерно в течение 4–5 дней... Когда Григорий ЛУЩИК и другие возвратились, я узнал от них, что созданная по поручению командования специальная группа должна была производить аресты и расстрелы представителей польской интеллигенции и других лиц. В состав этой группы входили также украинские националисты, одетые в штатскую одежду и переброшенные немцами в качестве десантных групп. ЛУЩИК, а также ПАНЧАК рассказали мне, что они лично принимали участие в расстреле польских ученых на Вулецкой горе... ЛУЩИК и другие рассказывали также, что их группой были произведены многочисленные аресты других жителей, а расстрелы производились не только на Вулецкой горе, но и в других местах. Как говорили участники этой группы, акции по уничтожению населения города Льва осуществлялись по распоряжению ОБЕРЛЕНДЕРА (немецкий офицер, командовавший батальоном. — **А. В.**) и ШУХЕВИЧА (заместитель командира батальона)» [17, л. 52–53]. Эти показания прямо свидетельствуют об ответственности заместителя командира батальона «Нахтигаль» Романа Шухевича за массовые убийства во Львове, совершенные совместно германскими нацистами и украинскими националистами.

Мельник поведал о военных преступлениях батальона «Нахтигаль» в Сатанове. Эту расправу не подтверждают современные еврейские СМИ, утверждающие, что «сатановские "зверства" оуновцев напрочь отрицают даже архивы КГБ СССР» [26]. Это не так. О зверствах в Сатанове Мельник дал следующие показания: «В Тернополе была специально собрана группа на велосипедах в составе около 80 человек, отправившаяся через Волочиск в город Сатанов. В этой группе был и я. Командовал этой группой Василий СИДОР, который являлся заместителем ШУХЕВИЧА. ... В Сатанов мы прибыли ночью. Из нашего отряда было отобрано около 20 человек, которые во главе с СИДОРОМ вошли в город и там проводили массовые расстрелы мирных жителей. Я лично находился в оцеплении города с задачей никого из города не выпускать. У СИДОРА был список и он, согласно этому списку, давал специальное распоряжение, кого именно следует расстрелять. Утром, когда я в числе остальных находившихся в оцеплении города вошел в город, то увидел на улицах, в домах множество трупов» [17, л. 63].

В начале 1943 г. Шухевич перешёл на нелегальное положение, рассорившись со своими нацистскими покровителями. Заняв командную должность в УПА, он доказывал, что главными её врагами являются не немцы, которые уже и так проиграли войну, а большевики и поляки. По его настоянию

бандеровцы весной 1943 г. начали Волынскую резню польского мирного населения, жертвами которой в течение года стали более 100 тысяч поляков, главным образом женщин, детей и стариков. Кроме того, УПА убивала всех, кто был ей подозрителен. Эти военные преступления УПА подробно описаны в новейшей российской историографии и соответствующим образом доказательно оценены как геноцид [27]. Геноцидом они признаются не только в России. В память о Волынской резне в Польше 11 июля отмечено как «День памяти поляков, жертв геноцида, совершенного ОУН—УПА». Современные поляки считают «Организацию украинских националистов, Украинскую повстанческую армию, легион СС "Галиция" и украинскую полицию на службе у немцев — преступными организациями» [28].

Изображенные на иконе под Покровами Богородицы руководители ОУН-УПА Бандера и Шухевич совершили преступления против человечности, не имеющие в истории срока давности. В своем недавнем интервью американскому журналисту Т. Карлсону Президент России В. В. Путин о лидерах украинского национализма и их почитании в современной Украине сказал следующее: «На Украине из них сделали национальных героев, им памятники возводят, они на флагах, их имена кричат толпы, которые ходят с факелами, как в нацистской Германии. Это люди, которые уничтожили поляков, евреев и русских. Надо эту практику и теорию прекратить» [29]. Поставленная на СВО задача по денацификации Украины преследует коренящуюся в прошлом цель.

Заключение. Исторически УГКЦ является религиозной организацией, веками сохранявшей идентичность галичан и породившей украинский национализм, для которого она стала «матерью». Соответственно, эта религиозная организация всегда была враждебной России и РПЦ и для тех галичан, которые связывали с ними свою судьбу. УГКЦ ведет антирусскую деятельность и сегодня. Как недавно заявил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «В разжигании и поддержании гонений на православных людей Украины принимают деятельное участие так называемые греко-католики — униаты. Они, по-видимому, являются одними из конечных выгодоприобретателей многочисленных незаконных захватов православных храмов на территории Украины» [30].

Изображение на иконе иерархов УГКЦ Андрея Шептицкого и Иосифа Слипого совместно с лидерами ОУН-УПА Степаном Бандерой и Романом Шухевичем исторически достоверно. Они жили в одно время, были знакомы и делали общее дело в сотрудничестве с германскими нацистскими структурами, борясь против СССР и уничтожая мирное еврейское, польское, русинское население Галиции.

Дополнительно отметим, что дела, к которым причастны перечисленные персонажи с иконы, осуждены не только Международным военным трибуналом, но и ООН. На пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 21 декабря 2010 г. в Нью-Йорке по инициативе Российской Федерации была принята резолюция «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В документе выражена глубокая озабоченность по поводу прославления нацистского движения и бывших членов организации

«Ваффен СС», в том числе путем сооружения памятников и мемориалов и проведения публичных демонстраций в целях прославления нацистского прошлого, нацистского движения и неонацизма. В принятой резолюции нашло отражение и проблема объявления и попыток объявления бывших нацистов, членов организации «Ваффен-СС» и «тех, кто боролся против антигитлеровской коалиции и сотрудничал с нацистским движением», участниками национально-освободительных движений.

И здесь особенно важно подчеркнуть, что «по мнению Генеральной Ассамблеи, такие акты могут подпадать под действие статьи 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, требующей от государств — участников Конвенции преследовать их в уголовном порядке» [31].

Представляется, что тезис об уголовном преследовании непосредственно относится и к современным пастырям и сторонникам ПЦУ, УГКЦ, ОУН и УПА, каковые в последние годы активно занимаются прославлением нацистских преступников. Исторические факты дают основание утверждать, что все описанные политические деятели, изображенные на иконе, виновны в преступлениях против человечности и сотрудничестве с германским нацизмом. Кроме того, несомненно, что само наличие этой иконы, где военные преступники размещены под Покровами Пресвятой Богородицы, оскорбляет религиозные чувства паствы РПЦ.

Завершая повествование, отметим, что, исходя из совокупного осмысления генезиса украинского национализма в период новейшей истории и общей текущей мировой военно-политической ситуации, признания в России экстремистскими организациями ОУН-УПА не в полной мере достаточно. Это наглядно видно, в том числе из проделанного исследования. В данный список враждебных для нашего государства организаций было бы правильно включить УПЦ и УГКЦ как организации, занимающиеся политической деятельностью — пропагандой агрессивного украинского национализма. УГКЦ в годы Великой Отечественной войны вступила в тесное взаимодействие с германскими нацистами, а сегодня, «следуя» своим историческим истокам, совместно с ПЦУ служит русофобской платформой для укронацистов.

Примечания

¹ Организации признаны в России экстремистскими и запрещены.

² Тягнибок Олег Ярославович (1968 г.р.) — украинский политик, нацист. Народный депутат Верховной Рады Украины III, IV и VII созывов; председатель партии ВО «Свобода». В 2011 году журнал «Корреспондент» включил его в рейтинг «100 самых влиятельных украинцев». Примечательно, что его дед по материнской линии Артемий Цегельский был греко-католическим священником в 1946 г. сосланным в Сибирь. Тягнибок получил Золотой крест от ветеранов дивизии СС «Галичина» с формулировкой «За заслуги перед Украиной» [10]. Центром Симона Визенталя в 2012 г. был включён топ-10 антисемитов и израилененавистников всего мира. 1 ноября 2018 г. против него, в числе других граждан Украины, были введены российские санкции.

Библиографический список

1. Стрелецкий Я. И. Специальная военная операция России на Украине: идеологический аспект // Военный

академический журнал. 2022. № 4 (36). С. 143–148. EDN: AYRZYB.

2. Даниленко С. Т. Униаты. Москва: Политиздат, 1972. 223 с.
3. Вишиванюк А. В. Особенности религиозной политики советских властей в западных областях УССР в 1939–1941 гг. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 2 (45). С. 56–71. EDN: PJBBDZ.
4. Кондрашин В. В. Документы ЦА ФСБ России о сотрудничестве украинских униатов с нацистами в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточно-европейских исследований. 2018. № 2 (13). С. 50–63. EDN: ZDQBDN.
5. Сушко А. В., Петин Д. И. «Вышлите нам несколько пистолетов и гранат...». Обращение молодых украинских националистов из Сибири к единомышленникам ОУН–УПА на Украине в 1950 г. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 234–235. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-232-247. EDN: EPQNHZ.
6. Сушко А. В. Украинские националисты в Омске: осуждены и реабилитированы // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 705–722. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.309. EDN: MZPVHG.
7. Вишиванюк А., Шебалина Е. О. Греко-католическая церковь в период немецкой оккупации Западной Украины (1941–1944): отношения с оккупационными властями и основные направления деятельности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 6 (116). DOI: 10.18254/S207987840021881-8. EDN: PSMZIK.
8. Интересная украинская икона. URL: <https://sergslavorum.livejournal.com/331851.html> (дата обращения: 22.03.2024).
9. Подробнее: Священник-нацист из ПЦУ благословляет жестом партии «Свобода» // EAD. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/07/24/svyashchennik-nacist-iz-pcu-blagoslovlyayet-zhestom-partii-svoboda> (дата обращения: 22.03.2024).
10. Олег Тягнибок, биография // Украина.ру. URL: <https://ukraina.ru/20231204/1051663543.html> (дата обращения: 22.03.2024).
11. Химка Д.-П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами украинской истории XX в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 421–454.
12. Митрополит Андрей Шептицкий // Герои Украины. URL: <http://heroes.profi-forex.org/ru/mitropolit-andrij-sheptickij> (дата обращения: 22.03.2024).
13. Мозохин О. Б. Германское влияние на создание украинских националистических организаций в 1920–1940 гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 549–568. DOI: 10.21638/spbu24.2023.302. EDN: GYENVP.
14. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2 т. Т. 2. 1944–1945 / Под ред. А. Н. Артизова. Москва: РОССПЭН, 2012. 1167 с.
15. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2 т. Т. 1. 1939–1943 / Под ред. А. Н. Артизова. Москва: РОССПЭН, 2012. 878 с.
16. Земба А. А. Шептицкий в Европе Гитлера // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 2 (13). С. 98–126. EDN: PPDVRO.
17. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. К-72. Оп. 1. Д. 65.
18. ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 8.
19. Млечин Л. М. Степан Бандера и судьба Украины. О чем напомнил киевский Майдан. Москва: Центрполиграф, 2014. 414 с. ISBN 978-5-227-05276-6.
20. Черкасов А. А., Кринко Е. Ф., Шмигель М. Украинский национализм в годы Второй мировой войны: природа и проявления // Русин. 2015. № 2 (40). С. 98–117. DOI: 10.17223/18572685/40/7. EDN: TXOOQD.
21. Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация. Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевист-

ской власти (конец 1919–1941 г.); моногр. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. 564 с. ISBN 978-5-94621-363-9.

22. «Священник» ПЦУ: Церковь признает героев дивизии СС «Галичина» святыми // СПЖ. URL: <https://spzh.media/ru/news/63994-svyashchennik-pcu-cerkovy-priznayet-gerojev-divizii-ss-galichina-svyatymi> (дата обращения: 20.03.2024).
23. Мозохин О. Б. Ликвидация органами МГБ СССР лидера националистического движения Западной Украины Р. И. Шухевича // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXVI Междунар. науч. конф., Москва, 01–02 декабря 2022 г. Москва: Фронткнига, 2022. С. 280–288. EDN: RSAGJE.
24. Васильев С. В. Борьба с петлюровщиной и бандеровщиной в 20–50-х годах XX века. Москва: Блок-Принт, 2024. 240 с. ISBN 978-5-605-07746-6.
25. ЦА ФСБ России. АУД № Н-20944. Т. 3.
26. Вся Украина — сплошной Бабий Яр. О чем известно меньше, чем о трагедии в Киеве // Еврейская панорама. Независимая еврейская ежемесячная газета. URL: <https://evrejskaja-panorama.de/article.2021-09.vsyua-ukraina-sploshnoj-babij-yar.html> (дата обращения: 15.03.2024).
27. Забытый геноцид: «Вольнская резня» 1943–1944 годов: сб. документов и исследований / сост. А. Дюков. Москва: Алексей Яковлев, 2008. 144 с. ISBN 978-5-903588-09-1.
28. Проект резолюции Сейма Польши о геноциде ОУН-УПА против поляков в 1939–1947 годах // Информационное агентство REX. URL: <https://iarex.ru/news/36011.html> (дата обращения: 20.03.2024).
29. Интервью Президента России В. В. Путина Такеру Карлсону // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 12.03.2024).
30. Патриарх заявил, что греко-католики участвуют в разжигании гонений на православных Украины // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18313997> (дата обращения: 15.03.2024).
31. О принятии на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1635907/ (дата обращения: 14.03.2024).

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института, г. Омск.
SPIN-код: 6496-4278
AuthorID (РИНЦ): 446621
ORCID: 0000-0002-6703-8535
AuthorID (SCOPUS): 57201470030
Адрес для переписки: alexsushko_1974@mail.ru

Для цитирования

Сушко А. В. Икона украинских нацистов: к вопросу об исторической оценке «героев» под Покровами Богородицы и их современных почитателей // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 22–32. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-22-32.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024 г.
© А. В. Сушко

THE ICON OF UKRAINIAN NAZIS: ON THE QUESTION OF THE HISTORICAL ASSESSMENT OF THE «HEROES» UNDER THE PROTECTION OF THE VIRGIN MARY AND THEIR MODERN ADMIRERS

The study is based on a source analysis (external criticism) of a modern icon of Ukrainian nationalists, on which, under the Protection of the Virgin Mary, among other historical figures, Greek Catholic metropolitans Andrei Sheptytsky and Joseph Slipyi are depicted, as well as the leaders of the OUN-UPA (organizations recognized as extremist in Russia and banned) Stepan Bandera and Roman Shukhevych. A historical assessment of the activities and the presence of these figures who collaborated with the German Nazis on the icon is given. The main emphasis is on the interaction of the depicted «heroes» with the NSDAP, SS, SD and Gestapo, found guilty of crimes against humanity by the International Military Tribunal. In addition to the image itself, which became the reason for writing this article, the source for the study is the forensic investigative documentation of the Soviet state security agencies, during and after the end of the Great Patriotic War, interrogating captured employees of the German special services, Ukrainian nationalists and witnesses to their war crimes. The presence of specific common features in the biographies depicted on the icon of Nazi criminals has been established. The author emphasizes that people who publicly glorify Ukrainian nationalists through an icon are subject to Article 4 of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, which requires states parties to the Convention to prosecute them.

Keywords: Ukrainian nationalism, Ukrainian Greek Catholic Church, Uniates, Orthodox Church of Ukraine, OUN-UPA, special services, Andrey Sheptytsky, Joseph Slipyi, Stepan Bandera, Roman Shukhevych.

References

1. Streletskiy Ya. I. Spetsial'naya voyennaya operatsiya Rossii na Ukraine: ideologicheskii aspekt [Russia's special military operation in Ukraine: ideological aspect] // *Voyennyi akademicheskii zhurnal. Military Academic Journal*. 2022. No. 4 (36). P. 143–148. EDN: AYRZYB. (In Russ.).
2. Danilenko S. T. Uniate [Uniate]. Moscow, 1972. 223 p. (In Russ.).
3. Vishivanyuk A. V. Osobennosti religioznoy politiki sovetskikh vlastey v zapadnykh oblastyakh USSR v 1939–1941 gg. [The Features of the Soviet authorities' religious policy in the western areas of Ukraine in 1939–1941] // *Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Vestnik St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2012. No. 2 (45). P. 56–71. EDN: PJBBDZ. (In Russ.).
4. Kondrashin V. V. Dokumenty TSA FSB Rossii o sotrudnichestve ukrainskikh uniatov s natsistami v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny [Documents of the Central Election Commission of the FSB of Russia on the cooperation of Ukrainian Uniates with the Nazis during the Great Patriotic War] // *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh issledovaniy. Journal of the Russian and East European historical studies*. 2018. No. 2 (13). P. 50–63. EDN: ZDQBDN. (In Russ.).
5. Sushko A. V., Petin D. I. «Vyshlite nam neskol'ko pistol'ov i granat...». Obrashcheniye molodykh ukrainskikh natsionalistov

iz Sibiri k yedinomyshlennikam OUN–UPA na Ukraine v 1950 g. [«Send us some guns and grenades...»: appeal of young ukrainian nationalists from Siberia to their confederates from the OUN-UPA in Ukraine in 1950] // *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2021. No. 1. P. 232–247. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-232-247. EDN: EPQNHZ. (In Russ.).

6. Sushko A. V. Ukrainskie natsionalisty v Omske: osuzhdeny i rehabilitirovany [Ukrainian Nationalists in Omsk: Persecuted and Vindicated] // *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11, no. 3. P. 705–722. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.309. EDN: MZPVHG. (In Russ.).

7. Shebalina E., Vishivanyuk A. Greko-katolicheskaya tserkov' v period nemetskoj okkupatsii Zapadnoy Ukrainy (1941–1944): otnosheniya s okkupatsionnymi vlastyami i osnovnyye napravleniya deyatelnosti [The Greek catholic church during the german occupation of Western Ukraine (1941–1944): relations with the occupation authorities and the main areas of activity] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». The Journal of Education and Science «ISTORIYA» («History»)*. 2022. Vol. 13, no. 6 (116). DOI: 10.18254/S207987840021881-8. EDN: PSMZIK. (In Russ.).

8. Interesnaya ukrainskaya ikona [An interesting Ukrainian icon]. URL: <https://serg-slavorum.livejournal.com/331851.html> (accessed: 22.03.2024). (In Russ.).

9. Podrobneye: Svyashchennik-natsist iz PTsU blagoslovlyayet zhestom partii «Svoboda» [Read more: A Nazi priest from the OCU

blesses the Freedom Party with a gesture]. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/07/24/svyashchennik-nacist-iz-pcu-blagoslovlyaet-zhestom-partii-svoboda> (accessed: 22.03.2024). (In Russ.).

10. Oleg Tyagnibok, biografiya [Oleg Tyagnibok, biography] // Ukraina.ru. *Ukraina.ru*. URL: <https://ukraina.ru/20231204/1051663543.html> (accessed: 22.03.2024). (In Russ.).

11. Khimka D.-P. Druzhestvennyye vmeshatel'stva: bor'ba s mifami ukrainskoy istorii v XXI veke [Friendly interventions: the fight against the myths of Ukrainian history of the twentieth century] // *Istoricheskaya politika v XXI veke. Historical Politics in the 21st Century* / ed. by A. Miller, M. Lipman. Moscow, 2012. P. 421–454. (In Russ.).

12. Mitropolit Andrey Sheptitskiy [Mitropolit Andrey Sheptitskiy] // Geroi Ukrainy. *Heroes of Ukraine*. URL: <http://heroes.profi-forex.org/ru/mitropolit-andrij-sheptickij> (accessed: 22.03.2024). (In Russ.).

13. Mozokhin O. B. Germanskoye vliyaniye na sozdaniye ukrainskikh natsionalisticheskikh organizatsiy v 1920–1940 gg. [German influence on the creation of Ukrainian nationalist organizations in 1920–1940] // *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2023. Vol. 13, no. 3. P. 549–568. DOI: 10.21638/spbu24.2023.302. EDN: GYENVP. (In Russ.).

14. Ukrainskiye natsionalisticheskiye organizatsii v gody Vtoroy mirovoy voyny. Dokumenty. V 2 t. T. 2. 1944–1945 [Ukrainian nationalist organizations during the Second World War. Documentation. In 2 vols. Vol. 2. 1944–1945] / ed. by A. N. Artizova. Moscow, 2012. 1167 p. (In Russ.).

15. Ukrainskiye natsionalisticheskiye organizatsii v gody Vtoroy mirovoy voyny. Dokumenty. V 2 t. T. 2. 1939–1943 [Ukrainian nationalist organizations during the Second World War. Documentation. In 2 vols. Vol. 2. 1939–1943] / ed. by A. N. Artizova. Moscow, 2012. 878 p. (In Russ.).

16. A. A. Zemba. Sheptitskiy v Yevrope Gitlera [Sheptytsky in Hitler's Europe] // *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy. Journal of the Russian and East European Historical Studies*. 2018. No. 2 (13). P. 98–126. EDN: PPDVRO. (In Russ.).

17. Tsentral'nyy arkhiv FSB Rossii (TSA FSB Rossii) [Central Archive of the FSB of Russia (CA FSB of Russia)]. File: K-72/1/65. (In Russ.).

18. TSA FSB Rossii [CA FSB of Russia]. File: 100/11/ 8. (In Russ.).

19. Mlechin L. M. Stepan Bandera i sud'ba Ukrainy. O chem napomnil kiyevskiy Maydan [Stepan Bandera and the fate of Ukraine. What the Kyiv Maidan reminded us of]. Moscow, 2014. 414 p. ISBN 978-5-227-05276-6. (In Russ.).

20. Cherkasov A. A., Krinko Ye. F., Shmigel' M. Ukrainskiy natsionalizm v gody Vtoroy mirovoy voyny: priroda i proyavleniya [Ukrainian Nationalism during World War II: Its nature and manifestations] // *Rusin. Rusin*. 2015. No. 2 (40). P. 98–117. DOI: 10.17223/18572685/40/7. EDN: TXOOQD. (In Russ.).

21. Uymanov V. N. Likvidatsiya i reabilitatsiya. Politicheskiye repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919–1941 g.) [Uymanov V. N. Liquidation and rehabilitation. Political repressions in Western Siberia in the system of Bolshevik power (late 1919–1941)]. Tomsk, 2012. 564 p. ISBN 978-5-94621-363-9. (In Russ.).

22. «Svyashchennik» PTsU: Tserkov' priznayet geroyev divizii SS «Galichina» svyatymi [«Priest» of the OCU: The Church recognizes the heroes of the SS division «Galicia» as saints] // *SPZh. UOJ*. URL: <https://spzh.media/ru/news/63994-svyashchennik-pcu-cerkovy-priznayet-gerojev-divizii-ss-galichina-svyatymi> (accessed: 20.03.2024). (In Russ.).

23. Mozokhin O. B. Likvidatsiya organami MGB SSSR lidera natsionalisticheskogo dvizheniya Zapadnoy Ukrainy R. I. Shukhevicha [Liquidation by the USSR Ministry of State Security of the leader of the nationalist movement of Western Ukraine R. I. Shukhevych] // *Istoricheskkiye chteniya na Lubyanke. Otechestvennyye i zarubezhnyye spetssluzhby. Historical Readings at Lubyanka. Domestic and Foreign Intelligence Services: History*

and Modernity. Moscow, 2022. P. 280–288. EDN: RSAGJE. (In Russ.).

24. Vasil'yev S. V. Bor'ba s petlyuroshchinoy i banderovshchinoy v 20–50-kh godakh XX veka [The fight against Petliurschina and Bandera in the 20-50s of the twentieth century]. Moscow, 2024. 240 p. ISBN 978-5-605-07746-6. (In Russ.).

25. TSA FSB Rossii [CA FSB of Russia]. File: № H-20944. Vol. 3. (In Russ.).

26. Vsyá Ukraina – sploshnoy Babiy Yar. O chem izvestno men'she, chem o tragedii v Kiyeye [All of Ukraine is continuous Babi Yar. Less is known about than the tragedy in Kyiv] // *Evreyskaya panorama. Nezavisimaya evreyskaya ezhemesyachnaya gazeta. Jewish Panorama. Independent Jewish Monthly Newspaper*. URL: <https://evrejskaja-panorama.de/article.2021-09.vsyá-ukraina-sploshnoj-babiy-yar.html> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).

27. Zabytyy genotsid: «Volynskaya reznya» 1943–1944 godov: sbornik dokumentov i issledovaniy [Forgotten genocide: «Volyn massacre» of 1943–1944: a collection of documents and research]. Moscow, 2008. 144 p. ISBN 978-5-903588-09-1. (In Russ.).

28. Proyekt rezolyutsii Seyma Pol'shi o genotside OUN-UPA protiv polyakov v 1939–1947 godakh [Draft resolution of the Polish Sejm on the OUN-UPA genocide against the Poles in 1939–1947] // *Informatsionnoye agentstvo REX. REX News Agency*. URL: <https://iarex.ru/news/36011.html> (accessed: 20.03.2024). (In Russ.).

29. Interv'yú Prezidenta Rossii V. V. Putina Takeru Karlsonu [Interview of Russian President V. V. Putin to Tucker Carlson] // *Prezident Rossii. President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (accessed: 12.03.2024). (In Russ.).

30. Patriarkh zayavil, chto greko-katoliki uchastvuyut v razzhiganiy gonenykh na pravoslavnykh Ukrainy [The Patriarch stated that Greek Catholics are participating in inciting persecution of Orthodox Christians in Ukraine] // *TASS. TASU*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18313997> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).

31. O prinyatii na 64-y sessii General'noy Assamblei OON rezolyutsii «Nedopustimost' opredelennykh vidov praktiki, kotoryye sposobstvuyut eskalatsii sovremennykh form rasizma, rasovoy diskriminatsii, ksenofobii i svyazannoy s nimi neterpimosti» [On the adoption at the 64th session of the UN General Assembly of the resolution «Unacceptability of certain types of practices that contribute to the escalation of contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance»] // *Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1635907/ (accessed: 14.03.2024). (In Russ.).

SUSHKO Alexey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia), Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk.

SPIN code: 6496-4278

AuthorID (RSCI): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Correspondence address: alexsushko_1974@mail.ru

For citations

Sushko A. V. The icon of Ukrainian Nazis: on the question of the historical assessment of the «heroes» under the Protection of the Virgin Mary and their modern admirers // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. Story. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 22–32. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-22-32.

Received March 27, 2024.

© A. V. Sushko

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ: ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена характеристике основных форм международного сотрудничества, используемых в начале XX в. для сохранения памяти о значимых событиях военной истории. На основе архивных документов, материалов прессы и личных свидетельств анализируется подготовка, смысловое наполнение и отношение общества к участию России в коммеморативных проектах, реализуемых на территории Германской империи накануне Первой мировой войны. В центре внимания рассмотрение особенностей и проблем выстраивания нарративов о совместном боевом прошлом двух империй в рамках проведения международной выставки в г. Бреславль и открытия памятников в Лейпциге. Автором сделан вывод о том, что на реализацию коммеморативных проектов, приуроченных к 100-летию победы в наполеоновских войнах, оказывала влияние сложившаяся система международных отношений. За кулисами грандиозных торжеств скрывалось стремление Германской империи дать историческое обоснование своему внешнеполитическому курсу. Для российского государства участие в совместных проектах открывало возможность напомнить Европе о своей роли на международной арене и силе армии. Намечены перспективные направления дальнейших исследований проблемы.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморативные практики, международное сотрудничество, места памяти, наполеоновские войны, сражение под Лейпцигом, Российская империя, Германская империя.

Введение. Проблемы, связанные с формированием и сохранением исторической памяти о войнах у различных социальных групп, наций, государств актуальны всегда. Исследовательский интерес к данной тематике обусловлен, с одной стороны, тем, что память о героическом прошлом представляет собой неотъемлемый элемент национального самосознания и идентичности российского общества. С другой — в условиях сложной международной обстановки осуществляется переоценка роли русской армии в различных войнах.

Накануне Первой мировой войны российское государство обращалось к военно-историческим сюжетам прошлого не только в целях объединения населения империи, но и для напоминания странам Европы о силе русской армии. В данном контексте увековечение памяти о войнах XIX столетия становилось одним из главных направлений политики памяти. Особое внимание отводилось коммеморации событий эпохи наполеоновских войн.

Похожие процессы наблюдались и в других европейских государствах, прежде всего, в Германской империи, которая активно использовала Освободительную войну 1813–1815 гг. в целях формирования основополагающего национального мифа. Приближающаяся 100-летняя годовщина по-

беды над французской армией способствовала активизации коммеморативной деятельности стран-участниц шестой коалиции. Обращение к данному сюжету позволит не только определить формы международного сотрудничества в области сохранения памяти о военных событиях накануне мирового конфликта, но и проанализировать взаимовлияние внешнеполитического курса и политики памяти.

Историческая память о тех или иных событиях выступала в качестве предмета оригинальных исследований на протяжении нескольких десятилетий. Труды П. Нора [1], А. Ассман [2] и др. в настоящее время представляют собой классические работы и служат ориентиром для новых научных изысканий. Р. Ю. Батищев [3], А. С. и Е. С. Сенявские [4] предприняли попытки теоретического осмысления феномена войны и ее роли в процессе формирования национальной идентичности. Д. Мосс в своем исследовании пришел к выводу, что накануне первого мирового конфликта в памяти произошло смещение акцентов от ужасов к значимости и славе войны [5, с. 50]. В. В. Лапин уделил внимание анализу влияния юбилеев начала XX в. на формирование памяти о войнах в российском обществе [6]. Ряд исследователей посвятил свои работы рассмотрению особенностей организации и проведения в России

торжеств, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. [7–8]. Некоторые аспекты работы международной выставки в Бреславле были представлены в исследовании Л. П. Рудаковой [9] и коллективной монографии «Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев» [10]. Также научным сообществом были проанализированы лейпцигские торжества и участие в них русской делегации [11–12]. Несмотря на весь накопленный материал, в тени отечественной исторической науки остаются сюжеты, посвященные увековечению памяти о событиях 1813–1815 гг., поскольку внимание исследователей сосредоточено на рассмотрении коммеморативных проектов, реализуемых в пределах российского государства и направленных на собственное население. Дальнейшего изучения требует проблематика военной составляющей исторической памяти и влияние на нее внешнеполитического курса государства накануне Первой мировой войны.

Цель настоящей статьи состоит в реконструкции основных форм международного сотрудничества Российской и Германской империй в начале XX столетия по сохранению исторической памяти о наполеоновских войнах.

Одним из главных источников в данном исследовании стала делопроизводственная документация, включающая в себя рапорты, донесения, переписку между различными правительственными организациями. Данные материалы сохранились в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ), отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Важную роль сыграли заметки и статьи, опубликованные на страницах «Русского инвалида» и «Нового времени», использование которых позволило воссоздать отдельные аспекты коммеморативной деятельности начала XX в. Не меньшее значение сыграло обращение к воспоминаниям военного министра В. А. Сухомлинова [13], генерал-лейтенанта П. Н. Воронова [14], великого князя Кирилла Владимировича [15] и других лиц, принимавших участие в реализации международных коммеморативных проектов.

Условия для реализации совместных коммеморативных проектов. Война как элемент исторической памяти выполняет ряд функций, среди которых особое значение имеет формирование национальной идентичности и самосознания. Для России борьба с Наполеоном стала Отечественной войной, а для населения Германской империи — освободительной, подготовившей страну к объединению. Победа над великой французской армией являлась неотъемлемой частью национального героического нарратива обоих государств, что способствовало сохранению памяти о ней на протяжении длительного времени. Так, значимость события для каждой из стран-участниц военной кампании и совместный боевой опыт являлись одними из главных факторов для реализации общих коммеморативных проектов.

Необходимо также учитывать, что их воплощение зачастую зависело от конкретной международной обстановки, характера взаимоотношений между государствами, личных контактов и инициатив. Чествование национальных героев, воспоминание о наполеоновских войнах накануне Первой миро-

вой войны использовалось для решения актуальных политических задач. Россия, таким образом, получала возможность напомнить о своей роли на международной арене и силе армии. При этом российское государство стремилось избежать каких-либо действий, которые могли бы задеть национальные чувства своей союзницы — Франции. Германская империя, используя тезис об «освобождении ее от глубочайшего унижения» [16, л. 9 об.], обосновывала справедливость своих внешнеполитических притязаний. Так, разница в национальных исторических нарративах и международная обстановка оказывали непосредственное воздействие на государственную политику в области сохранения памяти о военных событиях.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о способах сохранения памяти о героическом прошлом на международном уровне. Наиболее удачным представляется разделение всех форм коммеморации, предназначенных для внешнеполитической арены, «на символические жесты, ограниченные по времени и количеству участников, и места памяти, локализованные в пространстве или во времени» [17, с. 182].

Международная выставка в Бреславле. В начале XX в. активно использовались коммеморативные практики, которые можно обозначить как символические жесты. По мнению К. А. Пахалюка, к ним относятся «заявления, выступления, конференции, торжественные церемонии» [17, с. 182]. На наш взгляд, в этот список также можно включить организацию международных выставок.

В г. Бреславль Германской империи 7 мая 1913 г.¹ состоялось открытие международной выставки, посвященной 100-летию окончания Освободительной войны 1813–1815 гг. На нее приглашались Россия, Швеция и Австрия, «именно те державы, войска которых участвовали в войне с Наполеоном после изгнания его из России» [18]. Для выставки было построено постоянное здание из огнеупорных материалов, состоявшее из 56 комнат. По замыслу организаторов мероприятие должно было представить «объективную картину того времени» [16, л. 9 об.], поэтому большое внимание отводилось сбору материалов «не только в Германии, но и в союзных тогда Пруссии государствах» [16, л. 10 об.].

Посол Германской империи в начале января 1913 г. обратился к военному министру В. А. Сухомлинову с просьбой прислать русскую коллекцию для ее демонстрации в Бреславле [16, л. 1]. Главное интендантское управление настоятельно рекомендовало военному министру в «случае признания участия в выставке в Бреслау — желательным, трофеи, особенно отбитые у французов» [19, л. 7], не отправлять.

15 января 1913 г. Николай II дал согласие на участие России в международной выставке. После чего была образована специальная комиссия по устройству русского отдела под руководством начальника Артиллерийского Исторического музея, генерал-майора Д. П. Струкова. 9 февраля 1913 г. был утвержден ее состав [20, л. 1]. В комиссию вошли специалисты различных отраслей, военные историки, среди которых делопроизводитель Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества, гвардейский полковник В. К. Шенк, капитан лейб-гвардии Саперного батальона Г. С. Габаев, гражданский инженер, делопроизводитель технического комитета Главного Интендантского управления Ка-

зин, начальник Морского музея императора Петра Великого капитан I ранга А. А. Попов, художник-архитектор Императорской академии художеств Ф. Г. Бернштам, начальник Архива Министерства народного просвещения К. А. Военский. В сферу непосредственных задач органа входило устройство русского отдела, отбор, наблюдение за перевозкой и хранением экспонатов в Бреславле. На решение организационных вопросов был выделен специальный кредит в размере 10 тыс. руб.

Для организации работы русского отдела председатель комиссии Д. П. Струков трижды был командирован в Бреславль. Первая поездка предполагала ознакомление с помещением выставки [21, л. 3–3 об.]. В рамках второй осуществлялась транспортная перевозка экспонатов. Третий визит Дмитрия Петровича был приурочен к непосредственному открытию выставки в Бреславле, где он оставался до ее закрытия и отправления исторических предметов обратно в Россию [19, л. 34 об.]. Ему на помощь в распаковке и размещении экспонатов в разное время также направлялись и другие члены [22, л. 177].

Специальной комиссией был составлен список предметов, которые должны были представить «в общем собрании историческую картину военного могущества России в эпоху Освободительной войны 1813–1815 гг.» [16, л. 17]. Все экспонаты временно изымались из музеев, собраний императора, библиотек и императорской главной квартиры. Так, из Морского музея Петра Великого были отобраны 24 гравированных клинка эпохи Александра I, шашка конвойного казака генерала Ермолова, акварельные миниатюры, литографии и фотографии участников и современников войны 1813–1815 гг. [21, л. 6]. Ряд предметов был взят из частных коллекций П. Я. Дашкова, Ф. Г. Козлянинова, И. Д. Орлова. Член комиссии К. А. Военский из своего собрания предоставил 10 предметов стоимостью 1220 руб. Среди них можно было встретить игральные карты, печатные прокламации, трубку резную из дерева с серебряными украшениями, предметы быта и др. [20, л. 4]. В общей сложности для выставки было отобрано свыше 500 памятников [23, л. 10 об.], расходы по упаковке и перевозке которых брал на себя г. Бреславль [16, л. 2]. Муниципалитет силезского города гарантировал, что все предметы будут возвращены в целостности. К тому же все предметы были застрахованы от любых повреждений за исключением «ущерба, причиненного войной, беспорядками и землетрясениями» [16, л. 11 об.].

Необходимо отметить, что участие России в международной выставке стало причиной дискуссии, развернувшейся на страницах отечественных периодических изданий. В «Новом времени» была опубликована заметка, содержащая призыв не вывозить из музеев и галерей исторические и художественные предметы [20, л. 5]. К. А. Военский как член комиссии предпринял попытку успокоить общественность и доказать ошибочность взглядов своего анонимного оппонента. Константин Адамович настаивал на том, что только «торжественное предъявление неопровержимых свидетельств прошлого не позволит замолчать заслугу России в деле обретения Германией своей независимости» [20, л. 8].

По замечанию Д. П. Струкова, план устройства русского отдела (рис. 1) имел в основании «полнейшее устранение всего, чтобы могло обидно затро-

Рис. 1. Русский отдел на международной выставке в Бреславле, 1913 г. [9, с. 31]

нуть чувства побежденной в те дни и ныне союзной нам Франции» [16, л. 24 об.]. В связи с этой главной идеей русской экспозиции стало прославление царствования Александра I и демонстрация вооружения. Для этого с помощью особого размещения памятников помещение визуально делилось на три части. В первой были представлены портреты, бюсты, личные предметы Александра I и царской семьи. Вторая часть была посвящена героям войны 1813–1815 гг. и включала в себя портреты, рисунки, бюсты, отдельные вещи М. И. Кутузова-Смоленского, М. Б. Барклая де Толли и еще 90 генералов, а также 25 портретов нижних чинов. В последней были представлены образцы вооружения и обмундирования русских войск эпохи наполеоновских войн. Для ознакомления с экспозицией русского отдела 1 июня 1913 г. по ходатайству Д. П. Струкова Николаю II был поднесен альбом фотографий [16, л. 14].

На страницах немецкой периодической печати широко освещалось проведение выставки в Бреславле. Профессор Ф. Рахваль в газете, имеющей мировую известность, «Frankfurter Zeitung» отмечал блестящее устройство русского отдела. Он указывал, «что количество подлинных форм прусской коллекции очень невелико <...> из фигур других государств следует в особенности упомянуть русские в количестве 10, одетые все в настоящие мундиры» [19, л. 320]. Данные манекены, изображающие нижних чинов различных полков, были специально изготовлены для России скульптором-художником, профессором Бреславля В. Шварцбахом. Корреспонденты других периодических изданий также отмечали ценность коллекции Российской империи.

17 августа 1913 г. русский отдел выставки посетил Германский император в сопровождении супруги и других членов семьи. Д. П. Струков отмечал, что Вильгельм II «оставался в русском отделе в продолжение 25 минут, живо интересуясь выставленными в нем памятниками, в особенности же Его Величество остался удивленным наличием в России форм обмундирования войск, современного эпохе Освободительной войны» [16, л. 25 об.].

Официальное завершение работы состоялось 13 октября. За пять месяцев по официальным данным выставку посетили 4 600 000 чел. [16, л. 25 об.]. По замечанию Дмитрия Петровича, гостей из России было немного, а из августейших особ в мероприятии приняла участие великая княгиня Мария Павловна в сопровождении великого князя Бориса Владимировича. 23 октября все русские памятники

в сохранности были отправлены обратно. Также по просьбе Оружейной палаты удалось отреставрировать редкий портрет Александра I, созданного художником Т. Лоуренсом.

Таким образом, выставка в Бреславле представляла собой один из крупнейших международных проектов в области сохранения памяти об эпохе наполеоновских войн. При этом каждая из стран-участниц стремилась использовать данное мероприятие в своих целях.

Монументы как элемент совместных мест памяти. Другим направлением в области коммеморации наполеоновских войн, получившим распространение в начале XX столетия, стала работа по созданию мест памяти, сочетающих в себе «три смысла: материальный, символический и функциональный» [1, с. 40]. В таком случае сооружаемые памятники на полях сражений играли роль свидетельства за этим пространством определенного культурного контекста. Организация различных церемоний и ритуалов наполняла эти места определенными символическими смыслами и актуализировала в обществе исторические сюжеты.

Накануне Первой мировой войны предпринимались активные усилия по увековечению памяти о битве под Лейпцигом, которая состоялась 4–7 октября 1813 г. Битва народов была одним из кровопролитных сражений в истории XIX в., закончившихся отступлением Наполеона во Францию. Германской империей данное событие воспринималось как начало возрождения, поэтому не случайно в 1913 г. празднование в Лейпциге являлось кульминацией торжеств, приуроченных к 100-летию юбилею Освободительной войны [10, с. 274]. По инициативе Союза германских патриотов было собрано свыше 6 млн марок для сооружения памятника-мавзолея высотой в 91 метр, строительство которого началось в 1898 г. Но и в Российской империи чтили память о Битве народов, в которой она потеряла 22 тыс. чел.

31 января 1909 г. последовало Высочайшее соизволение Николая II на сооружение храма или часовни в память о павших русских воинах под Лейпцигом, для чего разрешался повсеместный сбор пожертвований. По устоявшейся практике подобное решение сопровождалось учреждением межведомственной комиссии. 16 июля 1909 г. военный министр В. А. Сухомлинов обратился к генералу от инфантерии В. Г. Глазову с просьбой принять на себя выполнение обязательств по «организации сбора пожертвований, наилучшего их использования и разрешения всех могущих возникнуть при этом вопросов» [24, л. 5]. Но о создании особого комитета или комиссии ничего не говорилось. В. Г. Глазов согласился принять на себя данные обязательства.

Однако 21 апреля 1910 г., по воспоминаниям П. Н. Воронова, последовало Высочайшее соизволение на утверждение комитета по сооружению храма-памятника на поле Лейпцигского сражения под почетным председательством великого князя Михаила Александровича. Павел Николаевич отмечал, что идея сооружения памятника принадлежала «частному лицу, дочери действительного статского советника О. П. Дмитриевой» [14, с. 6]. Она также выступила с инициативой создания особого комитета. По всей видимости, активная деятельность Ольги Петровны, сложности сооружения памятника за границей, а также участие В. Г. Глазова в научных обществах, руководство межведомственной комиссией по празднованию 100-летия Отечествен-

Рис. 2. Проект храма-памятника на поле сражения под Лейпцигом в 1813 г. Архитектор В. А. Покровский [14, с. 4]

ной войны 1812 г. стали причинами учреждения специального коллективного органа.

Фактическое руководство находилось в руках председателя комитета, функции которого были возложены на начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Е. А. Гернгросса, а затем сменившего его на этом посту генерала от кавалерии Я. Г. Жилинского [25, л. 12]. Товарищем председателя был назначен отставной генерал-лейтенант П. Н. Воронов. Также в состав комитета входили почетные и действительные члены, среди которых были Санкт-Петербургский митрополит Анисий, действительный статский советник граф фон-дер Остен-Сакен, заслуженный профессор императорской Николаевской академии генерал-лейтенант Б. М. Колюбакин, директор женского педагогического института, действительный статский советник С. Ф. Платонов [25, л. 10–11 об.], граф Ф. Ф. Юсупов и др. Важную роль в сооружении храма сыграл член комитета, его представитель в Лейпциге, местный коммерсант Ф. В. Додель. Ему удалось добиться не только безвозмездной передачи участка под строительство, но и получить скидку у подрядчиков в размере 5 %, что позволило сэкономить 110–115 тыс. марок, что составляло 1/5 всей стоимости [26, л. 192–192 об.].

Лейпцигский комитет предложил воздвигнуть небольшой храм-памятник на 300 человек, «скромный по величине и не сравнимый с германским обелиском, но по красоте и пропорциям, отвечающий достоинству России и значению русского церковного зодчества» [25, л. 2]. Николаю II 5 июня 1911 г. были представлены три эскиза, разработанные академиком В. А. Покровским. Император сде-

лал выбор в пользу проекта, напоминающего храм Вознесения в Коломенском (рис. 2). Позже размеры предполагаемого сооружения были уменьшены с целью сокращения расходов на строительство [12, с. 65]. На стенах планировалось разместить имена офицеров и общее число погибших в сражении под Лейпцигом [26, л. 3–3 об.]. Также в храме предполагалось обустройство музея с предметами, относящимися к лейпцигскому сражению.

Необходимо отметить, что уже после учреждения комитета было предложено построить храм в Берлине, а не в Лейпциге. С подобной инициативой выступил настоятель посольской домово́й церкви в Берлине протоирей А. П. Мальцев. Он указывал, что русскому памятнику по размерам и богатству трудно будет выдержать соперничество с немецким. Также он обращал внимание на незначительное число православных жителей Лейпцига [25, л. 4–4 об.]. Члены лейпцигского комитета постановили, что данный вопрос не подлежит обсуждению, поскольку сбор пожертвований осуществлялся «на храм-памятник на поле лейпцигского сражения, а не в каком-либо другом месте» [25, л. 7].

15 декабря 1912 г. в 11 часов утра в Лейпциге состоялась торжественная закладка храма-памятника [24, л. 22], куда был командирован военный министр В. А. Сухомлинов, поскольку «Его Императорское высочество великий князь Михаил Александрович не изъявил согласия присутствовать на закладке» [26, л. 14]. На церемонии Россию также представляли командиры Лейб-гвардии Измайловского полка генерал-майор Н. М. Киселевский, Лейб-гвардии Павловского полка генерал-майор К. Г. Некрасов, Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка генерал-майор Г. А. Пономарев и Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады генерал-майор Н. П. Демидов [26, л. 18]. По воспоминаниям П. Н. Воронова, в мероприятии также приняли участие «все министры Саксонии, представители магистрата г. Лейпцига, саксонских войск, инославного духовенства, а также именитые г. Лейпцига граждане» [14, с. 66].

Однако пребывание российских военных в Германской империи вызвало неоднозначную реакцию в Париже, о чем указывал в своих воспоминаниях В. А. Сухомлинов. После закладки памятника он отправился во Францию, где тогда находилась его жена. Неожиданно ему пришла телеграмма из Петербурга, в которой содержались указания о необходимости нанести визит французскому президенту. Далее он писал: «Командировка нашей делегации в Лейпциг и мое посещение Потсдама вызвали в Париже известную сенсацию, для парирования которой признано было, в интересах политики, чтобы я представился официально главе нашей союзнице» [13, с. 59]. Но при личной встрече никто не затронул темы лейпцигских торжеств.

За два с половиной года на сооружение храма было собрано около 127 тыс. руб. Основными источниками пополнения капитала стали церковные сборы, частные пожертвования и деньги, вырученные с чтения лекций. Но на реализацию проекта требовалось 250 тыс. руб. [26, л. 74 об.]. В связи с нехваткой средств, в феврале 1913 г. в Государственную думу было внесено предложение о выделении из государственного казначейства 120 тыс. руб. на завершение строительства храма. Потребность в дополнительных ассигнованиях обосновывалась тем, что этот памятник будет «постоянным напоминанием для Европы о великой жертве и силе России» [26, л. 74 об.]. Отпуск денежных средств

был подтвержден на заседании думы 6 июня 1913 г. [26, л. 94 об.]. Несмотря на все трудности, строительство храма-памятника было закончено вовремя.

7 мая 1913 г. Николаем II была утверждена программа открытия и освящения памятника в Лейпциге [12, с. 75], предполагающая проведение всех официальных мероприятий с 3 по 5 октября. Последний день русских торжеств совпадал с открытием немецкого памятника Битве народов. Примечательно, что первоначально со стороны германского патриотического союза — главного организатора, подчеркивалось, что они не планируют направлять в какие-либо страны приглашения для открытия, а напротив ждут заявлений от желающих [26, л. 72 об.].

Подобная позиция немецкой стороны вызвала в среде российской общественности возмущение. От Общества ревнителей истории на имя Я. Г. Жилинского было направлено ходатайство о разрешении отправить делегацию за свой счет для присутствия на открытии немецкого памятника с целью «напомнить германскому народу о русских воинах, проливших свою кровь для освобождения и объединения Германии» [26, л. 79]. Представленное прошение было отклонено Генеральным штабом, поскольку «командирование такой делегации вопреки просьбе германского правительства, могло бы быть принято последним как нарушение правил международной вежливости» [26, л. 80 об.].

По мере приближения к знаменательной годовщине становился все более актуальным и приобретал политический характер вопрос о лицах, которые должны были присутствовать на открытии и русском памятника. В апреле-мае 1913 г. в Министерство иностранных дел Российской империи неоднократно «доверительно» поступала информация от министра-резидента в Дрездене, барона А. В. Вольфа о желательности приглашения тех или иных высочайших особ. Так, 27 мая 1913 г. сообщалось, что Германией на открытие своего памятника «кроме саксонского короля и всех членов королевского дома приглашены император Германский, император Австрийский, король Венгерский, король Шведский, король Вюртембергский, а также высочайшие особы» [26, л. 112]. Барон настаивал на необходимости их участия в русских торжествах.

По всей видимости, получение этой информации поставило в затруднительное положение Российскую империю, поскольку по установившимся требованиям коронованным особам приглашения на те или иные торжества направлялись за продолжительный период до предполагаемого события. Саксонский король еще в конце декабря 1912 г. официально уведомил Николая II об открытии памятника Битве народов. Но, несмотря на то, что до торжественных мероприятий оставалось три месяца, 28 июня 1913 г. приглашения представителям царствующих домов были разосланы [26, л. 137–138].

Свое личное присутствие подтвердил кайзер Германской империи, король Саксонии и король Вюртембергский. Австро-Венгрия и Швеция приняли приглашение и назначили в качестве своих представителей наследных принцев. Принц-регент Баварский и герцог Саксен-Готский выразили согласие на участие, в случае отсутствия непредвиденных обстоятельств. Николай II не планировал посещение русского памятника в день его освящения, поэтому 24 июля 1913 г. своим представителем

назначил великого князя Кирилла Владимировича [26, л. 163]. Таким образом, анализ делопроизводительной документации позволил воссоздать детали, раскрывающие особенности подготовительного этапа столь грандиозного события. Нерешительность и непоследовательность в решении некоторых вопросов, связанных с открытием памятников в Лейпциге, свидетельствовало о сложных отношениях между бывшими союзниками.

В связи с этим еще более противоречивым выглядит «отдельное австрийское торжество у памятника князю Шварценбергу в парке Мейсдорф близ Лейпцига» [26, л. 302], организованное эрцгерцогом Францем Фердинандом. Об этом лишь в конце сентября «весьма спешно и доверительно» было сообщено Я. Г. Жилинскому. К. Ф. Шварценберг в битве под Лейпцигом являлся главнокомандующим союзными войсками, но годом ранее он командовал вспомогательным австрийским корпусом, принимающим участие в походе Наполеона в Россию. Тем не менее Николай II 28 сентября одобрил участие Кирилла Владимировича и ограниченного числа лиц из военной делегации в торжествах у австрийского памятника [26, л. 313].

В соответствии с утвержденной программой 3 октября 1913 г. состоялось перенесение с Иоганновского кладбища праха русских воинов, павших под Лейпцигом, в склеп русского храма-памятника. Процессия в окружении многотысячной толпы с останками героев передвигалась по главным улицам города [27]. В тот же день в 5 часов вечера было совершено всенощное бдение и панихида по императору Александру I и всем погибшим в Битве народов. На следующий день состоялось освящение русского храма-памятника в присутствии военных и гражданских лиц из России и Саксонского королевства. Божественная литургия по случаю тезоименитства Алексея Николаевича и торжественный молебен стали кульминацией торжеств, приуроченных к открытию русского храма в Лейпциге. 5 октября после освящения и открытия немецкого монумента высочайшие гости и особы переместились к русскому памятнику, которых лично встречал Кирилл Владимирович [28]. Однако в своих воспоминаниях великий князь указал только то, что он «по поручению Государя присутствовал на открытии мемориала солдатам русской и союзных армий, павшим в битве при Лейпциге» [15].

Храм-памятник в Лейпциге являлся последним крупным архитектурным объектом, сооруженным Российской империей за границей. Но расположение за пределами государства создавало немало трудностей для его содержания. Спустя месяц после его открытия на страницах периодических изданий появились заметки о том, что «церковь находится в хозяйственном владении немцев, установивших за право осмотра особую входную плату 1 марку, взимаемую сторожами немцами, разгуливающими по храму в головных уборах, что является оскорбительным для русского религиозного чувства» [26, л. 333]. Появление подобной информации ускорило учреждение причета и закона об отпуске денежных средств на содержание храма, в соответствии с которым начиная с 1915 г. должно было осуществляться ассигнование в размере 7787 руб. в год. [12, с. 88].

Заключение. Таким образом, в начале XX столетия было выявлено две формы международного сотрудничества Российской и Германской империй в области сохранения памяти о событиях эпохи

наполеоновских войн. Первая — это организация международной выставки в Бреславле. Ее временный характер, ограниченное количество участников в лице специальной комиссии по устройству русского отдела не могли обеспечить длительного сохранения памяти о вкладе русской армии в противостоянии с революционной Францией. Второй формой международного сотрудничества накануне Первой мировой войны в сфере увековечения памяти о значимых военных событиях стало создание мест памяти. Сооружение русского и немецкого памятников на поле Лейпцигского сражения закрепляло за этим пространством определенный культурный контекст и смысловое значение не только для современников, но и для будущих потомков. Несмотря на видимое отсутствие враждебности в официальных кругах со стороны Германской империи по отношению к России, анализ делопроизводительной документации продемонстрировал наличие некоей конкуренции. Это нашло отражение в рефлексии представителей российской общественности относительно размеров, места сооружения, участия тех или иных лиц в открытии русского храма-памятника.

Несмотря на то, что представленные проекты отличались по своей форме, охвату аудитории, влиянием на сознание современников, их объединяла общая цель — сохранение памяти о героическом прошлом. Но при этом каждая из стран попыталась представить свое видение военного конфликта. В процессе организации выставки в Бреславле и сооружения храма-памятника со стороны России прослеживалась генеральная линия в демонстрации своей значимости на внешнеполитической арене, роли в объединении Германии, силе армии, стремлении не задеть чувства Франции. Германская империя в своем дискурсе акцентировала внимание на возрождении, начале нового этапа для немецких государств, укреплении взаимоотношений с Австро-Венгрией. Таким образом, одной из проблем в ходе реализации общих проектов стало разное содержание национальных нарративов о совместном боевом прошлом, что во многом было обусловлено сложными внешнеполитическими отношениями между бывшими союзниками накануне Первой мировой войны.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-78-01190 («Военные события в исторической памяти российского общества в начале XX века»), <https://www.rscf.ru/project/23-78-01190/>.

Примечания

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

Библиографический список

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50. ISBN 5-288-02318-2.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. ISBN 978-5-4448-0146-8.
3. Батищев Р. Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2, № 1.

С. 34–42. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.005. EDN: BZOMCC.

4. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Поле боя — историческая память: военная история России XX века в контексте психологической войны и современной геополитики // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 106–125. EDN: YQGWRWF.

5. Moss G. L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1990. 272 p.

6. Лапин В. В. Трехсотлетие дома Романовых и военные юбилеи начала XX века // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013: сб. ст. Санкт-Петербург, 27–28 марта 2014 г. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2016. С. 164–180. EDN: XMQJAD.

7. Павленко В. В. Деятельность провинциальных государственных и общественных учреждений по подготовке празднования 100-летия Отечественной войны 1812 года на примере Смоленской губернии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 9 (110). С. 144–152. EDN: QIZPWD.

8. Дмитриева О. О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX–начало XX века): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2019. 226 с.

9. Рудакова Л. П. Генерал-майор Дмитрий Петрович Струков (Летопись жизни и деятельности, 1864–1920). Санкт-Петербург, 2017. 63 с.

10. Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / Под ред. О. С. Поршневой, Н. Н. Барановой, В. Н. Земцова. Москва: Политическая энциклопедия, 2021. 551 с. ISBN 978-5-82-432417-4.

11. Голотина А. И. Кайзер, воин, охотник на львов: 100-летний юбилей Битвы народов и немецкое общество // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2022. Т. 12, № 1. С. 49–64. EDN: JASNAR.

12. Гаврилов С. А. Из истории создания храма-памятника во имя Святителя Алексия в Лейпциге // Русский храм-памятник в Лейпциге: сб. науч. тр. / сост., отв. ред. М. Э. Дмитриева. Санкт-Петербург: Коло, 2015. С. 59–125. ISBN 978-4-4462-0054-2.

13. Сухомлинов В. А. Воспоминания Сухомлинова. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. 334 с.

14. Воронов П. Н. Храм-Памятник на поле сражения под Лейпцигом (К столетию «Битвы народов» под Лейпцигом 4–7 октября 1813 г.) // Русская старина. 1913. Т. CLVI (156), вып. 10–12. С. 4–6.

15. Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. Санкт-Петербург: Лики России, 1996. 334 с. ISBN 5-87417-027-8.

16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1085.

17. Пахалюк К. А. Россия и Болгария: между «войнами памяти» и поиском общего прошлого // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 178–203. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203. EDN: YMZVAL.

18. Международная выставка в Бреславле // Юго-Западный край. 1913. 12 мая.

19. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 22. Оп. 92. Д. 87.

20. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 80.

21. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 578. Оп. 1. Д. 171.

22. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 829.

23. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1777.

24. Российский государственный исторический архив. Ф. 992. Оп. 1. Ед. хр. 115.

25. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1070.

26. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1083.

27. Русский инвалид. 1913. 4 октября.

28. Русский инвалид. 1913. 8 октября.

ЛИЗОГУБ Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

SPIN-код: 7798-6721

AuthorID (РИНЦ): 552479

ResearcherID: Y-8523-2019

Адрес для переписки: chestopalova94@mail.ru

Для цитирования

Лизогуб А. С. Сохранение памяти о наполеоновских войнах: формы международного сотрудничества России и Германской империи в начале XX в. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 33–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-33-41.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023 г.

© А. С. Лизогуб

KEEPING THE MEMORY OF NAPOLEONIC WARS: FORMS OF INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE GERMAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

The article is devoted to the characteristics of the main forms of international cooperation used at the beginning of the twentieth century keeping the memory of significant events in military history. Based on archival documents, press materials and personal testimonies, the preparation, semantic content and attitude of society towards Russia's participation in commemorative projects implemented on the territory of the German Empire on the eve of the First World War are analyzed. The focus is on considering the features and problems of building narratives about the joint military past of the two empires within the framework of the international exhibition in Breslau and the opening of monuments in Leipzig. The author concluded that the implementation of commemorative projects dedicated to the 100th anniversary of the victory in the Napoleonic wars is influenced by the existing system of international relations. Behind the scenes of the grandiose celebrations was hidden the desire of the German Empire to provide a historical justification for its foreign policy course. For the Russian state, participation in joint projects provided an opportunity to remind Europe of its role in the international arena and the strength of the army. Promising directions for further research of the problem are outlined.

Keywords: politics of memory, commemorative practices, international cooperation, places of memory, Napoleonic wars, battle of Leipzig, Russian Empire, German Empire.

Acknowledgments

The article is prepared with the financial support of the Russian National Science Foundation grant No. 23-78-01190 («Military events in the historical memory of Russian society at the beginning of the 20th century»), <https://www.rscf.ru/project/23-78-01190/>.

References

1. Nora P. Problematika mest pamyati [Problems of places of memory] // *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg, 1999. P. 17–50. ISBN 5-288-02318-2. (In Russ.).
2. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow, 2014. 328 p. ISBN 978-5-4448-0146-8. (In Russ.).
3. Batishchev R. Yu. Pamyat' o voynakh i «voyny pamyati» v sovremennykh memory studies: osnovnyye podkhody k izucheniyu i klyuchevyye akty [War memory and «memory wars» in modern memory studies: the main approaches and key actors] // *Tempus et Memoria. Tempus et Memoria*. 2021. Vol. 2, no. 1. P. 34–42. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.005. EDN: BZOMCC. (In Russ.).
4. Senyavskiy A. S., Senyavskaya E. S. Pole boya – istoricheskaya pamyat': voyennaya istoriya Rossii XX veka v kontekste psikhologicheskoy voyny i sovremennoy geopolitiki [The battlefield is historical memory: the military history of Russia in the twentieth century in the context of psychological warfare and modern geopolitics] // *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy. Journal of Russian and East European Historical Research*. 2010. No. 1. P. 106–125. EDN: YQGWRP. (In Russ.).
5. Moss G. L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1990. 272 p. (In Engl.).
6. Lapin V. V. Trekhsotletiyе doma Romanovykh i voyennyе yubiley nachala XX veka [The three hundredth anniversary of the Romanov house and military anniversaries of the early twentieth century] // 400-letiyе doma Romanovykh: politika pamyati i monarkhicheskaya ideya, 1613–2013. *400th Anniversary of the House of Romanov: Politics of Memory and the Monarchical Idea, 1613–2013*. Saint Petersburg, 2016. P. 164–180. EDN: XMQJAD. (In Russ.).
7. Pavlenko V. V. Deyatel'nost' provintsial'nykh gosudarstvennykh i obshchestvennykh uchrezhdeniy po podgotovke prazdnovaniya 100-letiya Otechestvennoy voyny 1812 goda na primere Smolenskoй gubernii [The provincial government

and public institutions' activities for celebration of the Patriotic War of 1812, by the example of Smolensk province] // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology*. 2013. No. 9 (110). P. 144–152. EDN: QIZPWD. (In Russ.).

8. Dmitriyeva O. O. Deyatel'nost' gosudarstvennoy vlasti i obshchestva v Rossiyskoy imperii po formirovaniyu kommemorativnykh praktik ob Otechestvennoy voyne 1812 goda (XIX–nachalo XX veka) [Activities of state authorities and society in the Russian Empire in the formation of commemorative practices about the Patriotic War of 1812 (XIX–early XX centuries)]. *Cheboksary*, 2019. 226 p. (In Russ.).

9. Rudakova L. P. General-mayor Dmitriy Petrovich Strukov (Letopis' zhizni i deyatel'nosti, 1864–1920) [Major General Dmitry Petrovich Strukov (Chronicle of life and activity, 1864–1920)]. *Saint Petersburg*, 2017. 63 p. (In Russ.).

10. Voyna, politika, pamyat': Napoleonovskiye voyny i Pervaya mirovaya vojna v prostranstve yubileyev [War, politics, memory: Napoleonic Wars and the First World War in the space of anniversaries] / ed. by O. S. Porshnevoy, N. N. Baranovoy, V. N. Zemtsova. *Moscow*, 2020. 551 p. ISBN 978-5-82-432417-4. (In Russ.).

11. Golotina A. I. Kayzer, voyn, okhotnik na l'vov: 100-letniy yubiley Bitvy narodov i nemetskoye obshchestvo [Kaiser, warrior and lion hunter: 100th anniversary of the battle of the nations and German society] // *Imagines mundi: al'manakh issledovaniy vseobshchey istorii XVI–XX vv. Imagines Mundi: an Almanac Exploring the General History of the 16th–20th Centuries*. 2022. Vol. 12, no. 1. P. 49–64. EDN: JASNAR. (In Russ.).

12. Gavrilov S. A. Iz istorii sozdaniya khrama-pamyatnika vo imya Svyatitelya Aleksiya v Leyptsige [From the history of the creation of the memorial church in the name of St. Alexius in Leipzig] // *Russkiy khram-pamyatnik v Leyptsige. Russian Temple-Monument in Leipzig / ed. by M. Je. Dmitrieva*. *Saint Petersburg*, 2015. P. 59–125. ISBN 978-4-4462-0054-2. (In Russ.).

13. Sukhomlinov V. A. Vospominaniya Sukhomlinova [Memoirs of Sukhomlinov]. *Moscow; Leningrad*, 1926. 334 p. (In Russ.).

14. Voronov P. N. Khram-Pamyatnik na pole srazheniya pod Leyptsigom (K stoletiyu bitvy narodov pod Leyptsigom 4–7 oktyabrya 1913 g.) [Temple-Monument on the battlefield near Leipzig (To the centenary of the Battle of the Nations near Leipzig, October 4–7, 1913)] // *Russkaya starina. Russian Antiquity*. 1913. Vol. CLVI (156), no. 10–12. P. 4–6. (In Russ.).

15. Kirill Vladimirovich, Imperator. Moya zhizn' na sluzhbe Rossii [Kirill Vladimirovich, Emperor. My life is in the service of Russia]. *Saint Petersburg*, 1996. 334 p. ISBN 5-87417-027-8. (In Russ.).

16. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)]. File: 2000/2/1085. (In Russ.).

17. Pakhalyuk K. A. Rossiya i Bolgariya: mezhdunarodnyye «voynami pamyati» i poiskom obshchego proshlogo [Russia and Bulgaria: from «memorial wars» to the search for common past] // *Vestnik MGIMO-Universiteta. MGIMO Review of International Relations*. 2018. No. 4 (61). P. 178–203. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203. EDN: YMZVAL. (In Russ.).

18. Mezhdunarodnaya vystavka v Breslavle [International Exhibition in Breslav] // *Yugo-Zapadnyy kraj. Southwestern Region*. 1913. May 12. (In Russ.).

19. Voenno-istoricheskiy muzey artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi [Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps]. File: 22/92/87. (In Russ.).

20. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki [Manuscripts Department of the Russian National Library]. File: 152/3/80. (In Russ.).

21. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota [Russian State Archive of the Navy]. File: 5782/1/171. (In Russ.).

22. RGVIA [RSMHA]. File: 970/3/829. (In Russ.).

23. RGVIA [RSMHA]. File: 970/3/1777. (In Russ.).

24. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. File: 992/1/115. (In Russ.).

25. RGVIA [RSMHA]. File: 2000/2/1070. (In Russ.).

26. RGVIA [RSMHA]. File: 2000/2/1083. (In Russ.).

27. Russkiy invalid. *Russian Disabled Person*. 1913. October 4. (In Russ.).

28. Russkiy invalid. *Russian Disabled Person*. 1913. October 8. (In Russ.).

LIZOGUB Anna Sergeyevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of National History and Political Science Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

SPIN-code: 7798-6721

AuthorID (RSCI): 552479

ResearcherID: Y-8523-2019

Correspondence address: chestopalova94@mail.ru

For citations

Lizogub A. S. Keeping the memory of Napoleonic wars: forms of international cooperation between Russia and the German Empire at the beginning of the twentieth century // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 33–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-33-41.

Received November 7, 2023.

© A. S. Lizogub

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В 1990-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Объектом представленного исследования являются процессы становления и развития федерализма в субъектах Российской Федерации. Предметом исследования стала Омская область. В дальнейшем автор предполагает публикацию исследований, относящихся к Алтайскому краю и Тюменской области в период радикальных преобразований 1990-х гг.

Опираясь на научные исследования, вводя в научный оборот политическую публицистику, аналитические разработки, справочные издания, материалы архивных фондов и периодической печати автор работы ставит цель — выявить особенности развития федерализма в регионе в зависимости от специфики социально-политических и экономических отношений, имевших место в субъекте Федерации — Омской области в обозначенный исторический период.

В результате проведенной работы исследователь приходит к выводу, что авторитарный стиль управления регионами, закрепившийся с середины 1990-х гг., является итогом регионализации либеральных экономических реформ, приведших не только к разгосударствлению и приватизации собственности, но и к передаче её собственникам/управленцам, проживающим за пределами Омской области с юридическим закреплением указанного факта. Данный стиль руководства нашел отражение на методах управления, отразился на политической жизни и национально-административном строительстве второй половины 1990-х гг.

Ключевые слова: российский федерализм, регионализм, политическая борьба, «Красный пояс», национальная автономия, экономические реформы, Омская область, Л. К. Полежаев.

Целью статьи является выявление особенностей развития федерализма в Омском регионе в зависимости от специфики социально-политических и экономических отношений в 1989—1999 гг. и обозначение их влияния на развитие политической жизни и национально-административного строительства.

При реализации заявленной цели автор использовал научные разработки, периодическую печать, справочные издания, а также аналитические материалы, опубликованные, расположенные в сети Internet и хранящиеся в архивных фондах. В научный оборот была введена политическая публицистика, авторами которой являлись: глава администрации Омской области Л. К. Полежаев, известный в Омске и за его пределами журналист Л. А. Мутовкин, общественный и политический деятель М. И. Машкарин.

Трансформация управления: региональный вариант российской действительности. К 1989 г. Омская область отличалась политической стабильностью: вопрос о возрождении Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (АССРНП) не был прерогативой местных властей, неформальные организации поддерживали перестройку, реформаторы из КПСС обсуждали материалы XIX Всесоюзной партийной конференции, а местная организация Демократического Союза еще не начала свою работу [1, с. 2—6].

В начале июля 1989 г. внезапно скончался заместитель председателя Омского облисполкома В. А. Карпенко. Перед председателем областного исполкома А. П. Леонтьевым стала задача — подобрать кандидатуру на освободившуюся должность. По всей видимости, омские руководители пытались на фоне критики за «партийность и замкнутость» системы привлечь на должность «человека со стороны», к тому же «хозяйственника». После согласования кандидатуры с первым секретарем Омского областного комитета КПСС Е. Д. Похитайло, 26 сентября 1989 г. на сессии областного Совета на должность был утвержден Л. К. Полежаев. Будучи выходцем из Омской области, он прошел трудовой путь от прораба Павлодарского строительного-монтажного управления треста «Целинкрайводстрой» до начальника строительства канала Иртыш-Караганда, а в 1983—1987 гг. являлся первым заместителем председателя Карагандинского облисполкома. По возвращению в Омскую область в 1987—1989 гг. занимал должности начальника объединения «Омскводстрой», начальника главного планово-экономического управления Омского облисполкома. На фоне изменений в партийно-государственном аппарате региона Л. К. Полежаев 27 декабря 1989 г. становится исполняющим обязанности председателя облисполкома. В 1990 г. он принял участие в избирательной кампании по выборам народных депутатов РСФСР, проиграв О. Н. Смолину. Выбо-

ры в областной Совет он выиграл. В статусе депутата Облсовета 31 марта 1990 г. Л. К. Полежаева избирают на должность председателя Омского облисполкома [2, с. 247, 264; 3, с. 79–81; 4, с. 31; 5, с. 31].

В ходе трансформации государственно-управленческой системы РСФСР была сформирована исполнительная власть в регионах — администрации. Администрация Омской области формировалась на базе исполнительного комитета Омского областного Совета народных депутатов. Уже 11 ноября 1991 г. Л. К. Полежаев был назначен главой администрации Омской области. Представителем Президента был назначен А. В. Минжуренко [4, с. 31; 6, с. 43].

Президентско-советская республика была ликвидирована Указом Президента Б. Н. Ельцина № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе». Администрацией Омской области Указ поддержала, а Л. К. Полежаев отправился в Москву с отрядом ОМОНа. Позднее, 10 октября, он заявил, что «Указ Президента [...] запоздал почти на полгода» [7, с. 113, 115; 8].

На выборах 12 декабря 1993 г. Л. К. Полежаев, пройдя в Совет Федерации, сохранил полученную должность. 17 декабря 1995 г. он был избран главой администрации. Анализ Устава Омской области, принятого 26 декабря 1995 г. Законодательным собранием Омской области, институционализировал на областном уровне модель правления, где губернатор играл роль практически никем не контролируемого руководителя. Так, Статья 53 «Полномочия Главы Администрации (Губернатора) Омской области» отмечает:

«Глава Администрации (Губернатор) Омской области: [...]»

б) обладает правом законодательной инициативы, организует исполнение областных и федеральных законов;

в) обладает правом отклонения (вето) принятого Законодательным Собранием Омской области закона; подписывает и публикует законы Омской области;

г) определяет основные направления внутренней политики и развития международных и внешнеэкономических связей Омской области;

д) представляет Омскую область во внутрirosсийских и международных отношениях; назначает и отзывает представителя Омской области при Правительстве Российской Федерации; ведет переговоры и подписывает договоры Омской области;

е) возглавляет администрацию Омской области, организует её деятельность на принципе единоначалия [...];

л) утверждает структуру Администрации Омской области [...];

о) отменяет нормативные правовые акты областных органов исполнительной власти в случае их противоречия Конституции Российской Федерации и Уставу Омской области, федеральному и областному законодательству;

р) формирует и возглавляет Совет Безопасности в соответствии с областным законом;

с) согласовывает прокурора области [...].»

Как и полагается, принятый в декабре 1995 г. Устав указывает, что «единственным источником власти в Омской области» выступает её население — неотъемлемая часть многонационального народа России (статья 2, п. 1) [9].

В заключение можно констатировать, что полномочия главного должностного лица Омской области

были огромны и от них, во многом, зависело её развитие.

Региональная модель экономики: теория и практика. Переходя к оценкам экономического развития области, отметим, что к концу 1980-х — началу 1990-х гг. Омская область являлась крупнейшим индустриально-аграрным регионом России и входила в 20-ку лидеров производства в рейтинге социально-экономических показателей. В промышленности насчитывалось 333 предприятия, в аграрной сфере действовало 232 совхоза и 158 колхозов. Работало 256 подрядных строительных и монтажных организаций [10, с. 7, 34].

Имели место в развитии региона и проблемы: высокая доля морально и физически устаревшего оборудования, размещение 95 % промышленного производства в г. Омске, отсутствие перспектив для развития в малых городах области, отсутствие собственных источников сырья [6, с. 85, 88].

Приход к власти в России сторонников радикальных реформ и распад СССР изменили ситуацию. На повестке дня была цель — разгосударствление экономики и переход к рыночным отношениям, сопровождающиеся открытием рынка для импорта и девальвацией рубля.

Результаты не заставили себя ждать. По данным исследований Центра по изучению и предупреждению конфликтов Института этнологии и антропологии РАН объем промышленного производства от уровня 1990 г. к 1995 г. снизился на:

— 26,8 % в машиностроении;

— 42,8 % в лесной и деревообрабатывающей промышленности;

— 56,8 % в легкой промышленности;

— 35 % в нефтепереработке;

— 83 % в производстве автотранспорта;

— 60 % в производстве синтетического каучука.

Углубился спад производства в сельском хозяйстве. В отличие от растениеводства, где дела складывались относительно неплохо, в животноводстве, занимавшем до реформ 2/3 сельскохозяйственного сектора, за 1992–1996 гг. имел место спад:

— 37 % поголовья крупного рогатого скота;

— 35 % свиней;

— в 3,1 раза овец [11, с. 44–45].

На этом фоне падения производства накануне возможных выборов глав администраций Л. К. Полежаева заявил о необходимости структурной перестройки экономики с опорой на опыт Омской области, объясняя свое мнение тем, что именно омичи «впервые в стране выдвинули мысль о регионализации экономической реформы» [7, с. 69].

Оценивать результаты деятельности администрации Омской области в сфере экономики сложно, так как, помимо неё, «игроком» на экономическом поле являлся бизнес всей страны, а вопросы передела собственности решались в федеральном центре. Приведем несколько примеров.

«Сибирская нефтяная компания» («Сибнефть»), образованная в октябре 1995 г. в соответствии с Указом Президента РФ «Об учреждении открытого акционерного общества «Сибирская нефтяная компания»» № 872 от 24 августа 1995 г., а также с постановлением Правительства РФ «Об образовании открытого акционерного общества «Сибирская нефтяная компания»» № 972 от 29 сентября 1995 г., компания была приватизирована частями в последующие два года на залоговых аукционах по цене около 100,3 млн \$. С приватизацией компании связывают имя бывшего заместителя секретаря

рия Совета безопасности при Президенте РФ, исполнительного секретаря СНГ Б. А. Березовского [12].

Завод синтетического каучука в середине 1990-х гг. был приватизирован. Контрольный пакет акций оказался в собственности ИТ-Банка, а в последствие у его руководителя В. А. Волкова. Далее события развивались по обычному сценарию процедуры банкротства — предприятие быстро утратило былую рентабельность. Борьба за собственность привела к столкновению интересов ИТ-Банка и представителей губернаторской команды [6, с. 95].

Градообразующими предприятиями для области были предприятия ВПК. Характерным направлением здесь было проведение конверсии. Но, несмотря на то, что конверсионная продукция, выпускаемая в г. Омске, не имела аналогов в России, а некоторые экземпляры были единичны в мире, конверсия ожидаемых доходов региону не дала. Помощь в продвижении продукции администрацией Омской области оказалась недостаточной [6, с. 97–98].

В качестве одного из проектов собственно администрации Омской области можно назвать контракт, подписанный главой администрации 5 декабря 1997 г. с Volvo о создании «Сибирско-Скандинавской автобусной компании». Вкладом шведов должно было стать оборудование, технологии и комплектующие, а от омичей требовалось представить производственные площади и рабочую силу. Через три года планировалось выпускать не менее 500 автобусов в год [13]. Имела место попытка привлечения испанских инвесторов к строительству международного аэропорта «Омск-Федоровка» [14]. Среди проектов, проводимых администрацией на территории области, можно назвать освоение восточной части Крапивинского месторождения; газификацию сельских районов Омской области [15, 16]. Перечень проектов можно продолжить, но результаты их реализации выходят за хронологические и тематические рамки исследуемой проблемы.

Однако до начала оживления экономики, социальные параметры развития по данным уже упомянутого Центра по изучению и предупреждению конфликтов Института этнологии и антропологии РАН выглядели следующим образом:

— реальные денежные доходы в 1996 г. были на 3 % ниже соответствующего периода 1995 г. Рост цен продолжал опережать рост зарплат (в 1992 г. по сравнению с 1991 г. на 49,3 %, в 1995 г. по сравнению с 1994 г. на 6,8 %);

— усилилась дифференциация населения по уровню доходов. На долю 10 % наиболее обеспеченного населения в 1996 г. приходилось около 26 % денежных доходов, а на долю 10 % наименее обеспеченных — 2,7 % (в 1992 г. соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченного населения составляло 8 %, а в 1995 г. — 13,5 %). Дифференциация по зарплате составила между работниками и директорским корпусом: в среднем в 9 раз, в ряде случаев до 20 раз;

— увеличивался разрыв между спросом и предложением рабочей силы. В 1997 г. нагрузка незанятого населения, состоящего на учете в органах службы занятости на одну вакансию, составляла 4,9 чел. (в июле 1996 г. — 5 чел.). Безработица усугубляла и без того сложную криминогенную обстановку. Из 11493 преступлений, совершенных к середине 1997 г., 52,5 % были совершены безработными [11, с. 46–47].

По проведенному летом 1997 г. опросу жителей г. Омска и райцентров области, 3,7 % жителей города и 4,3 % жителей райцентра сочли, что их материальное положение улучшилось; 33,2 % и 29,2 % соответственно, что не изменилось; 63,1 % и 66,5 % — что ухудшилось [11, с. 51]. Результаты социально-экономического развития региона имели и политическое отражение.

В тисках «Красного пояса». В течение 1990-х гг. Омская область входит в «Красный пояс» — группу российских регионов с устойчивой поддержкой Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) и других левых партий на местных и федеральных выборах. Факт сам по себе не случайный. С 1992 г. в регионе шла работа по воссозданию коммунистического движения. В феврале 1992 г. в городе создается организация Российской Коммунистической рабочей партии (РКРП) — лидеры В. Н. Дорохин, В. Д. Утенко. Тогда же в г. Омске действует ячейка Российского общенародного союза (РОС) — лидер С. Н. Бабурин. До середины 1993 г. в РОС активно работали коммунисты И. Г. Петров, А. А. Кравец, М. И. Машкарин. В феврале 1993 г. проходит XXVI конференция коммунистов области. С весны 1993 г. коммунисты создают областную КПРФ — лидеры Е. Д. Похитайло, А. А. Кравец, М. И. Машкарин, В. Н. Дорохин. Численность омской организации КПРФ в 1994 г. 7 тыс. членов [17, с. 14, 57–58; 18, с. 18–22].

Плебисцит и выборы 12 декабря 1993 г. на территории Омской области прошли для её администрации успешно, то есть в рамках продуманного в центре сценария. Конституционный проект был принят, а Л. К. Полежаев стал членом Совета Федерации, подтвердив доверие Президента Российской Федерации избирателей. В Совет Федерации Л. К. Полежаев выдвинулся, позиционируя себя в качестве умеренного реформатора, хозяйственника, дистанцируясь от проправительственного «Выбора России» и его кандидата в верхнюю палату парламента мера г. Омск Ю. Я. Шойхета. В результате в Совет Федерации прошел он, Л. К. Полежаев (65,4 %) и бывший народный депутат РСФСР, заявивший себя сторонником «Партии труда» О. Н. Смолин (33 %). В Большереченском избирательном округе по выборам депутатов Государственной Думы победил независимый кандидат О. Ю. Жаров (28,11 %). В 129 — представитель «Выбора России» В. Н. Лотков (41,22 %). В 130 — бывший народный депутат РСФСР и лидер РОС С. Н. Бабурин, выиграв выборы у представителя радикальных демократов С. А. Носовца, набрав 26,68 % голосов избирателей. КПРФ по опубликованным в независимых СМИ данным заручилась поддержкой 12,9 % голосов, однако последующие подсчеты декларировали поддержку коммунистов только 4,85 % избирателей [5, с. 36–39].

Выборы 17 декабря 1995 г. в Омской области проходили как думские и губернаторские. В борьбе за электорат столкнулись интересы лидеров омской организации КПРФ и основателя РОС С. Н. Бабурина. Последний создал и зарегистрировал избирательный блок «Власть народу» и привлек в его руководство бывшего первого секретаря ОК КПСС С. И. Манякина [18, с. 38].

Несомненно, что подобный политический ход С. Н. Бабурина расколол левый электорат. Как следствие, набрав по стране 1,6 % голосов избирателей в Омской области, блок «Власть народу» заручился поддержкой 8,7 %, тогда как КПРФ в регионе полу-

чила 16,2 % поддержки. С. И. Манякин, также выдвинулся на 128 Большереченском округе (27 сельских районов), где победил с 21,46 % голосов. В 129 смешанном округе прошел О. Н. Смолин — 31,68 %, в 130 городском С. Н. Бабурин — 27,4 % [5, с. 61–62].

На выборы губернатора Омской области Л. К. Полежаев шел как хозяйственник и региональный руководитель — основатель межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», дистанцируясь от правительственного объединения «Наш дом — Россия» — «Омское Прииртышье». Он заявлял о своей поддержке национально ориентированных организаций, как-то Российское общенародное движение (РОД). Накануне выборов Л. К. Полежаев и РОД начали активно критиковать мэра г. Омска В. П. Рощупкина за потворство нетрадиционным религиозным конфессиям. Поддержку на селе главе администрации гарантировала хозяйственная номенклатура, возглавившая региональное отделение Аграрной партии России (АПР). Последняя обозначила Л. К. Полежаева даже в качестве возможного претендента на пост Президента РФ. По результатам выборов Л. К. Полежаев заручился поддержкой 59,62 % голосов [17, с. 23, 56–57; 5, с. 6; 2, с. 265]. Так Омская область стала частью «красного пояса».

Выборы депутатов Государственной Думы 1999 г. показали поддержку КППРФ 30,2 % омских избирателей. На двух из трех округах победили оппозиционные О. Н. Смолин и С. Н. Бабурин [6, с. 53].

По итогам трех компаний по выборам в Государственную Думу обозначилась тенденция роста влияния КППРФ: в 1993 г. — 12,9 (4, 85) %, в 1993 г. — 16 %, в 1999 г. — 30,2 %.

Однако обратимся к выборам иного уровня, имевшим место в 1996 г.

В ходе выборов Президента РФ поддержка избирателей Омской области распределилась следующим образом:

— 16 июня, в первом туре Г. А. Зюганов — 36,98 %, Б. Н. Ельцин — 32,8 %, Г. А. Явлинский — 8,94 %, А. И. Лебедь — 8,51 %, В. В. Жириновский — 7,07 %;

— 3 июля, во втором туре, Г. А. Зюганов — 47,51 % и Б. Н. Ельцин — 46,25 % избирателей. При этом отметим, что выборы действующий президент проиграл в сельских районах [6, с. 58].

В ходе выборов глав районных администраций, 22 декабря в 15 из 32 сельских районов области победили представители КППРФ [18, с. 57].

Необходимо отметить, что ни летом, ни зимой 1996 г. так и не были проведены довыборы 15 депутатов Законодательного собрания Омской области (ЗСОО) по партспискам. Власти проигнорировали законодательство, ссылаясь на отсутствие средств [6, с. 43–44].

Тенденция к усилению позиций КППРФ проявила себя и на выборах Законодательного собрания Омской области в:

— 1994 г. партия получила три (12 %) из 24 мандатов на округах, где выборы были признаны состоявшимися [5, с. 42];

— 1998 г. КППРФ провела в ЗСОО 10 (33, 33 %) из 30 депутатов [19, с. 7].

Депутатская группа КППРФ представила на рассмотрение документ — «Первоочередные меры по выходу экономики Омской области из кризиса». Пять страниц текста содержали: рекомендации по деприватизации «растворенного» в «Сибнефти»

Омского нефтезавода, разработку природных ископаемых (нефть, титан и ванадий), различные формы поддержки аграрного сектора [20, с. 1–5].

С учетом складывающейся политической ситуации губернатор мог бы, опираясь на депутатское большинство в ЗСОО — коалицию КППРФ и аграриев, начать корректировку экономических реформ в регионе, как это было сделано в Алтайском крае. Но, по мнению журналистов и аналитиков, интересы членов его семьи были тесно связаны с компанией «Сибнефть» [4, с. 53–57; 11, с. 30–31]. При этом он позиционирует себя идейным борцом с левыми, объясняя суть своего отношения оценкой политических взглядов О. Н. Смолина: «Фигура эта весьма симптоматична для демократических процессов, характерна для понимания левореволюционной сути интеллигенции [...] в лице нашего местного политика мы имеем дело с теми силами, которые блестяще выполнили свою роль с разборкой Системы, грозили стать препятствием к возрождению России и продвижению её по прерванному революцией естественному пути» [3, с. 90]. Позиционируя себя поклонником Ф. М. Достоевского и управленцем, симпатизирующим реформам П. А. Столыпина, Л. К. Полежаев встречался в г. Омске с главой Императорского дома великой княгиней Марией Владимировной и её сыном Георгием Михайловичем, известным писателем и духовным лидером русских националистов А. И. Солженицыным. В работе он взаимодействовал с президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым, принимал в качестве гостя президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко [21; 22; 3, с. 50–69, 175–179, 198]. Посредством подконтрольных губернатору СМИ данные факты способствовали формированию его образа как мудрого регионального политика и хозяйственника [4, с. 63–67]. В беседе с политологом оппозиционной губернатору компании «СТВ-3», автор статьи услышал буквально следующее: «В ходе выборов губернатора даже включенный в электрическую розетку утюг агитировал за действующего главу региона». Опыт подачи концепта «губернатор» в региональном массово-информационном дискурсе региона, созданном в электронных СМИ на средства областного бюджета, нашел отражение в научной печати [23, с. 77–85].

Но главное 5 сентября 1999 г. Л. К. Полежаев выиграл губернаторские выборы, набрав 57,03 % голосов [6, с. 69].

При этом, нельзя не обратить внимание на падение электоральной поддержки главы региона: 1993 г., выборы в Совет Федерации — 65,4 %; 1995 г., выборы губернатора — 59,62 %; 1999 г., выборы губернатора — 57,03 %.

Национальный вопрос и экономический интеллект. Прииртышье — место фронта и территория, пополняющая населением в ходе многочисленных миграций. Проблемы национальных отношений для Л. К. Полежаева, выходцу из г. Исилькуля и выпускнику Омского ордена сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова (ОМСХИ), проработавшему многие годы в Казахской ССР, были понятны.

Немецкое национальное движение на территории Омской области начало своё развитие под лозунгом возрождения АССРНП, ею руководил профессор Г. Г. Елиг. В 1989 г. омская делегация участвовала в Московской конференции. Омское отделение Союза немцев России «Возрождение» насчитывало 100–150 человек. Возможности соз-

дания немецкого национального района в Омской области рассматривались Областным комитетом КПСС с 1989 г. Но лидеры немецкой диаспоры в Омске не были едины в решении вопроса, речь шла о:

— настоятельном требовании воссоздания АССРНП. От решения вопроса подобным образом после распада СССР президент Б. Н. Ельцин отказался;

— создании немецкой автономии на территории Калининградской области;

— воссоздании в области распущенного в рамках реформы системы управления народным хозяйством 1962–1963 гг. немецкого автономного района.

Для придания законности воссозданию района руководством области был проведен референдум в населенных пунктах, которые должны были стать частью нового административно-территориального образования. В итоге, на основании Указа президиума ВС РСФСР от 17 февраля 1992 г. в Омской области был создан Азовский немецкий национальный район (АННР). На 1992 г. в 29 селах района проживало 19,1 тыс. человек, из них: немцев — 60,7 %; русских — 24 %; казахов — 7,9 %; украинцев — 5,8 %. На развитие инфраструктуры и бизнеса в АННР выделялись значительные средства: 1993 г. — 17 млрд руб.; 1994 г. — 51 млрд руб. Из них порядка 74 % поступали из ФРГ [24, с. 122, 123].

Образование АННР, наряду с Немецким национальным районом на Алтае, казалось, стало выходом из сложившейся к началу 1990-х гг. ситуации, когда шанс восстановления республики в Поволжье был упущен, а эмиграция российских немцев с каждым годом увеличивалась. К тому же создание районов позволяло руководству РФ заявлять ФРГ о решении российских немцев.

В ФРГ считали, что решение вопроса о будущем российских немцев возможно на путях создания новых автономий, а возможно, и в их перерастании в округа. В РФ данного развития событий опасались. Так, уже в 1992 г. глава комитета по делам национальностей, религии и общественных объединений Администрации Омской области А. И. Казанник заявлял: «У нас не исключена возможность русско-немецкого конфликта. Азовскому району будет оказана помощь Германии, будет разработана какая-то программа на уровне России. И, я думаю, в ближайшие годы население Азовского района будет жить все-таки лучше, чем население соседних районов. Поэтому ученые опасаются, как бы не возникло межрайонного конфликта» [24, с. 123; 11, с. 76].

Однако ожидаемых социально-экономических результатов создание АННР к концу 1990-х гг. не принесло: 10 деревень района так и не имели дорог с твердым покрытием, замерло строительство здания районной больницы, не стали в достаточной мере рентабельными открытые производства, часть жителей так и не получила обещанного жилья [25, с. 31–32].

Статистика неумолима: к концу 1990-х из АННР уехало до 70 % этнических немцев, ранее проживавших в районе. С учетом приезжих из Республики Казахстан и государств Центральной Азии количество немецкого населения составило чуть больше 29 %. В 1998 г. к власти в ФРГ пришли социал-демократы (СДПГ). Финансовая помощь АННР резко снизилась [24, с. 123, 124].

Политическим представителем татарской диаспоры в Омской области в 1993–1996 гг. являлось движение «Ватан». Оно приняло участие в выборах 12 декабря 1993 г., выдвинув одного из своих руководителей Х. К. Садыкова в качестве кандидата в депутаты Государственной Думы. В марте 1994 г. «Ватан» выставил кандидатами в ЗСОО Х. К. Садыкова и М. Г. Хамидова. Также движение поддержало представителей таких политических сил, как «Гражданское согласие», «Блок: Явлинский-Бодырев-Лукин» (ЯБЛоко), «Демократическую Россию». Политические контакты «Ватан» в 1994–1995 гг. были ориентированы на силы, готовые, по мнению лидеров движения, «к дальнейшему углублению федерализма в России». В качестве одного из шагов по развитию федерализма в России Милли-Меджлис сибирских татар выдвигал идею создания территориальной автономии сибирских татар на севере Омской и юге Тюменской областей [26, с. 133–134].

Деятельность движения «Ватан» и Милли-Меджлиса сибирских татар, на наш взгляд, целесообразно рассматривать через призму ожидаемой приватизации нефтяной отрасли [27]. В октябре 1995 г. была создана «Сибнефть». Как уже указывалось компания была приватизирована частями в последующие два года (в том числе на залоговых аукционах) [12]. Создание автономии могло воспрепятствовать указанному процессу. Но 26 декабря 1995 г. ЗСОО принимает Устав Омской области, по которому вопросы «изменения статуса административно-территориальных образований Омской области» не могут решаться на референдуме (статья 36, п. 6.) [9].

В 1997 г. началось освоение Тевризского газоконденсатного месторождения. А через 1,5 года, в августе 1999 г., Администрация Омской области объявила конкурс на освоение Западно-Крапивинского месторождения. В конкурсе принимали участие: ОАО «Сибнефть», ОАО «Юкос» и ОАО «Запсибгазпром». Победила «Сибнефть», получившая право разработки на 25 лет [15].

Что касается «Ватан», то деятельность его лидеров в последующий период была сосредоточена преимущественно на работе в рамках национально-культурной автономии [28, с. 22].

Достигнутое положение, относилось оно к АННР или движению части сибирских татар за создание автономии, ставило точку на этнических стереотипах, отодвигая на периферию отношений обиды и групповые травмы.

Заключение. Анализ развития федерализма в обозначенный период применительно к такому субъекту Федерации, как Омская область, позволяет сделать выводы.

Во-первых, руководитель области в ходе избирательных кампаний различного уровня политически дистанцировался от так называемой «партии власти».

Во-вторых, на фоне нарастания негативных явлений в социально-экономической сфере и роста влияния левых политических сил при снижении уровня доверия населения к региональному руководству в целом и лично губернатору с середины 1990-х гг. имели место попытки игнорирования имеющегося законодательства, попытки его изменения, направленные на правовое закрепление авторитарного режима в регионе, как-то:

— включение в Устав Омской области, 1995 г., положения, по которому «не могут быть вынесены на референдум законопроект и вопросы о нало-

гах, бюджете, изменении статуса административно-территориальных образований Омской области»;

— игнорирование в 1996 г. довыборов 15 депутатов ЗСОО по партспискам;

— попытка создания правительства Омской области с включением в его состав мэра и председателя Городского Совета подотчетных губернатору в 1997 г.;

— стремление в 1997 г. добиться возможности избрания главы администрации не всенародным голосованием, а составом депутатов ЗСОО;

— сокращение депутатского корпуса, работающего на профессиональной основе, путем внесения поправок в регламент работы ЗСОО.

С этого же времени практически все решения экономического и социального характера принимаются в интересах кампании «Сибнефть», руководство которой являлось гарантом лояльности Кремля к омскому губернатору.

Отставка Б. Н. Ельцина сместит вектор социально-экономического развития и характер политических процессов. Впрочем, это следующий этап становления федерализма в России и тема иного исследования.

Библиографический список

1. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-9618. Оп 1. Д. 434. 56 с.
2. Леонид Константинович Полежаев // Омская область. 200 лет. Первые лица. Омск: Манифест, 2022. 292 с. ISBN 978-5-8042-0788-6.
3. Полежаев Л. К. Перестройка, годы, лица... Портреты и размышления. Омск: Закрытый клуб, 1996. 207 с.
4. Мутовкин Л. А. Трещины на пьедестале. Омск: [Б. и.], 2010. 144 с.
5. Выборы: политические партии, пресса, избиратель (1988–1985 гг.). Омск: НСИАЦентр, 1996. 71 с.
6. Лазарева Ж. В., Новиков С. В., Новикова И. В. [и др.]. Омская область на пороге тысячелетий: политика, экономика, культура: моногр. / под общ. ред. С. В. Новикова, Р. А. Рияновой. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2003. 244 с.
7. Полежаев Л. К. Вперед, на медленных тормозах... Омск: [Б. и.], 1994. 136 с.
8. Омская правда. 1993. 10 октября.
9. Полежаев Л. К. Устав (Основной закон) Омской области // Коллекция президентской библиотеки. URL: <https://www.prlib.ru/item/388856> (дата обращения: 15.12.2023).
10. Малыхин В. В., Соснин В. Б. Экономика Омской области: проблемы и перспективы. Омск: Кн. изд-во, 1988. 80 с.
11. Лоткин И. В. Омская область. Модель этнологического мониторинга. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. 104 с.
12. «Сибнефть» // Скважина. Независимое нефтяное обозрение. URL: <http://www.nefte.ru/company/rus/sibneft.htm> (дата обращения: 20.12.2023).
13. Коммерсантъ. 1997. 10 декабря.
14. Омский вестник. 1997. 17 декабря.
15. Западно-Крапивинское месторождение нефти. URL: http://www.omskmap.ru/point/zapadnokrapivinskoe_mestorojdenie/lore/57 (дата обращения: 21.12.2023).

16. Омский вестник. 1997. 19 ноября.

17. Новиков С. В. Общественно-политические силы на территории Омского региона накануне и в период выборов 1999 года. Москва: ЛогосВОС, 1999. 63 с.

18. Машкарин М. И. Десятилетие «защиты народа» или предательство его интересов? Из истории Омской областной организации КПРФ (1993–2003 гг.). Омск: ЛЕО, 2003. 184 с.

19. ИАОО. Ф. П-9618 Оп 1. Д. 313. 8 с.

20. ИАОО. Ф. П-9618. Оп 1. Д. 290. 5 с.

21. Вечерний Омск. 1993. 6 июля.

22. Вечерний Омск. 1998. 22 октября.

23. Малышева Е. Г. Концепт «Губернатор» в региональном массово-информационном дискурсе (на материалах текстов радиальных и телевизионных СМИ Омской области) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 76–86.

24. Новиков М. С. Создание национальных районов как средство обеспечения прав и свобод российских немцев: на примере Азовского немецкого национального района // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 120–127. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-120-127. EDN: CSBNBV.

25. Вегенер К., Бачурин М. Жизнь от помощи до помощи // Бизнес-курс. 2008. № 28 (255). С. 30–32.

26. Новиков С. В. Государство и право в представлении сторонников исламских организаций в Западной Сибири. Первая половина 1990-х годов // X юбилейные Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. 23 мая 2022 г. / отв. ред. Т. В. Седлецкая. Санкт-Петербург: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 132–137.

27. Ивантер А., Ульянов Н. Юрий Шафраник: «Успех и результат — только на трудном пути». URL: <https://kiozk.ru/article/ekspert/urij-safranik-uspeh-i-rezultat-tolko-na-trudnom-puti> (дата обращения: 27.12.2023).

28. Ильина А. А. Национально-культурные объединения татар Омска: первые страницы истории // Общество и государство. 2023. № 2 (42). С. 20–23. DOI: 10.24412/2224-9125-2023-2-20-23.

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.
SPIN-код: 2836-4707
AuthorID (РИНЦ): 849223
Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Для цитирования

Новиков М. С. Развитие российского федерализма в 1990-х гг. (на примере Омской области) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 42–49. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-42-49.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024 г.

© М. С. Новиков

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FEDERALISM IN THE 1990s (ON THE EXAMPLE OF THE OMSK REGION)

In the framework of the presented article, the author analyzes the process of management transformation in the Omsk region in the 1990s as the formation of federalism in the Russian Federation. Later, the author of the article plans to carry out similar work in relation to the Altai Territory and the Tyumen region.

Based on the available scientific developments and introducing into circulation a wide range of sources, the author of the work identifies the features of the development of federalism in the Omsk region within the framework of the system of socio-political and economic relations.

Omsk region had serious industrial and agricultural potential, but also raw materials problems, exacerbated by the transition to market relations.

The local leadership put forward the idea of regionalization of economic reform, which required the presence of a strong authoritarian business executive in power. But the active privatization carried out by external forces led to rapid bankruptcy, which did not suit the local leadership, and the population is not satisfied with the decline in living standards. In the Omsk region, this situation leads to increased support for left-wing parties.

As part of the national administrative construction, the Azov German National District was created in the Omsk region. The idea of creating the territorial autonomy of the Siberian Tatars, triggered by the process of privatization of the oil industry, was stopped by transferring it to owners living outside the Omsk region.

Keywords: Russian federalism, regionalism, political struggle, «Red belt», national autonomy, economic reforms, Omsk region, L. K. Polezhaev.

References

1. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk Region (HAOR)]. File: P-9618/1/434. 56 p. (In Russ.).
2. Leonid Konstantinovich Polezhayev [Leonid Konstantinovich Polezhaev] // Omskaya oblast'. 200 let. Pervyye litsa [Omsk Region. 200 years old. The first persons]. Omsk, 2022. 292 p. ISBN 978-5-8042-0788-6. (In Russ.).
3. Polezhayev L. K. Perestroyka, gody, litsa... Portrety i razmyshleniya [Perestroika, years, faces... Portraits and reflections]. Omsk, 1996. 207 p. (In Russ.).
4. Mutovkin L. A. Treshchiny na p'yedestale [Cracks on the pedestal]. Omsk, 2010. 144 p. (In Russ.).
5. Vyborny: politicheskiye partii, pressa, izbiratel' (1988 – 1985 gg.) [Elections: political parties, the press, the voter (1988 – 1985)]. Omsk, 1996. 71 p. (In Russ.).
6. Lazareva Zh. V., Novikov S. V., Novikova I. V. [et al.]. Omskaya oblast' na poroge tysyacheletiy: politika, ekonomika, kul'tura [Omsk region on the threshold of millennia: politics, economy, culture] / ed. by S. V. Novikova, R. A. Riyanovoy. Omsk, 2003. 244 p. (In Russ.).
7. Polezhayev L. K. Vpered, na medlennykh tormozakh... [Forward, on slow brakes...]. Moscow, 1994. 136 p. (In Russ.).
8. Omskaya pravda. *Omskaya Pravda*. 1993. October 10. (In Russ.).
9. Polezhayev L. K. Ustav (osnovnoy zakon) Omskoy oblasti [Statutes of the Organisation (basic Law) Omsk region] // Kolleksiya prezidentskoy biblioteki. *Collection of the Presidential Library*. URL: <https://www.prlib.ru/item/388856> (accessed: 15.12.2023). (In Russ.).
10. Malykhin V. V., Sosnin V. B. Ekonomika Omskoy oblasti: problemy i perspektivy [The economy of the Omsk region: problems and prospects]. Omsk, 1988. 80 p. (In Russ.).
11. Lotkin I. V. Omskaya oblast'. Model' etnologicheskogo monitoringa [Omsk Region. The model of ethnological monitoring]. Moscow, 1998. 104 p. (In Russ.).
12. «Sibneft» [Siberian Oil Company] // Skvazhina. Nezavisimoe neftyanoe obozrenie. *The Well. Independent Oil Review*. URL: <http://www.nefte.ru/company/rus/sibneft.htm> (accessed: 20.12.2023). (In Russ.).
13. Kommersant». *Kommersant*. 1997. December 10. (In Russ.).
14. Omskiy vestnik. *Omsk Bulletin*. 1997. December 17. (In Russ.).
15. Zapadno-Krapivinskoye mestorozhdeniye nefi [Zapadno-Krapivinskoye oil field]. URL: http://www.omskmap.ru/point/zapadnokrapivinskoe_mestorozhdenie/lore/57 (accessed: 21.12.2023). (In Russ.).
16. Omskiy vestnik. *Omsk Bulletin*. 1997. November 19. (In Russ.).
17. Novikov S. V. Obshchestvenno-politicheskiye sily na territorii Omskogo regiona nakanune i v period vyborov 1999 goda [Socio-political forces on the territory of the Omsk region on the eve and during the 1999 elections]. Moscow, 1999. 63 p. (In Russ.).

18. Mashkarin M. I. Desyatiletieye «zashchity naroda» ili predatel'stvo ego interesov? Iz istorii Omskoy oblastnoy organizatsii KPRF (1993–2003 gg.) [A decade of «protecting the people» or betraying their interests? From the history of the Omsk regional organization of the CPRF (1993–2003)]. Omsk, 2003. 184 p. (In Russ.).
19. IAOO [HAOR]. File: P-9618/1/434. 8 p. (In Russ.).
20. IAOO [HAOR]. File: P-9618/1/290. 5 p. (In Russ.).
21. Vecherniy Omsk. *Evening Omsk*. 1993. July 6. (In Russ.).
22. Vecherniy Omsk. *Evening Omsk*. 1998. October 22. (In Russ.).
23. Malysheva E. G. Kontsept «Gubernator» v regional'nom massovo-informatsionnom diskurse (na materialakh tekstov radiinykh i televizionnykh SMI Omskoi oblasti) [Concept of «Governor» in regional mass information discourse (based on the material of radio and TV texts from the mass media of Omsk Region)] // *Politicheskaya lingvistika. Political linguistics*. 2009. No. 2 (28). P. 76–86. (In Russ.).
24. Novikov M. S. Sozdaniye natsional'nykh rayonov kak sredstvo obespecheniya prav i svobod rossiyskikh nemtsev: na primere Azovskogo nemetskogo natsional'nogo rayona [Creation of national regions as a means of ensuring rights and freedoms of Russian Germans: on the example of Azovsky Nemetsky (German) National District] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 3. P. 120–127. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-120-127. EDN: CSBNBB. (In Russ.).
25. Vegener K., Bachurin M. Zhizn' ot pomoshchi do pomoshchi [Life from help to help] // *Biznes-kurs. Business Course*. 2008. No. 28 (255). P. 30–32. (In Russ.).
26. Novikov S. V. Gosudarstvo i pravo v predstavlenii storonnikov islamskikh organizatsiy v Zapadnoy Sibiri. Pervaya polovina 1990-kh godov [The state and law in the representation of supporters of Islamic organizations in Western Siberia. The first half of the 1990s] // X yubileinye Luzhskie nauchnye chteniya. *Sovremennoe nauchnoe znanie: teoriya i praktika. X Anniversary Luga Scientific Readings. Modern Scientific Knowledge: Theory and Practice* / Resp. ed. T. V. Sedletsкая. Saint Petersburg, 2022. P. 132–137. (In Russ.).
27. Ivanter A., Ul'yanov N. Yuriy Shafranik: «Uspekhi i rezul'tat — tol'ko na trudnom puti» [Yuriy Shafranik: «Success and results are only on the difficult path»]. URL: <https://kiozk.ru/article/ekspert/urij-safranik-uspeh-i-rezultat-tolko-na-trudnom-puti> (accessed: 27.12.2023). (In Russ.).
28. Il'ina A. A. Natsional'no-kul'turnyye ob'yedineniya tatar Omska: pervyye stranitsy istorii [National-cultural associations of the Tatars of Omsk: the first pages of history] // *Obshchestvo i gosudarstvo. Society and the State*. 2023. No. 2 (42). P. 20–23. (In Russ.).

NOVIKOV Mikhail Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.
SPIN-code: 2836-4707
AuthorID (RSCI): 849223
Correspondence address: bonid89@inbox.ru

For citations

Novikov M. S. The development of Russian federalism in the 1990s (on the example of the Omsk region) // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 42–49. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-42-49.

Received January 18, 2024.

© M. S. Novikov

ОСОБЕННОСТИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ 3-й БРИГАДЫ РУССКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ. ДЕКАБРЬ 1916—МАРТ 1917 гг.

В статье на примере двух полков 3-й Особой пехотной бригады Русских экспедиционных войск во Франции анализируется подготовка и проведение разведывательных операций в районе французской коммуны Оберив (Aubérive). Выделены общие и уникальные для французского фронта черты, присущие деятельности русских войск. Основа исследования — комплекс неопубликованных источников из фондов Российского государственного военно-исторического архива, Бахметьевского архива Колумбийского университета (США), архива Русского Культурного центра (США). Автор отмечает, что, несмотря на несогласованность действий артиллерии и пехоты, рейды были достаточно хорошо продуманы, это позволяло не только выполнять боевую задачу, но и сохранять личный состав.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская императорская армия, Русский экспедиционный корпус, Франция, военная разведка, военная хитрость.

Постановка проблемы. Первая мировая война стала крупнейшим военным столкновением в первой трети XX в. и явилась событием, изменившим векторы развития ряда государств. Период 1914—1918 гг. является объектом интереса исследователей долгие годы, а споры о происхождении войны, ее значении и исторических последствиях ведутся более ста лет. Историография «Великой войны» является уже поистине необъятной, однако вместе с тем ряд отдельных аспектов военной истории требует дополнительного изучения. Так, в работах отечественных и зарубежных исследователей недостаточно отражена история Русского экспедиционного корпуса, принимавшего участие в боях на территории Франции в 1916—1917 гг.

Постановка вопроса: историография, методология, использованные источники. Сегодня совокупность исследований, связанных с формированием и деятельностью русских войск во Франции, можно условно разделить на две группы, отличающиеся политико-теоретическими подходами и широтой привлекаемых источников. К первой группе относятся работы, опубликованные в 1920-е—1990-е гг. [1, 2]. В этот период авторы пытались выстроить исторический нарратив и уложить фактологию в единое повествование. В общем, публикации данного периода характеризуются узостью источниковой базы и субъективностью авторов. Среди работ своей относительной полнотой и комплексностью выделяется исследование Ю. Н. Данилова «Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916—1918 гг.» [2].

Открытие доступа к архивам, а также выход из-под запрета ряда тем, привели в середине 1990-х

к усилению интереса исследователей к тематике Русского экспедиционного корпуса. В это время были не только защищены диссертации, посвященные русским войскам во Франции [3, 4], но и опубликованы работы зарубежных исследователей [5—7]. Принимая во внимание вклад исследователей в дело изучения истории Русского экспедиционного корпуса, необходимо отметить, что специфика тактического планирования и подготовки фронтовых операций локального масштаба остались за рамками интереса историков.

В данной статье на примере 3-й Особой пехотной бригады Русского экспедиционного корпуса мы выявим и проанализируем особенности боевой деятельности частей и подразделений, фронтового быта солдат и офицеров, а также дадим характеристику ошибкам и достижениям командования. В этом видится цель работы.

В ходе исследования были применены общенаучные и исторические методы исследования. К разряду специальных относятся методы анализа исторического источника, включившие в себя интерпретацию, анализ и синтез, а также метод синхронизации, позволивший рассмотреть события, происходившие в различных географических точках одновременно. Кроме этого, был применен историко-генетический метод, сделавший возможным выявление причинно-следственных связей.

Источниковой базой исследования стали документы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве. Так, были изучены дела из фонда 2003 «Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка), г. Могилев», из фонда 16196 «Особое делопроизводство по сбору и регистрации

сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий», из фонда 1534 «Управление военного агента во Франции». В результате были выявлены документы о подготовке и проведении фронтовых операций, снабженные схемами и фотографиями, а также списки раненых и погибших чинов. Дополнительно были проанализированы материалы, хранящиеся в Центре Русской Культуры (Сан-Франциско, США), а также документы Бахметьевского архива (Нью-Йорк, США). Данные источники помогли верифицировать потери, а также определить типичные особенности деятельности русских бригад на Западном фронте.

Отдельной группой источников выступают документы личного происхождения, отражающие тематику данного исследования. Так, в работе использован неопубликованный дневник младшего унтер-офицера 5-го Особого пехотного полка А. В. Павлинова, дающий представление о чувствах и переживаниях солдат и офицеров во время подготовки к разведывательным рейдам [8]. Также в ходе работы была проанализирована французская периодическая печать, позволившая дополнить биографии некоторых офицеров.

Основная часть. В конце 1916 г. полки 3-й Особой пехотной бригады занимали позиции южнее французского г. Реймс (Reims), штаб бригады располагался в коммуне Мурмелон-лэ-Гран (Mourmelon-le-Grand) [9, л. 2]. 5 декабря (все даты указаны по новому стилю) 1916 г. от лица начальника 3-й Особой пехотной бригады (далее — 3-й ОПБ) Владимира Владимировича Марушевского¹ в 5-й и 6-й Особые пехотные полки (далее — 5-й ОПП и 6-й ОПП соответственно) были разосланы проекты внезапных нападений (набегов) на противника с целью разведки и захвата пленных [9, л. 5]. Проведение разведывательных рейдов стало необходимым после обнаружения в ходе одной из предыдущих вылазок вражеских укрытий, имевших подземные проходы. Коммуникации позволяли перебрасывать войска в сторону французской линии обороны, миную проволочные заграждения. Французское командование видело в этом подготовку немецкой армии к наступлению и нуждалось в дополнительных разведывательных данных [2, с. 83]. Стоит отметить, что в целом линия фронта в районе коммуны Оберив стабилизировалась в самом начале войны. При этом позиционная война на участке русских бригад отличалась от французских «соседей» постоянными действиями малыми группами с целью захвата пленных и «тревожения» противника. Подобные действия русского командования заставляли немцев выставлять на позиции соприкосновения с особыми бригадами наиболее боеспособные войска [2, с. 99].

Проекты атак позиций противника отличались друг от друга типами применяемой артиллерии, местами прорыва через вражеские заграждения, численностью боевых групп. В документе, подписанном командующим бригадой генерал-майором В. В. Марушевским, командирам полков предлагалось выбрать и исполнить в первые три дня следующей недели один из проектов, а также представить начальству свои соображения по данному поводу [9, л. 6].

В результате внесения корректив был выработан общий план, который включал в себя артиллерийскую подготовку, совместную работу артиллерии и пехоты, а также рейд пехоты во вражеские траншеи. Согласно плану, 26 ноября 1916 г. команди-

ру 6-й ОПП была придана батарея, состоявшая из шести 58-мм траншейных минометов (бомбометов) системы Дюшена (французское наименование данного типа миномета — «Starouillot»). В документах 3-й Особой пехотной бригады используется название «Карпульо»).

Задачей минометной батареи являлось пробитие брешей в проволочных заграждениях противника на трех направлениях (для облегчения ориентирования траншеи противника имели названия. Так, бреши проделывались в направлении траншей «Буа-Параллель», «Буа-Сон-Ном», «Буа-де-Було»). Ежедневно результаты работы артиллерии подлежали проверке не только наблюдателями, но и группами разведчиков, подползавшими в темное время суток к заграждениям. Кроме того, в день накануне рейда указанные участки траншей противника подлежали фотографированию в целях контроля состояния проволочных заграждений [9, л. 15]. В это же время командиру 5-й ОПП было приказано тревожить противника в ночные часы и утром, в период между 6 и 8 часами [9, л. 11]. Описанная выше работа артиллерии в комплексе с действиями наблюдателей полностью соответствует рекомендациям, опубликованным в «Общих указаниях для борьбы за укрепленные полосы». Издание было разработано на основе французского опыта и отраженные в нем действия типичны для Западного фронта [11, с. 2].

Накануне дня разведки в распоряжение командира 6-й ОПП была передана артиллерия, состоявшая из 75-мм и 90-мм орудий, а также дополнительно выделенных 58-мм траншейных минометов, находившаяся под общим командованием французского майора Шапелье. Минометчиками являлись как французские артиллеристы и солдаты 6-й ОПП, так и прикомандированные чины 5-й ОПП [9, л. 66].

Для рейда на вражеские позиции были выделены две полуроты под общим командованием подпоручика 6-й ОПП Николая Георгиевича Милеанта². Каждая полурота имела специальные группы «резальщиков», которые очищали проходы и готовили их для беспрепятственного отхода наступающих групп, а также «чистильщиков», уничтожавших противника, укрывшегося от артиллерии в блиндажах и «норах». Рейд должен был продолжаться не более 20 мин., общее руководство операцией возлагалось на командира 6-й ОПП Георгия Иордановича Сименова³.

18 декабря 1916 г. в 7 часов утра траншейная и полевая артиллерия начала обстреливать позиции противника. В 7:42 две полуроты 6-й ОПП полка двинулись в направлении вражеских траншей. Движение левой группы было затруднено проволочными заграждениями, в которых, несмотря на все принятые меры, отсутствовал безопасный проход. В то же время правая полурота смогла беспрепятственно спуститься в немецкую траншею. Глубина правого фланга траншеи «Буан-сан-ном» не позволяла проникнуть в нее без использования лестницы, однако удачно выпущенный артиллерийский снаряд разбил часть бруствера, и наступавшие смогли спуститься по осыпавшемуся грунту [9, л. 17].

Стоит отметить, что неудовлетворительные действия французской артиллерии (недостаточное разрушение фортификационных сооружений противника, «дружественный» огонь по своим же войскам) являлись серьезной проблемой на участках русских войска. В качестве главной причины отмечалась неудовлетворительная организация связи

между передовыми частями и артиллерией, находившейся в ближнем тылу [14, л. 5].

При входе в траншею правая группа обнаружила немецких солдат, вскрывавших гранатный ящик. После короткой гранатной дуэли группа противника была рассеяна, один вражеский солдат был убит, один контужен, а остальные успели укрыться в блиндаже. Контуженым оказался рядовой 114-го Баденского пехотного полка Ганс Вольф, он был обезоружен рядовым Гордеем Мальцевым [15, с. 408] и отправлен в расположение командира 6-й ОПП [9, л. 18]. Один из взводов правой полуроты предпринял попытку штурма блиндажа, в котором укрылся противник, однако, встретив сильный ружейный огонь, забросал убежище («убежищем» в документах называется любое полевое фортификационное сооружение) гранатами, уничтожив вражескую живую силу [9, л. 11].

Левая полурота также смогла проникнуть в траншею «Буан-ан-тэ» и забросать гранатами три блиндажа противника, которые оказались пустыми. Группа захватила патроны и гранаты противника, а также многозарядное ружье, которое позже было доставлено в штаб [9].

После сигнала «свисток» наши войска начали отход на свои позиции, однако попали под сильный артиллерийский огонь, а также ружейно-пулеметный обстрел, который велся из траншеи «Армения», находившейся на второй линии.

В 8 часов утра обе полуроты вернулись на свои позиции, однако трем нижним чинам, отставшим от основных групп, пришлось укрываться в воронках на нейтральной территории до завершения вражеского обстрела, который продолжался до 22:30. Так, рядовые Егор Ерашкин и Иван Федоров при отходе группы запутались в проволочных заграждениях, однако смогли вырваться и переползти в воронку. До позднего вечера они укрывались в непосредственной близости от противника, пока подоспевшие разведчики не указали им путь отхода [15, с. 408].

В результате рейда был убит один офицер — подпоручик Николай Федорович Новиков⁴, а также священник 6-й ОПП протоиерей Сергей (Соколовский Сергей Михайлович)⁵. Получив первое ранение, в бою остался подпоручик Александр Григорьевич Костин, однако после второго ранения он был вынесен из боя рядовыми П. И. Захзарченей и С. Копытиным [15]. Получив легкие ранения, в строю остались подпоручик Н. Г. Милеант, поручик Довбор и семеро рядовых 6-й ОПП [9, л. 19]. Как уже говорилось выше, основные потери были понесены в результате артиллерийского обстрела [9, л. 4]. Так, одним вражеским снарядом был убит упомянутый офицер Новиков, контужены подпоручик Милеант, поручик Довбор и ранен отец Сергей (ранение привело к ампутации правой кисти) [9]. В тот же день отцу Сергию от имени командующего Ж.-Б. Дюма был направлен французский «Военный крест» с пальмовой ветвью (награждение приказом по армии) [9, л. 4]. Кроме того, генерал Дюма стал инициатором переговоров о награждении отца Сергея орденом «Почетного легиона», лично привез награду и вручил ее раненому священнику [9]. За рейд, проведенный 18 декабря 1916 г., 37 нижних чинов были представлены к награждению Георгиевским крестом IV ст. [15, с. 408, 409].

Достаточно сложно оценить число потерь среди нижних чинов полка. Можно лишь сопоставить по нескольким источникам приводимое число по-

гибших, тогда как численность умерших от ран, полученных в ходе рейда, с точностью назвать невозможно. Так, в своем рапорте на имя представителя Верховного главнокомандующего при Французской Главной квартире, командир 3-й ОПП В. В. Марушевский отмечал, что потери составили шесть рядовых 6-й ОПП и два артиллериста французской службы. Ранение получили 42 рядовых 6-й ОПП и один французский артиллерист [18, л. 4]. Аналогичные данные указываются в статье генерального секретаря Союза Офицеров Русского экспедиционного корпуса А. А. Хазова [19, с. 64], а также в списках, хранящихся в библиотеке Колумбийского университета (США) [20, л. 1–183]. При этом в «Списке по воинским чинам 6-го Особого пехотного полка убитым, пропавшим без вести и взятым в плен неприятелем, а также раненым и контуженым с 1 октября 1916 года по 1 января 1917 года» [21, л. 58–66] потери 6-й ОПП за 18 декабря 1916 г. составили 18 человек, из которых убиты — прапорщик Н. Ф. Новиков и рядовой И. В. Суетин, ранены 16 нижних чинов и один прикомандированный минометчик из состава 5-й ОПП. Различия в численности погибших можно объяснить тем, что в первом случае были учтены военнослужащие, умершие от ран, полученных в ходе разведки.

9 марта 1917 г. подобный рейд на позиции противника был совершен чинами 5-й ОПП. Стоит сказать, что разведка была совершена уже после получения новостей об отводе полка в тыл на отдых и стала последним смелым актом русских войск на данном участке. Для проникновения в немецкие ходы сообщения, расположенные в коммуне Оберив (между шоссе Эсперанс-Оберив и р. Сюип), из 2-го батальона полка были выделены группы количеством 90, 66 и 103 человека под командованием штабс-капитанов Александра Кузьмича Прачека⁶, Михаила Константиновича Иордана⁷ и поручика Виктора Николаевича Черняка⁸ [18, л. 4].

Левая колонна штабс-капитана Прачека состояла из 14 гренадеров, двух расчетов ружей-пулеметов⁹, 40 пехотинцев, 20 чистильщиков, семи саперов и двух газовиков. Средняя партия штабс-капитана Иордана включала в себя 14 гренадеров, 15 чистильщиков, 21 пехотинца, 13 саперов, двух газовиков. Правая колонна поручика Черняка состояла из 35 гренадеров, двух расчетов ружей-пулеметов, 25 чистильщиков, 25 пехотинцев, девяти саперов и двух газовиков [18, л. 6]. Причем в каждой колонне в составе подразделений саперов числились французские военнослужащие. Целью рейда являлся захват пленных, материальной части, вооружения и документов, а также изучение системы вражеской обороны южной окраины Оберива [18, л. 5]. Общее руководство операцией осуществлялось командиром 5-й ОПП полковником Владимиром Станиславовичем Нарбутом, оперативное командование осуществлял подполковник Николай Феликсович Коршун-Осмоловский [18, л. 4].

Для подготовки пехоты к действиям в траншеях противника в селении Мурмелон-лэ-Гран была выполнена полномасштабная копия вражеских позиций, расположенных в юго-восточной части коммуны Оберив. Выделенные для участия в разведке группы тренировались ориентироваться по буссоли, изучали расположение вражеских убежищ, готовили отряды чистильщиков.

В качестве отличия «свой-чужой» применялась белая ткань, повязанная крест-накрест на груди, также было установлено секретное кодовое слово [18, л. 5].

Строительство копий вражеских линий обороны в тылу было типично для боевых действий Западного фронта и неоднократно применялось для подготовки русских бригад (см., например, программу подготовки личного состава 3-й ОПБ в учебном лагере Майи (Mailly)) [18, л. 45]. Подобные меры помогали наступающим без ориентиров двигаться по запутанной системе траншей и запоминать расположение укреплений и огневых точек. Все это способствовало недопущению паники и сохранению управления группами, что в итоге положительно сказывалось на числе потерь.

Для пробития брешей в заграждениях противника и ударов по фортификационным сооружениям была выделена артиллерия в количестве 30 полевых, 12 тяжелых и 18 траншейных орудий [9, л. 3]. В распоряжение бригады планировалось передать три аэроплана, которые должны были использоваться для связи, корректировки стрельбы артиллерии, а также контроля разрушений проволочных заграждений.

По воспоминаниям А. В. Павлинова, накануне рейда в ротах полка было неспокойно. «Наш всегдашний почитатель музыки капитан Иордан озадачен боевой задачей атаковать деревню Оберив. Настроение было не то веселое, не то печальное. При большом запасе разных вин он (М. К. Иордан. — **И. С.**) назвал пор. Черняка ш...ком, [неразб.] Прачека — батенькой взводных нашей роты и нас. Пошло веселье и пир в честь будущей славы и удачи. В конце всего Иордан, прослезившись, сказал трогательную речь» [8, л. 15].

В 11 часов утра 9 марта артиллерия начала работу по уничтожению вражеских заграждений и созданию безопасных проходов для пехоты. На участке «Буа-дезекут» в это же время происходил отвлекающий маневр, организованный личным составом 6-й ОПП: артиллерия уничтожала проволочные заграждения, а также осуществлялись взрывы пироксилиновых шашек, заранее заложенных на подступах к позициям противника.

В 17:30 группы штабс-капитанов Прачека и Иордана начали движение в направлениях правой и центральной брешей, а в 17:35 группа поручика Черняка выступила в сторону левой брешки. Все группы имели полевые телефоны с запасом кабеля, а также были снабжены электрическими карманными фонарями, которые могли использоваться для световой сигнализации, в дополнение к этому командиры групп назначали нескольких посыльных. [9, л. 5, 7]. Наличие нескольких дублировавших друг друга систем связи было типичным для французского фронта на завершающей стадии Первой мировой войны и объяснялось трудностью одновременного руководства различными группами в условиях сложной местности.

Во время артиллерийского обстрела противник укрылся в подземных галереях. При приближении разведчиков 5-й ОПП вражеские укрытия были заброшены гранатами. Большая часть находившихся там военнослужащих была убита, однако девять человек, укрывшихся в глубине, получили ранения и были взяты в плен. Захваченные фельдфебель, санитар и семеро солдат из состава 13-го Егерского батальона предоставили информацию о количестве офицеров, вооружении, огневых точках и убежищах, расположенных на занимаемом ими участке фронта, а также другие важные данные [9, л. 30]. На позициях противника были обнаружены письма и почтовая корреспонденция, которые по-

зволили сформировать представление не только о моральном состоянии немецких солдат и офицеров, но и охарактеризовать настроения в тылу.

Во время рейда было убито шесть нижних чинов, ранено и контужено два офицера и 59 унтер-офицеров и солдат. Также снарядами вражеской артиллерии убито четверо, ранен и контужен 21 нижний чин [9, л. 31, 32]. Во время отвлекающего маневра и последующей артиллерийской стрельбы противника было убито четверо и ранен 21 чин 6-й ОПП. Смелый рейд был высоко оценен военным командованием, а некоторые его участники получили французские «Военные кресты» [24, с. 94].

Выводы. Локальные разведывательные операции 5-й ОПП и 6-й ОПП разрабатывались с учетом опыта окопной войны Западного фронта, а применяемый комплекс тактических приемов и знание особенностей использования ручного вооружения и артиллерии были направлены не только на выполнение поставленных задач, но и на сохранение жизни личного состава.

Разработка планов разведывательных рейдов опиралась на обширные данные, при этом действия артиллерии по разрушению проволочных заграждений противника подлежали проверке, в том числе с помощью фотофиксации. Действия русских бригад являлись типичными для Западного фронта и явились квинтэссенцией опыта французской армии, накопленного с 1914 г. Методы ведения окопной войны значительно отличались от Восточного фронта. Именно по этой причине предварительная подготовка русских войск в учебных лагерях являлась необходимой.

Стоит отметить, что предпринимаемые меры и подготовительные действия не всегда приводили к ожидаемым результатам. Так, рейд разведчиков 6-й ОПП был затруднен отсутствием прохода в проволочном заграждении. Подготовка личного состава производилась по всем правилам военного искусства, так для солдат и офицеров 5-й ОПП были созданы макеты вражеской линии обороны, необходимые для проведения тренировок и отработки действий в неизвестных локациях. Атаки окопной линии противника были стремительны, совершенны в четком соответствии с ранее разработанными планами, что свидетельствует о высоком уровне боевого мастерства не только младших офицеров, но и нижних чинов.

Кроме сказанного выше уникальным можно считать наличие в документах имен солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса. Личные данные позволяют взглянуть на события с точки зрения «человека на войне», а также в развитии темы, восстановить биографии людей эпохи Великой войны.

Примечания

¹ Владимир Владимирович Марушевский (1874–1951). Род. в Петергофе, участник Русско-Японской и Первой мировой войн. В 1916 г. назначен командующим 3-й Особой пехотной бригадой, весной 1917 г. некоторое время командовал 1-й Особой пехотной дивизией. Участник Белого движения. Генерал-лейтенант (1919). Ум. в Югославии [10].

² Николай Георгиевич Милеант (1884–1961). Род. в Одессе. Окончил Одесское военное училище (1912). С 1916 г. — в составе 6-го Особого пехотного полка (адыютант командира полка). С 1917 г. во французской армии. Участник движения Спротивления, позже — член Свободных французских сил. Ум. во Франции [12].

³ Георгий Иорданович Сименов (1872–1938). Род. в Болгарии. Участник Первой мировой войны с 1914 г. Полковник (1915). Командир 6-го Особого пехотного полка. Ум. в окрестностях Парижа [13].

⁴ Николай Федорович Новиков (1884–1916) Род. в Архангело-Пашийском заводе. Окончил Пермскую гимназию, обучался в Казанском университете. Известный литератор, журналист и поэт. Публиковался под псевдонимом Николай Черешнев. Подпоручик 6-го Особого пехотного полка (1916). Погиб 18 декабря 1916 г. Похоронен на кладбище в коммуне Сент-Илер-лэ-Гран [16].

⁵ О. Сергей (Соколовский Сергей Михайлович) (1877–1934). Род. в Новгороде. Полковой священник 7-го Финляндского полка. В 1916 г. назначен благочинным всех церквей особых бригад. После ранения в декабре 1916 г. комиссован, проживал в Париже. В 1930 г. за советскую пропаганду выслан в СССР. В сане не восстановлен. Ум. в Литве [17].

⁶ Александр Кузьмич Прачек (1893–1956). Род. в Воронеже. Штабс-капитан (1916). Командир 5-й роты 5-й ОПП. После восстания в Ля-Куртин — в «Легионе чести». «Хозяин» полкового талисмана — медведицы Мишки. После войны во Франции. Активный член общества ветеранов Марокканской дивизии. Добивался признания русских солдат — бывших чинов экспедиционного корпуса ветеранами войны. Ум. в 1956 г. [18, л. 14; 22, р. 2; 23, р. 3].

⁷ Михаил Константинович Иордан (1892–?). Род. в Забайкальской области. Окончил Читинскую классическую гимназию и Казанское военное училище. Штабс-капитан (1916). В составе Русского экспедиционного корпуса с лета 1916 г. [18, л. 15].

⁸ Виктор Николаевич Черняк (1893–?) Род. в Финляндии. Окончил Выборгское реальное училище, а также ускоренный курс Александровского военного училища. Поручик (1915). В составе Русского экспедиционного корпуса с лета 1916 г. [18, л. 17].

⁹ Имеется в виду французский ручной пулемет системы Шоша обр. 1915 г.

Библиографический список

1. Poitevin P. La Mutinerie De La Courtine. Les Régiments Russes Révoltés En 1917 Au Centre De La France. Paris, 1938. 199 p.

2. Данилов Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916–1918 гг.: (по материалам архивов французского военного министерства). Париж, 1933. 247 с.

3. Чиняков М. К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916–1918 гг.): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2006. 310 с.

4. Павлов А. Ю. Русские войска во Франции и Македонии во время Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1995. 200 с.

5. Adam R. Histoire des soldats russes en France (1915–1918). Les damnés de la guerre. Paris, 1996. 384 p. ISBN 2-7384-4187-4.

6. Cookfiled J. H. With snow on their boots. The tragic odyssey of the Russian expeditionary force in France during World War I. New York, 1997. 396 p. ISBN 0-312-17356-3.

7. Cahen G. Le temps retrouvé du soldat russe Anissim Ilitch Otmakhov — France 1916–1920. Paris, 2013. 288 p. ISBN 10: 274665606X.

8. Павлинов А. В. Краткая запись выдающихся событий за период с выезда из России, путешествие по Франции, Африке и возвращение обратно: рукопись. 1922. 56 с.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. доп. Д. 1572.

10. Марушевский В. В. // Офицеры Русской Императорской Армии. Открытая база данных и фотоархив офице-

ров и формирований Русской Императорской Армии начала XX в. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Марушевский_Владимир_Владимирович (дата обращения: 11.10.2023).

11. Кудрявцев К. Н. Общие указания для борьбы за укрепленные полосы. Петроград, 1916. 79 с.

12. Милеант Н. Г. // Офицеры Русской Императорской Армии. Открытая база данных и фотоархив офицеров и формирований Русской Императорской Армии начала XX в. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Милеант_Николай_Георгиевич (дата обращения: 11.10.2023).

13. Сименов Г. И. // Офицеры Русской Императорской Армии. Открытая база данных и фотоархив офицеров и формирований Русской Императорской Армии начала XX в. URL: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%A1%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 11.10.2023).

14. Museum of Russian Culture in San Francisco. Documents of Colonel Alexander Nikolaevish Speransky for the period of 1915 to 1953. Reports and orders.

15. Патрикеев С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста. 1914–1922 гг. IV Степень №№ 800 001–900 000. Москва, 2014. 896 с. URL: <https://www.numismat.ru/gkimages/book/tom12.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

16. «Екатеринбург». Энциклопедия. Новиков (псевд. Черешнев) Николай Федорович. URL: <http://энциклопедия.екатеринбург.рф/encyclopedia?sub2=1949> (дата обращения: 11.10.2023).

17. Павлов А. Ю. Русские войска во Франции в период Первой мировой войны // Новый часовой. 1994. № 2. С. 90–102. EDN: YJZYUR.

18. РГВИА. Ф. 15222. Оп. 1. Д. 3.

19. Хазов А. А. Русский экспедиционный корпус во Франции (1916–1918) // Кадетская переключка. 1989. № 46. С. 68–81.

20. Columbia University libraries. Rare book & manuscript library. Russian Expeditionary Forces in France and Macedonia Records, 1914–1930. Box 8. Lists of dead, killed and missing, 1916–1919.

21. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 928.

22. Le galois. 1919. № 19.

23. Le temps. 1928. № 16.

24. Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/28148.html> (дата обращения: 20.10.2023).

СИЛЬЧЕНКО Иван Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Технического университета УГМК, г. Верхняя Пышма.

SPIN-код: 1113-2171

AuthorID (РИНЦ): 923392

ORCID: 0000-0002-9906-9619

ResearcherID: AAE-8853-2019

Адрес для переписки: 89022777814@yandex.ru

Для цитирования

Сильченко И. С. Особенности разведывательных операций 3-й бригады Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте. Декабрь 1916–март 1917 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 50–56. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-50-56.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024 г.

© И. С. Сильченко

THE FEATURES OF RECONNAISSANCE OPERATIONS OF THE 3RD BRIGADE OF THE RUSSIAN EXPEDITIONARY CORPS ON THE WESTERN FRONT. DECEMBER 1916—MARCH 1917

The article analyzes the preparation and conduct of reconnaissance operations in the area of the French commune of Aubérive using the example of two regiments of the 3rd Special Infantry Brigade of the Russian Expeditionary Forces in France. The common and unique features of the French front inherent in the activities of the Russian troops are highlighted. The basis of the research is a set of unpublished sources from the collections of the Russian State Military Historical Archive, the Bakhmetyev Archive of Columbia University (USA), the archive of the Russian Cultural Center (USA). The author notes that, despite the inconsistency of the actions of artillery and infantry, the raids were quite well thought out, this allowed not only to carry out a combat mission, but also to save personnel.

Keywords: Russian Imperial Army, Russian Expeditionary Force, France, military intelligence, military stratagem.

References

- Poitevin P. La Mutinerie De La Courtine. Les Régiments Russes Révoltés En 1917 Au Centre De La France [The Courtine Mutiny. The Russian Regiments Revolted in 1917 in the Center of France]. Paris, 1938. 199 p. (In Fr.).
- Danilov Yu. N. Russkiye otryady na frantsuzskom i makedonskom frontakh 1916—1918 gg.: (po materialam arkhivov frantsuzskogo voyennogo ministerstva) [Russian detachments on the French and Macedonian fronts 1916—1918: (based on materials from the archives of the French War Ministry)]. Paris, 1933. 247 p. (In Russ.).
- Chinyakov M. K. Russkiye voyska vo Frantsii v gody Pervoy mirovoy voyny (1916—1918 gg.): formirovaniye, komandnyy sostav, uchastiye v boyevykh deystviyakh, voyennyy byt [Russian troops in France during the First World War (1916—1918): formation, command staff, participation in hostilities, military life]. Moscow, 2006. 310 p. (In Russ.).
- Pavlov A. Yu. Russkiye voyska vo Frantsii i Makedonii vo vremya Pervoy mirovoy voyny [Russian troops in France and Macedonia during the First World War]. Saint Petersburg, 1995. 200 p. (In Russ.).
- Adam R. Historie des soldats russes en France (1915—1918). Les damnés de la guerre [History of Russian soldiers in France (1915—1918). The Damned of War]. Paris, 1996. 384 p. ISBN 2-7384-4187-4. (In Fr.).
- Cookfiled J. H. With snow on their boots. The tragic odyssey of the Russian expeditionary force in France during World War I. New York, 1997. 396 p. ISBN 0-312-17356-3. (In Engl.).
- Cahen G. Le temps retrouvé du soldat russe Anissim Ilitch Otmakhov — France 1916—1920 [The rediscovered time of the Russian soldier Anissim Ilitch Otmakhov — France 1916—1920]. Paris, 2013. 288 p. ISBN 10: 274665606X. (In Fr.).
- Pavlinov A. V. Kratkaya zapis' vydayushchikhsya sobytiy za period s vyyezda iz Rossii, puteshestviye po Frantsii, Afrike i vozvrashcheniye obratno: rukopis' [A brief record of outstanding events during the period from leaving Russia, traveling through France, Africa and returning back: manuscript]. 1922. 56 p. (In Russ.).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)]. File: 2003/1/1572. (In Russ.).
- Marushevskiy V. V. Ofitsery Russkoy Imperatorskoy Armii. Otkrytaya baza dannykh i fotoarkhiv ofitserov i formirovaniy Russkoy Imperatorskoy Armii nachala XX v. [Officers of the Russian Imperial Army. An open database and photo archive of officers and formations of the Russian Imperial Army of the early XX century]. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Marushevskiy_Vladimir_Vladimirovich. (accessed: 11.10.2023). (In Russ.).
- Kudryavtsev K. N. Obshchiye ukazaniya dlya bor'by za ukreplennyye polosy [General instructions for the fight for fortified zones]. Petrograd, 1916. 79 p. (In Russ.).
- Mileant N. G. Ofitsery Russkoy Imperatorskoy Armii. Otkrytaya baza dannykh i fotoarkhiv ofitserov i formirovaniy Russkoy Imperatorskoy Armii nachala XX v. [Officers of the Russian Imperial Army. Open database and photo archive of officers and formations of the Russian Imperial Army of the early XX century]. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Mileant_Nikolay_Georgievich. (accessed: 11.10. 2023). (In Russ.).
- Simeonov I. G. Ofitsery Russkoy Imperatorskoy Armii. Otkrytaya baza dannykh i fotoarkhiv ofitserov i formirovaniy Russkoy Imperatorskoy Armii nachala XX v. [Officers of the Russian Imperial Army. Open database and photo archive of officers and formations of the Russian Imperial Army of the early XX century]. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Simeonov_Georgiy_Iordanovich (accessed: 11.10.2023). (In Russ.).
- Museum of Russian Culture in San Francisco. Documents of Colonel Alexander Nikolaevich Speransky for the period of 1915 to 1953. Reports and orders. (In Russ.).
- Patrikeyev S. B. Svodnyye spiski kavalerov Georgiyevskogo kresta. 1914—1922 gg. IV Stepen' № 800 001—900 000 [Consolidated lists of holders of the St. George Cross.

1914–1922 IV Degree No. 800 001–900 000]. Moscow, 2014. 896 p. (In Russ.).

16. «Ekaterinburg». Entsiklopediya. Novikov (psevd. Chereshev) Nikolay Fedorovich [«Ekaterinburg». Encyclopedia. Novikov (pseud. Chereshev) Nikolai Fedorovich]. URL: <http://entsiklopediya.ekaterinburg.rf/encyclopedia?sub2=1949>. (accessed: 11.10.2023). (In Russ.).

17. Pavlov A. Yu. Russkiye voyska vo Frantsii v period Pervoy mirovoy voyny [Russian troops in France during the First World War] // *Novyy chasovoy. New Sentry*. 1994. No. 2. P. 90–102. EDN: YJZYUR. (In Russ.).

18. RGVIA [RSMHA]. File: 15222/1/3. (In Russ.).

19. Khazov A. A. Russkiy ekspeditsionnyy korpus vo Frantsii (1916–1918) [Russian Expeditionary Corps in France (1916–1918)] // *Kadetskaya pereklichka. Cadet Roll Call*. 1989. No. 46. P. 68–81. (In Russ.).

20. Columbia University libraries. Rare book & manuscript library. Russian Expeditionary Forces in France and Macedonia Records, 1914–1930. Box 8. Lists of dead, killed and missing, 1916–1919. (In Russ.).

21. RGVIA [RSMHA]. File 16196/1/928. (In Russ.).

22. Le galois. *Welsh*. 1919. No. 19. (In Fr.).

23. Le temps. *The Weather*. 1928. No. 16. (In Fr.).

24. Drevo. Otkrytaya pravoslavnyaya entsiklopediya [Tree. Open Orthodox Encyclopedia]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/28148.html> (accessed: 20.10.2023). (In Russ.).

SILCHENKO Ivan Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Humanities and Natural Sciences Department, Technical University of UMMC, Verkhnyaya Pyshma.

SPIN-code: 1113-2171

AuthorID (RSCI): 923392

ORCID: 0000-0002-9906-9619

ResearcherID: AAE-8853-2019

Correspondence address: 89022777814@yandex.ru

For citations

Silchenko I. S. The features of reconnaissance operations of the 3rd brigade of the Russian expeditionary corps on the Western front. December 1916 – March 1917 // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 50–56. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-50-56.

Received February 19, 2024.

© I. S. Silchenko

СЕМЕНОВЫ-ЗНАМЕНСКИЕ В ХАРБИНЕ. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Преемственность поколений — для харбинцев это не просто слова. Харбинцы во все времена старались сохранить память о своих предках. Актуальность проблемы сохранения истории российской эмиграции высока. История семей многих россиян связана с Харбином, где была крупнейшая русская диаспора. Сейчас этот город является административным центром китайской провинции Хэйлунцзян. Мы не должны забывать о людях, которые строили КВЖД, а также русских эмигрантах, которые жили в Харбине, но сохранили в сердце образ своего Отечества и внесли вклад в русскую культуру, науку. Целью настоящей статьи является исследование жизни русских эмигрантов в Харбине и восстановление связи с их потомками.

В статье применяется историко-системный анализ и библиографический метод исследования. Статья рассказывает об удивительной жизни уроженца Харбина — Николая Николаевича Знаменского: его детстве в Харбине, его родственниках, его переезде в СССР, его восхищении Китаем сейчас, а также акцентирует внимание на послании Николая Николаевича Знаменского современным харбинцам.

Ключевые слова: Харбин, эмиграция, СССР, КВЖД, Русский клуб в Харбине, Русский научно-исследовательский центр «Харбин», Семеновы-Знаменские в Харбине.

Постановка проблемы. Харбин — город-легенда, «Русская Атлантида», город, основанный русскими переселенцами [1, 2]. Китайская Восточная Железная Дорога (далее — КВЖД) играла значительную роль в международных отношениях на Дальнем Востоке на протяжении всей первой половины XX в., что было обусловлено ее важным экономическим и военно-стратегическим значением в регионе. На КВЖД и связанных с ней ведомственных подразделениях трудились выдающиеся личности, внесшие свой посильный вклад в дело становления и развития дороги.

Харбин — это особый феномен, находящийся на стыке русской и китайской культурных традиций. Выходцы из Харбина всегда играли активную роль в привнесении понимания культуры России в Китае. В настоящей статье хотелось бы остановиться на династии Знаменских, их жизни в Харбине, а также жизни членов семьи после репатриации в СССР.

Первые переселенцы в Харбин из семьи Семеновых-Знаменских. Иван Уварович Семёнов, 1870 года рождения, вместе со своей женой Семёновой Анной Дмитриевной, 1880 года рождения, приехали строить Харбин в 1899 году (рис. 1, 2). Жена Ивана Уваровича Семёнова — Анна Дмитриевна — дворянка родом из Тульской губернии, с 1888 по 1896 годы воспитывалась в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого. В Харбине семья жила достаточно зажиточно. Зарплату Иван Уварович, по профессии строитель среднего звена (мастер), получал золотом, был уважаемым человеком. Начинать работу на железной дороге, затем принимал участие в строительстве знаменитого ж/д моста через

ри (иногда также называемый Биньчжоуским мостом) — это самый старинный памятник железнодорожного строительства в Харбине и одновременно первый городской мост через Сунгари [3]. Он по праву считался сердцем всей КВЖД. По этому мосту проезжали все поезда, которые направлялись в Россию. В настоящее время поезда по мосту уже не ходят, а сам мост превратился в туристический объект.

По воспоминаниям правнука Ивана Уваровича Николая Николаевича Знаменского: «Дом в Харбине Иван Уварович Семёнов построил сам, а дети учились в престижных учебных заведениях Китая. На престольные праздники разговеться в гости к Семёновым приезжали главы Харбинской епархии — митрополит Мефодий и сменивший его епископ Иоанн» [4].

Иван Уварович добровольцем пошел на войну с Японией, вернулся с двумя Георгиевскими крестами. У Ивана Уваровича и Анны Дмитриевны в Харбине родилось четверо детей — девочка Вера¹ и три мальчика (рис. 3).

В марте 1943 года Ивана Уваровича Семёнова отравил японский фельдшер. Вероятно, он стал одной из многочисленных жертв экспериментов японского «Отряда 731». Николай Николаевич Знаменский вспоминает простое деревенское кладбище, на котором был в последний раз в 1948 году. Кладбище находилось в полукилометре к северо-востоку от Мяньюхэ, на взгорье, недалеко от Восточно-Сибирской железной дороги — самой протяжённой в мире, с сотнями мостов и тоннелей, построенной всего за шесть лет: «Помню, как проходили мимо поезда и давали гудки русским людям, патриотам, строителям этой магистрали. Иван Уварович Семё-

**Семёнов
Иван Уварович**

Рис. 1. Дедушка Знаменского
Николая Николаевича — Семёнов
Иван Уварович [Харбин, 1920 г.]
Источник: [4]

Рис. 2. Иван Уварович Семёнов с женой Семёновой Анной
Дмитриевной, дедушка и бабушка по материнской линии
Знаменского Николая Николаевича [Харбин, 1920 г.]
Источник: [4]

нов покоился в первом ряду могил в середине» [4]. В настоящее время на месте Мянъдхэ город с населением около 200 тысяч человек, а на месте могил построены дома [5].

Жизнь семьи в Харбине в 1920–1954 гг. Отец Николая Николаевича Знаменского — Николай Ерастович Знаменский из большого славного священнического рода. В районной газете «Звезда»

Рис. 3. Иван Уварович Семёнов с женой Семёновой Анной
Дмитриевной, дедушка и бабушка по материнской линии
Знаменского Николая Николаевича, мама Анна Дмитриевна
и три маминых брата [Харбин, 1930 г.]
Источник: [4]

Рис. 4. Фотография Стогова
Александра Михайловича,
подаренная Знаменскому Н.Е.
Стоговым с подписью «Уважаемому
Николаю Ерастовичу на память
о совместных скитаниях»
Источник: [Личный архив семьи
Знаменских]

в июне 2020 года была опубликована статья о необыкновенной героической судьбе Серафима Васильевича Знаменского. «Врач, опалённый войной и Норильлагом». В этой статье коротко упоминается матушка Любовь Михайловна — супруга протоиерея Василия Знаменского, расстрелянного в 1918 году. Он явился одной из первых жертв революционного пролетариата, и вообще первой жертвой в родословной Знаменских. Всего было репрессировано семь священников: протоиерей Александр (1932 г.), митрофорный протоиерей Алексей (1938 г.), протоиерей Сергей (1937 г.), пресвитер Иоанн (1923 г.), протоиерей Ераст (1932 г.), епископ Краснослободский Дмитрий (1938 г.), протоиерей Василий (год неизвестен). Трое из них: Алексей, Иоанн, Сергей в 2006 году причислены к лику святых священномучеников Русской православной церкви Патриархом Алексием [4].

Николай Ерастович Знаменский в 1924 году окончил МГУ и по окончании вместе с другом, дворянином Стоговым Александром Михайловичем, был выслан в Хабаровск под надзор с «волчьим билетом», без права трудоустройства. Уже в Хабаровске, предчувствуя арест, в том же 1924 году в августе Знаменский Николай и Стогов Александр

ФОТО. БУ В. АБЛАНСКИЙ, ПАРИЖ.

Рис. 5. Оперная труппа Железнодорожного собрания, Харбин (Н. Е. Знаменский в верхнем ряду третий справа) [Харбин, 1925 г.]
Источник: [4]

переплыли Амур и в итоге оказались в Харбине. Из воспоминаний Николая Николаевича Знаменского: «Отец рассказывал, что переплывать Амур было безумно трудно, ведь ширина Амура порядка двух километров, река с сильнейшими течениями и водоворотами. Документы упаковали вощеную бумагу и зашили парафином, повязали вокруг себя и поплыли». Из Харбина Александр Стогов дальше отправился в США, а Николай Знаменский остался в Харбине. На память он подарил Николаю Знаменскому фотографию с подписью «Уважаемому Николаю Ерастовичу на память о совместных скитаниях» (рис. 4).

Николай Ерастович был разносторонним, талантливым человеком. Во время учебы в Москве многое и многих видел, начиная от Владимира Ильича Ленина, с самым негативным к нему отношением. В 1919 году вместе со своим отцом, протоиереем Ерастом, был на аудиенции патриарха Тихона и на его благословении. Дружил с Сергеем Есениным. У него была великолепная память — знал почти всего Пушкина, Гумилева, Блока, Апухтина, Тютчева, Фета. Постоянно посещал Большой театр с Федором Шаляпиным. Был также на его последнем концерте в Харбине в 1936 году [6]. Николай Ерастович Знаменский два года пел в оперной труппе Железнодорожного собрания (рис. 5). У него был прекрасный баритон, например, он исполнял партию Демона в опере «Демон» (1875). Также был чемпионом Харбина по боксу в среднем весе и задьям яхтсменом [4].

Николай Ерастович Знаменский свыше 10 лет работал в Харбинском отделении Гонконг — Шанхайского банка [7]. В 1948 году он переехал работать в Чжалайнор, но уже в 1951 году вернулся жить в Харбин. Фотографии Николая Ерастовича с женой см. на рис. 6, 7.

Знаменская (Семёнова) Вера Ивановна — педагог, владела четырьмя европейскими языками плюс разговорным китайским. Прожила 94 года. По воспоминаниям родственников была очень доброй,

Рис. 6. Знаменский Николай Ерастович, Знаменская (Семёнова) Вера Ивановна и Николай Николаевич Знаменский [Харбин, 1944 г.]
Источник: [4]

с необыкновенной силой воли и твердым характером [7].

Николай Ерастович Знаменский и Знаменская (Семёнова) Вера Ивановна дружили с известным харбинским поэтом — Арсением Несмеловым [8]. На рис. 8 Арсений Несмелов изображён третьим справа. Евгений Евтушенко считал Арсения Несмелова самым значительным из зарубежных русских поэтов. Об этом он писал в «Антологии русской поэзии». Судьба поэта была трагична. В 1945 г. Арсений Несмелов был вывезен в СССР, где умер от инфаркта в пересыльной тюрьме. «У папы с мамой были сборники Несмелова с дарственными надписями, но в 1945-м они все архивы уничтожили. Время было тревожное. У меня сохранилось стихотворение «Суворовское знамя», которое читал папа и я записал его по памяти. Это стихотворение заняло первое место на конкурсе поэтов в честь юбилея Суворова, по-моему, в Париже. С поэтом Ачаир родители были знакомы. Маме нравились его

Рис. 7. Свадьба, на фото Знаменский Николай Ерастович, Знаменская (Семёнова) Вера Ивановна [Харбин, 1925 г.]
Источник: [4]

стихи. Позднее она не раз вспоминала этого поэта. Судьба его мне неизвестна» — вспоминает Николай Николаевич [7].

Детство и обучение в Харбине. Николай Николаевич Знаменский родился 19 апреля 1944 года в Харбине. Из воспоминаний: «Хорошо помню места в Харбине, в которых бывал с родителями. Помню кафедральный Никольский собор, в котором меня крестили. Старое русское кладбище с Иверской часовней, Чурин, Пристань, коварную Сунгари, ж/д мост и многое другое, включая весь пейзаж за окном от Харбина до Чжалайнора. В деталях помню Мяньюхэ, Чжалайнор и ст. Маньчжуря» [7].

Из воспоминаний Н. Н. Знаменского: «Старое русское кладбище было очень красивое. Масса мраморных надгробий похожа на некрополь XIX — XX века Александро-Невской лавры, только значительно больше. На входе большая братская могила русским воинам, погибшим и умершим от ран в Харбине. В центре памятник, а вся братская могила окаймлена якорными цепями, очевидно, и моряки покоятся. Справа от входа часовня в честь иконы Иверской Божией Матери, в ней круглосуточно горела лампада. Помню могилу первой красавицы Харбина Нины Завадской, утонувшей в 17 лет в Сунгари. Над могилой скорбный ангел. Все захоронения в тени лип и дубов. Там же покоится и первый мамин жених Грязнов. Дело шло к обручению, но мой папа вскружил голову Верочке. Бабушка говорила мне, что он утопился» [7].

Николай Николаевич после Харбина жил у бабушки в деревне Мяньюхэ, где дед купил шикарный громадный дом [9]. В 1938-м дом сожгли японцы.

В 1948-м году Вера Ивановна Семёнова забрала его в город Чжалайнор, где она работала учителем

Рис. 8. Русские поэты в Харбине. Слева направо: В. К. Обухов, М. А. Шмейсер, Н. Ильнек, А. И. Несмелов, А. Андреева, А. А. Ачаир. [Харбин, 1930 г.]
Источник: [4]

Рис. 9. Похвальный лист
Знаменского Н. Н. [Харбин, 1951 г.]
Источник: [4]

в советской средней, уникальной во всех отношениях, школе, в которой с отличием он закончил три класса. Все преподаватели в ней были из дворян, с высочайшим уровнем патриотизма. Каждое утро в актовом зале пели Гимн СССР, с первого по 10 класс. Дирижировал некто Солдатенков, бывший царский офицер. На престольные праздники дружно шли в церковь во главе с директором. Дирижёр становился регентом, а учителя пели на клиресе. По всем праздникам скотопромышленник Перебоев устраивал утренники с множеством пирогов и прочего, а учителям банкет. В 1954-м году он бросил все и уехал в СССР. Из воспоминаний Н. Н. Знаменского: «Мою маму нашла его дочь, училась у мамы. Люба, талантливая художница. Вообще в школе учились талантливые дети. Две мамы ученицы — Геля Михеева и Нонна Журо в последствии танцевали в Новосибирском театре оперы и балета. Азы балета ставила мама. В Харбине она занималась в балетной студии» [7].

Во втором классе после каникул детям ввели новый предмет — китайский язык устный и письменный. Учителем был пожилой китаец по имени Цуй Лаоши. Голова у него была лысая, напоминавшая дыню «торпеда», т.е. сильно удлинённая назад. Китайским детям высокого происхождения формировали такую форму головы с детства. Говорили, что он очень образованный китаец, знал более двадцати тысяч иероглифов. Человек он был очень добрый, любил детей. Нам даже было стыдно при нём хулиганить. На русском языке говорил довольно хорошо, хотя и с сильным акцентом. Вначале он спрашивал пройденный материал, затем писали в тетрадях новые иероглифы. Затем он засыпал до школьного звонка. Учили китайский язык полтора года. В 90-х годах на Магнитке на Милицейском отделении работали китайские работники из

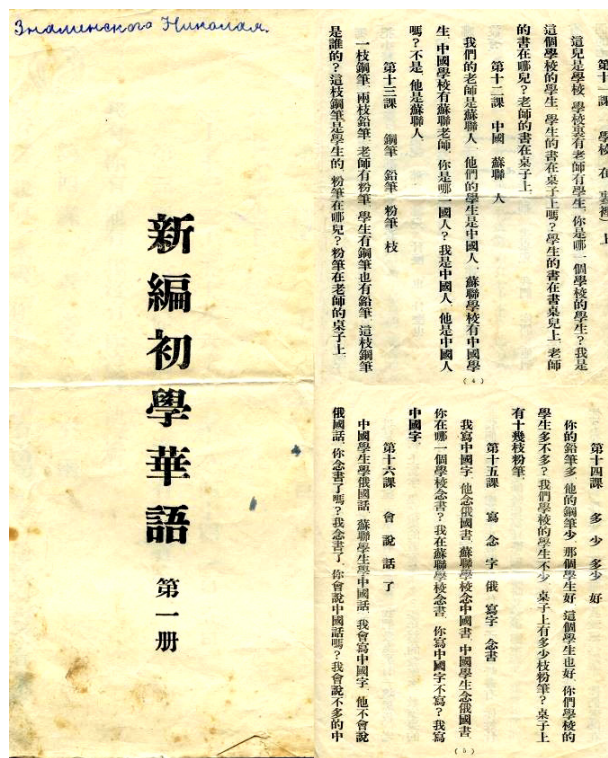

Рис. 10. Учебник китайского языка
Знаменского Н. Н. [Харбин, 1951 г.]
Источник: [4]

провинции Сычуань. Николай Николаевич понимал на слух их диалект. На рис. 9 изображен сохранившийся школьный похвальный лист.

Сохранившийся школьный учебник китайского языка можно увидеть на рис. 10. На первой странице написано: «Харбинская советская средняя школа. Учебник под редакцией Комитета по исследованиям в области права профессоров китайского языка. Первый том нового китайского языка для начинающих».

Далее можно посмотреть план уроков:

Отрывок:

«...Урок 11. Это школа. В школе есть учителя и ученики. В какой школе вы учитесь? Я ученик этой школы. Лежат ли на столе книги учеников? Учебники учеников лежат на столах учителей. Где книга? На столе лежит учительская тетрадь...»

Урок 12. Учителя. Наши учителя — советские, их ученики — китайцы, а у Советов есть китаеведение. В китайских школах есть советские учителя, какой вы национальности? Я китаец, он китаец. Да? Нет. Он — советский человек...

Урок 15. Написание писем. Я писал китайские иероглифы, а он читал русские книги. В школе Советского Союза читают китайские книги. Китайские студенты читают русские книги. В какой школе вы учились? Я учился в советской школе. Вы пишете китайские иероглифы? Я пишу китайские иероглифы...».

Возвращение в СССР. Отъезд из Китая для русских эмигрантов вспоминается очевидцами как весьма трагичный [10–12]. Однако семья прибыла благополучно в СССР. Местным властям рекомендовали оказывать адресную поддержку особо нуждающимся. Но плохие условия труда, неразвитость социально ориентированных отраслей экономики, послевоенные трудности (голод, денежная рефор-

140 кг - толчок 1965 год

Рис. 11. Знаменский Н. Н. со штангой [СССР, 1965 г.]
Источник: [4]

ма) вкупе с незнанием «советских реалий» в первое время негативно сказывались на жизни новых советских граждан. Приходилось адаптироваться, искать новых друзей, учиться заново выстраивать отношения с коллегами [13–15].

Первым местом поселения был свх. Судженский. Затем, в 1954-м году, семья переехала к младшему брату отца в город Магнитогорск, затем в районный центр Агаповка в 12 км от Магнитки.

Для Н. Н. Знаменского и город Магнитогорск, и посёлок Агаповка стали родными. Управление электрических сетей Магистральных электрических сетей (МЭС) Челябэнерго, где он работал, было в городе. Из посёлка в город езды было 15 минут.

Николай Николаевич работал начальником районных электрических сетей, которые были лучшими среди восьми аналогичных предприятий юга области. Они установили абсолютный рекорд по МЭС и Челябэнерго — 12 раз подряд завоёвывали переходящее Красное Знамя. Итоги подводились раз в квартал, в кабинете стояли четыре бархатных знамени. Его стаж работы 53 года, из них руководителем — 46 лет. Николай Николаевич является автором рукописей «История районных электрических сетей» и «История Магнитогорских электрических сетей «Челябэнерго».

По воспоминаниям Н. Н. Знаменского: «В СССР я прожил хорошую жизнь: посетил Большой театр свыше 25 раз, слышал всех великих певцов, начиная с середины 60-х и до конца 80-х годов, встречался с Владимиром Высоцким и Ильей Глазуновым. На пятидесятилетии Магнитогорского металлургического комбината в 1982 году был приглашён

Рис. 12. Николай Николаевич
Знаменский с Татьяной
Сковородниковой
[Харбин, 1951 г.]
Источник: [4]

Рис. 13. Николай Николаевич
Знаменский, 73 года,
Россия [Россия, 2017 г.]
Источник: [4]

в кабинет директора Дворца металлургов Магнитогорского металлургического комбината (ММК), где принял участие в беседе с А. Пахмутовой, Н. Добронравовым, Л. Голубкиной, Трошиным и Юлианом».

Знаменский Николай Николаевич серьезно занимался тяжелой атлетикой (см. рис. 11), в юности был серебряным призером первенства СССР среди юношей, серебряным призером первенства СССР среди горных и горнометаллургических вузов, чемпионом ММК, кандидатом в молодежную олимпийскую сборную. В 32 года создал спортивную команду «Ветеран», которая участвовала в соревнованиях во многих видах спорта.

Как таковой близкой связи с харбинцами у Н. Н. Знаменского не было. Спустя 68 лет после переезда из Харбина он нашёл подругу детства Таню Сковородникову, дочь директора школы (рис.

12). Однако Николай Николаевич поведал, что воспоминания о Харбине живы: «Я помню не только события ушедших времён, но даже запахи прошлого и настроение, какое было в определенный день событий». Современную фотографию Знаменского Н. Н. можно увидеть на рис. 13.

Послание к харбинцам от Николая Николаевича Знаменского, уроженца Харбина:

«Здравствуй новое, неведомое мне поколение харбинцев! Испытываю двойное чувство — радость от заочной встречи с вами и чувство ответственности в своем обращении. Время пролетело вихрем, множество событий плохих и хороших было в моей жизни и вот на излёте лет встречаюсь с харбинцами. Это мечта моей жизни. Неожиданно оказываюсь одним из последних коренных харбинцев крупного культурного и научного центра провинции Хэйлуцзян. Харбин — город, в строительстве которого принимал участие мой дед — Семёнов Иван Уварович, защитник Порт-Артура, кавалер двух Георгиев. Харбин стал крупнейшим центром, построенный людьми, вложившими в его строительство свои сердца, знания и труд. Харбинская зарубежная диаспора была самая крупная среди русских людей. В этом городе перемешались все слои русского сословия — князья, генералы, офицеры Белого движения, казачество, разночинцы, и просто народ, бежавший от ужаса гражданской войны. Много полегло русского народа в Харбинской земле. Вечная им память и Царствие Небесное. Научный потенциал Харбина составляли лучшие профессора и преподаватели Москвы, Петербурга и других городов России. Культурный потенциал представляли великие российские артисты. Харбин посещали Великие: Федор Иванович Шаляпин, Александр Николаевич Вертинский, артисты Московского Малого театра во главе с Еленой Николаевной Гоголевой. Харбин дал миру знаменитый оркестр Олега Лундстрема, занесенный в Книгу рекордов Гиннеса, знаменитого голливудского артиста Юла Бриннера. Здесь творили прекрасные поэты и среди них трагический поэт, друг отца Арсений Несмелов, прекрасный художник и мой крестный — А. Степанов, картины которого экспонировались в Париже, и многие другие.

Вы, харбинцы, являетесь полномочными представителями новой России и могучего Нового Китая. Ваша задача крепить эту связь и при этом не потерять русскую идентичность, русскую ориентацию, чувство нашей страны и народа. Решение этой очень важной задачи во многом зависит от самих россиян. Желая вам здоровья! Благополучия! Успехов во всех делах!»

Выводы и дискуссия. Харбин — особенно значимый для русского сердца город, в котором долгое время сохранялась русская культура. К сожалению, слишком мало информации сохранилось о коренных харбинцах и их потомках. В основном история восстанавливается по воспоминаниям потомков харбинцев. Настоящая статья восполняет библиографическую информацию о династии Семёновых-Знаменских и рассказывает о представителях их рода, проживающих в Харбине и из Харбина репатриированных в СССР. В статье авторы анализируют жизнь уроженца Харбина Знаменского Николая Николаевича, биографию его семьи, его воспоминания о Харбине и харбинцах.

В настоящее время Русский клуб в Харбине восстанавливает память о харбинцах по крупицам, собирает по крохам воспоминания, организует ин-

тервью у уроженцев Харбина, собирает конференции, посвященные истории, культуре, литературе, науке Харбина [4]. Председатель Русского клуба в Харбине Кушнаренко Марина Сергеевна прилагает усилия, чтобы тепло встречать потомков харбинцев на родине. Руководитель исторической секции Русского клуба в Харбине Еремин Сергей Юрьевич организовал клуб «Любимый Харбин» и проводит его ежемесячно. На заседаниях Клуба присутствуют старые харбинцы и потомки харбинцев и делятся своими воспоминаниями. Русский клуб в Харбине раз в два года проводит конференцию «Харбин — город дружбы Китая и России», по итогам конференции было выпущено три сборника до-кладов.

Руководитель научной секции Русского клуба в Харбине и директор Русского научно-исследовательского центра «Харбин» Стеблянская Алина Николаевна работает над проектом «Российские ученые в Китае: прошлое, настоящее и будущее» и организывает одноименную конференцию. Важно, что уроженец Харбина Николай Николаевич Знаменский написал послание современным поколениям харбинцев. Данное послание было показано на встрече «Любимый Харбин» в январе 2024 года офлайн и онлайн и вызвало очень трогательную реакцию со стороны как старых, так и новых харбинцев.

Благодарности

Исследование подготовлено в рамках проекта Русского клуба в Харбине, Русского научно-исследовательского центра «Харбин» «Интервью с Харбинцами» по итогам интервью с выходцем из Харбина Знаменским Николаем Николаевичем. Автор выражает особую благодарность Знаменскому Николаю Николаевичу, который на протяжении долгого времени отвечал на вопросы, детально вспоминал события прошлого, помогал восстанавливать историю своей семьи в Харбине.

Примечания

¹ Вера Ивановна Семёнова — мама Николая Николаевича Знаменского.

Библиографический список

1. Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида: страницы истории Харбина — бывшего русского города в Китае. Хабаровск: Хабаровская краевая тип., 2010. 365 с. ISBN 978-5-88570-269-0.
2. Кротова М. В. Харбин — аванпост русской промышленности, торговли и культуры в Маньчжурии (1898–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1996. 20 с.
3. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). Москва: Русская панорама, 2005. 430 с. ISBN 5-93165-119-5.
4. Стеблянская А. Н. Интервью. Николай Николаевич Знаменский: «Помню запахи прошлого Харбина» // Сайт Русского клуба в Харбине. URL: <https://rusharbin.ru/articles/nikolai-nikolaevich-znamenski-pomniu-zapakhi-proshlogo-kharbina> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Грибин (Еремин) С. Любимый Харбин. Сборник рассказов о самом русском по своему происхождению и по духу из всех китайских городов Харбине. Владивосток — Харбин: Изд-во Морского гос. ун-та им. адмирала Г. И. Невельского, 2015. 250 с.

6. Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. Москва: Наука, 1991. 319 с. ISBN 5-02-017278-2.
7. Знаменский Н. Н. Моя родословная. Продолжение // МедиаЛайм. Агаповка. URL: https://vk.com/wall-140348781_557904 (дата обращения: 11.12.2023).
8. Дин С. Некоторые особенности литературы русского зарубежья в китайском Харбине // Человек и культура. 2019. № 2. С. 47–55. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.2.29571.
9. Николаев Н. Русский Харбин — столица эмиграции на Востоке // Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/33082238/> (дата обращения: 12.12.2023).
10. Мiao X. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С. 128–135. EDN: TZHNТВ.
11. Лавров К. О русской диаспоре в Харбине // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/YgQIM3j-KXZZhWu7> (дата обращения: 10.12.2023).
12. Гончаренко О. Г. Русский Харбин. Москва: Вече. 2009. 255 с. ISBN 978-5-9533-3831-8.
13. Лахузен Т. Место под названием Харбин: размышления о 100-летию города // Россия и АТР. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-pod-nazvaniem-harbin-razmyshleniya-o-100-letii-goroda> (дата обращения: 15.12.2023).
14. Аблажей Н. Н., Букин С. С., Водичев Е. Г. [и др.]. Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: моногр. Новосибирск: Изд-во СибАГС. 2004. 228 с.
15. Чернолуцкая Е. Н. Российская реэмиграция из Китая // Россия и АТР. 1996. № 2. С. 74–81. EDN: YMХKDS.

СТЕБЛЯНСКАЯ Алина Николаевна, PhD, доцент
Института экономики и менеджмента Харбинского
инженерного университета, г. Харбин, Китайская
Народная Республика.
SPIN-код: 2609-2730
AuthorID (РИНЦ): 885757
ORCID: 0000-0002-1995-4651
AuthorID (SCOPUS): 57205563722
ResearcherID: D-2506-2018
Адрес для переписки: alinamv@bk.ru

Для цитирования

Стеблянская А. Н. Семеновы-Знаменские в Харбине. Материалы к биографии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 57–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-57-66.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023 г.
© А. Н. Стеблянская

THE SEMENOV-ZNAMENSKY FAMILY IN HARBIN. MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY

Continuity of generations is a very serious issue for Harbin residents. Harbin residents have always tried to preserve the memory of their ancestors. Preserving the history of Russian emigration has a high relevance of the problem. The history of many Russian families is connected with Harbin, where there was the largest Russian diaspora. Nowadays this city is the administrative center of the Chinese province of Heilongjiang. We should not forget about the people who built the Chinese Eastern Railway, as well as about the Russian emigrants who lived in Harbin, but kept the image of Russia in their hearts and contributed enough to Russian culture and science. The purpose of this paper is to study the Russian emigrants life in Harbin and to restore contact with their descendants. The article uses historical and system analysis and bibliographic research method. The paper tells about the amazing life of Nikolai Nikolaevich Znamensky: his childhood in Harbin, his relatives, his move to the USSR, his admiration of nowadays China, and also focuses on the message of Nikolai Nikolaevich Znamensky to modern Harbin residents.

Keywords: Harbin, emigration, USSR, Chinese Eastern Railway, Russian Club in Harbin, Russian Scientific Research Center «Harbin», Semenov-Znamensky family in Harbin.

Acknowledgments

The study is prepared within the framework of the project of the Russian Club in Harbin, the Russian Research Center «Harbin» «Interview with Harbin residents» based on the interview with a Harbin resident — Nikolai Nikolaevich Znamensky. The author expresses special gratitude to Nikolai Nikolaevich Znamensky, who for a long time answered questions, recalled in detail the events of the past, and helped to restore the history of his family in Harbin.

References

1. Kradin N. P. Kharbin — Russkaya Atlantida: stranitsy istorii Kharbina — byvshego russkogo goroda v Kitaye [Harbin — Russian Atlantis: pages of the history of Harbin — a former Russian city in China]. Khabarovsk, 2010. 365 p. ISBN 978-5-88570-269-0. (In Russ.).
2. Krotova M. V. Kharbin — avanpost russkoy promyshlennosti, trgovli i kul'tury v Man'chzhurii (1898 — 1917 gg.) [Harbin — an outpost of Russian industry, trade and culture in Manchuria (1898 — 1917)]. Saint Petersburg, 1996. 20 p. (In Russ.).
3. Ablova N. E. KVZD i Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: mezhdunarodnyye i politicheskiye aspekty istorii (pervaya polovina XX veka) [CER and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the XX century)]. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.).
4. Steblyanskaya A. N. Interv'yū. Nikolay Nikolayevich Znamenskiy: «Pomnyu zapakhi proshlogo Kharbina» [Steblyanskaya A. N. Interview. Nikolai Nikolaevich Znamensky: «I remember the smells of Harbin's past»]. URL: <https://rusherbin.ru/articles/nikolai-nikolaevich-znamenskii-pomniu-zapakhi-proshlogo-kharbina> (accessed: 10.12.2023). (In Russ.).
5. Gribin (Eremin) S. Lyubimyy Kharbin. Sbornik rasskazov o samom russkom po svoyemu proiskhozhdeniyu i po dukhu iz vsekh kitayskikh gorodov Kharbine [Beloved Harbin. A collection of stories about the most Russian in origin and spirit of all the Chinese cities, Harbin]. Vladivostok — Harbin, 2015. 250 p. (In Russ.).
6. Melikhov G. V. Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya [Manchuria, far and near]. Moscow, 1991. 319 p. ISBN 5-02-017278-2. (In Russ.).
7. Znamenskiy N. N. Moya Rodoslovnaya. Prodolzheniye [Znamenskiy N. N. My Pedigree. Continuation]. URL: https://vk.com/wall-140348781_557904 (accessed: 11.12.2023). (In Russ.).
8. Din S. Nekotoryye osobennosti literatury russkogo zarubezh'ya v kitayskom Kharbine [Some features of Russian literature abroad in Chinese Harbin] // Chelovek i Kul'tura. *Man and Culture*. 2019. No. 2. P. 47 — 55. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.2.29571. (In Russ.).
9. Nikolayev N. Russkiy Kharbin — stolitsa emigratsii na Vostoke [Nikolaev N. Russian Harbin — the capital of emigration in the East]. URL: <https://diletant.media/articles/33082238/> (accessed: 12.12.2023). (In Russ.).
10. Myao Kh. Russkaya emigratsiya v Kharbine: vzaimodeystviye dvukh kul'tur [Russian immigrants in Harbin: interaction of two cultures] // Gumanitarnyy Vektor. *Humanitarian Vector*. 2015. No. 2 (42). P. 128 — 135. EDN: TZHNTB. (In Russ.).
11. Lavrov K. O russkoy diaspore v Kharbine [Lavrov K. About the Russian diaspora in Harbin]. URL: <https://dzen.ru/a/YgQIM3j-KXZZhWu7> (accessed: 10.12.2023). (In Russ.).
12. Goncharenko O. G. Russkiy Kharbin [Russian Harbin]. Moscow, 2009. 255 p. ISBN 978-5-9533-3831-8. (In Russ.).
13. Lakhuzen T. Mesto pod nazvaniyem Kharbin: razmyshleniya o 100-letii goroda [Lahousen T. A Place Called Harbin: Reflections on the City's 100th Anniversary]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-pod-nazvaniem-kharbin-razmyshleniya-o-100-letii-goroda> (accessed: 15.12.2023). (In Russ.).
14. Ablazhey N. N., Bukin S. S., Vodichev E. G. [et al.]. Ekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye vzaimodeystviya v Uralo-

Sibirskom regione [Economic and sociocultural interactions in the Ural-Siberian region]. Novosibirsk, 2004. 228 p. (In Russ.).

15. Chernolutsкая E. N. Rossiyskaya reemigratsiya iz Kitaya [Russian re-emigration from China] // Rossiya i ATR. *Russia and the Pacific*. 1996. No. 2. P. 74–81. EDN: YMXKDS. (In Russ.).

STEBLYANSKAYA Alina Nikolayevna, PhD, Associate Professor of Harbin Engineering University, Harbin, People's Republic of China.

SPIN-code: 2609-2730

AuthorID (RSCI): 885757

ORCID: 0000-0002-1995-4651

AuthorID (SCOPUS): 57205563722

ResearcherID: D-2506-2018

Correspondence address: alinamv@bk.ru

For citations

Steblyanskaya A. N. The Semenov-Znamensky family in Harbin. Materials for the biography // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 57–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-57-66.

Received December 20, 2023.

© A. N. Steblyanskaya

ПАМЯТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (1937 г.) ПО СЛУЧАЮ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ А. С. ПУШКИНА

Одним из значимых событий 1937 г. в СССР стало празднование 100-летней годовщины гибели А. С. Пушкина, что способствовало привлечению внимания советских граждан к жизни и творчеству поэта. Цель исследования — рассмотреть процесс организации и проведения памятных мероприятий в населенных пунктах Омской области. Источниковой базой исследования являются неопубликованные документы из фондов Исторического архива Омской области, а также материалы периодической печати Омской области за 1936–1937 гг. Исследование базируется на событийном подходе, который позволяет рассматривать влияние конкретного события на организацию общественной жизни населения. В заключение отмечается, что празднование годовщины гибели поэта существенно повлияло на развитие культурной жизни в СССР.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Омская область, Омск, Пушкинский комитет, мемориализация, культурная жизнь.

Введение. В феврале 1934 г. в письме к И. В. Сталину М. Горький обратил внимание, что 1937 г. — юбилейный для ряда исторических событий, среди которых 100-летняя годовщина со дня смерти А. С. Пушкина. Для организации масштабных мероприятий по чествованию А. С. Пушкина М. Горький предлагал создать специальный комитет. Инициатива писателя была поддержана [1, с. 34]. 16 декабря 1935 г. вышло Постановление Президиума ЦИК СССР «Об учреждении Всесоюзного Пушкинского комитета в связи со столетием со дня смерти А. С. Пушкина». Под председательством А. М. Горького в состав названного комитета, помимо двух заместителей председателя, были утверждены 48 членов, в том числе видные партийные деятели (К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов и т.д.), писатели (А. Н. Толстой, А. С. Серафимович, К. И. Чуковский и т.д.), режиссеры (В. Э. Мейерхольд, В. И. Немирович-Данченко, К. С. Станиславский) и т.д. [2, с. 953]. После смерти М. Горького место председателя занял А. С. Бубнов.

Всесоюзному Пушкинскому комитету поручалось выработать план мероприятий по увековечению памяти поэта, содействовать популяризации его творчества среди граждан страны. Комитет занимался вопросами организации тематических выставок, проверкой состояния исторических объектов пушкинского времени, выявлением документов о жизни и творчестве поэта и т.д. К юбилейной дате началось массовое издание произведений А. С. Пушкина как собраниями сочинений, так и отдельными книгами.

В 1936 г. подготовка к пушкинским дням приняла всесоюзный масштаб. По всей стране стали создаваться учреждения, ориентированные на организационную деятельность к предстоящей юбилейной дате. Региональный компонент отдельных мероприятий нашел отражение в ряде современных

научных публикаций [3–8], однако исследований, раскрывающих комплекс проводимых мероприятий в Сибири, не выявлено.

Целью данного исследования является изучение процесса организации и комплекса проведения пушкинских дней, которые рассматриваются на примере Омской области. Особое внимание уделяется процессу проведения торжественных мероприятий среди коренного населения Сибири.

Основная часть. Осенью 1936 г. сформировалась Омская областная комиссия по проведению Пушкинских дней, которую возглавил заместитель председателя облисполкома А. Я. Буткевич. Членами комиссии был разработан план деятельности по проведению, посвященных А. С. Пушкину, торжественных мероприятий по области для учебных заведений, библиотек, театров, кинотеатров, издательств и радиовещания. Предполагалось, что в населенных пунктах области будут сформированы городские и сельские учреждения, сотрудники которых займутся наблюдением за подготовкой к юбилейной дате.

28 ноября 1936 г. вышло постановление Бюро омского горкома ВКП(б) о создании Комитета по проведению Пушкинских дней при горсовете (далее — городской Пушкинский комитет). В него вошли 16 чел., среди которых — представители от райсоветов Омска, заведующий отделом агитации и партпропаганды, секретарь главного комитета ВЛКСМ, руководитель кафедры литературы педуниверситета и т.д. Возглавил организацию заместитель председателя горсовета В. Г. Балувев.

В начале декабря 1936 г. состоялось первое заседание городского Пушкинского комитета, на котором были подняты вопросы о снабжении всех библиотек подборками произведений А. С. Пушкина и книг о нем. Одной из обсуждаемых тем стал вопрос об увековечении памяти А. С. Пушкина

в Омске. В Куйбышевском районе города было предложено организовать «Пушкинский уголок», состоящий из улицы, сквера, библиотеки и памятника поэту. На заседании также выступил директор кинотреста Бессонов о планировании кинопоказов в честь пушкинских дней фильмов «Дубровский», «Капитанская дочка», «Княжна Мери», «Станционный смотритель», «Поэт и царь», «Коллежский регистратор», часть из которых уже была получена [9, л. 51].

В конце декабря 1936 г. городской Пушкинский комитет утвердил план в Омском областном краеведческом музее выставки, посвященной годовщине гибели поэта. Для реализации данного мероприятия сформировали выставочную комиссию во главе с директором музея П. А. Россомахина. На организационные расходы решено запросить у Президиума горсовета 2 500 руб., из которых 2 000 руб. планировалось истратить на закушку в Москве фотоснимков и других материалов для оформления выставочного пространства [9, л. 52]. Подготовка экспозиции шла медленно. В связи с этим Омская областная комиссия по проведению Пушкинских дней определила дату открытия выставки — 20 января 1937 г. [10].

Активное участие в подготовке к юбилею приняли сотрудники Омской областной библиотеки имени А. С. Пушкина, которая в 1937 г. отмечала 30-летие своей деятельности. В течение 1936 г. книжный фонд библиотеки пополнился 289 томами произведений поэта, тремя комплектами полного собрания сочинений, а также 10 юбилейными изданиями. Учет книговыдачей показал, что с 1 августа по 26 декабря 1936 г. читатели 4006 раз запрашивали произведения А. С. Пушкина и книги, посвященные его жизни и творчеству [9, л. 20]. В конце осени 1936 г. в малом зале библиотеки открылась выставка, посвященная А. С. Пушкину.

Сотрудники библиотеки осуществляли просветительскую работу по популяризации творчества поэта: чтение произведений на предприятиях, устройство передвижной выставки, составление каталога статей о А. С. Пушкине и т.д.; тематические доклады о жизни поэта и его творческом пути привлекли до 130 слушателей. 1–2 февраля 1937 г. прошел конкурс чтецов произведений А. С. Пушкина.

11 февраля 1937 г. состоялся пушкинский вечер, который сотрудники библиотеки организовали в Центральном коммунистическом клубе, куда были приглашены члены партийных и профсоюзных организаций и читатели Омской областной библиотеки. С докладом «Жизнь и творчество Пушкина» выступил известный поэт и общественный деятель Г. А. Вяткин. В музыкальной части были представлены фрагменты из опер, созданных по мотивам произведений поэта.

К юбилейному событию готовился и Омский областной театр. Режиссером, заслуженным артистом РСФСР В. Ф. Торским на его сцене были поставлены спектакли «Скупой рыцарь», «Каменный гость» и «Борис Годунов» [11, с. 3]. 10 февраля 1937 г. в театре состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию годовщине гибели А. С. Пушкина, на котором присутствовали представители от различных областных организаций. Присутствовавшие почтили память поэта минутой молчания, а затем прослушали доклад о жизни и творчестве А. С. Пушкина. По завершению заседания была направлена приветственная телеграмма И. В. Сталину.

В целях мемориализации А. С. Пушкина в 1937 г. одной из школ Ленинского района Омска было при-

своено имя поэта. По постановлению Президиума омского горсовета ул. Фабричную переименовали в ул. А. С. Пушкина. Имя поэта получил сквер на берегу р. Оми, в котором предполагалось установить памятник [12, с. 4]. Ранее на этом месте располагалась церковь Ильи Пророка (XVIII в.), разрушенная в 1936 г.

Торжественная закладка памятника А. С. Пушкину состоялась 10 февраля 1937 г. мероприятие открыл В. Г. Балуев. На месте будущего постамента была установлена медная табличка «10 февраля 1937 г. здесь заложен памятник великому русскому поэту А. С. Пушкину. 1799–1837» [13, с. 1]. Планировалось, что сооружение будет установлено в конце 1937 г. Разработкой проекта памятника занялся скульптор М. Б. Айзенштадт. Несмотря на то, что омским горсоветом были выделены и переведены скульптору деньги за изготовление эскиза памятника, к осени никаких значительных результатов достигнуто не было. В сентябре 1937 г. начальнику облкомхоза Свишеву, отъезжающему в командировку в Москву, поручили прояснить ситуацию о времени изготовления памятника [14, л. 208]. К сожалению, в связи с рядом обстоятельств, проект по установке памятника А. С. Пушкину не был реализован [15].

Масштабная подготовка к годовщине гибели поэта развернулась в населенных пунктах Омской области. Особое внимание юбилейным мероприятиям оказывалось в учебных учреждениях. Так, в сентябре 1936 г. в неполной средней школе № 3 Тобольска был создан Пушкинский комитет из завуча, четырех учителей, двух представителей от учащихся и одного от родителей. Они составили план предстоящей работы, согласно которому все ученики должны были ознакомиться с биографией А. С. Пушкина и его творчеством «... в соответствии с возрастом и развитием ...» [16, л. 1 об]. С 20 сентября 1936 г. в школе начали работу литературные кружки, на которых учащиеся выступали с докладами: «Детство А. С. Пушкина», «Пушкин и декабристы», «Пушкин и Николай I» и т.д. Ученикам разных классов предлагалось составлять отзывы о прочитанных произведениях, заниматься подборкой тематического материала (вырезки из газеты и журналов, открытки и т.д.) и выполнять рисунки. Так, ученица 7 класса Терентьева, опираясь на работы К. де Местра и О. А. Кипренского, нарисовала два портрета поэта в разном возрасте. По поручению Пушкинского комитета классные руководители к середине декабря 1936 г. оформили в помещениях классов «Пушкинские уголки», в которых были размещены стенгазеты, рисунки учащихся и т.д. За период с 16 декабря 1936 г. по 2 февраля 1937 г. ученики 5, 6 и 7 классов неполной средней школы № 3 три раза выступили в радиопрограммах с музыкальными номерами и декламацией стихотворений поэта.

Первый художественный вечер в память о А. С. Пушкине для учащихся 5, 6 и 7 классов был организован 17 декабря 1936 г. На нем были представлены доклады о жизненных вехах поэта, дополненный чтением стихотворений, а школьный хор и оркестр исполнили фрагменты из поэмы «Цыгане» и «Песни о Стеньке Разине». В начале февраля 1937 г. в школе прошли пушкинские дни, где учащиеся читали стихотворения, исполняли песни на стихи А. С. Пушкина, демонстрировали «живые картины» по мотивам произведений поэта. 12 февраля 1937 г. школьники приняли участие в городской детской олимпиаде, посвященной 100-летию со дня смерти поэта [16, л. 24].

В неполной средней школе с. Вагай 27 декабря 1936 г. прошел тематический литературный вечер с докладами, декламациями и песнями, который объединил не только учащихся и их родителей, но и местную молодежь. 11 февраля 1937 г. Президиум Вагайского РИКа принял решение о присвоении неполной средней школе имя А. С. Пушкина [17, с. 1].

В неполной средней школе колхоза «Красный Луч» пушкинский вечер, с привлечением детской самодеятельности, был устроен 15 января 1937 г. Члены драматического кружка школы показали сцены из «Бориса Годунова», а музыкально-хорового — исполнили произведения на стихи А. С. Пушкина. На заседании литературного кружка обсуждалась повесть «Дубровский», был объявлен конкурс среди учащихся на лучший финал произведения [18, с. 3].

Большое участие в подготовке к пушкинским дням приняли учащиеся и преподаватели учебных заведений р.п. Остяко-Вогульска. Так, в местном медицинском техникуме была открыта «пушкинская комната», в которой разместили художественную литературу и иллюстрации к произведениям поэта [19, с. 4]. Силами студенческого кружка ИЗО Остяко-Вогульского национального педтехникума в местном кинотеатре была организована выставка работ, посвященная А. С. Пушкину и его произведениям, высоко оцененная посетителями. В день гибели поэта жители рабочего поселка собрались на торжественное мероприятие в местном кинотеатре. Вечер начался с доклада о жизни и творчестве А. С. Пушкина, затем студенты педтехникума и медтехникума совместно с учениками средней школы показали фрагменты из «Евгения Онегина» и «Барышни-крестянки», исполнили песни на стихи поэта — «Узник», «Зимний вечер» и т.д. [20, с. 4].

В честь юбилейных событий администрация Остяко-Вогульского национального педтехникума направила в облисполком Остяко-Вогульского национального округа ходатайство о присвоении учебному заведению имени А. С. Пушкина [21, л. 16].

В Тюкалинске в ноябре 1936 г. в сельскохозяйственном техникуме по инициативе месткома и комитета комсомола была создана Пушкинская комиссия, в состав которой вошли библиотекарь, преподаватели истории, русского языка и литературы, представители от комсомола и профкома. Для популяризации творчества А. С. Пушкина среди учащихся Пушкинской комиссией был создан литературный кружок. Успехи работы кружка отмечали в статье, опубликованной в газете «Колхозный путь» 13 января 1937 г.: «В настоящее время в техникуме нет ни одного студента, который не знал бы наизусть двух-трех стихотворений гениального поэта. Некоторые студенты очарованные поэзией Пушкина, выучили наизусть уже по несколько его стихотворений» [22, с. 1].

Широко развернулась работа районных библиотек. В преддверии дня памяти поэта сотрудники Остяко-Вогульской библиотеки провели ряд литературно-художественных вечеров, которые посетило свыше 800 чел. [23, с. 4]. В начале 1937 г. состав читателей увеличился на 182 чел., из них 64 — представители коренного населения региона. Все желающие приглашались на публичные чтения и обсуждения произведений поэта. При библиотеке действовал «уголок Пушкина» с тематическими разделами «Жизнь и смерть Пушкина», «Творче-

ство Пушкина», «Литература о творчестве Пушкина» и «Пушкин и современность». В рамках проведения пушкинских дней в Самаровском районе были скомплектованы 15 передвижных библиотек, которые распространяли книги поэта.

Рост интереса к творчеству А. С. Пушкина также был вызван тем, что его произведения начали издаваться на языках коренных народов Сибири. Так, лингвист А. Н. Баландин перевел на мансийский язык «Сказку о рыбаке и рыбке», а студент Института народов Севера П. Е. Хатанзеев — на хантыйский язык «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о попе и о работнике его Балде» [24, с. 146].

В октябре 1936 г. по инициативе сотрудников районной библиотеки и средней школы в клубе с. Крутинское прошел торжественный вечер. Сначала собравшимся рассказали о жизни поэта, затем участники местного драмкружка показали сцены из «Каменного гостя». Автор заметки «Пушкинский вечер в селе Крутинском» Я. Горелик побеседовал с местным населением и отметил большой интерес к творчеству поэта. Так, колхозница Клавдия Черногогорова поделилась с корреспондентом: «Люблю Пушкина за простоту, красоту и взволнованность его стихов <...>. Так бы и заучила все стихи на память...» [25, с. 3].

Среди читателей библиотеки Меркутинского совхоза был проведен опрос «Почему так велик спрос на книги Пушкина?» и «Почему мы так любим Пушкина?». Опрашиваемые отметили легкость литературного языка поэта, поделились желанием приобрести полное собрание сочинений поэта и т.д. Был отмечен и политизированный контекст произведений А. С. Пушкина. Так, шофер И. П. Кодась поделился: «Я люблю и уважаю Пушкина за то, что он мужественно, открыто выступал против попов, генералов и самого царя» [26, с. 1].

В последний день уходящего 1936 г. в населенных пунктах прошли новогодние маскарады, тематикой которых стало творчество А. С. Пушкина. В Тюкалинском районе клуб пионеров праздник начался с инсценировки местного драматического кружка поэмы А. С. Пушкина «Цыгане», затем сводный хор сельскохозяйственного техникума и средней школы исполнил ряд песен: «Живем мы весело сегодня», «По седым уральским кручам», «Молодость» и т.д. В конце вечера прошло торжественное награждение победителей конкурса костюмов. Призовые места заняли костюмы Евгения Онегина и Татьяны Лариной [27, с. 4].

В Доме народов Севера р.п. Остяко-Вогульск 31 декабря 1936 г. прошел литературно-художественный вечер и маскарад. Собравшимся гражданам была представлена лекция о жизни и творчестве А. С. Пушкина, затем студенты педагогического техникума показали постановку сказки «О рыбаке и рыбке» на языке манси. Однако мероприятие вызвало неоднозначное впечатление у общественности.

В газете «Ханты-Манчи шоп» за 12 января 1937 г. была размещена заметка «О том, как не надо проводить пушкинский вечер», в которой отмечался несерьезный подход к устройству праздника. По мнению автора публикации, собравшиеся не только не подготовили соответствовавшие вечеру костюмы, но и предпочли танцевать, а не смотреть выступления. В таком «безобразии» автор статьи обвинял заведующего Дома народов Севера Кривоногова [28, с. 3].

Зачастую инициатива по организации мероприятий, посвященных годовщине гибели А. С. Пушкина, исходила от самих жителей. Так, группа цыган, остановившаяся на зимнее время в с. Охотниково, приняла активное участие в подготовке пушкинских дней. 29 января 1937 г. на сцене колхозного клуба табор осуществил постановку по мотивам поэмы «Цыгане». Мероприятие привлекло большое количество зрителей и воодушевило цыган на дальнейшее участие в спектаклях [29, с. 2]. Студент Тарского педагогического техникума Н. Крупин, будучи на каникулах в колхозе «Путь пятилетки» Шуховского сельсовета, 10 января 1937 г. устроил беседу о жизни и творчестве А. С. Пушкина. Перед собравшимися он прочитал отрывок из оды «Вольность». Кроме этого, Крупин организовал среди молодежи чтение и обсуждение повести «Дубровский», помог в выпуске тематической стенгазеты [30, с. 4].

В день гибели А. С. Пушкина — 10 февраля — в местной периодике были размещены тематические разделы. Помимо портретов поэта, на страницах газет публиковались отрывки из его произведений, биографические справки, отрывки из воспоминаний современников поэта, отчеты о проведенных по населенным пунктам мероприятиях и т.д. В тарской газете «Ленинский путь» было опубликовано стихотворение местного поэта Валентина Губина «Юбилей поэта»:

Польхай вороньем,
Черный траур.
В человеческом сердце бескрайняя грусть.
От амурской волны
До Бештау
Скорби дата нахмурится пусть.
В марше пламенном
Звуки оркестра
Отдаются в груди все сильней и сильней.
Он погиб, наш
Великий маэстро,
Не засветит поэт гениальных огней.
Гордый смех
За гоненье дворянству
Отдавал знаменитый, как солнце, поэт.
И в российском
Широком пространстве
Жизнь большую обманно сгубил пистолет.
Словно вождь
Перед шумом народа
На бульваре Тверском,
над столицей — Москвой

Громкий памятник
Пережил годы.
Слава Пушкина ходит советской страной.
По Сибири
Качаются ели,
На Кавказе стоит с белой шапкой Казбек.
Мы все знаем,
Зачем на постели
Умирал за свободу поэт, человек.
От амурской волны
До Бештау
Скорби дата нахмурится пусть.
Польхай вороньем,
Черный траур.
В человеческом сердце бескрайняя грусть.

Результаты исследования. Празднование годовщины гибели А. С. Пушкина позиционировалось как «праздник советской культуры» и «праздник народов СССР». Созданные региональные и местные комитеты по проведению пушкинских

дней контролировали подготовку и проведение запланированных мероприятий, ориентированных, в первую очередь, на распространение информации о жизни и творчестве поэта. Среди населения возрос интерес к литературному наследию писателя, что удачно вписывалось в политику государства по борьбе с неграмотностью. Перевод произведений А. С. Пушкина на языки коренных малочисленных народов так же способствовал привлечению внимания к творчеству поэта. Несмотря на нереализованные, в силу разных обстоятельств, задумки, празднование годовщины гибели поэта существенно повлияло на развитие культурной жизни в СССР в 1930-е гг.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта № 22-78-00160.

Библиографический список

1. Шуган О. В. Вклад А. М. Горького в советскую Пушкиниану и создание новой культурной парадигмы // Максим Горький. Парадигмы философских и художественных поисков XX—XXI вв. Горьковские чтения 2022 года: материалы XL Междунар. науч. конф., Нижний Новгород, 28–29 марта 2022 г. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 33–37. EDN: FDXTTW.
2. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1935 г. Отдел первый. Москва: Советское законодательство, 1947. 1033 с.
3. Карпунин И. Е. Пушкинские дни в Стерлитамаке // Бельские просторы. 1999. № 5. С. 85–87. EDN: HAXYYP.
4. Мазур В. Дни памяти А. С. Пушкина в Свердловске в 1937 году // Известия Уральского федерального университета 1999. № 11. С. 164–165.
5. Сыркин В. А., Каракулова М. А. Пушкинские дни в Удмуртии в 1937-м году // Вестник педагогического опыта. 2001. № 15. С. 10–12. EDN: RBSARV.
6. Волкова И. В. Патриотическое воспитание в довоенные годы (по архивным материалам Пушкинского юбилея) // Проблемы безопасности. 2012. № 4 (18). С. 86–104. EDN: RXYGVX.
7. Иванов С. П. Берегите, собирайте Пушкина. Он «собирает Россию...» // Псков. 2012. № 37. С. 212–221. EDN: QCVMFH.
8. Точеный Д. С., Точеная Н. Г. 1937-й: Пушкинские дни на родине В. И. Ленина // Симбирский научный вестник. 2017. № 3 (29). С. 12–21. EDN: ZWQOAN.
9. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 693.
10. Красильникова Е. И. Из истории Омского краеведческого музея: юбилейная выставка к столетию со дня гибели А. С. Пушкина (1937 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2014. Т. 2, № 1 (57). С. 22–26.
11. Кулыгин П. Пушкинский спектакль в Омском театре // Омская правда. 1937. 16 февраля.
12. Имени поэта // Омская правда. 1937. 9 февраля.
13. Закладка памятника А. С. Пушкину в Омске // Омская правда. 1937. 11 февраля.
14. ИАОО. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 754.
15. Огородникова Л. Несостоявшийся памятник А. С. Пушкину // Историко-культурное наследие Омского Прииртышья: сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. Вып. 4 (2). С. 133–137.
16. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 854. Оп. 1. Д. 57.

17. Ганихина. Имени А. С. Пушкина // Колхозник. 1937. 14 февраля.
18. Пантофель Л. Пушкинский вечер // Ленинский путь. 1937. 12 января.
19. К Пушкинским дням // Ханты-Манчи шоп. 1937. 18 января.
20. Мякишев. Пушкинский вечер // Ханты-Манчи шоп. 1937. 12 января.
21. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18.
22. Мелихов. Подготовка к Пушкинским дням // Колхозный путь. 1937. 13 января.
23. Рассохин. В библиотеке // Ханты-Манчи шоп. 1936. 20 декабря.
24. Карпенко Т. А. Юбилейная выставка изданий Пушкина на языках народов СССР // Вестник Ленинградского университета. 1949. № 6. С. 145–147.
25. Горелик Я. Пушкинский вечер в селе Крутинском // Омская правда. 1936. 18 октября.
26. Карлов А. Любимый поэт // Колхозный путь. 1937. 13 января.
27. Городской новогодний бал-маскарад // Колхозный путь. 1937. 3 января.
28. Бумеранг. О том, как не надо проводить пушкинский вечер // Ханты-Манчи шоп. 1937. 12 января.
29. Булатов Ф. «Цыгане» Пушкина на колхозной сцене // Колхозный путь. 1937. 10 февраля.
30. Крупин Н. У колхозников большой интерес к Пушкину // Ленинский путь. 1937. 22 января.

ТИШКИНА Ксения Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Сибирского федерального университета, г. Красноярск.
AuthorID (РИНЦ): 769369
ORCID: 0000-0002-2342-0548
ResearcherID: ABC-2328-2021
Адрес для переписки: ksetishina@mail.ru

Для цитирования

Тишкина К. А. Памятные мероприятия в Омской области (1937 г.) по случаю 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 67–73. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-67-73.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024 г.
© К. А. Тишкина

COMMEMORATIVE EVENTS IN THE OMSK REGION (1937) ON THE OCCASION OF 100th ANNIVERSARY OF DEATH OF A. S. PUSHKIN

One of the significant events of 1937 in the USSR was the celebration of the 100th anniversary of the death of A. S. Pushkin, which contributed to attracting the attention of Soviet citizens to the life and work of the poet. The purpose of this work is to examine the process of organizing and holding Pushkin Days in settlements of the Omsk region. The choice of the region is connected with the coverage of a large territory, which was inhabited by different populations. The research is based on a number of unpublished documents from the funds of the Historical Archive of the Omsk region, as well as materials of the periodical press of the Omsk region for 1936–1937. In conclusion, it is noted that the celebration of the anniversary of the poet's death significantly influenced the development of cultural life in the USSR, helped to attract the population to the problem of illiteracy, attracted the indigenous population of Siberia to participate in the event.

Keywords: A. S. Pushkin, Omsk region, Omsk, Pushkin committee, memorialization, cultural life.

Acknowledgments

The study is supported by Russian Science Foundation, project number No. 22-78-00160.

References

1. Shugan O. V. Vklad A. M. Gor'kogo v sovetskuyu pushkinianu i sozdaniye novoy kul'turnoy paradigmy [Contribution of A. M. Gorky into Soviet Pushkinianism and the creation of a new cultural paradigm] // Maksim Gorky. Paradigms of philosophical and artistic searches of the 20th–21st centuries. Gorky Readings 2022. *Maxim Gorky. Paradigms of Philosophical and Artistic Searches of the 20th–21st Centuries. Gorky Readings 2022*. Nizhny Novgorod, 2022. P. 33–37. EDN: FDXTTW. (In Russ.).
2. Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-kest'yanskogo pravitel'stva SSSR za 1935 g. Otdel pervyy [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1935. Department one]. Moscow, 1947. 1033 p. (In Russ.).
3. Karpukhin I. E. Pushkinskiye dni v Sterlitamak [Pushkin days in Sterlitamak] // Bel'skiye prostory. *Belsky Open Spaces*. 1999. No. 5. P. 85–87. EDN: XAXYYP. (In Russ.).
4. Mazur V. Dni pamyati A. S. Pushkina v Sverdlovsk v 1937 godu [Days of memory of A. S. Pushkin in Sverdlovsk in 1937] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. *Izvestia. Ural Federal University Journal*. 1999. No. 11. P. 164–165. (In Russ.).
5. Syrkin V. A., Karakulova M. A. Pushkinskiye dni v Udmurtii v 1937-m godu [Pushkin's days in Udmurtia in 1937] // Vestnik pedagogicheskogo opyta. *Bulletin of Pedagogical Experience*. 2001. No. 15. P. 10–12. EDN: RBSARV. (In Russ.).
6. Volkova I. V. Patrioticheskoye vospitaniye v dovoyennyye gody (po arkhivnym materialam Pushkinskogo yubileya) [Patriotic education in the pre-war years (based on archival materials of the

Pushkin anniversary)] // Problemy bezopasnosti. *Security Issues*. 2012. No. 4 (18). P. 86–104. EDN: RXYGVX. (In Russ.).

7. Ivanov S. P. Beregite, sobirayte Pushkina. On «sobiral Rossiyu...» [Take care and collect Pushkin. He «collected Russia...»] // Pskov. *Pskov*. 2012. No. 37. P. 212–221. EDN: QCVMFX. (In Russ.).

8. Tochenyy D. S., Tochenaya N. G. 1937-y: Pushkinskiye dni na rodine V. I. Lenina [1937: Pushkin days in the motherland of V. I. Lenin] // Simbirskiy nauchnyy vestnik. *Simbirsk Scientific Bulletin*. 2017. No. 3 (29). P. 12–21. EDN: ZWQOAH. (In Russ.).

9. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk Region (HAOR)]. File: R-235/1/693. (In Russ.).

10. Krasil'nikova E. I. Iz istorii Omskogo krayevedcheskogo muzeya: yubileynaya vystavka k stoletiyu so dnya gibeli A. S. Pushkina (1937 g.) [From the history of the Omsk Museum of Local Lore: anniversary exhibition dedicated to the centenary of the death of A. S. Pushkin (1937)] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. *Seriya: gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2014. Vol. 2, no. 1 (57). P. 22–26. (In Russ.).

11. Kulygin P. Pushkinskiy spektakl' v Omskom teatre [Pushkin performance at the Omsk Theater] // Omskaya pravda. *Omskaya Pravda*. 1937. February 16. (In Russ.).

12. Imeni poeta [In the name of the poet] // Omskaya pravda. *Omskaya Pravda*. 1937. February 9. (In Russ.).

13. Zakladka pamyatnika A. S. Pushkinu v Omske [Laying the foundation stone for the monument to A. S. Pushkin in Omsk] // Omskaya pravda. *Omskaya Pravda*. 1937. February 11. (In Russ.).

14. IAEO [HAOR]. File: R-235/1/754. (In Russ.).

15. Ogorodnikova L. Nesostoyavshiysya pamyatnik A. S. Pushkinu [Failed monument to A. S. Pushkin] // Istoriko-kul'turnoye naslediyе Omskogo Priirtysh'ya. *Historical and*

Cultural Heritage of the Omsk Irtysh Region. Omsk, 2010. Vol. 4 (2). P. 133–137. (In Russ.).

16. Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske [State archive in Tobolsk]. File: 854/1/57. (In Russ.).

17. Ganikhina. Imeni A. S. Pushkina [Named after A. S. Pushkin] // *Kolkhoznik. Kolkhoznik*. 1937. February 14. (In Russ.).

18. Pantofel' L. Pushkinskiy vecher [Pushkin evening] // *Leninskiy put'*. 1937. January 12. (In Russ.).

19. K pushkinskim dnyam [To Pushkin's days] // *Khanty-Manchi shop. Khanty-Munchi Shop*. 1937. January 18. (In Russ.).

20. Myakishev. Pushkinskiy vecher [Pushkin evening] // *Khanty-Manchi shop. Khanty-Manchi Shop*. 1937. January 12. (In Russ.).

21. Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta. [Municipal archive of the city of Surgut]. File: 1/2/18. (In Russ.).

22. Melikhov. Podgotovka k Pushkinskim dnyam [Preparation for Pushkin Days] // *Kolkhoznyy put'*. *Kolkhoznyy Put'*. 1937. January 13. (In Russ.).

23. Rassokhin. V biblioteke [In library] // *Khanty-Manchi shop. Khanty-Manchi Shop*. 1936. December 20. (In Russ.).

24. Karpenko T. A. Yubileynaya vystavka izdaniy Pushkina na yazykakh narodov SSSR [Anniversary exhibition of Pushkin's publications in the languages of the peoples of the USSR] // *Vestnik Leningradskogo universiteta. Bulletin of Leningrad University*. 1949. No. 6. P. 145–147. (In Russ.).

25. Gorelik Ya. Pushkinskiy vecher v sele Krutinskom [Pushkin evening in the village of Krutinskoye] // *Omskaya pravda. Omskaya Pravda*. 1936. October 18. (In Russ.).

26. Karlov A. Lyubimyy poet [Favorite poet] // *Kolkhoznyy put'*. *Collective Farm Path*. 1937. January 13. (In Russ.).

27. Gorodskoy novogodniy bal-maskarad [City New Year's masquerade ball] // *Kolkhoznyy put'*. *Kolkhoznyy Put'*. 1937. January 3. (In Russ.).

28. Bumerang. O tom, kak ne nado provodit' pushkinskiy vecher [About how not to spend a Pushkin evening] // *Khanty-Manchi shop. Khanty-Manchi Shop*. 1937. January 12. (In Russ.).

29. Bulatov F. «Tsygane» Pushkina na kolkhoznoy stsene [“Gypsies” by Pushkin on the collective farm stage] // *Kolkhoznyy put'*. *Kolkhoznyy Put'*. 1937. February 10. (In Russ.).

30. Krupin N. U kolkhoznikov bol'shoi interes k Pushkinu [Collective farmers have a great interest in Pushkin] // *Leninskiy put'*. *Leninskiy Put'*. 1937. January 22. (In Russ.).

TISHKINA Kseniya Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

AuthorID (RSCI): 769369

ORCID: 0000-0002-2342-0548

ResearcherID: ABC-2328-2021

Correspondence address: ksetishina@mail.ru

For citations

Tishkina K. A. Commemorative events in the Omsk region (1937) on the occasion of 100th anniversary of death of A. S. Pushkin // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 67–73. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-67-73.

Received April 1, 2024.

© K. A. Tishkina

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МОНАСТЫРЕЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII ВЕКЕ: ТИПЫ И ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ

В статье дается подробная характеристика архивных исторических источников о жизни, хозяйственной деятельности и повседневности монастырей Нижегородской епархии в XVIII веке. Актуальность исследования состоит в расширении представлений об информационном потенциале недостаточно пока изученных архивных фондов по указанной проблеме. Теоретическая основа исследования — сочетание институционального подхода, принципа системности и сравнительно-исторического метода. Данная методологическая совокупность позволила, выявив и обработав источники, установить, что преобразования в церковной структуре коренным образом изменили характер и виды исторических источников, содержащих в себе информацию об управлении, экономике и внутренней жизни монастырей.

Ключевые слова: исторические источники, Русская Православная Церковь, Нижегородская епархия, монастыри, церковная жизнь.

Введение. История монастырей — это один из крупнейших пластов истории Русской Православной Церкви, который представлен обширнейшим источниковым материалом. Многие крупные монастыри России, в том числе монастыри Нижегородской епархии, сохранили огромные комплексы ценнейших документов по своей истории. Уже сам характер исторических источников показывает, что во все периоды существования и развития Русской Православной Церкви монастыри занимали особое место как в церковной иерархии (они являлись крупными церковными и хозяйственными единицами), так и в церковно-государственных отношениях.

Совершенно новым этапом в истории нижегородских монастырей стало XVIII столетие. Со сменой в начале века государственной политики и формата управления обителями, а также со сменой их статусов, изменился и характер исторических источников. Все также остались царские указы, касающиеся абсолютно всех монастырей Российской империи, однако появляются указы новых учрежденных органов: Святейшего Правительствующего Синода, Коллегии Экономии и Духовной консистории. Кроме того, источниковые комплексы интересующего нас периода представлены всевозможными отчетами, прошениями, рапортами, промемориями, хозяйственными, имущественными ведомостями, ведомостями о настоятелях, монашествующих, послушниках и служителях монасты-

рей, о монастырских крестьянах и о монастырских постройках, направляемых властями монастырей в вышеупомянутые учреждения, и кроме этого — доходно-расходными книгами, содержащими важную информацию о полученных Нижегородскими монастырями доходах, о произведенных тратах и, конечно же, об уплаченных монастырями налогах.

Все процессы истории Нижегородских монастырей XVIII столетия были отражены в больших комплексах исторических источников. Однако, что касается источников, необходимо сказать, что в рассматриваемый период времени в монастырях часто случались крупные пожары, как, например, в Нижегородском Благовещенском мужском монастыре — на протяжении XVIII века в нем произошло три пожара: в 1715, 1722 и 1767 годы [1, с. 153; 2, с. 202], в результате которых множество исторических источников того и более ранних периодов по истории обители было безвозвратно утрачено, что, естественно, затрудняет работу исследователей в области изучения внутренней жизни монастырей и их взаимоотношений с высшими церковной и государственной властями. Но, несмотря на это, в нашем распоряжении имеется большая источниковая база.

В настоящее время данные материалы хранятся в Российском государственном историческом архиве (фонд «Святейший Правительствующий Синод») [3], в Российском государственном архиве древних актов (фонд «Монастырский приказ») [4], в Цен-

тральном архиве Нижегородской области (фонд «Нижегородская духовная консистория») [5], (фонд «Благовещенский мужской монастырь в г. Н. Новгороде») [6], (фонд «Нижегородский Вознесенский Печерский мужской монастырь») [7], (фонд «Макарьевский Желтоводский монастырь») [8]. О них и пойдет речь в нашем исследовании.

Постановка проблемы. Что же касается источниковедческих исследований по церковной истории Нижегородского края в XVIII веке, то общее описание материалов фонда № 570 Центрального архива Нижегородской области содержится в диссертации кандидата исторических наук А. В. Бодрина [9, с. 7–11]. Но если говорить об описании источников по конкретным обителям, в частности представленным в статье Н. В. Соколовой [10, с. 44–60] (описания документов из Российской государственного архива древних актов (РГАДА) и из 998 фонда Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО)), то все они охватывают в настоящей работе период лишь первой половины XVIII века. Однако в данных публикациях отсутствуют описания источников из фондов 578, 579 ЦАНО. В принципе, этими двумя работами и исчерпывается список источниковедческих исследований по истории обителей Нижегородской епархии в XVIII столетии. Нас же интересуют исторические источники по истории монастырей Нижегородской земли на протяжении всего периода церковных преобразований. Мы попробуем дать подробную общую характеристику выше упомянутых комплексов документов.

Актуальность исследования состоит в расширении представлений об информационном потенциале недостаточно пока изученных архивных фондов по указанной проблеме.

Таким образом, цель исследования заключена в том, чтобы выявить наиболее информативные источники по проблематике и качественно оценить их информационные потенциалы.

Основная часть. Рассмотрение мы начнем с Описных книг церковных владений, составленных в 1701–1703 годах по приказу Петра I в связи с передачей в 1701 году управления ими вновь созданному Монастырскому приказу, для установления и более удобного сбора с монастырей новых податей. Как уже отмечалось, настоящий комплекс исторических источников сосредоточен в 237 фонде РГАДА. Интересно, что архив занимается публикацией Описных книг: например, опубликованы книги по московским, новгородским и псковским обителям, однако Описные книги по Нижегородской епархии до сих пор не начали публиковать.

Что касается Нижегородской епархии, то в нашем распоряжении имеются четыре Описные книги, посвященные Нижегородскому Благовещенскому мужскому монастырю, Вознесенскому Печерскому мужскому монастырю, Свято-Троице-Макарьеву-Желтоводскому мужскому монастырю, Амвросиеву Николаевскому Дудину монастырю [11, л. 1–80; 12, л. 1–90, л. 1–65; 13, л. 1–74].

Описание монастырских вотчин происходило следующим образом: прибывшие из Монастырского приказа писцы на месте описывали земельные угодья обителей с их географическим положением, границами, обмерами, расположенными там лесами, лугами, полями, заводами, бортями, пустынями, и поселениями, а также численность проживающих крестьян. Кроме этого, описывались сами монастыри, церкви, расположенные на их территории

ях, хозяйственные строения, имущество, утварь и архивы. На последнее стоит обратить особое внимание, поскольку чиновники Монастырского приказа не просто описывали эти архивы, они активно использовали хранившиеся в них документы — в основном княжеские и царские указы и актовая документация, что делает рассматриваемый комплекс документов уникальным, так как многие оригинальные документы (самые ранние относятся к XIV веку — могли храниться как оригиналы, так и в списках, самые поздние — к XVII столетию) не сохранились до нашего времени. Они могли содержать сведения о формировании и развитии владений конкретных обителей, их хозяйстве, жизни и быте [10, с. 48]. Поэтому данный массив источников — Описные книги — является порой единственным источником информации по истории вотчин, хозяйству и быту некоторых из Нижегородских монастырей.

Документы написаны скорописью конца XVII — начала XVIII веков на голландской бумаге чернилами разных цветов и разными почерками, что позволяет судить о множестве авторов и исполнителей данных документов. Бумага содержит филигранный герб типа «Герб Амстердама» и «Голова шута» (как правило, оба — в нескольких вариантах) [10, с. 52]. Наличие скреп по листам и рукоприкладств в конце отдельных завершенных частей описей свидетельствует о том, что перед нами подлинники [10, с. 52–53].

Принципы заверения текста едины во всех нижегородских Описных книгах. Все листы подписаны на боковом поле писцом; кроме того, всегда имеются скрепы и других лиц, участвовавших в процедуре описания. Общее число скреп на боковых и нижних полях разных Описных книг колеблется от двух до семи [10, с. 55].

На описях самих монастырей, чаще всего также по боковому полю листа, проставлялись скрепы монастырских властей: в описи Благовещенского монастыря — архимандрита Аарона и казначея иеродьякона Арсения; Печерского — архимандрита Германа, келаря Феодосия, казначея иеромонаха Гавриила; Макарьевского — архимандрита Авраамия, келаря Антония, казначея Евфимия Пушкинова; Амвросиева Дудина — игумена Нектария и иеромонаха Иоасафа (последний «вместо сына своего духовного казначея монаха Герасима по его велеанию руку приложил») и т.д. [11, л. 42; 12, л. 58; 13, л. 39; 14, л. 50; 10, с. 55].

На описях монастырских и приходских церквей сохранились скрепы священников. Они же, как правило, заверяли описания вотчинных сел — за мирских выборных. В некоторых случаях вместо старост рукоприкладства оставили земские дьячки; так было, например, в печерских селах Нагавицино и Ягодное, в благовещенском селе Мигино («К сим переписным книгам села Мигина земской дьячок Григорей Дементьев вместо старосты Герасима Пиминова сына Краснобаева с товарищи по их велеанию руку приложил») [12, л. 59]. Следует отметить, что в Описных книгах нижегородских монастырских вотчин — в отличие от описей их же алатырских и курмышских владений, составленных под руководством стольника Семена Ивановича Толстого, — не встречаются скрепы посельских старцев, даже если они там оставались на момент описания, несмотря на нелегитимность данного института после указа от 11 марта 1701 года. Скрепы сельских приказчиков выявлены только на Описных книгах

нижегородских вотчин Троице-Сергиева монастыря [10, с. 55–56].

Кроме скреп на полях рукописи обязательно ставились рукоприкладства непосредственно после текста отдельных Описных книг или их частей — после описи самого монастыря, церкви, после сказок монастырских властей, священников или мирских выборных, а также после записи о доведенных до сведения монастырских властей, приказчиков или крестьян царских указах. Нередко их оставляли те же люди, что скрепляли Описные книги по полям; однако во многих случаях круг этих лиц значительно шире. Это могли быть архимандрит, келарь и казначей, священник или земский дьячок, но также и монах-книгохранитель, ризничий, представители церковного причта, грамотные монастырские крестьяне или бобыли и т.д. [10, с. 56–57].

Более 70 % нижегородских Описных книг имеют, кроме того, скрепу дьяка Монастырского приказа: на описях Макарьевского Желтоводского монастыря, подмонастырской слободы села Гнилицы Благовещенского монастыря, печерских сел Рубское и Никольское — рукоприкладство дьяка Герасима Потопиева, а на описях Благовещенского монастыря и нижегородского подворья Амвросиева Дудина монастыря, печерских подмонастырских слобод и сел Высокое, Федяково, Селищи и Нагавицыно, трех приписных к Макарьевскому Желтоводскому монастырю пустыней — другого дьяка того же приказа, Ивана Иванова. Скрепы обоих встречаются и на описях небольших нижегородских монастырей. Помарки и исправления в текстах практически отсутствуют. Как представляется, описи, перебеленные на местах, снабжались рукоприкладствами участников описания, а уже затем отправлялись в Москву [11, л. 45, 47, 53, 59; 12, л. 30, 33, 37, 43; 13, л. 21, 25, 40; 14, л. 44 об., 48, 51; 10, с. 57]. В дальнейшем, в 1740-х годах, с этих описей были сделаны выписи о монастырских вотчинах [1, с. 158].

Далее посмотрим на документы из 796 фонда РГИА, которые посвящены истории нижегородских монастырей в интересующий нас период. Источники представлены указами монархов, Святейшего Правительствующего Синода, отчетами монастырей и епархиальных архиереев, различными прошениями и документацией канцелярии Синода [3]. Они написаны на бумаге различными чернилами и почерками. Наблюдается высокая сохранность текстов источников и самого носителя информации: бумага не повреждена, текст в большинстве документов читаемый, не размытый и не угасающий.

Первый из наиболее важных и интересных документов посвящен конкретной обители — Благовещенскому монастырю — дело 1755 года — «Дело канцелярии синода по прошению крестьян села Мигино и Вершинино вотчин Благовещенского монастыря Нижегородской епархии, о сложении с них подводной повинности, наложенной бывшим Синодальным дворцовым приказом». Согласно источнику, на крестьян Нижегородского Благовещенского монастыря еще во второй половине XVII столетия была наложена подводная повинность, теперь же после разорительных для монастырского хозяйства реформ Петра I и его приемников, предоставление государству подвод стало для монастырских крестьян тяжелым и обременительным, именно по этой причине они и просили освободить их от нее. И прошение крестьян было удовлетворено: Святейший Правительствующий Синод освободил

вотчины Благовещенского монастыря от такой обязанности [15, л. 1–10].

Следующий не менее важный источник — из Российского государственного исторического архива — дело 1757 года — «Дело канцелярии Синода о пересылки из Экономической канцелярии в Синод сведений о передаче в ведение Монастырского приказа по указу 1701 года сборов с патриарших, монастырских и архиерейских вотчин». То есть получаем, что все привилегированные церковные области: такие как патриаршие вотчины, к коим, надо заметить, относились и некоторые нижегородские монастыри, лишались самостоятельного управления в сфере сбора налогов через Патриарший приказ, теперь, как и обычные обители, по указу Петра Великого от 1701 года они уплачивали подати в Монастырский приказ, и это находилось под контролем Святейшего Правительствующего Синода [16, л. 1–20]. Кроме вышесказанного, два представленных источника содержат в себе краткие фрагментарные сведения об экономическом статусе российских обителей в более ранний период времени, чем время создания документа — с конца XVII столетия по конец 20-х годов XVIII века.

Продолжим рассмотрение источников документами, сосредоточенными в 570, 578, 579 и 998 фондах ЦАНО. Речь идет об указах Синода и Нижегородской Духовной консистории, описях монастырского имущества, описания монастырских вотчин после 1764 года (если таковые им было позволено сохранить), приходно-расходных книгах, склеях из дел о вотчинах монастыря, прошениях, промемориях, рапортах, отчетах, ведомостях о монашествующих, служителях и монастырских строениях, межевых планах [17, л. 1–12; 18, л. 3, 7, 9 об.; 19, л. 19; 20, л. 5; 21, л. 13; 22, л. 20; 23, л. 11; 24, л. 10; 25, л. 5 об.; 26, л. 9 об.; 27, л. 4; 28, л. 12; 29, л. 12–14; 30, л. 18–23; 31, л. 11; 32, л. 35–37; 33, л. 28–32 об.; 34, л. 14]. Они охватывают историю нижегородских обителей в течение всего XVIII века. Документы написаны на бумаге скорописью, характерной для XVIII столетия. Все источники написаны разными почерками: более или менее разборчивыми — имеют оригинальные подписи их авторов — и разными чернилами. Однако некоторые документы находятся в плохой сохранности: чернила размыты или повреждена бумага, из-за чего некоторые фрагменты текста трудноразличимы, а в некоторых случаях вообще утрачены; и все это, конечно, очень затрудняет изучение данного массива источников.

В целом, необходимо сказать: эти источники несут в себе не только сведения об административной и экономической сферах жизни обителей, но и биографические данные. Эта информация является весьма ценной, поскольку позволяет ответить на вопрос: из каких категорий населения в рассматриваемый нами период церковной истории комплектовалось российское монашество, а также какое значение в жизни этих групп имел институт монашества.

В нашем распоряжении имеются такие источники, как «Ведомости», «рапорты» «о монашествующих и монастырских служителях нижегородского Печерского, Макарьевского Желтоводского и Нижегородского Благовещенского монастырей» (а также о некоторых более мелких монастырях епархии) и «Ведомости о церквях и монашествующих нижегородских монастырей» [18, л. 3, 7, 9 об.] и хронологически охватывают период с 1764 по 1798 годы, они были выявлены в описях 554

и 555 фонда 570 и в описи 605 фонда 579 ЦАНО [29, л. 12–14; 30, л. 18–23; 33, л. 28–32 об.] — всего нами было выявлено 24 документа. Данные документы представляют собой сводку статистических данных, изложенных в текстовой и табличной формах. Настоящие ведомости и рапорты начали составлять в связи с императорским указом от 26 февраля 1764 года о новом установлении штатов для архиерейских домов и монастырей, поэтому было необходимо собрать (а затем ежегодно собирать) сведения о численности монашествующих, служителей этих церковных структур, их чинах и мирской жизни по всей Нижегородской епархии, а кроме того, необходимо было собирать информацию о церквях, располагавшихся на территориях обителей, для выделения денежных сумм на их обустройство и ремонт.

Кроме того, в преамбулах источники сообщают, что штаты обителей должны комплектоваться из уже служащих монахов, служителей и их новорожденных детей, а также, в случае необходимости — неполного комплекта, из бессемейных крестьян из ближайших к обителям деревень (это относится как к монашествующим, так и к служителям: бессемейные крестьяне могли или принять постриг или, если они владеют какой-либо профессией, поступить на службу при монастыре), присланных только лишь по решению Коллегии Экономии, а не людьми, выбранными по решению монастырских властей. Остальные служители, по решению Комиссии о церковных имениях, должны были быть возвращены на прежние места проживания. А в соответствии с уже упомянутым указом Екатерины Великой, тех, кто принял монашеский сан, переводили в другие монастыри, где были неполные штаты. Документы сообщают, что при монастырях могли жить и послушники — люди готовящиеся принять постриг, они не входили в штаты обителей; однако в таком статусе они могли жить всю жизнь, являясь при этом хорошим ресурсом для работы в монастырских хозяйствах. Но послушников при нижегородских монастырях было мало.

Настоящие источники также дают сведения о способе отбора монастырскими и вышестоящими властями служителей в новые штаты обителей. Хотя на самом деле сложно говорить о каком-либо определенном принципе отбора, скорее это можно назвать случайным отбором, когда в штат набирались люди как с определенными профессиональными навыками: как, например, в Нижегородском Благовещенском мужском монастыре: «Андрей Алексеев — грамоте и писать не обучен, но кладет кирпичные печи», так и без таких навыков, абсолютно бесполезные в экономической жизни монастыря: пример — «Михайло Бурцов — грамоту писать и ремеслу не обучен» (в таких случаях монастыри занимались обучением таких людей каким-либо профессиям) [18, л. 3, 7, 9 об.]. Но таких примеров по выше перечисленным монастырям Нижегородской епархии не так много. Кроме всего вышесказанного, настоящие источники могут дать некоторую информацию о состоянии хозяйства нижегородских монастырей как на момент начала церковной реформы Екатерины II, так и при ее проведении и на момент завершения преобразований.

Сами ведомости, как уже говорилось, дают и биографическую информацию о конкретных монашествующих и живущих при обителях служителях, составляющих монастырские штаты. Однако биографических сведений в настоящих

исторических источниках крайне мало, за исключением некоторых отдельных развернутых описаний. В целом, в документах присутствуют краткие сведения о социальном происхождении и мирской жизни, возрасте монашествующих, о дате принятия пострига их церковной карьере; краткие сведения о социальном происхождении и жизни служителей и послушников. Конечно, по такого рода кратким данным сложно делать какие-то выводы о том, из каких слоев населения состояло монашество и послушники второй половины XVIII века, однако уже можно говорить, что в жизни монастырских ремесленников обитель играла весьма важную роль: обеспечивала их стабильным доходом путем получения жалования, назначенного по штату за их работы. Но для более полного представления нужно привлекать иные источники. Кроме биографических сведений, нам открываются статистические данные о новых штатах нижегородских монастырей: число монахов, включая настоятелей, число служителей и послушников (если таковые имелись).

Из этих же ведомостей и рапортов мы можем извлечь также сведения о количестве церквей на территориях нижегородских монастырей с их краткими или подробными описаниями внутреннего убранства и информацией о том, в каких и когда ведутся, или не ведутся службы и по каким причинам.

Завершают такие архивные дела рапорты о «выбывших и умерших» монашествующих нижегородских монастырей. В них указывалось, какие монахи убыли — были переведены в другие обители, и какие умерли. Отсюда мы имеем возможность установить даже приблизительные даты жизни некоторых монахов и служителей монастырей, зная их возраст и даты смерти, а также судить об уровне смертности в этих обителях в исследуемый период (смертность была очень низкой в XVIII столетии). Изучение этого аспекта в части умерших лиц может быть дополнено также путем изучения метрических книг храмов.

Как известно, каждой обители, согласно указу императрицы Екатерины Великой, назначалось соответствующее годовое денежное содержание, выдававшееся частями — один раз в полгода. Вопросы выдачи этих средств и затрагивает следующий источник: дело 1770 года — «Дело по прошению казначея Нижегородского Благовещенского монастыря иеромонаха Тихона о выдаче положенной по штату денежной суммы на вторую половину 1770 года полностью» [19, л. 24].

Дело представляет собой переписку между казначеем Нижегородского Благовещенского мужского монастыря иеромонахом Тихоном и Нижегородской духовной консисторией с просьбой выдать денежную сумму, оставшуюся неизрасходованной после смерти архимандрита Геннадия — 74 рубля 28 копеек, а также средств на различные монастырские нужды. Источник содержит и отчет в виде таблиц о получении, расходе, остатке и не выданной части выше обозначенных денежных сумм. Мы, помимо всего прочего, благодаря данному документу располагаем сведениями о штатной сумме для Благовещенского монастыря: в год она составляла 501 рубль 60 копеек 1/2 копейки; а также о конкретных расходах обители: жалования настоятеля, иеромонахов, подьячих, служащих, расходы на закупку пшеницы, воска, дров, вина и пива, на починку церквей и самого монастыря (во второй половине XVIII столетия данная статья расходов была

особенно важна в связи с частыми пожарами в обители), на попку овса лошадям и т.д. Упоминаются и другие категории выдаваемых средств в рамках штатной суммы: надбавочные, милостинные, харчевые.

Подобные отчёты имеются и для других монастырей: в частности нам известно из этих документов, что Печерский монастырь получал жалование в 2017 рублей 50 копеек, Макарьевский Желтоводский монастырь — 1647 рублей; все перечисленные для Благовещенского монастыря категории денежного содержания были актуальны и для других монастырей Нижегородской епархии и в целом по России [17, л. 13, л. 5 об.].

Кроме того, мы имеем «межевой план Печерского монастыря» 1786 года, который составил «флота капитан лейтенант и землемер Никита Тихменев» для Нижегородской межевой конторы. Он был обнаружен в описи 604 579 фонда ЦАНО [32, л. 35–37]. На нем в картографической форме обозначены Печерский монастырь с близлежащими территориями (некогда вотчинными землями обители с их границами), а в текстовой форме обозначены обмены территорий.

Итак, мы наблюдаем практически полное подчинение хозяйственной жизни нижегородских монастырей государству посредством лишения их вотчин (полностью или частично) и установления в связи с этим штатных содержаний. Мы видим, что неопубликованные источники охватывают все XVIII столетие, освещая вопросы, состояния хозяйства, управления и предоставляя биографические сведения о монахах, послушниках и служителях обителей Нижегородской епархии.

Заключение. В завершение стоит сказать, что уже сам характер источников по истории синодального периода Русской Церкви, и XVIII столетия в частности, доказывает, что Русская Церковь вступила в новый, отличающийся от прежнего времени период. Исследованные нами комплексы источников являются уникальным разноплановым историческим материалом по истории Русской Церкви, а главное отдельно взятых обителей — Нижегородских монастырей. Представленные документы обладают большим информационным потенциалом: позволяют судить о состоянии монастырей на протяжении всего исследуемого периода: о состоянии монастырских строений, развитии вотчинного землевладения, об экономических возможностях, повинностях в пользу государства и распределении финансов нижегородских обителей, а также об управлении монастырями и его особенностях, о самых мелких деталях жизни и быта монашествующих.

Справедливо говорить о высокой степени достоверности настоящих источников, поскольку они создавались непосредственно на местах — в монастырях и их владениях монастырскими властями или присланными чиновниками с использованием сведений из более ранних документов; в источниках не наблюдается фальсификация данных, независимо от их характера. Все это повышает ценность представленной информации, которую возможно использовать в дальнейших исследованиях по истории нижегородской епархии в совокупности с другими источниками: ревизскими сказками, приходно-расходными книгами, метрическими книгами и внутренней документацией обителей. Именно эти данные способны пролить свет на малоизученные аспекты исторического развития обителей, помочь

проследить тенденции этого развития в XVIII столетии как отдельных членов огромной церковной структуры, включенной в состав государственной машины, так и всей структуры в целом. Изучение церковных событий в России XVIII века на примере Нижегородских монастырей позволяет выделить ключевые проблемы в отношениях государства и церкви с учетом территориальной специфики: проблемы смены формата управления монастырями; проблемы включения церковных православных институтов, каковыми являются монастыри, в государственную светскую систему. И, следовательно, изучение истории отдельных обителей в контексте общей истории института русского монашества может послужить толчком к открытию новых аспектов истории Русской Церкви, как в прошедшие века, так и современного этапа, в общероссийском масштабе.

Библиографический список

1. Нижегородский Благовещенский мужской монастырь в его прошедшем и настоящем состоянии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1896. № 7. С. 150–160.
2. Нижегородский Благовещенский мужской монастырь в его прошедшем и настоящем состоянии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1896. № 8. С. 201–211.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 237.
5. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 570.
6. ЦАНО. Ф. 578.
7. ЦАНО. Ф. 579.
8. ЦАНО. Ф. 998.
9. Бодрин А. В. Проблемы взаимоотношений государства и церкви в Российской империи в первой половине XVIII века (на примере Нижегородской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2006. 259 с.
10. Соколова Н. В. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII века: опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Север-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематический сб. науч. тр. Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2008. С. 44–60.
11. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 22. 1701.
12. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. 1701.
13. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 54. 1701.
14. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 3. Д. 6567. 1701.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 113. 1755.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 533. 1757.
17. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 554. Д. 50. 1764.
18. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 554. Д. 39. 1768.
19. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 32. 1770.
20. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 20. 1772.
21. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 24. 1773.
22. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 83. 1774.
23. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 25. 1779.
24. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 25. 1782.
25. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 54. 1788.
26. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 41. 1790.
27. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 47. 1792.
28. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 18. 1793.
29. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 51. 1796.
30. ЦАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 2. 1722.
31. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 823. 1785.
32. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д. 70. 1786.
33. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 605. Д. 30. 1791.
34. ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 534. 1715.

Для цитирования

АВЕРКИЕВ Антон Дмитриевич, аспирант Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.
Адрес для переписки: antona_98@mail.ru

Аверкиев А. Д. Источники по истории монастырей Нижегородской епархии в XVIII веке: типы и характеристика информационных потенциалов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 74–81. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-74-81.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024 г.
© А. Д. Аверкиев

SOURCES ON THE HISTORY OF MONASTERIES OF THE NIZHNY NOVGOROD DIOCESE IN THE XVIII CENTURY: TYPES AND CHARACTERISTICS OF INFORMATION POTENTIALS

The article provides a detailed description of archival historical sources about the life, economic activity and daily life of the monasteries of the Nizhny Novgorod diocese in the XVIII century. The relevance of the study is to expand the understanding of the information potential of insufficiently studied archival funds on this issue. The theoretical basis of the research is a combination of an institutional approach, the principle of consistency and a comparative historical method. This methodological set made it possible, by identifying and processing the sources, to establish that the transformations in the church structure radically changed the nature and types of historical sources containing information about the administration, economy and internal life of monasteries.

Keywords: historical sources, Russian Orthodox Church, Nizhny Novgorod diocese, monasteries, church life.

References

1. Nizhegorodskiy Blagoveshchenskiy muzhskoy monastyr' v ego proshedshem i nastoyashchem sostoyanii [Nizhny Novgorod Annunciation Monastery in its past and present condition] // Nizhegorodskiy eparkhial'nyye vedomosti. *Nizhegorodskiy eparkhial'nyye Vedomosti*. 1896. No. 7. P. 150–160. (In Russ.).

2. Nizhegorodskiy Blagoveshchenskiy muzhskoy monastyr' v ego proshedshem i nastoyashchem sostoyanii [Nizhny Novgorod Annunciation Monastery in its past and present condition] // Nizhegorodskiy eparkhial'nyye vedomosti. *Nizhegorodskiy eparkhial'nyye Vedomosti*. 1896. No. 8. P. 201–211. (In Russ.).

3. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 796. (In Russ.).

4. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. File: 237. (In Russ.).

5. Tsentral'nyy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti (TsANO) [Central Archive of Nizhny Novgorod Region (CANNR)]. File: 570. (In Russ.).

6. TsANO [CANNR]. File: 578. (In Russ.).

7. TsANO [CANNR]. File: 579. (In Russ.).

8. TsANO [CANNR]. File: 998. (In Russ.).

9. Bodrin A. V. Problemy vzaimootnosheniy gosudarstva i tserkvi v Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XVIII veka (na primere Nizhegorodskoy eparkhii) [Problems of relations between the state and the church in the Russian Empire in the first half of the XVIII century (on the example of Nizhny Novgorod diocese)]. Moscow, 2006. 259 p. (In Russ.).

10. Sokolova N. V. Opisanie tserkovno-monastyrskikh vladeniy v protsesse sekulyarizatsii nachala XVIII veka: opyt rekonstruktsii (na materialakh Nizhegorodskogo uyezda) [Description of church-monastery possessions in the process of secularisation of the early XVIII century: experience of reconstruction (on the materials of Nizhny Novgorod uyezd)] // Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii. North-West in the agrarian history of Russia. Kaliningrad, 2008. P. 44–60. (In Russ.).

11. RGADA [RSAAA]. File: 237/1/1/22/1701. (In Russ.).

12. RGADA [RSAAA]. File: 237/1/1/30/1701. (In Russ.).

13. RGADA [RSAAA]. File: 237/1/1/54/1701. (In Russ.).

14. RGADA [RSAAA]. File: 237/1/1/6567/1701. (In Russ.).

15. RGIA [RSHA]. File: 796/34/113/1755. (In Russ.).

16. RGIA [RSHA]. File: 796/34/533/1757. (In Russ.).

17. TsANO [CANNR]. File: 570/554/50/1764. (In Russ.).

18. TsANO [CANNR]. File: 570/554/39/1768. (In Russ.).

19. TsANO [CANNR]. File: 570/555/32/1770. (In Russ.).

20. TsANO [CANNR]. File: 570/555/20/1772. (In Russ.).

21. TsANO [CANNR]. File: 570/555/24/1773. (In Russ.).

22. TsANO [CANNR]. File: 570/555/83/1774. (In Russ.).

23. TsANO [CANNR]. File: 570/555/25/1779. (In Russ.).

24. TsANO [CANNR]. File: 570/555/32/1782. (In Russ.).

25. TsANO [CANNR]. File: 570/555/54/1788. (In Russ.).

26. TsANO [CANNR]. File: 570/555/41/1790. (In Russ.).

27. TsANO [CANNR]. File: 570/555/47/1792. (In Russ.).

28. TsANO [CANNR]. File: 570/555/18/1793. (In Russ.).

29. TsANO [CANNR]. File: 570/555/51/1796. (In Russ.).

30. TsANO [CANNR]. File: 578/1/2/1722. (In Russ.).

31. TsANO [CANNR]. File: 579/589/823/1785. (In Russ.).

32. TsANO [CANNR]. File: 579/604/70/1786. (In Russ.).

33. TsANO [CANNR]. File: 579/605/30/1791. (In Russ.).
34. TsANO [CANNR]. File: 998/588/534/1715. (In Russ.).

For citations

Averkiev A. D. Sources on the history of monasteries of the Nizhny Novgorod Diocese in the XVIII century: types and characteristics of information potentials // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 74–81. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-74-81.

Received February 12, 2024.
© A. D. Averkiev

AVERKIEV Anton Dmitrievich, Graduate Student of International Relations and World History Institute, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod.
Correspondence address: antona_98@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ МЕТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МЕР И ВЕСОВ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ В 1920-е гг.

Рассматривается процесс введения метрической системы мер и весов на территории Омского Прииртышья в ходе метрической реформы в 1920-е гг., представляющей собой один из малоизученных сюжетов социально-экономической модернизации СССР в отечественной историографии. Отражена работа Омской губернской и Омской окружной междуведомственных метрических комиссий, являвшихся органами, ответственными за организацию и проведение метрической реформы, а также создание и деятельность Омской поверочной палаты мер и весов в период метрореформы. Отмечаются основные проблемы, возникавшие в ходе метризации.

Ключевые слова: раннесоветский период, метрическая реформа, метризация, Омское Прииртышье, Омская губерния, Омский округ.

Введение. Процесс и обстоятельства перехода на метрическую систему мер и весов, происходившего на территории СССР в 1918–1933 гг. и носящего в законодательных актах наименование метрической реформы, на данный момент изучены довольно слабо. Отечественная историография метрической реформы на территории СССР ограничивается работами, рассматривающими её ход в европейской части страны или каком-то отдельном её регионе; исследований — как отечественных, так и зарубежных — посвящённых реформе на территории азиатской России, на данный момент не имеется.

Стоит отметить, что в иностранной научно-исследовательской литературе тема метрореформы также не очень популярна, и круг исследователей, занимающихся ею, довольно ограничен. Из наиболее значительных исследователей можно выделить Гектора Вера, рассматривавшего процесс внедрения метрической системы мер в Мексике и попытки введения метрических мер в США [1], а также отдельные аспекты метрореформы в Мексике [2, 3] и Манчо Векова, изучавшего историю введения метрической системы в Болгарии и на Балканском полуострове в целом [4].

Существуют работы, посвящённые истории сибирских центров стандартизации и метрологии (ЦСМ), правопреемников поверочных палат, созданных в 1920-х гг. — «На страже точности» Д. И. Могилевского по истории Иркутского ЦСМ [5], «В прошлом и настоящем» Г. М. Емельянова по истории ЦСМ Новосибирской области [6] и «Золотой стандарт» С. И. Никифорова, изданная к 100-летию ЦСМ Томской области [7]. Однако метрореформа и деятельность метрических комиссий в них рассматриваются довольно кратко, через призму истории поверочных палат и их роли в рамках реформы.

Это объясняется тем, что в комплексе мероприятий, предпринимавшихся в советской экономике

в данный исторический период с целью социально-экономической модернизации страны, метрическая реформа занимала не самое значимое место. В то же время стоит отметить, что реформа коснулась каждого гражданина Советского государства и повлияла на все сферы общественной жизни, что и обуславливает необходимость изучения данной темы.

Цель данного исследования заключается в изучении хода метрической реформы на территории Омского Прииртышья, а также определении особенностей и проблем её реализации на данной территории. Изучение хода метрической реформы на территории Омского Прииртышья представляется важным по ряду причин. Во-первых, в 1920-е гг. в Омске располагался Металлтрест и десятки частных мастерских, которые вносили существенный вклад в решение вопроса производства новых метрических измерителей и переделки на метрические меры старых измерителей, изготовленных в русской системе мер, что позволяет предположить, что на территории Омского Прииртышья ситуация с обеспечением населения новыми измерителями несколько отличалась от ситуации, сложившейся по Сибирскому краю в целом. Во-вторых, в Омске почти отсутствовал как научно-исследовательский ресурс, имевшийся в Томске, так и административный ресурс, к середине 1920-х гг. сконцентрированный в Новосибирске, и представляется интересным посмотреть, какое именно влияние отсутствие этих ресурсов оказывало на ход реформы.

Деятельность метрических комиссий. Ход метрической реформы в Омском Прииртышье представляется уместным рассмотреть, в первую очередь, через деятельность местных метрических комиссий. Данные комиссии являлись основными органами, ответственными за проведением метрореформы в жизнь — как на союзно-республиканском уровне, так и на уровне отдельных административных

единиц, губерний, областей и округов, в том числе и на территории Сибири.

Первой такой комиссией являлась Омская губернская междуведомственная метрическая комиссия (ГубММК). Комиссия была создана на основании решения президиума губисполкома от 12 июля 1924 г. и состояла из трех человек — представителей губернского отдела местного хозяйства (губместхоза), губернского административного отдела (губадмтдела) исполкома и поверочной палаты. Первое заседание комиссии состоялось 1 августа 1925 г. Функции комиссии, определённые её членами, заключались в следующем:

1. Пропаганда метрической системы и обучение лиц, которым по роду работ придётся применять метрическую систему.

2. Широкое ознакомление населения с метрической системой путём вывешивания плакатов, таблиц и образцов мер.

3. Учёт производственных возможностей в предприятиях губернии в смысле изготовления метрических измерителей.

4. Учёт потребности в измерителях потребляющего их рынка.

5. Содействие местному производству метрических измерителей в смысле согласования его с потребностями рынка, с одной стороны, и сроками введения измерителей к применению в промышленности и торговле.

6. Разработка возможных льготных условий в отношении финансирования, снабжения и облегчения налогового и иного обложения для предприятий, занятых изготовлением метрических измерителей.

7. Установление сроков о введении метрической системы в той или иной отрасли промышленности и торговли на основании действующих законодательных актов [8, л. 38].

Весной 1925 г. заведующий Томской поверочной палатой Г. И. Пузанков в одном из пунктов своего доклада, подготовленного для Сибревкома и отражающего, в том числе, ход метризации в Сибири, даёт краткую справку о работе Омской ГубММК, где указывает, что комиссия приступила к работе 1 августа 1924 г. Деятельность комиссии в докладе не отражена, отмечалось лишь, что с 1 августа 1924 г. по 9 марта 1925 г. комиссией было проведено три заседания [9, л. 11 об. — 12 об.].

В марте 1925 г. заведующий Омской поверочной палатой А. И. Михеев подготовил для ГубММК докладную записку «О введении исполкомами уполномоченных ГубММК для непосредственной связи с Губкомиссией». В ней он предлагал создать институт уполномоченных, которые наблюдали бы за проведением распоряжений о введении метрической системы на местах и осуществляли сбор сведений по заданиям ГубММК [8, л. 62 об.]. Однако неизвестно, был ли данный институт в итоге создан.

Омская ГубММК была реорганизована в Омскую окружную междуведомственную метрическую комиссию (ОкрММК) решением президиума окрисполкома от 16 декабря 1925 г. Состав комиссии по сравнению с ГубММК был расширен, её председателем стал заведующий окружным статистическим бюро (окрстатбюро) А. В. Петухов [8, л. 3; 10, л. 1]. Основой работы для окружной комиссии стало Положение о Сибирских окружных междуведомственных метрических комиссиях, утверждённое в декабре 1925 г. президиумом Сиб-

крайисполкома [11, л. 29—30]. За комиссией закреплялись следующие обязанности:

— руководство и инструктирование перехода на метрические меры;

— согласование деятельности учреждений и предприятий по введению метрических мер, а также существующих или вновь организованных при них органов и уполномоченных по метризации;

— контроль за точным и своевременным проведением мероприятий по метризации, указанных обязательными постановлениями Центральной ММК (Цекометр, ЦММК) и Сибирской краевой ММК (СибКММК);

— сбор сведений в связи с переходом на метрические меры по учреждениям и предприятиям и обработка полученного материала;

— разрешение вопросов, касающихся введения и применения метрических мер;

— привлечение учреждений, предприятий и организаций к ознакомлению населения с сущностью метрических измерений и вычислений путём устройства собраний, чтения лекций, издания соответствующей литературы;

— выявление спроса и потребности на метрические измерители;

— представление докладов о ходе метрической реформы.

Основные проблемы, с которыми комиссия сталкивалась в своей работе, заключались в перегруженности членов комиссии работой, возлагавшейся на них в соответствии с прямыми должностными обязанностями, большая площадь округа и территориальная разбросанность его поселений, а также отсутствие финансирования. Согласно первому отчёту ОкрММК о её работе, освещавшему I полугодие 1926 г., ситуация с финансированием деятельности была примерно той же, что и в других сибирских метрических комиссиях — денег не было даже на канцелярские расходы; как отмечалось, в условиях отсутствия средств трудно было говорить о плановой работе [10, л. 1-1 об.]. Также комиссия отмечала следующие проблемы, возникшие в ходе реформы:

— население при заготовке леса иногда категорически протестовало против заключения подрядов на поставку лесоматериалов с измерением объёма в метрической системе;

— отсутствие урочных положений и наличие спроса на кирпичи старых образцов при ремонте зданий сильно тормозили переход на метрическую систему в кирпичном деле;

— отсутствие практического заинтересованности в реформе среди сельского населения тормозило переход на метрические меры в земельном деле;

— осуществление операций расчёта за хлеб в русских мерах, т.к. цен для продажи и покупки в метрических мерах не было установлено, что мешало ознакомлению крестьян с метрической системой;

— отсутствие термометров, микрометров и калиброметров [10, л. 3].

В отчёте комиссии о работе в течение первого полугодия 1926 г. также можно найти сведения, предоставленные рядом учреждений округа об отношении населения к метрической реформе. Приведём несколько цитат.

«Крестьянское население с метрической системой вполне усвоилось. При взвешивании каждой партии хлеба или масла вес объявляется в килограммах и пудах. На практике недоразумений

не было» (Хлебопродукт); «С 1 марта 1924 г. исключены из употребления русские меры — такой порядок на первых порах оказался несколько неудобным, а порою даже вызывал подозрение в обвесе. С течением времени население с метрическими мерами вполне усвоилось и в настоящее время исключены всякие неудобства, которые встречались в первое время» (Частрест); «...В настоящее время [управление] данными не располагает. Однако следует оговориться, что пропаганда, без практической заинтересованности в метрсистеме населения, исчерпывающих результатов едва ли достигнет. Поэтому реформу мер будет целесообразнее начать с таких предприятий, которые наиболее широко захватывают крестьянские массы и в которых оно наиболее экономически заинтересовано...» (окружное земельное управление) [10, л. 2].

В целом комиссия отмечала, что к середине 1926 г. население приняло метрические меры длины, но среди мер веса, как и ранее, наиболее используемой являлся фунт. Схожая ситуация была с мерами жидкостей, т.к. торговля молоком, пивом и т.д. велась в русских мерах [10, л. 2–2 об.].

На начало 1926 г. основную работу по пропаганде метрической реформы вели учителя и библиотекари. Существовали, однако, окружные метрические ячейки при ряде организаций — управлении Омской железной дороги, окрмстхозе, Хлебопродукте и др. Очень широко была развёрнута практика проведения лекций по темам, посвящённым метрической системе. Лекции читались силами окроно на курсах учителей, избачей и библиотекарей, в избах-читальнях для посетителей, а также на Омской железной дороге, где были открыты краткосрочные курсы по метризации, продолжительностью от 4 до 12 дней [10, л. 1 об., 3 об.].

Документов о работе Омской ОкрММК в 1927–1928 гг. не обнаружено, но представляется возможным предположить, что её деятельность, как и деятельность других окружных комиссий, сводилась в этот период к контролю над исполнением постановлений ЦММК и СибКММК на местах, сбору сведений о ходе реформы, запрашиваемых данными метрическими комиссиями, и разрешению спорных вопросов, возникавших в ходе реализации основных положений реформы.

Омская поверочная палата и её роль в проведении реформы. Вторым органом, через деятельность которого представляется возможным рассмотреть ход реформы, является Омская поверочная палата мер и весов. Важность рассмотрения хода реформы через её работу также объясняется тем, что в период метрреформы помимо основной функции поверки и клеймения мер и весов на местные поверочные палаты была возложена такая важная функция, как консультирование ведомств, организаций, учреждений и предприятий по всем вопросам, связанным с введением метрической системы, что фактически означало и ведение работы по пропаганде метрических мер. Так, в мае 1924 г. помощник поверителя В. К. Квятковский, проводя поверки мер в Акмолинской губернии, прочёл две лекции в Атбасаре, посвящённые использованию метрической системы мер, а в июне — три лекции в Кокчетаве на тему «В чём заключается удобство метрической системы по сравнению с русской» [12, л. 70, 80]. Также стоит отметить, что если в Томске и Барнауле делопроизводство метрических комиссий концентрировалось при исполкомах, то в Омске делопроизводство губернской метрической

комиссии велось в поверочной палате [10, л. 45–46 об.].

Вопрос о создании поверочной палаты в Омске был поднят ещё осенью 1922 г. В октябре 1922 г. председателю президиума губсовнархоза была подана докладная записка инженера-механика А. М. Шполянского, в которой тот обосновывал необходимость открытия в Омске поверочного учреждения [13, л. 55–56 об.]. Данная записка запустила процесс создания поверочной палаты в Омске — сначала в виде временного отделения Екатеринбургской поверочной палаты (в феврале–апреле 1923 г.), затем постоянного (с 1 мая 1923 г.), а с 1 января 1924 г. — уже в качестве самостоятельной палаты, в ведение которой были переданы Омская и Акмолинская губернии [6, с. 75–76]. На палату с момента её организации в качестве постоянного отделения был возложен надзор за правильным и законным применением измерительных приборов в губернии, исполнение консультативной функции по всем вопросам, касающимся измерительных приборов, а также обязательность распоряжений палаты для всех их владельцев [14, с. 17].

В отличие от Новониколаевской поверочной палаты, для палаты в Омске жилищный вопрос проблемой не стал; А. И. Михеев нашёл содействие со стороны как губернского совета народного хозяйства (губсовнархоза) [13, л. 48], так и губисполкома в организации своей работы, получив нужные для постоянной работы палаты и проживания её сотрудников помещения [15, л. 9].

В первую очередь, на плечи сотрудников поверочной палаты оказалось возложено решение вопроса об обеспечении населения метрическими измерителями. К началу метрической реформы в Сибири не имелось государственных или частных предприятий, специализацией которых являлось бы производство измерительных приборов; основная часть этих предприятий находилась в западной части Российской империи, и, как итог, после Первой мировой и Гражданской войн оказалась вне территории СССР. И если задачу изготовления таких приборов, как упомянутые выше термометры и калиброметры, решить могло быть затруднительно, то наладить изготовление метрических мер веса, длины и жидкости представлялось вполне возможным.

Вопрос об обеспечении Омской губернии измерителями рассматривался, в частности, на втором заседании Омской ГубММК, состоявшемся 29 августа 1924 г. Как следует из протокола заседания, к сентябрю 1924 г. в Омске производством метрических мер могли заниматься два завода — 1-й мехзавод Металлтреста, который с сентября 1923 г. занимался изготовлением гирь (15, л. 7–7 об.), и 2-й мехзавод правления Сибирских железных дорог, к тому времени осуществлявший изготовление метрических мер только по заданиям правления [8, л. 40–40 об.].

Однако качество метрических мер и весов, производимых в Омске, не всегда удовлетворяло поверочную палату. А. И. Михеев на третьем заседании Омской ГубММК 17 октября 1924 г. акцентировал внимание на том, что местные гири и весы из-за отсутствия качественного материала и формовочной земли были не очень высокого качества, в связи с чем предлагал организовать выпуск мер с Каслинского завода через Екатеринбургскую поверочную палату [15, л. 45–46 об.]. К сожалению, в документах не сохранились переписки по этому

вопросу и на данный момент нельзя ответить, была ли осуществлена поставка измерителей.

В докладе «Об упорядочении торговли жидкостями», подготовленном А. И. Михеевым для метрической комиссии предположительно в августе 1925 г., отмечалось, что в розничной торговле жидкими товарами зачастую использовались совершенно произвольные объёмные меры. Поскольку в Омске обеспечить производство метрических мер жидкости к тому моменту так и не удалось, предлагалось наладить его на консервном заводе в Петропавловске, который имел для этого технические возможности, сырьё (в виде качественной жести) и мог бы изготавливать меры по относительно низким ценам [15, л. 32]. Сведений о том, было ли реализовано данное предложение, на данный момент не выявлено.

В Омске также работал ряд мастерских, организация деятельности которых была начата весной 1923 г. при активном содействии поверителей. В апреле 1923 г. при поверочном отделении была создана ремонтно-показательная мастерская во главе с мастером Ф. И. Петуховым. Поверители помогли организовать ремонт и изготовление весов и гирь, а также мер для жидкостей в таких мастерских, как губернские мастерские «Кустметалл», частные мастерские Слабудко, Чувашова, Кибаль, Гуревича, Квадратова и др.; в общей сложности на территории, находящейся в ведении поверочно-отделения, работали 26 мастерских [6, с. 72].

В фонде Омской поверочной палаты имеются сведения об измерителях, поверявшихся палатой в 1924 г., позволяющие получить общее представление о том, какова была распространённость метрических измерителей в Омске и Омской губернии на тот момент (табл. 1). К сожалению, в документах отсутствует информация о месте производства новых метрических измерителей, поверенных палатой, что не позволяет установить, были ли они изготовлены омской промышленностью или же являлись привозными.

Как и в случае с метрической комиссией, сведений о деятельности поверочной палаты в 1927–1928 гг. по внедрению метрической системы мер

в Омском округе не обнаружено. Тем не менее стоит отметить, что, учитывая повсеместное упразднение метрических комиссий в 1928–1929 гг., наблюдение за завершением процесса метрической реформы на местах было возложено на поверочные палаты, которые и собирали все сведения по данному вопросу. В отчёте отдела рабоче-крестьянской инспекции в СибРКИ от 24 февраля 1930 г. о ходе метрореформы в Омском округе можно найти следующее замечание: «...По линии инспектуры РКИ наблюдения за метрической системой не велось. По материалам <...> палаты мер и весов в 1928–1929 году видно следующее: некоторые учреждения и предприятия весьма медленно переходят на метрическую систему. В повседневной работе имеет место применение исчисления в пудах, фунтах и т.д. Нередки случаи встретить в документах записи по старой системе... <...> [Ряд предприятий] имеют договора и документы поставщиков по русской системе, дюжины, вершки и пр. <...> Массовая разъяснительная работа среди рабочих и служащих как предприятиями и учреждениями, а равно и профорганизациями не ведётся...» [16, л. 7]. Как видно из данных выдержек, к 1930 г. переход на метрическую систему на территории Омского Прииртышья ещё не был завершён.

Заключение. К сожалению, по выявленным данным не представляется возможным восстановить процесс метрической реформы в Омском Прииртышье в деталях, в том числе в силу нехватки источникового материала (к примеру, часть дел фонда Омской поверочной палаты, в т.ч. имевших прямое отношение к проведению метрической реформы, была списана по акту об утилизации в 1980 г.). Отсутствие документов по значительному периоду деятельности Омской ОкрММК, равно как и Омской поверочной палаты, не позволяет сделать полных и обоснованных выводов об их вкладе в проведение метрической реформы.

Однако на основании изученного материала и сведений, имеющихся о работе других губернских и окружных метрических комиссий Сибири, можно предположить, что деятельность комиссий, работавших в Омске, не имела существенных от-

Таблица 1

Количество русских и метрических измерителей, поверенных Омской поверочной палатой за 1924 г., включая (с октября) Семипалатинское отделение (составлено по [12])

	Русские	Метрические	% метр. мер
Январь	1504	104	6,5 %
Февраль	2570	191	6,9 %
Март	592	1660 (в т.ч. 1502 новых)	73,7 % (в т.ч. 66,6 % новых)
Апрель	2394	399 (в т.ч. 104 новых)	14,3 % (в т.ч. 3,7 % новых)
Май	1828	933 (в т.ч. 758 новых)	33,8 % (в т.ч. 27,5 % новых)
Июнь	2497	366 (в т.ч. 142 новых)	12,8 % (в т.ч. 5,7 % новых)
Июль	1796	997 (в т.ч. 786 новых)	35,7 % (в т.ч. 28,1 % новых)
Август	1712	1395 (в т.ч. 1231 новых)	44,9 % (в т.ч. 39,6 % новых)
Сентябрь	984	1793 (в т.ч. 1629 новых)	64,6 % (в т.ч. 58,7 % новых)
Октябрь	2741	2548 (в т.ч. 2307 новых)	48,2 % (в т.ч. 43,6 % новых)
Ноябрь	2882	990 (в т.ч. 714 новых)	25,6 % (в т.ч. 18,4 % новых)
Декабрь	3351	905 (в т.ч. 480 новых)	21,3 % (в т.ч. 11,3 % новых)
За год	24851	12281 (в т.ч. 9653 новых)	33 % (в т.ч. 26 % новых)

личий от остальных. Учитывая тот факт, что омские метрические комиссии, как и комиссии в других регионах, не имели ни штатных единиц, ни постоянного финансирования, а её члены совмещали свою деятельность в комиссии с постоянной службой, вероятно, их работа сводилась к тому же, к чему и в большинстве других метрических комиссий — контролю над исполнением обязательных постановлений центральной метрической комиссии и сбору сведений о ходе метрической реформы по требованию вышестоящих органов.

Также представляется возможным предположить, что в Омске, как и в Барнауле, Новониколаевске (Новосибирске) и Томске наблюдалась нехватка метрических измерителей, что затрудняло использование метрической системы мер, и отсутствие финансирования на проведение метризации, что являлось проблемой и в других округах Сибирского края. При этом нельзя не принять во внимание, что, благодаря активным действиям в решении вопроса об обеспечении округа измерителями со стороны заведующего поверочной палатой А. И. Михеева (организация работы ремонтных мастерских, возможные поставки измерителей с Каслинского завода, вероятное производство мер жидкости на консервном заводе в Петропавловске), проблема нехватки измерителей имела в Омске несколько меньшие масштабы, нежели в более восточных регионах Сибири.

В то же время Омск, что важно, с начала реформы обладал специалистами-метрологами, которых не было в Новосибирске и Барнауле.

Как видно из деятельности заведующего палатой и сведений о проверке измерителей за 1924 г., данное обстоятельство явно способствовало более быстрому решению проблем технического обеспечения реформы и, как следствие, внедрению метрической системы.

Из изученных документов также не усматривается, что метрические комиссии, действовавшие в Омске, занимались созданием каких-либо агитационных материалов, посвящённых метрической системе. Представляется, что причиной этого являлось отсутствие тех научно-образовательных ресурсов, которые имелись при метрических комиссиях в Томске, что позволяло вести им активную деятельность в этом направлении.

За рамками исследования в силу отсутствия источниковой базы остался неохваченным вопрос, как проходила метрическая реформа в сельской местности Омского Прииртышья. Учитывая то, что в 1920-е гг. процент городского населения в СССР был невелик и большинство населения проживало именно в сельской местности, данный вопрос требует тщательного изучения.

Библиографический список

1. Vera H. The Social Life Of Measures Metrication in the United States and Mexico, 1789 – 2004: PhD thesis. Mexico City, 2011, 515 p.
2. Vera H. Decimal Time: Misadventures of a Revolutionary Idea, 1793 – 2008 // *KronoScope* 2009. Vol. 9 (1). P. 29 – 48. DOI: 10.1163/156771509X12638154745382.
3. Vera H. Counting Measures: The Decimal Metric System, Metrological Census, and State Formation in Revolutionary Mexico, 1895 – 1940 // *Histoire et Mesure*. 2017. Vol. XXXII (1). P. 121 – 140. DOI: 10.4000/histoiremesure.5780.
4. Веков М. Метричната система в България. Метрични реформи и метрологична дейност XVIII – XX век. София: Херон прес, 2007. 276 с.
5. Могилевский Д. И. На страже точности. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. 46 с.
6. Емельянов Г. М. В прошлом и настоящем: из истории Новосибир. центра стандартизации, метрологии и сертификации с момента его образования до сегодняшних дней. Новосибирск: [б. и.], 1997. 431 с.
7. Никифоров С. И. Золотой стандарт: посвящается 100-летию основания Томского центра стандартизации, метрологии и испытаний. Томск: Дарт-Ком, 2019. 174 с.
8. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 2.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАОО). Ф. Р-1981. Оп. 1. Д. 1003.
10. ИАОО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 40.
11. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1383.
12. ИАОО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 9.
13. ИАОО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 450.
14. Бюллетень Омского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1923. № 5. 4 мая.
15. ГАОО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 177.
16. ИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 657.

МАКАРОВ Илья Вадимович, аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск.

SPIN-код: 2452-4268

AuthorID (РИНЦ): 1040606

Адрес для переписки: makarov.ilyamakov@yandex.ru

Для цитирования

Макаров И. В. Введение метрической системы мер и весов в Омском Прииртышье в 1920-е гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 82 – 87. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-82-87.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

© И. В. Макаров

THE INTRODUCTION OF THE METRIC SYSTEM OF WEIGHTS AND MEASURES IN THE OMSK DISTRICT IN THE 1920s

The article is devoted the process metric reform of the 1920s, which is one of the most important parts of the history of Russian and Siberian metrology and an integral part of the socio-economic modernization of the USSR, in the Omsk district. The purpose of the article is to establish the circumstances of the metric reform in the Omsk district, as well as to identify the problems and difficulties that arose during the transition to the metric system of weights and measures.

The main sources for writing the article are the files of the funds the Historical Archive of Omsk Region, primarily the fund of the Omsk Chamber of Weights and Measures; the files from State Archive of Novosibirsk Region are also used.

The article describes the process of transition to the metric system in the Omsk district through the activities of the district interdepartmental metric commission and the verification chamber of weights and measures. Based on the results of the study, conclusions are drawn about the progress of the metric reform in the Omsk district.

Keywords: Early Soviet Period, metric reform, metrication, Omsk province, Omsk district.

References

1. Vera H. The Social Life Of Measures Metrication in the United States and Mexico, 1789–2004: PhD thesis. Mexico City, 2011, 515 p. (In Engl.).

2. Vera H. Decimal Time: Misadventures of a Revolutionary Idea, 1793–2008 // *KronoScope* 2009. Vol. 9 (1). P. 29–48. DOI: 10.1163/156771509X12638154745382. (In Engl.).

3. Vera H. Counting Measures: The Decimal Metric System, Metrological Census, and State Formation in Revolutionary Mexico, 1895–1940 // *Histoire et Mesure*. 2017. Vol. XXXII (1). P. 121–140. DOI: 10.4000/historemesure.5780. (In Engl.).

4. Vekov M. *Metrichnata sistema v B'lgariya. Metrichni reformi i metrologichna deinost' XVIII–XIX vek* [The Metric System in Bulgaria. Metric Reforms and Metrological Activities in the 18th–20th Centuries]. Sofia, 2007. 276 p. (In Bulgarian).

5. Mogilevsky D. I. *Na strazhe tochnosti* [On guard of accuracy]. Irkutsk, 1975. 46 p. (In Russ.).

6. Emelyanov G. M. *V proshlom i nastoyashchem: iz istorii Novosibirskogo tsentra standartizatsii, metrologii i sertifikatsii s momenta ego obrazovaniya do segodnyshnikh dney* [In the past and present: from the history of the Novosibirsk Center for Standardization, Metrology and Certification from the moment of its formation to the present day]. Novosibirsk, 1997. 431 p. (In Russ.).

7. Nikiforov S. I. *Zolotoy standart: posvyashchayetsya 100-letiyu osnovaniya Tomskogo tsentra standartizatsii, metrologii i ispytaniy* [Gold Standard: dedicated to the 100th anniversary of the foundation of the Tomsk Center for Standardization, Metrology and Testing]. Tomsk, 2019. 174 p. (In Russ.).

8. *Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti* [IAOO] [Historical Archive of Omsk Region (HAOR)]. File: R-481/1/2. (In Russ.).

9. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti* (GANO) [State Archive of Novosibirsk Region (SANR)]. File: R-1981/1/1003. (In Russ.).

10. IAOO [HAOR]. File: R-690/1/40. (In Russ.).

11. GANO [SANR]. File: R-1/1/1383. (In Russ.).

12. IAOO [HAOR]. File: R-481/1/9. (In Russ.).

13. IAOO [HAOR]. File: R-223/1/450. (In Russ.).

14. *Byulleten' Omskogo gubernskogo ispolnitelnogo komiteta Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov* [Bulletin of the Omsk Provincial Executive Committee of the Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies]. 1923. No. 5. May 4. (In Russ.).

15. GANO [SANR]. File: R-1180/1/177. (In Russ.).

16. IAOO [HAOR]. File: R-27/1/657. (In Russ.).

MAKAROV Ilya Vadimovich, Graduate Student of Russian History Department, National Research Tomsk State University, Tomsk.

SPIN-code: 2452-4268

AuthorID (RSCI): 1040606

Correspondence address: makarov.ilyamakarov@yandex.ru

For citations

Makarov I. V. The introduction of the metric system of weights and measures in the Omsk district in the 1920s // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 82–87. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-82-87.

Received February 09, 2024

© I. V. Makarov

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СТЕПНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО И СТЕПНОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX— НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основе анализа комплекса архивных документов о вице-губернаторах степных областей Российской империи (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской), а также нормативно-правовой базы деятельности местных учреждений в указанных областях, охарактеризовано положение вице-губернатора в системе управленческой элиты региона. Целью является выявление различий между положением вице-губернаторов в регионах на окраине и внутри страны. Источниковой базой исследования являются формулярные списки и личные дела вице-губернаторов, хранящиеся в архивах (Исторический архив Омской области, Российский государственный исторический архив и Центральный государственный архив Республики Казахстан). Используемые в статье данные публикуются впервые. Отдельное внимание уделено социокультурному портрету вице-губернаторского корпуса степных областей в сравнении с портретами чиновников данной должности губерний Европейской России и Урала.

Ключевые слова: историческая антропология, коллективный портрет, просопография, вице-губернатор, Западно-Сибирское генерал-губернаторство, Степное генерал-губернаторство, Степной край, Акмолинская область.

Введение. Изучение особенностей административного управления окраинами Российской империи в XIX—начале XX века связано с анализом, пониманием и осмыслением политического отношения центральной власти к отдаленным территориям и способов инкорпорации последних в единую систему управления. Дореволюционные и советские исследователи большое значение придавали институтам власти и концепциям управления окраинами в контексте изучения эффективности государственной системы. В современных конкретно-исторических исследованиях важное значение занимают персональные и коллективные биографии чиновников из числа управленческой элиты на местном уровне. Зачастую они посвящены генерал-губернаторам или губернаторам [1–4]. Специальные работы о вице-губернаторах существуют только как сюжеты комплексных исследований управления регионом, или отдельные научные статьи по некоторым регионам Российской империи [5–7]. В основном объектом изучения становятся вице-губернаторы европейских губерний, Поволжья, Урала, Восточной Сибири и рассматриваются исследователями в контексте взаимоотношений с губернаторами и исполнения служебных обязанностей, социокультурных портретов и персональных биографий. Исследование основывается

на анализе нормативно-правовых документов и систематизации данных из персональных биографий чиновников в части описания исполняемых поручений, зафиксированных в формулярном списке или личном деле, и основывается на применении антропологического и институционального подхода. В части сравнения положения вице-губернаторов степных областей с иными регионами Российской империи используется сравнительно-исторический метод, а для воссоздания отдельных биографий и коллективных портретов чиновников применяется биографический и просопографический метод.

Цель исследования. Целью данного исследования является анализ положения вице-губернатора в системе управленческой элиты, взаимоотношений с губернаторами и генерал-губернаторами и социокультурная характеристика вице-губернаторского корпуса в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях в период с 1868 по 1904 гг. Хронологические рамки обусловлены принятием Временного положения 1868 г., в котором впервые для данных территорий появилась должность вице-губернатора, и периодом до начала Первой русской революции (для Семиреченской области — с 1882 по 1899 гг. — в период ее пребывания в составе Степного генерал-губернаторства). Ограничение территориальных рамок исследования объясняется

наличием законодательных особенностей положения вице-губернаторов в степных областях, в отличие от внутрироссийских губерний и областей других окраин.

Основная часть. Должность вице-губернатора в Российской империи появилась в 1708 г. по Указу «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» [8, с. 436–439] и просуществовала до Февральской революции 1917 г. За это время содержание должности несколько раз претерпевало изменения. Изначально вице-губернаторы были помощниками губернаторов, в результате реформы 1719 г. данная должность стала обозначать правителя провинции, а после губернской реформы Екатерины II — председателя казенной палаты. Но в 1837 г. вице-губернатора вернули в состав губернского правления в качестве «старшего члена этого установления и помощника губернатора по общему управлению губерний» [9, с. 591–592]. Исследователи считают, что статус вице-губернатора был понижен, а губернное правление превратилось в «расширенный вариант губернаторской канцелярии» [10, с. 111].

В Западной Сибири должность вице-губернатора для степных областей появилась по Временным положениям 1868 г. До этого по Сибирским учреждениям существовала должность председателя губернского или областного правления. Во внутрироссийских губерниях председателем губернского правления являлся сам губернатор. По мысли М. М. Сперанского, «губернатор должен был быть освобожден от председательства в губернском правлении, чтобы наиболее главной функцией его оставался надзор, а активное управление переходило к вице-губернатору и правлению» [11, с. 36]. Цель М. М. Сперанского воплощена в Сибирских учреждениях. Попытки усилить активную роль губернских правлений и освободить губернатора от текущих дел управления предпринимались в середине XIX века, но остались безуспешными, губернное правление стало «второй канцелярией губернатора», а сам губернатор в одинаковой мере действовал решительно и единолично [12, с. 49]. Самостоятельность председателей областных и губернских правлений в Сибири, получивших отделение от прямого управления губернатора по учреждениям М. М. Сперанского, вряд ли была полноценной. Областные правления до 1868 г. состояли всего из двух экспедиций — исполнительной и казенной, и заведовало только частью хозяйственных и полицейских дел. После 1868 г. количество отделений увеличилось, а областное правление соединило в себе функции «губернского правления, казенной палаты, гражданского и уголовного судов и губернского управления государственным имуществом» [12, с. 162]. Наиболее важные вопросы управления на практике также оставались за губернатором, который вдалеке от центральных ведомств и без защиты со стороны генерал-губернатора был «весьма уязвим для интриг, которыми издавна славилось сибирское чиновное общество» [13, с. 99]. Таким образом, председатель правления, законодательно получая самостоятельность, на практике не имел достаточного количества сфер для ее применения, а отношения между губернатором и председателем правления становились важной составляющей эффективного управления областью или губернией.

При создании Временных правил 1868 г., Акмолинская и Семипалатинская области продолжили управляться по «Сибирским учреждениям», с заме-

ной наименования должности председателя губернского правления вице-губернатором, а Уральская и Тургайская области получили возможность управления по Общим губернским учреждениям, в которых вице-губернатор был помощником губернатора и не являлся председателем губернского правления [14, с. 364–365]. Вице-губернатор назначался и увольнялся по представлению Министерства внутренних дел и при рекомендации генерал-губернатора. Такая процедура накладывала «особый отпечаток на стиль общения двух высших лиц губернской администрации», причем отсутствие четкого разграничения полномочий могло приводить к тому, что вице-губернатор даже вторгался в компетенцию губернатора, что приводило к конфликту в губернии [15, с. 10].

Непосредственный начальник области был законодательно ограничен в возможности формирования собственной управленческой команды, так же как и генерал-губернатор был ограничен во влиянии на назначение губернаторов. Это приводило к конфликтам между губернаторами и вице-губернаторами, нередко основанным на личных взаимоотношениях. В своем донесении о делах гражданского и военного управления в Семиреченской области правитель канцелярии генерал-губернатора статский советник В. С. Лосевский указывал на жалобы военного губернатора области Г. И. Иванова о «невозможности нести службу» с вице-губернатором Н. А. Аристовым [16, л. 110]. Последний, в письме своему бывшему начальнику — военному губернатору А. Я. Фриде, подробно описывал причины своих конфликтов с Г. И. Ивановым и сложность заседаний и комитетов: «Глухота мешала ему слышать, а недостаток сведений понимать, горячность же и бестактность — были еще тяжелее, потому что приходилось столь искусно направлять прения, чтобы не компрометировать председателя и не задеть его самолюбия» [17, л. 1]. Постоянные конфликты привели к тому, что вице-губернатор и губернатор стали почти избегать взаимодействия друг с другом, игнорируя служебные обязанности и превышая полномочия. Свои эмоции Н. А. Аристов после одного из конфликтов описывал в рапорте генерал-губернатору Г. А. Колпаковскому: «Я был поражен возможностью такого оскорбления и поведения со стороны лица, занимающего столь высокий пост и обязанного ко мне, как к помощнику его по занимаемой им должности» [18, л. 8], просил адресата о распоряжениях в отношении военного губернатора. Г. А. Колпаковский поддерживает в данном конфликте губернатора, считая эмоции Н. А. Аристова преувеличенными, однако отмечает, что «столкновение двух высших представителей власти неудобное и может создать самые искаженные и невероятные слухи, которые дойдут до сведения и центральных органов правительства» [18, л. 10]. Постепенно генерал-губернатор оказывается втянутым в конфликт. Он просит Н. А. Аристова, с которым давно был знаком по службе, перевестись в другую область, обещает в этом поддержку и укоряет в повышенном самонадеянности. Но в это же время Г. И. Иванов доносит военному министру об удалении вице-губернатора от должности (в отпуск), а министру внутренних дел — о том, что Колпаковский хочет поставить вице-губернатором своего родного брата. После этого генерал-губернатор в письме министру внутренних дел Д. А. Толстому подробно описывает все обстоятельства конфликта, не защищая ни одну

из сторон. Министры выразили свою поддержку Г. А. Колпаковскому, отметив горячность молодого военного губернатора. Конфликт закончился отставкой в 1889 г. вице-губернатора Н. А. Аристова, спустя полтора года невыносимого взаимодействия, но уже при другом генерал-губернаторе — М. А. Таубе, а Г. И. Иванов прослужит военным губернатором Семиреченской области еще десять лет — до своей смерти в 1899 г. За это время вице-губернаторы, как его помощники, не задерживались на службе более двух лет, за исключением коллежского советника П. П. Осташкина. Этот чиновник до назначения в Семиреченскую область был Якутским вице-губернатором, по воспоминаниям современников, был «охвачен страстью сделаться губернатором» и строил козни, вместо того, чтобы быть помощником начальника губернии [19, с. 29].

В условиях отсутствия четкого законодательно-го разграничения обязанностей между военным губернатором и вице-губернатором личные взаимоотношения ключевым образом влияют на содержание и эффективность административной деятельности, приводя к проблемам в управлении окраиной. При этом, создавая невозможность влиять на назначения непосредственных помощников, законодатель пытается пресечь злоупотребления на службе в отдаленных окраинах.

На взаимодействие губернаторов и вице-губернаторов и сроки совместной работы влияли не только их личные конфликты, но и взаимодействие «первых леди». Жена вице-губернатора Семипалатинской области статского советника М. Ф. Ладыженского — Ольга Александровна Ладыженская, желая заниматься благотворительностью, не смогла найти общий язык с женой военного губернатора А. Ф. Карпова. Считая ее «в полном смысле слова психопаткой» и не имея доступа к сосредоточенной в руках жены начальника губернии общественной деятельности, Ольга Александровна начала хлопотать за перевод мужа в другой край — и тайне от него просила помощи у княгини А. А. Имеритинской и М. К. Тенишовой, мужья которых были назначены губернаторами в Царство Польское [20, с. 109]. Задуманное ею удалось, и, проработав в Семипалатинске всего два года, М. В. Ладыженский получил назначение витебским вице-губернатором.

В степных областях распределение управления между губернатором и вице-губернатором, в том числе было связано с необходимостью сочетания на слабо инкорпорированных в общеимперское пространство территорий военного и гражданского управления. Высшее должностное лицо области имело статус «военный губернатор», утверждение в должности происходило с одобрения военного министерства, а при вступлении в должность чиновник получал права и обязанности наказного атамана частей казачьего войска. Вице-губернатор представлял гражданскую часть управления. По «Сибирским учреждениям» для управления военной частью у губернатора или областного начальника был необходимый штат, а Положение 1891 г. определяло, что в случае отсутствия или болезни военного губернатора его обязанности только «по гражданскому управлению» исполняет вице-губернатор [21, с. 136–137].

Функционал вице-губернаторов не описан подробно в специальных нормативно-правовых актах по управлению степными областями 1868 и 1891 гг. Законодатель ссылается в первом случае на Си-

бирские учреждения, во втором — на Общие губернские учреждения. Основные обязанности вице-губернатора по Общим губернским учреждениям сводятся к нескольким функциям: замещение начальника области в случае отсутствия, надзор за делами правления (включая переписку) и роль «непосредственного помощника по всем частям управления губернией» [22, с. 179]. Формулярные списки дополняют этот перечень поручениями военного губернатора или генерал-губернатора проведением ревизий губерний, решением продовольственных вопросов переселенцев и раздачей хлеба голодающим, сопровождение выплат пострадавшим от землетрясения в г. Верный. Вице-губернатор Акмолинской области А. И. Дмитриев-Мамонов в 1889 г. был командирован в Петербург для участия в Комиссии по разрешению некоторых дел, вынесенных главным начальником края к центральному учреждению, а в 1891 г. — занимался подготовкой путешествия Цесаревича Николая по Акмолинской области, получив от него в подарок бриллиантовый перстень с вензелем. Вице-губернатор Семипалатинской области В. Г. Котюхов в 1886 г. был командирован к путевой канцелярии генерал-губернатора в Петербург. Вице-губернатор Акмолинской области Г. В. Абаза по поручению генерал-губернатора расследовал секретное дело о пресечении агитации среди казахов на религиозной почве. Все эти чиновники до занятия должности были чиновниками особых поручений при генерал-губернаторе, что может объяснять личное доверие в выполнении секретных и ответственных поручений со стороны генерал-губернатора. В большей части формулярных списков особых поручений не было обнаружено.

За период с 1868 по 1904 г. в должности вице-губернатора на территории Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей побывало 15 человек. Социокультурный портрет чиновников данной группы составлен по формулярным спискам, адрес-календарям и справочникам. Для анализа использовались личностные и карьерные характеристики: происхождение, вероисповедание, образование, семейное положение, возраст, чин и класс при вступлении в должность, опыт работы, срок службы на должности вице-губернатора, дальнейшая карьера.

На момент вступления в должность четверым вице-губернаторам степных областей было больше 50 лет, шестерым — от 40 до 49 лет, четверым — от 36 до 38 лет и одному — до 30 лет. Средний возраст, таким образом, составлял 44 года, что было немногим меньше такого же показателя в губерниях Европейской России и немного старше вице-губернаторов Самарской губернии и Урала [5, с. 50]. Вице-губернатору Акмолинской области (1898–1900) Владимиру Матвеевичу Ергольскому на момент назначения было 57 лет. Самым молодым на момент назначения на должность вице-губернатора Семиреченской области (1889–1892) был 26-летний Владимир Федорович Трепов, младший сын знаменитого градоначальника Петербурга — Ф. Ф. Трепова. К моменту назначения В. Ф. Трепов несколько лет исполнял обязанности помощника военного губернатора Семиреченской области Г. И. Иванова, однако назначение молодого чиновника на ответственную должность и краткий срок пребывания в ней оставляет впечатление скорее необходимости формального продвижения по службе и в чинах, чем поощрения за какие-то заслуги. По данным о вице-губернаторах Европейской России средний возраст

вступления в должность также составлял 41–45 лет [23, с. 215], на Урале в конце XIX века половина состава была старше 50 лет [7, с. 197]. В целом, тенденция в степных областях соответствовала общей практике назначения на должность возрастных чиновников, имеющих за плечами длительный опыт работы на государственной службе.

Из 15 вице-губернаторов только один был римско-католического вероисповедания — действительный статский советник Георгий Петрович Пелино, происходил из иностранцев и был одним из немногих представителей римско-католической веры на службе в Западной Сибири. Все остальные вице-губернаторы имели православное вероисповедание, что также соответствует общеимперской тенденции. Несмотря на преобладание в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях мусульманского населения, это практически не отразилось ни на составе вице-губернаторского корпуса, ни чиновничества губернских правлений.

Происхождение чиновников, занимавших должность вице-губернатора, может дать данные о сословной принадлежности служащих, с одной стороны, и месте рождения — с другой. Во внутрироссийских губерниях во второй половине XIX века к потомственным дворянам относились 93,7 % вице-губернаторов [23, с. 216], в степных областях этот показатель за изучаемый период значительно ниже — 50 %. Это объясняется тем, что служба на окраине, как и в Сибири, в целом была менее престижна. В составе корпуса вице-губернаторов служило четверо выходцев из офицерских детей, что объяснялось значительным присутствием и ролью военного контингента в степных областях, а также — двое представителей духовенства, один иностранец и один сын стационного смотрителя. Возможность для представителей недворянских сословий дослужиться до статуса вице-губернатора — также является одной из специфических черт сибирской службы, в которой происхождение не играло определяющей роли для продвижения по службе и назначения на должность.

Данные о семейном положении имеются у 13 чиновников, все из которых были женаты, только один разведен, у десяти из них имелись дети, причем чаще всего они были многодетными отцами. Анализируя вице-губернаторский корпус Урала, С. В. Любичанковский выдвигает тезис о том, что «правительство предпочитало назначать на столь важный в губернской администрации пост мужчин с устроенной семейной жизнью» [7, с. 198]. Даже будучи женатым человеком, вице-губернатор на окраине далеко не всегда находился с семьей, оставляя ее в центральных губерниях.

Важный параметр для профессиональной характеристики чиновника — классный чин. Современные исследователи отмечают, что должность вице-губернатора обычно соответствовала 5 классу Табели о рангах или статскому советнику [24, с. 758]. П. А. Зайончковский отмечает, что на 1853 г. «подавляющее большинство» вице-губернаторов имели чин 5 класса [23, с. 161], а к 1903 г. — почти половина вице-губернаторов относились к 4 классу, являясь действительными статскими советниками. На Урале большинство назначаемых на должность имели 6 или 5 класс чина [7, с. 201]. Среди вице-губернаторов степных областей на момент назначения были практически в равной степени представлены чины 4, 5 и 6 класса: 33 % чиновников имели чин действительного статского советника,

26 % — статского советника (один из них имел и придворное звание камер-юнкера) и столько же — коллежского советника или равный чин в воинском звании полковника. Два вице-губернатора при назначении имели чин 7 класса: надворного советника или подполковника. Региональная специфика окраины отчасти сохраняется — чиновники меньшего ранга становятся вице-губернаторами.

Для характеристики профессионализма чиновника на службе мы можем опираться на три основных критерия: образование, опыт службы по министерству внутренних дел и опыт службы на окраинных территориях. Для рассмотрения сочетания военного и гражданского управления степных областей играет роль и характер образования и предшествующего назначению опыта — военного или гражданского. Из 14 вице-губернаторов семь чиновников имели высшее гражданское образование и двое — среднее. Среди них было два выпускника Харьковского университета, три выпускника «со степенью кандидата» Казанского университета, по одному выпускнику Московского университета, Санкт-Петербургского земледельческого института и Императорского Александровского лицея. Военное образование имели 5 вице-губернаторов, или треть из всего состава — что абсолютно совпадает с данными о вице-губернаторах внутрироссийских губерний и Урала. Данные об образовании подтверждают эффективность вице-губернатора как управленца гражданской частью, в отличие от военного губернатора.

Несмотря на то, что большая часть вице-губернаторов родилась и получила образование за пределами сибирских и степных территорий, их служба была тесно связана с окраинной территорией с самого начала карьеры. Вице-губернатор Семипалатинской области (1889–1896) Н. Н. Петухов, уроженец Сибири, начал свою службу в 1854 г. в областном правлении области сибирских киргизов в должности столоначальника, с 1861 г. перешел в штат Тобольского губернского правления и прошел путь от столоначальника до чиновника по особым поручениям. В 1870-е гг. он руководил почтовой телеграфной конторой в г. Каинске (это была одна из технически передовых сфер управления), а в 1881 г. — вернулся в Томскую губернию на должность председателя губернского правления [25]. Еще один уроженец Сибири — вице-губернатор Семипалатинской области (1869–1872) К. С. Безносиков начал гражданскую службу в Томской губернии в 1838 г., а через 2 года перешел на военную службу в Восточной Сибири — офицером для особых поручений при генерал-губернаторе. После смены генерал-губернаторов К. С. Безносиков был прикомандирован к Генеральному штабу и отправлен для исследования по вопросу о проведении железнодорожных путей в Среднюю Азию. Спустя 20 лет военной службы при Генеральном штабе, он вернулся на гражданскую службу в Семипалатинскую область [26, с. 130–131]. Похожей была и предшествующая получению должности карьера вице-губернатора Семипалатинской области (1885–1889) В. Г. Котюхова — с 1867 по 1882 г. он проходил военную службу при Штабе Туркестанского военного округа, участвуя в Бухарской кампании и походе на Хиву, а после — уволившись от военной службы с назначением чиновником особых поручений [27, л. 37–76].

Вице-губернатор Семиреченской области (1881–1889) Н. А. Аристов начал службу в штате

Тобольского губернского правления на должности участкового заседателя, затем — в казенной палате, а с 1868 г. — в Семиреченском областном правлении, пройдя путь от делопроизводителя и чиновника особых поручений до вице-губернатора [28, л. 64–85]. На момент конфликта с военным губернатором Г. И. Ивановым Н. А. Аристов прослужил в Семиреченской области более 20 лет. После отставки он написал исторические работы об англо-афганских отношениях конца XIX в. и этнографические работы о народах Средней Азии. Другой вице-губернатор Семиреченской области (1894–1917) П. П. Осташкин начал службу в судебной системе Восточной Сибири — Канском и Красноярском окружном суде, после несколько лет работал в Бийском и Енисейском общем гражданском управлении. В 1877 г. получил должность чиновника особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири, а с 1880 г. служил вице-губернатором Якутской области [29, л. 33–59].

Профессиональными вице-губернаторами, которые работали на аналогичных должностях не только в степном крае, были трое чиновников. Вице-губернатор Акмолинской области (1872–1885) М. Н. Курбановский на протяжении девяти лет — с 1863 по 1872 гг. служил председателем Тобольского губернского правления (должность по Сибирским учреждениям была аналогична должности вице-губернатора) [30]. Вице-губернатор Акмолинской области (1885–1898) А. И. Дмитриев-Мамонов, прослуживший почти всю жизнь в Сибири, в течение четырех лет был Томским, а затем — Тобольским председателем губернского правления [31]. Вице-губернатор Семипалатинской области (1898–1907) Н. Ф. Ницкевич в течение четырех лет до занятия должности служил вице-губернатором Забайкальской губернии [32], а вице-губернатор Акмолинской области (1901–1907) Г. В. Абаза одиннадцать лет служил чиновником особых поручений при Степном генерал-губернаторе [33].

Анализируя опыт, предшествующий назначению на должность, мы можем говорить о достаточно высокой компетентности вице-губернаторов степных областей. К моменту исполнения обязанностей председателей правления или помощников военного губернатора в степных областях, в среднем они прослужили более 15 лет в гражданской службе и 12 лет — в Сибири или степных областях. Перемещения вице-губернаторов происходили и между губерниями Западной Сибири и степными областями. Например, 16 сентября 1889 г. по неизвестным соображениям начальства председатель Томского губернского правления Н. Н. Петухов был перемещен вице-губернатором Семипалатинской области, а оттуда на его место прибыл В. Г. Котюхов. Возможно, это может быть связано с отставкой генерал-губернатора Г. А. Колпаковского 24 октября 1889 г. или сменой губернаторов Томской губернии.

Траектории территориального трансфера вице-губернаторов представляют, в основном, внутренний трансфер между степными областями и Томской и Тобольской губерниями. Из Восточной Сибири были перемещены в степные области три вице-губернатора, из внутрироссийских губерний (с иных должностей гражданской службы) — двое. Опыт военной службы на западных окраинах имел вице-губернатор Семиреченской области (1892–1894) П. И. Каталей — в качестве адъютанта Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернаторов. Характеризуя типологию карьерной

траектории вице-губернаторов степных областей в изучаемый период, невозможно применить предложение А. В. Ремнева об особом типе «окраинного чиновника» [34, с. 11], т.к. большая часть трансфера была внутренним в генерал-губернаторстве. Однако, обращая внимание на опыт, а также наличие исследователей и ученых, профессионально занимавшихся не только государственной службой, можно говорить о причислении некоторых вице-губернаторов к типу «колониционных экспертов» [35, с. 71]. Длительное пребывание в управленческой команде окраинных территорий, решение важных вопросов гражданского управления инородцами, преодоление последствий катастроф (таких, как землетрясение в г. Верный) — позволяли сформировать полноценное представление о регионе, необходимое для качественного управления.

Реконструируя карьерные биографии, важным представляется понимание роли должности вице-губернатора в карьере чиновника. Продолжительность службы на должности в среднем составляла шесть лет, причем из 15 вице-губернаторов семь человек (46 %) прослужили менее 5 лет. Это значительно меньший показатель, чем во внутрироссийских губерниях во второй половине XIX века — по исследованиям П. А. Зайончковского, он равнялся 70 %. Больше 5 лет во внутрироссийских губерниях прослужили только 30 % вице-губернаторов, в то время как в степных областях вдвое больше — 64 %. Дольше всего продолжалась служба вице-губернаторов Акмолинской области М. Н. Курбановского и А. И. Дмитриева-Мамонова — по 13 лет, и вице-губернатора Семипалатинской области В. Л. Чернавина — 14 лет, чаще всего сменялись вице-губернаторы Семиреченской области в изучаемый период. О продолжении карьеры имеются данные об 11 чиновниках. Для пяти из них это стало последним местом службы, двое — умерли на рабочем месте, а трое — ушли в отставку. Еще трое чиновников — продолжили службу в Западной Сибири или степных областях на должностях вице-губернаторов других областей (Г. В. Абаза еще 10 лет прослужил Семипалатинским вице-губернатором, а Н. Ф. Ницкевич — Акмолинским), или получили повышение (Г. В. Пелино получил назначение Тобольским губернатором). М. В. Ладыженский продолжил службу вице-губернатором в западных окраинах, а В. Ф. Трепов — в министерстве внутренних дел. Рассматривая траекторию карьеры, стоит отметить, что для гражданского чиновника в степной области должность вице-губернатора была вершиной карьеры в регионе — военным губернатором он стать не мог, в отличие от внутрироссийских губерний — в Вятской губернии в аналогичный период «половина губернаторов были назначены управлять губернией с должности губернатора» [36, с. 59]. Предполагаем, что именно с этим связано длительное пребывание на должностях в сравнении с внутрироссийскими губерниями.

Заключение. Типичный вице-губернатор степной области — чиновник 43 лет, православного вероисповедания, дворянин из внутрироссийской губернии, женат, отец двух и более детей. Он получил высшее, скорее гражданское, образование и имел пятый классный чин — статского советника, как и его коллеги в внутрироссийских и уральских губерниях. В отличие от них, он не был помещиком и не имел никакого имущества, а жалование составляло основной источник его существования.

К моменту назначения он уже проработал более десяти лет в Сибири или степных областях и примерно столько же — на гражданской службе, и точно представлял, что такое окраина Российской империи. На службе он нередко сталкивался со сложностями выстраивания коммуникации с военным губернатором.

В отличие от своих коллег из других регионов, он имел статус председателя правления и управлял основной частью гражданских чиновников в области. Скорее всего, он понимал невозможность дальнейшего карьерного роста в рамках степной области, лишь временно исполняя место начальника области в период его отсутствия.

Положение об управлении степными областями 1891 г. регламентировало основные действия вице-губернатора и областного правления общими губернскими учреждениями, что говорит о снижении самостоятельности данных чиновников и приравнивании системы управления Акмолинской и Семипалатинской областей к общеимперским порядкам. Формально имея статус «председателя правления», фактически полномочия вице-губернатора степных областей были незначительно шире, чем во внутрироссийских губерниях, где губернатор не был отделен от руководства правлением. Скорее ситуация ограничивала в возможностях военного губернатора, который не мог напрямую управлять правлением и нуждался в поиске компромисса и сотрудничестве с гражданским чиновником, а отсутствие четкого разделения обязанностей между элементами управленческой элиты снижало эффективность административной деятельности.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Управленческая элита Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств: механизмы и практики построения общественно-государственного диалога (конец XIX — начало XX вв.)», проект № 20-39-90024.

Библиографический список

1. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 422 с. ISBN 5-7692-0180-0.
2. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи: (XVIII — начало XX века). Москва: Изд-во МПГУ, 2001. 358 с. ISBN 5-7042-0972-6.
3. Гермизеева В. В. Генерал-губернаторы Степного края (1882 — 1917) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 2. С. 66 — 72. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-66-72. EDN: XAZXAY.
4. Гермизеева В. В. Генерал-губернаторские и губернаторские обозрения Западной Сибири и Степного края: дискуссия об эффективности // Северные Архивы и Экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 96 — 105. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-3-96-105. EDN: CLXFSV.
5. Тюрин В. А. Самарские вице-губернаторы второй половины XIX в.: властные полномочия, социокультурная характеристика // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 46 — 52. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-1-46-52. EDN: CAUUCO.
6. Иванов В. А. Образовательный уровень местного российского чиновничества в середине XIX в. (по материалам Московской, Калужской и Тверской губерний) // Преподаватель XXI век. 2009. № 3-1. С. 149 — 156. EDN: LKDTRT.
7. Любичанковский С. В. Вице-губернаторский корпус Урала в конце XIX — начале XX в. (Социокультурная характеристика) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. № 41. С. 193 — 206. EDN: JVNKAV.
8. Полное собрание законов Российской империи. В XLV (50) т. Т. IV. Собр. I. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. 890 с.
9. Энциклопедический словарь. Брокгауза и Ефрона. В XLIA (86) т. Т. VIa. Санкт-Петербург: Тип. И. А. Ефрона, 1892. 944 с.
10. Бикташева А. Н. Правовое положение губернатора в период становления министерского управления в Российской империи // Вестник экономики, права и социологии. Серия: Право. 2011. № 1. С. 110 — 114. EDN: STVQYL.
11. Гессен В. М. Вопросы местного управления. Санкт-Петербург: Тип. и лит. А. Е. Ландау, 1904. 235 с.
12. Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII — XIX вв.: историко-географическое исследование: моногр. Москва: Изд-во ИРИ РАН; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 244 с. ISBN 978-5-8055-0274-4.
13. Сибирь в составе Российской империи / редкол. Миллер А. И. (председатель), И. Л. Дамешек [и др.]; отв. ред.: Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. Москва: НЛО, 2007. 368 с. ISBN 5-86793-510-8.
14. Полное собрание законов Российской империи. В LV (129) т. Т. XLIII. Собр. II. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1873. 765 с.
15. Гарбуз Г. В. Место губернатора в бюрократическом аппарате позднеимперской России // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 2. С. 9 — 13. EDN: SNUHNX.
16. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 825. Оп. 1. Д. 53.
17. ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 23.
18. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 405.
19. Дамешек И. Л., Архипова А. И. Компетенция власти в имперском пространстве на северо-востоке России: генерал-губернатор, губернатор, вице-губернатор и проблемы взаимодействия // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 22. С. 23 — 31. EDN: ZULERR.
20. Еропкина О. И. Ладыженские // Тульский краеведческий альманах. 2005. № 3. С. 107 — 113.
21. Полное собрание законов Российской Империи. В XXXIII (48) т. Т. XI. Собр. III. 1 марта 1881 — 1913 гг. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1894. 1410 с.
22. Свод законов Российской империи. В 34 т. Т. 2. Часть I. Общее губернское учреждение. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. 1474 с.
23. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва: Мысль, 1978. 288 с.
24. Раскин Д. И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX в. // Из истории русской культуры. В 5 т. Т. 5. XIX век. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 662 — 831. ISBN 5-7859-00004-1.
25. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 2. Д. 557.
26. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: проблемы социальной стратификации: моногр. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с. ISBN 5-7855-0133-2.
27. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 2. Д. 413.
28. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн.1 Д. 394.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 1. Д. 3267.
30. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф.3. Оп. 8. Д. 12539.
31. ЦГА РК. Ф. 64. Оп.2. Д. 310.
32. РГИА. Ф. 1349. Оп.1. Д. 3136.

33. РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 341.

34. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX—начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. Москва: МОНФ, 2001. 414 с. ISBN 5-8955-4210-7.

35. Суворова Н. Г. Колонизационные процессы азиатских окраин в позднеимперский период в оценках раннесоветских экспертов // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 1. С. 70–77. DOI: 10.15372/HSS20200110.

36. Смирнова А. А. Организация взаимодействия губернаторов, вице-губернаторов и правителей канцелярии в конце XIX—начале XX в. в Вятской губернии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3-1. С. 58–31. EDN: PZFBGH.

МИХАЙЛЕНКО Елизавета Ивановна, преподаватель кафедры отечественной истории, социологии

и политологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

SPIN-код: 5255-6125

AuthorID (РИНЦ): 1074080

ORCID: 0000-0002-0295-1139

Адрес для переписки: elizaveta-mihailenko@mail.ru

Для цитирования

Михайленко Е. И. Вице-губернатор в системе управленческой элиты степных областей Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств во второй половине XIX—начале XX века // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 88–96. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-88-96.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024 г.

© Е. И. Михайленко

THE VICE-GOVERNOR IN THE SYSTEM OF THE ADMINISTRATIVE ELITE OF STEPPE REGIONS IN THE WEST SIBERIAN AND STEPPE GENERAL-GOVERNORSHIPS IN THE SECOND HALF OF THE XIX—BEGINNING OF XX CENTURY

The article analyzes the position of Vice-governor in the system of administrative elite of Akmola, Semipalatinsk and Semirechensk regions of the Russian Empire. Using the normative-legal base of local institutions of these regions, the «formal» position of officials in this position in the general structure of administrative power is characterized. Management in steppe regions is characterized by remoteness of territories from the center of decision-making, high share of nomadic population, marginal position. In this regard, the peculiarities of the position of Vice-governors in the steppe regions and in the interior of Russia are revealed. One of the important features of the service of these officials is the combination of military and civil power in the steppe regions and the lack of a clear division of responsibilities between the elements of the administrative elite. For the socio-cultural characterization of the composition of the Vice-governor corps we used the form lists and personal files of officials kept in the archives: the Historical Archive of the Omsk Region, the Russian State Historical Archive and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. These data are published for the first time. The article concludes with a socio-cultural portrait of a typical Vice-governor of a steppe region, an analysis of the typical career trajectories of the official and a comparison of the scope of authority with similar officials from internal Russian provinces.

Keywords: historical anthropology, collective portrait, prosopography, Vice-governor, West Siberian Governor-General, Steppe Governor-General, Steppe region, Akmola region.

Acknowledgments

The research is carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project «Managerial elite of the West Siberian and Steppe General Governments: mechanisms and practices of building public-state dialogue (late 19th – early 20th centuries)», project No. 20-39-90024.

References

1. Matkhanova N. P. General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V. Ya. Rupert, N. N. Murav'yev-Amurskiy, M. S. Korsakov [Governors-General of Eastern Siberia in the mid-19th century: V. Ya. Rupert, N. N. Muravyov-Amursky, M. S. Korsakov]. Novosibirsk, 1998. 422 p. ISBN 5-7692-0180-0. (In Russ.).
2. Lysenko L. M. Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy Imperii: (XVIII—nachalo XX veka) [Governors and governors general of the Russian Empire: (XVIII—early XX centuries)]. Moscow, 2001. 358 p. ISBN 5-7042-0972-6. (In Russ.).
3. Germizyeva V. V. General-gubernatory Stepnogo kraia (1882—1917) [Governor-General of the Steppe Territory (1882—1917)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 66—72. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-66-72. EDN: XAZXAY. (In Russ.).
4. Germizyeva V. V. General-gubernatorskiye i gubernatorskiye obozreniya Zapadnoy Sibiri i Stepnogo kraia: diskussiya ob effektivnosti [Governor-general and governor's reviews of Western Siberia and the Steppe territory: a debate on efficiency] // Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii. *Northern Archives and Expeditions*. 2022. Vol. 6, no. 3. P. 96—105. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-3-96-105. EDN: CLXFSV. (In Russ.).
5. Tyurin V. A. Samarskiye vitse-gubernatory vtoroy poloviny XIX v.: vlastnyye polnomochiya, sotsiokul'turnaya kharakteristika [Samara vice-governors of the second half of the XIX century: powers, socio-cultural characteristics] // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2023. Vol. 29, no. 1. P. 46—52. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-1-46-52. EDN: CAUUCO. (In Russ.).
6. Ivanov V. A. Obrazovatel'nyy uroven' mestnogo rossiyskogo chinovnichestva v seredine XIX v. (po materialam Moskovskoy, Kaluzhskoy i Tverskoy guberniy) [Educational level of local Russian officials in the middle of the 19th century

(based on materials from Moscow, Kaluga and Tver provinces)] // *Prepodavatel' XXI vek. Prepodavatel' XXI Vek*. 2009. No. 3-1. P. 149–156. EDN: LKDTRT. (In Russ.).

7. Lyubichankovskiy S. V. Vitse-gubernatorskiy korpus Urala v kontse XIX – nachale XX v. (Sotsiokul'turnaya kharakteristika) [Vice-governor's corps of the Urals at the end of the 19th – beginning of the 20th century (Sociocultural characteristics)] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki. Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2006. No. 41. P. 193–206. EDN: JVNKAV. (In Russ.).

8. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. V XLV (50) t. T. IV. Sobr. I [Complete collection of laws of the Russian Empire. In XLV (50) vols. Vol. IV. Collection I]. Saint Petersburg, 1830. 890 p. (In Russ.).

9. Entsiklopedicheskiy slovar'. Brokgauza i Efrona. V XLIIA (86) t. T. VIa. [Encyclopedic Dictionary. Brockhaus and Efron. In XLIIA (86). Vol. VIa]. Saint Petersburg, 1892. 944 p. (In Russ.).

10. Biktasheva A. N. Pravovoye polozheniye gubernatora v period stanovleniya ministerskogo upravleniya v Rossiyskoy Imperii [Legal status of a governor in the period of formation of cabinet government in the Russian Empire] // *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. Seriya: Pravo. The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2011. No. 1. P. 110–114. EDN: STVQYL. (In Russ.).

11. Gessen V. M. Voprosy mestnogo upravleniya [Local government issues]. Saint Petersburg, 1904. 235 p. (In Russ.).

12. Bekmakhanova N. E. Prisoyedineniye Tsentral'noy Azii k Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX vv.: istoriko-geograficheskoye issledovaniye [The annexation of Central Asia to the Russian Empire in the 18th–19th centuries: a historical and geographical study]. Moscow; Saint Petersburg, 2015. 239 p. (In Russ.).

13. Sibir' v sostave Rossiyskoy Imperii [Siberia within the Russian Empire] / ed. board A. I. Miller, I. L. Dameshek [et al.], resp. ed. L. M. Dameshek, A. V. Remnev. Moscow, 2007. 362 p. ISBN 5-86793-510-8. (In Russ.).

14. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. V LV (129) t. T. XLIII. Sobr. II. 12 Dekabrya 1825–28 Fevralya 1881 gg. [Complete collection of laws of the Russian Empire. In LV (129). Vol. XLIII. Collection II. December 12, 1825–February 28, 1881]. Saint Petersburg, 1873. 765 p. (In Russ.).

15. Garbuz G. V. Mesto gubernatora v byurokraticheskom apparate pozdneimperskoy Rossii [The place of the governor in the bureaucracy of late Imperial Russia] // *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. Vestnik of Penza State University*. 2014. No. 2. P. 9–13. EDN: SNUHXX. (In Russ.).

16. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK) [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK)]. File: 825/1/ 53. (In Russ.).

17. TsGA RK [CSA RK]. File: 825/1/23. (In Russ.).

18. TsGA RK [CSA RK]. File: 64/1/405. (In Russ.).

19. Dameshek I. L., Arkhipova A. I. Kompetentsiya vlasti v imperskom prostranstve na severo-vostoke Rossii: general-gubernator, gubernator, vitse-gubernator i problemy vzaimodeystviya [The competence of the authorities in the imperial space in the northeast of Russia: the governor-general, the governor, the vice-governor and the problems of interaction] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. 2017. Vol. 22. P. 23–31. EDN: ZULERR. (In Russ.).

20. Eropkina O. I. «Ladyzhenskiye» [«Ladyzhenskiye»] // *Tul'skiy krayevedcheskiy al'manakh. Tula Local History Almanac*. 2005. No. 3. P. 107–113. (In Russ.).

21. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. V XXXIII (48) t. T. XI. Sobr. III. 1 Marta 1881–1913 gg. [Complete collection of laws of the Russian Empire. In XXXIII (48) vols. Vol. XI. Collection III. March 1, 1881–1913]. Saint Petersburg, 1894. 1410 p. (In Russ.).

22. Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. V 34 t. T. 2. Chast' I. Obshcheye gubernskoye uchrezhdeniye [Code of laws of the

Russian Empire. In 34 vols. Vol. 2. Part I. General provincial institution]. Saint Petersburg, 1857. 1474 p. (In Russ.).

23. Zayonchkovskiy P. A. Pravitel'stvennyy apparat samodержavnoy Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow, 1978. 288 p. (In Russ.).

24. Raskin D. I. Istoricheskiye realii rossiyskoy gosudarstvennosti i russkogo grazhdanskogo obshchestva v XIX v. [Historical realities of Russian statehood and Russian civil society in the 19th century] // *Iz istorii russkoy kul'tury*. V V (5) t. T. V. XIX vek. [From the history of Russian culture. In 5 vols. Vol. 5. XIX century]. Moscow, 1996. 848 p. (In Russ.).

25. TsGA RK [CSA RK]. File: 64/2/557. (In Russ.).

26. Matkhanova N. P. Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX veka: Problemy sotsial'noy stratifikatsii [Higher administration of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: Problems of social stratification]. Novosibirsk, 2002. 250 p. ISBN 5-7855-0133-2. (In Russ.).

27. TsGA RK [CSA RK]. File: 64/2/413. (In Russ.).

28. TsGA RK [CSA RK]. File: 64/1/1/394. (In Russ.).

29. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 1349/1/3267. (In Russ.).

30. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO)]. File: 3/8/12539. (In Russ.).

31. TsGA RK [CSA RK]. File: 64/2/310. (In Russ.).

32. RGIA [RSHA]. File: 1349/1/3136. (In Russ.).

33. RGIA [RSHA]. File: 1349/6/341. (In Russ.).

34. Remnev A. V. Imperskoye upravleniye aziatskimi regionami Rossii v XIX – nachale XX vekov: nekotoryye itogi i perspektivy izucheniya [Imperial management of the Asian region of Russia in the 19th – early 20th centuries: some results and prospects for studying] // *Puti poznaniya istorii Rossii: novyye podkhody i interpretatsii* [Ways of knowing the history of Russia: new approaches and interpretations]. Moscow, 2001. 414 p. (In Russ.).

35. Suvorova N. G. Kolonizatsionnyye protsessy aziatskikh okrain v pozdneimperskiy period v otsenkakh rannesovetskikh ekspertov [Late imperial colonization in estimates of early soviet experts] // *Gumanitarnyye nauki v Sibiri. Humanitarian Sciences in Siberia*. 2020. No. 1. P. 70–77. DOI: 10.15372/HSS20200110. (In Russ.).

36. Smirnova A. A. Organizatsiya vzaimodeystviya gubernatorov, vitse-gubernatorov i praviteley kantselyarii v kontse XIX – nachale XX v. v Vyatskoy gubernii [Organization of interaction between governors, vice-governors and chancellery rulers at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. in Vyatka province] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Herald of Vyatka State University*. 2012. No. 3. P. 58–31. EDN: PZFBGH. (In Russ.).

MIKHAILENKO Elizaveta Ivanovna, Lecturer of National History, Political Science and Sociology Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk. SPIN-code: 5255-6125

AuthorID (RSCI): 1074080

ORCID: 0000-0002-0295-1139

Correspondence address: elizaveta-mihailenko@mail.ru

For citations

Mikhailenko E. I. The Vice-governor in the system of the administrative elite of steppe regions in the West Siberian and Steppe General-Governorships in the second half of the XIX – beginning of XX century // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 88–96. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-88-96.

Received February 05, 2024.

© E. I. Mikhailenko

УДК 94(47)(092)+929
 DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-97-105
 EDN: SZXNYU

М. В. КРОТОВА

Санкт-Петербургский государственный
 экономический университет,
 г. Санкт-Петербург

«СИБИРСКИЙ САТРАП» М. М. ЛАШЕВИЧ И ЕГО СМЕРТЬ В ХАРБИНЕ

Статья посвящена советскому политическому деятелю М. М. Лашевичу (1884–1928) — участнику революции и Гражданской войны, председателю Сибревкома. Актуальность исследования связана с тем, что его деятельность на посту товарища председателя Правления КВЖД в 1926–1928 гг. мало известна, как и причины смерти в Харбине. Цель статьи — реконструкция финального периода жизни Лашевича в контексте советского присутствия в Китае, причем акцент сделан на восприятии личности Лашевича русской эмиграцией в Маньчжурии, обстоятельства его кончины и посмертной биографии с использованием антропологического подхода и биографического метода. Основой исследования стали неопубликованные источники, эго-документы и материалы периодики Харбина. Автор подчеркивает, что изучение таких неординарных фигур, как Лашевич, имеет значение не только для понимания советской политики в Китае, но и для выяснения проблем восприятия и оценки деятельности советских лидеров идейными противниками.

Ключевые слова: историческая антропология, евреи, М. М. Лашевич, КВЖД, Маньчжурия, Харбин, русская эмиграция, Русская революция, Гражданская война.

Постановка проблемы. М. М. Лашевич (1884–1928) — один из «старых» большевиков, член партии с 1901 г. — несомненно, был значительной фигурой в советском руководстве 1920-х гг. Его краткая биография есть во всех справочниках по истории революционного движения и Гражданской войны [1, с. 323; 2, с. 285; 3, с. 266; 4, с. 194; 5, с. 176–178; 6, с. 453–454; 7, с. 28]. Его имя, связанное с участием в «троцкистско-зиновьевской оппозиции», упоминается в исследованиях, посвященных внутрипартийной борьбе в большевистском руководстве [8, 9]. Однако все сведения о Лашевиче в открытых источниках касаются его участия в революции и Гражданской войне, а также его работе в качестве председателя Сибревкома и участия в оппозиции. Деятельность Лашевича на должности товарища председателя Правления КВЖД в 1926–1928 гг. не привлекла внимания историков, хотя его назначение на этот пост и последующее пребывание в Маньчжурии имеет большое значение для понимания внешней политики СССР в Китае. К тому же в биографических справках о Лашевиче указаны разные даты и причины его смерти (автомобильная катастрофа, самоубийство и др.), что породило множество спекуляций на эту тему.

Немаловажным аспектом является также то обстоятельство, что Лашевичу пришлось жить и работать в Харбине в окружении русских эмигрантов, многие из которых были участниками Гражданской

войны на востоке России по другую сторону баррикад, тех самых белогвардейцев-колчаковцев, против кого совсем недавно воевал Лашевич. Поэтому его появление и дальнейшее пребывание в Маньчжурии вызвало пристальный интерес русской колонии Харбина. Внимание к фигуре Лашевича нашло отражение на страницах прессы Харбина, дневников и мемуаров эмигрантов. Использование этих источников расширяет представление о новой советской элите. Использование антропологического подхода и биографического метода представляется важным для понимания особенностей советской политики в Китае.

Основная часть. Михаил Михайлович Лашевич (Моисей Гаскович) родился в 1884 г. в Одессе в купеческой семье. В справочниках и энциклопедиях указано, что он учился в гимназии, но был исключен из нее за пропаганду, однако в личном деле 1921 г. Лашевич о себе собственноручно указал: профессиональный революционер, мещанин, еврей, родной язык русский, образование — Одесское техническое училище, исключен из последнего класса [10, л. 1]. С. Р. Грансберг в своих воспоминаниях упоминала, что Лашевич обучался в ремесленном училище общества «Труд», почему и получил кличку «Мишка трудник» [11, с. 32]. А. Г. Протасов на основе архивных документов дополняет сведения о Лашевиче: служил в банке, был сионистом [12, с. 327].

Лашевич считался «старым большевиком», так как вступил в РСДРП в 1901 г., а после II съезда партии в 1903 г. примкнул к большевикам. Был членом комитетов РСДРП в Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Петербурге [5, с. 177]. Многократно арестовывался, сидел в тюрьмах, отбывал ссылку в Вологодской губернии и Нарымском крае. Товарищи по ссылке позже вспоминали его как энергичного, хорошего товарища, весельчака, «огненного парня» [13, л. 1, 3]. Во время Первой мировой войны он был мобилизован, на фронте был дважды ранен, дослужился до старшего унтер-офицера. Был избран в Учредительное собрание от Псковского и Юго-Западного фронта округов по списку большевиков [12, с. 327]. В 1917 г., оказавшись в Петрограде, стал непосредственным участником октябрьского вооруженного восстания, командовал частями Кексгольмского полка и балтийскими матросами, которые в ночь на 25 октября 1917 г. захватили телеграф, телефонную станцию, Госбанк, казначейство и почту.

С апреля 1918 г. деятельность Лашевича была связана с Красной армией. 30 ноября 1918 г. он был назначен командующим 3-й армией и членом ее РВС. Руководил военными операциями до 5 марта 1919 г., в том числе оборонительными боями за Пермь. В отступлении частей РККА в конце декабря 1918 г. комиссия под руководством Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина в январе 1919 г. обвинила Лашевича [4, с. 194]. Тем не менее он продолжал занимать высокие должности: в марте – августе 1919 г. был членом РВС Восточного фронта; с середины августа по октябрь 1919 г. — член РВС Южного фронта, затем до августа 1920 г. — 7-й армии, до ноября — 15-й армии. Таким образом, Лашевич принимал активное участие в борьбе советской власти против армий Колчака, Деникина и Юденича. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красного знамени (в 1920 и в 1926 гг.). В июле 1920 г. Лашевич присутствовал на открытии II Конгресса Коминтерна в Ленинграде, его изображение запечатлено на картине Исаака Бродского «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна во дворце Урицкого в Ленинграде». В ноябре 1920 г. он был демобилизован и направлен для работы в Петроград, работал в Петроградском совете рабочих и красноармейских депутатов (Петросовете). В декабре 1920 г. по решению Петросовета Лашевича направили в распоряжение Совнархоза [10, л. 12].

В 1921 г. выехал в Сибирь, в Новониколаевск, где стал членом Сиббюро ЦК РКП(б), членом РВС Западно-Сибирского военного округа. С 30 мая 1922 по 2 декабря 1925 г. Лашевич занимал пост председателя Сибревкома, который являлся высшим органом центральной власти РСФСР в Сибири. Территория, подчиненная Сибревкому, была огромной и охватывала 7 губерний — Омскую, Томскую, Алтайскую, Семипалатинскую, Енисейскую, Иркутскую, Якутскую. Задачами Сибревкома была не только организация советской власти на местах, но и борьба с разрухой и бандитизмом, восстановление транспорта и промышленности. По всей видимости, Лашевич немало сделал для восстановления народного хозяйства в Сибири [14]. По воспоминаниям С. Р. Грансберг, жены Христофора Давидовича Грансберга, председателя Омского губисполкома, Лашевич («маленького роста, толстенький, затянутый в военную форму») в начале 1920-х гг. часто приезжал в Омск из Новониколаевска и, шутя, называл себя «сибирским сатрапом»,

а Омскую губернию — «деспотией» Грансберга [11, с. 32]. В 1925 г. пароход «Богатырь» в Новониколаевске был переименован в «Михаил Лашевич» в честь председателя Сибревкома [15, с. 349].

Когда 31 октября 1925 г. умер народный комиссар по военным и морским делам М. В. Фрунзе, Лашевич, по словам его друзей, рассчитывал, что наркомом назначат его [11, с. 32]. Но назначили К. Е. Ворошилова, а Лашевич 6 ноября 1925 г. стал заместителем наркома по военным и морским делам. Еще со времен революции Лашевич был близок к Г. Е. Зиновьеву, Л. Б. Каменеву и другим членам оппозиции. С. Р. Грансберг считала, что Лашевич не был троцкистом, но терпеть не мог Сталина. Он рассказывал, что во время наступления Юденича на Петроград из Москвы в помощь партийной организации был прислан Сталин. Но он так «помогал», что военное командование взмолилось, чтобы его убрали, что и было сделано [11, с. 32]. Известно так называемое «дело Лашевича» — нелегальное собрание оппозиции под Москвой в дачной местности по Савеловской железной дороге 6 июня 1926 г., где он выступил с докладом, после чего был выведен из состава ЦК ВКП(б), снят с поста заместителя председателя РВС, ему было запрещено в течение двух лет занимать ответственные посты [8, с. 166]. В результате этих событий некоторые члены оппозиции были отправлены в «почетные ссылки». Так, Каменев в ноябре 1926 г. стал полпредом в Италии, а Лашевич отправлен в Харбин в качестве товарища (заместителя) председателя Правления КВЖД.

В иерархии КВЖД это был очень высокий пост, так как, согласно советско-китайским соглашениям 1924 г., КВЖД должна была управляться на паритетных началах, причем председателем Правления КВЖД должен был быть китаец, а товарищем председателя (товпредом) — гражданин СССР. Предложение назначить товпредом Лашевича вместо «уступчивого» Л. А. Саврасова было выдвинуто на заседании Политбюро 11 ноября 1926 г., 20 ноября 1926 г. решение было утверждено, и перед Лашевичем была поставлена задача разрешить все возникающие вопросы в работе КВЖД с учетом интересов обеих сторон, а также обеспечить совместную равноправную работу СССР и Китая в Правлении и Управлении КВЖД [16, л. 1]. На этом заседании был утвержден проект интервью Лашевича по вопросам КВЖД, которое было напечатано в газетах 21 ноября 1928 г. [17, с. 87–88]. В Харбине к этому интервью отнеслись с большим скептицизмом, сомневаясь, что можно за один день после назначения ознакомиться со всеми проблемами дороги. Судя по эмигрантской прессе, русская колония была хорошо осведомлена о «деле Лашевича», оценив его назначение как ссылку оппозиционера [18, с. 3]. Тем не менее смена товпреда была воспринята как усиление советского влияния в Маньчжурии, победа «твердой линии» в отношении китайцев. Дело в том, что в 1926 г. маршал Чжан Цзолин укрепил свои позиции в Маньчжурии, добился удаления Управляющего КВЖД А. Н. Иванова и смены полпреда в Китае Л. М. Карахана. Поэтому от Лашевича ждали решительных действий по защите прав СССР на КВЖД, даже возможного военного вмешательства.

10 декабря 1926 г. Лашевич с супругой Идой Владимировной прибыл в Харбин. Ему, как товпреду, был предоставлен один из лучших особняков КВЖД в центре Нового города на ул. Разъезжей площадью 417,12 м², с зимним садом, флигелем площа-

дью 161,47 кв. м, гаражом и квартирой шофера [19, л. 14]. И. С. Ильин в своем дневнике восхищался этим прекрасным домом, утопающим в зелени, вьюнах и диком винограде, с теннисной площадкой во дворе [20, л. 139]. Этот особняк, как и огромный оклад (21 000 руб. в год), должны были соответствовать статусу товпреда, который являлся высшим советским представителем на КВЖД. Лашевич жаловался в письме С. Орджоникидзе 4 января 1927 г., что у него квартира в 10 комнат, три китайские прислуги, приходится соответственно одеваться (вместо гимнастерки и шинели — фрак, смокинг, визитки, крахмальные рубашки, лакированные туфли и «прочая пакость»), вести определенный образ жизни (банкеты, приемы) и «общаться со всякой сволочью» [17, с. 98]. Под «сволочью» подразумевались, в том числе, и члены русской колонии Харбина из «бывших».

По прибытии в Маньчжурию Лашевич сразу попал в неловкую ситуацию. Дело в том, что в феврале 1927 г. произошел случай, ставший сразу известным на весь Харбин. Одна русская эмигрантка в магазине Чурина увидела на жене Лашевича свое соболье манто, которое после революции было реквизировано у нее большевиками. Произошло объяснение, в итоге обеих задержали. В полицейском участке дама представила доказательство: когда отпороли подкладку, на каждой шкурке были ее инициалы. Был вызван Лашевич, и дело кончилось миром. По слухам, дама получила значительную сумму денег за манто и молчание. Об этом случае 20 февраля 1927 г. сообщал агент харбинской резидентуры Иностранного отдела ОГПУ [21, с. 286]. В дневнике И. С. Ильина, который работал журналистом в харбинской газете «Русское слово», приведены подробности, каким образом это дело не получило огласки в местной прессе. Оказывается, все редакторы харбинских газет получили по 500 долларов, чтобы не помещать материал о скандале [20, л. 134]. Этот случай нашел отражение в воспоминаниях Ю. В. Крузенштерн-Петерец. Она также утверждала, что жена Лашевича была дочерью одесского коммерсанта Сквирского, имела в Харбине богатую еврейскую родню [22, с. 198].

Действительно, сестра Иды Владимировны Сквирской-Лашевич была замужем за старожилом Харбина Абрамом Леонтьевичем Окунем, харбинским коммерсантом, уроженцем Одессы [23, л. 3]. В сообщениях агентов БРЭМ Окунь считался близким родственником Лашевича. Интересно, что по сведениям источника из американского консульства в Харбине (доклад 19 ноября 1927 г.), Лашевич, изучив ситуацию на КВЖД, предложил советскому руководству изменить политику в отношении эмигрантов, предложив установить тесные контакты с местной русской колонией, чтобы парализовать их антисоветскую деятельность, содействовать их переходу в советское гражданство и сотрудничеству с советскими учреждениями для противостояния китайской стороне [17, с. 92].

Повышенный интерес русской эмиграции к Лашевичу был вполне понятен. Интересно восприятие личности Лашевича эмигрантской колонией, среди которой было много экс-белогвардейцев. Это накладывало определенный отпечаток на сложившееся впечатление о нем. И. С. Ильин, увидевший впервые Лашевича в марте 1927 г. в Харбине на одном из приемов, оставил описание в своем дневнике: «желтое, словно пергаментное лицо, с облезлыми, жидкими, тоже почему-то желтыми волосами,

с слегка вздернутым носом и черными, без белков глазами, какие бывают у хищных, злых птиц. Конечно, тут играет роль предвзятость, но все же вид Лашевича отвратный» [20, л. 84]. Лашевича называли одной из самых мрачных и роковых фигур московского «Олимпа», «пермским зверем», «сумасшедшим эстетом-чекистом», уставшим от своей работы и прибывшим на отдых в Маньчжурию [24, с. 282]. Судя по эго-документам, газетным статьям, у Лашевича была стойкая репутация палача и убийцы, «зарывавшего живыми священников» [20, л. 138]. Дело в том, что в среде русской колонии были уверены, что Лашевич был причастен к убийству пермского архиепископа Андроника летом 1918 г. [25, с. 3]. В июне 1927 г. даже готовились покушения на Лашевича, о чем сообщала советская разведка [21, с. 756, 758].

На посту товпреда Лашевич проявил «немалый такт и свойственное ему упорство», будучи чем-то вроде «буржуазного переговорщика» [26, р. 50]. Лашевич был осторожен, старался затягивать все вопросы, требовавшие безотлагательного решения, не вступал в прямой конфликт с китайской администрацией. Ему удалось временно восстановить видимость порядка в работе высшего руководства КВЖД. По словам НКВД, в Маньчжурии было достигнуто относительное равновесие во взаимоотношениях между СССР и Мукденским правительством на почве «делового контакта и заинтересованности обеих сторон» [27, с. 586]. Были урегулированы вопросы о хранении наличных денег КВЖД, школьный вопрос и другие проблемы. Но японская пресса намекала, что внутри советской администрации КВЖД не все гладко. В газете «Мансю Ници» от 10 июня 1927 г. были приведены слова китайского высшего чиновника КВЖД, что руководит всей советской работой заместитель Лашевича А. И. Геккер, а Лашевич — «одинокое лицо, не имеющее преданных людей», с ним обращаются как с «докучным родителем» [28, л. 804–805].

Лашевич не считал, что с политической карьерой в СССР все закончено. В 1927 г. в связи с событиями в Китае, поражением коммунистов и «банкротством» сталинской политики оживилась разгромленная оппозиция. В конце октября 1927 г. Лашевич выехал из Харбина в Ленинград, где принял участие в так называемой альтернативной демонстрации 7 ноября 1927 г. [9, с. 262]. Виктор Серж (В. Л. Кибальчич) оставил воспоминания об этих событиях, которые он назвал «советским термидором».

Несколько сот человек оппозиционеров решили участвовать в демонстрации 7 ноября в Ленинграде со своими лозунгами, и после прохода перед трибуной на Дворцовой площади милиция оттеснила их на улицу Халтурина (Миллионную), где у здания Нового Эрмитажа произошли стычки с конной милицией. Серж описал, как Лашевич набросился на милиционера, выговаривая командирским голосом: «Как тебе не стыдно нападать на ленинградских пролетариев?» [29, с. 274]. Здесь же он привел описание внешности Лашевича: грузный, приземистый, с тяжелым лицом «любителя выпить» [29, с. 274]. Все участники этой демонстрации, так или иначе, пострадали в процессе разгрома оппозиции (увольнения, аресты, тюрьмы, ссылки и проч.). Лашевич на XV съезде ВКП(б), прошедшем в декабре 1927 г., как активный деятель «троцкистской оппозиции» был исключен из партии вместе с другими оппозиционерами. Пароход «Михаил Ла-

шевич» получил новое имя — «Дзержинский» [15, с. 349].

От внимательных глаз эмиграции не ускользнули перемены в его судьбе. В харбинской газете «Русское слово» от 23 декабря 1927 г. была напечатана заметка «Лашевич на дыбе» (ее автор — Н. П. Веселовский-Выговский — скрылся под псевдонимом Параго), которая была переслана советским консулом в Харбине в Москву в НКВД. В этой статье о Лашевиче говорилось, как о бывшем «советском короле» в весьма нелицеприятных выражениях — «губастая, ушастая, жирная двуногая жаба», «пермский Дзержинский», «запечных дел мастер» и др. В заметке отмечалось, что Лашевич подвергся всероссийскому шельмованию, у него отняли «прошлое, настоящее и будущее», остался только «заслуженный, законный и полный удел Каина». Заканчивалась статья утверждением, что «одним кошмаром» в Харбине стало меньше, что «высший советский сановник сюда уже больше не вернется», и «палач», «страшный апостол сверх жестокости перестанет поганить собой наши дома и улицы» [30, л. 92].

Тем не менее на заседании Политбюро 19 января 1928 г. было решено оставить Лашевича товарищем председателя Правления КВЖД [31, л. 6]. В июне 1928 г. он был восстановлен в членстве в партии. В феврале 1928 г. Лашевич вернулся в Харбин, присутствовал на заседаниях Правления, активно включившись в обсуждение проблем КВЖД. Интересно заметить, что специально для Лашевича канцелярия Правления выписала на 1928 г. журналы на английском, французском и немецком языках преимущественно развлекательного характера: *Asia, Life, The Illustrated London News, The Illustrated Sporting and Dramatic News, Motion Picture, The Graphic, Revue de Paris, Die Bühne, Die Woche* и др. Из газет были выписаны эмигрантские русские газеты «Последние новости» (Париж), «Руль» (Берлин) [32, л. 1–2].

В связи с этим стоит заметить, что в Харбине у Лашевича сложилась репутация покровителя искусств. Дело в том, что Правление КВЖД тратило большие деньги на театральное дело, в том числе на содержание оперы, которой гордился Харбин. Считалось, что именно при Лашевиче из СССР приехало много артистов, художников, музыкантов, даже плотников и монтажников для нужд оперы. Для постановок шились роскошные костюмы, готовились прекрасные декорации, артисты получали здесь огромные оклады. Поэтому возвращение Лашевича из Москвы в январе 1928 г. на свой пост вызвало оживление в артистической среде. Газеты писали, что Лашевич, не будучи сам музыкантом, ценит и любит музыку, ему приписывали в заслугу создание прекрасной оперы в Новониколаевске, а теперь и в Харбине. Поэтому-то и артисты, и любители оперного искусства возлагали на него большие надежды [33, с. 3].

С точки зрения антибольшевистской эмиграции главной задачей товпреда являлась антигоминьдановская работа. Лашевича, как и всех советских представителей, подозревали в организации советской подрывной деятельности в Северной Маньчжурии. После убийства Чжан Цзолина в июне 1928 г., к чему была причастна советская разведка, началась кампания в иностранной прессе по обвинению СССР в покушении, взрывах в Муқдене, подготовке восстания во Внутренней Монголии, переброске советских войск к границе и подготовке

захвата КВЖД [34, с. 399]. В начале августа 1928 г. монголы Барги (Хулунбуира) подняли восстание против расширения китайского политического контроля, добиваясь автономии Внутренней Монголии в рамках Китайской республики, надеясь на советскую поддержку, но в итоге Москва отказалась поддержать его. Лашевича и других высших советских чиновников считали причастными к этим событиям. Действительно, в организации т.н. Баргинского (Хулунбуирского) восстания принимали участие монгольские коммунисты под руководством представителей Коминтерна [35, с. 101]. Но роль Лашевича в этих событиях до сих пор не выяснена.

Эмигранты замечали, что под предлогом расширения сети дорог для подвоза грузов к линии КВЖД в пограничных с Монголией пунктах прокладывались важные для СССР военные трассы. Харбинские старожилы потом вспоминали, как Лашевич, председатель Правления Дальбанка А. В. Борискин и ряд других лиц отправлялись со свитой на охоту в монгольскую степь. Там с ними произошло несчастье: на полном ходу перевернулся автомобиль. Лишь много позднее выяснилось, что настоящей целью поездки была не охота, а производство военно-топографических изысканий [24, с. 284]. Ю. В. Крузенштерн в своих воспоминаниях упоминает, что Лашевич якобы отправился на отдых в Монголию, а на самом деле его целью было поднять монголов на восстание против китайцев. По ее словам, он вместе с товарищами попал в засаду, был ранен, привезен в Харбин, где долго умирал [22, с. 204].

Все эти слухи и версии не подтверждаются иными источниками. Единственное, о чем можно сказать определенно, что 23–28 мая 1928 г. Лашевич, Борискин и, по некоторым данным, сотрудник Дальбанка А. И. Погребецкий совершили поездку на курорт Халун Аршан, которая и вызвала столько толков. Автомобиль, на котором они ехали, попал в аварию и перевернулся. Больше всего пострадал Борискин, Лашевич был легко ранен. Действительно, курорт Халун Аршан, расположенный в 450 км от ст. Маньчжурия во Внутренней Монголии, вызывал особый интерес у советских представителей. На заседании Правления КВЖД 17 мая 1928 г. было решено выдать Монгольскому акционерному обществу по эксплуатации курорта Халун Аршан беспроцентную ссуду 28 960 золотых рублей на 5 лет для развития и улучшения курорта, а также командировать врача и шестерых служащих дороги на полтора месяца на целебные источники за счет дороги, установить автомобильное сообщение с курортом со ст. Хайлар [36, л. 75]. Впоследствии именно на курорте Халун Аршан лидер Баргинского восстания Мерсэ 9 августа 1928 г. произнес речь об освобождении «братьев-баргутов» с призывами «Да здравствует СССР, да здравствует Коминтерн!» [35, с. 109].

Интерпретация этих событий нашла отражение в прессе Харбина. Японская газета «Харбин Ници Ници» 16 июня 1928 г. сообщала, что, воспользовавшись «тревожным временем», СССР, «питающий дикие надежды», обратил взоры в сторону захвата Хулунбуира. По мнению газеты, советская администрация КВЖД решила основать в этом районе базу для заговора, избрав курорт Халун Аршан, для чего был отпущен огромный капитал из кассы КВЖД. Целью поездки Лашевича на курорт газета считала «выяснение пригодности дорог для военных надобностей» [37, л. 112]. В этой же газете

появился ряд других статей о подготовке советским правительством военного захвата Хулунбуирского округа, прилегающего к КВЖД. Утверждалось, что поездка Лашевича была организована с целью свидания с агентами Фын Юйсяна для передачи последнему 3 млн долларов [37, л. 112]. С. Л. Кузьмин также приводит сообщения из иностранной прессы с утверждениями, что Лашевич и Борискин отвезли монголам на организацию восстания 2 млн зол. руб. [35, с. 112]. Автомобильная авария рассматривалась прессой как покушение на Лашевича. Японская газета «Токио Асахи» 20 августа 1928 г. даже писала об аресте Лашевича китайскими властями в связи с восстанием в Хулунбуире [38, л. 176].

Скоропостижный уход из жизни Лашевича вскоре после этих событий в конце августа 1928 г. по понятным причинам вызвал много толков. И с обстоятельствами смерти, и даже с ее датировкой много неясного. В отдельных источниках и исследованиях указаны разные даты. В большинстве справочников и энциклопедий говорится, что Лашевич умер 30 августа 1928 г. [5, с. 176; 6, с. 453; 12, с. 327]. Но, скорее всего, дата неверна. Так, ТАСС сообщало, что Лашевич скончался 31 августа 1928 г. в 4 часа 40 минут, причем при последних минутах присутствовали члены Правления КВЖД Геккер, Измайлов, управляющий дорогой Емшанов, генконсул СССР в Харбине Мартынов [37, л. 16]. Официально на траурном заседании Правления КВЖД 1 сентября 1928 г. заместитель товпреда А. И. Геккер объявил, что Лашевич скончался 31 августа от болезни сердца [39, л. 90]. Корреспондент ТАСС из Харбина в телеграмме от 2 сентября 1928 г., сообщая о смерти Лашевича, указал на причину смерти: «гангренозный процесс левой ноги поднялся до паха, деятельность сердца ухудшилась, ... состояние считали безнадежным. Скончался от недостаточной сердечной деятельности на почве общей интоксикации» [37, л. 118].

Однако в официальную причину смерти практически никто не верил. Сразу же возникли версии об отравлении, последствиях автомобильной катастрофы, чрезмерного пьянства [24, с. 284; 12, с. 327; 7, с. 28; 20, л. 137]. Некоторые современные авторы указывали, что Лашевич совершил суицид [3, с. 266; 12, с. 327; 26, р. 51]. В. М. и М. В. Крюковы в своем исследовании приводят информацию, переданную американским консулом в Харбине Хэнсоном в Госдепартамент США 30 августа 1928 г. Согласно ему, 14, 15 и 16 августа 1928 г. в Генконсульстве СССР в Харбине проходило совещание под председательством Лашевича, где рассматривались вопросы стратегии и тактики на Дальнем Востоке. Документы совещания Лашевич забрал с собой, положив в портфель. Приехав домой, он отправился поиграть в теннис во дворе дома, и в это время портфель с документами исчез. Лашевичу после этой новости стало плохо, приехавший врач определил обострение сердечной недостаточности. Лечение не дало результатов, и через две недели Лашевич скончался. Украденные документы были переданы китайской полиции, а в американское консульство попали копии [17, с. 93].

Ссылаясь на эмигрантские источники, в частности, дневник И. С. Ильина, можно с осторожностью утверждать, что Лашевич умер в результате осложнения после операции. Ильин, ссылаясь на мнение харбинского врача Г. А. Бергмана, сообщал, что у Лашевича были проблемы с сердцем, произошла закупорка сосудов. Был созван консилиум врачей,

решили ампутировать ему ногу, но это не помогло [20, л. 138]. Однако и в дневнике Ильина, и в мемуарах эмигрантов смерть товпреда считалась возмездием за деяния «сибирского сатрапа», не случайно в эго-документах упоминается, что, бредя в агонии, Лашевич вспоминал замученных и расстрелянных им людей [20, л. 138; 40, с. 310].

Сразу после смерти Лашевича на траурном заседании Правления КВЖД 1 сентября 1928 г. была предпринята попытка дать оценку его личности. Помощник начальника канцелярии Правления Н. П. Пумпянский (в прошлом эсер) произнес прочувствованную речь о потере «большого и нужного нам человека»: «Это был настоящий рыцарь правды <...>, служение истине стояло у него на первом месте и было основным укладом его душевного строя. Мы все чувствовали, что за его внешней резкостью, подчас грубостью, кроется такая чистота души, такая отзывчивость и незлобивость, какую трудно найти» [39, л. 93]. На этом заседании решили выдать семье покойного единовременное пособие в сумме годового жалования (21 000 руб.). 3 сентября 1928 г. было объявлено траурным (нерабочим) днем на КВЖД, на всех зданиях советских представительств в Харбине были приспущены флаги.

На средства Правления КВЖД устроили торжественные похороны, которые соответствовали масштабам должности Лашевича и как товпреда, и как видного военного деятеля. Тело покойного в военной форме с орденами поместили для прощания в гостиной его особняка. С лица умершего была снята посмертная маска. У гроба выставили почетный караул, играл оркестр.

И. С. Ильин отметил, что пришли попрощаться («отметиться») несколько тысяч человек, в том числе бывшие эмигранты, взявшие советское гражданство, хотя не было «ни пулеметов, ни ЧеКа, ни насилия — могли бы, кажется, и не идти — но вот пошли же! Пошли гурьбой, пошли чуть ли не все! Устрялов говорил надгробное слово, Никус — полковник, военный юрист, поддерживал гроб» [20, л. 139]. В этой дневниковой записи Ильин называл похороны и поведение бывших эмигрантов «мерзостью», не жалел эпитетов и для покойного Лашевича — «проходимец — еврейчик», «разложившийся гад», «падаль» и т. п. Но здесь надо учесть эмоциональную тональность и антисемитские воззрения цитируемого мемуариста, схожим образом клеймившего и некоторых деятелей Белого движения, например, И. А. Михайлова — видного и крайне противоречивого антибольшевистского политика, также сыгравшего заметную роль в русской эмигрантской среде Харбина [41, с. 56–57; 42–43].

Телеграмма ТАСС от 5 сентября 1928 г. из Харбина в Москву сообщала, что у гроба Лашевича в течение двух дней (3 и 4 сентября 1928 г.) побывало более 20 000 советских граждан, представители иностранных держав, высшие чины китайской администрации, японские официальные лица, иностранные консулы, представители общественных учреждений, организаций, коммерческих кругов. Красный гроб после прощания был вынесен на руках советскими чиновниками и до самого вокзала гроб несли на руках. Попутно все улицы Харбина (Вокзальный проспект, Соборная площадь и др.) были «буквально запружены толпами народа, впереди несли венки числом более 200, оркестры духовой музыки все время играли похоронные марши» [37, л. 14]. И. С. Ильин сообщал, что похороны со-

ветского сановника обошлись в огромную сумму — больше 5 000 золотых рублей [20, л. 139].

Проводы тела Лашевича до вокзала превратились в манифестацию. Во время процессии необходимо было показать единство советских граждан в Харбине: все служащие КВЖД должны были присутствовать на церемонии и выстроиться в ряд на улицах, по которым двигалась процессия. Это привело к множеству мелких конфликтов между русскими эмигрантами и советскими гражданами. Были попытки «белогвардейских провокаторов» внести смятение в толпу, брань в сторону идущих, выкрики, попытки сорвать красные флаги. Ф. Патрикеев, ссылаясь на воспоминания одного эмигранта, сообщал, что в одном из русских кафе, где эмигранты «праздновали» смерть Лашевича, завязалась драка между советскими гражданами и эмигрантами [26, р. 51].

Тело Лашевича было помещено в специальный вагон, украшенный черными и красными траурными лентами, ветками хвойных деревьев. Траурный поезд останавливался на крупных станциях Транссиба, где проходили специальные митинги в память о «старом» большевике. 13 сентября 1928 г. поезд с гробом Лашевича прибыл в Ленинград, где было устроено прощание во дворце Урицкого (Таврическом дворце), а затем тело было похоронено на площади Жертв Революции (Марсовом поле) под залпы артиллерийского салюта [44, с. 3]. Там же была установлена мемориальная доска. Но в 1937 г. могилу с Марсова поля убрали [11, с. 32] и восстановили только в 1956 г. Можно сказать, что смерть Лашевича в Харбине в 1928 г. спасла его от дальнейших репрессий. Все его соратники были осуждены по делу «троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Практически никто не избежал высшей меры наказания, как и его вдова Ида Владимировна, расстрелянная в 1938 г.

Заключение. Применение биографического метода и антропологического подхода в исследовании, использование новых источников позволяют избежать схематизма и поверхностных оценок исторических личностей. Так, жизнь и смерть М. М. Лашевича можно рассматривать в разнообразных проекциях: как «старого» большевика, участника Гражданской войны, представителя левой оппозиции, героя и жертву. На примере его судьбы можно увидеть, что фигуры такого масштаба нуждаются в переосмыслении.

Направленный в Маньчжурию как в ссылку, Лашевич вынужден был проводить партийную линию, и неудача этой политики совпала с его смертью, которая вызвала широкий резонанс, выявила надежды и страхи, которые проецировались на его личность. Похороны Лашевича в Харбине продемонстрировали значение его как символического лица, военачальника и представителя советского правительства, а также важность ритуала в деле сплочения советской колонии.

С другой стороны, принадлежность Лашевича к оппозиции повлияла на формирование представлений о наличии «троцкистского гнезда» в Маньчжурии, проявившихся при репрессиях 1930-х гг. Кроме того, рассматривая фигуру Лашевича через призму восприятия русской эмиграции в Маньчжурии, можно проследить явления антибольшевизма и антисемитизма в среде русской колонии Харбина, влияние слухов на формирование неоднозначного образа, а также поведенческие практики советской элиты.

В любом случае, индивидуальный случай, отдельная биография при внимательном рассмотрении в историческом контексте и под другим углом зрения могут расширить или даже изменить представления как о конкретном человеке, так и об определенной политической ситуации и особенностях эпохи.

Библиографический список

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
2. Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат / Ред. Ю. Ю. Фигатнер. Москва: Советская энциклопедия, 1989. 831 с.
3. Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 2. 807 с.
4. Плотников И. Гражданская война на Урале. (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография. В 3 т. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. Т. 1. 244 с.
5. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. Москва: Большая российская энциклопедия, 1993. 432 с.
6. Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия. В 4 т. Москва: Терра, 2008. Т. 2. 560 с.
7. Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. Т. 3. 474 с.
8. Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. Москва: Изд-во ИВИ РАН, 2000. 204 с.
9. Скоркин К. В. Обречены проиграть: (власть и оппозиция, 1922–1934). Москва: VividArt, 2011. 890 с.
10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 365862/2.
11. Грансберг С. Р. Дела давно минувших дней: воспоминания. Москва: Б. и., 1992. 63 с.
12. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. Москва: РОССПЭН, 2008. 463 с.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5. Д. 4385.
14. Краткий отчет Сибирского революционного комитета Первому Сибирскому краевому съезду Советов: Делегату съезда / Предисл.: М. Лашевич. Новониколаевск: Сибревком, 1925. 84 с.
15. Речной пассажирский флот России конца 19–начала 20 века / Под ред. Е. Н. Казанцева. Уфа: Инфинити, 2014. 480 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 603-1.
17. Крюков В. М., Крюков М. В. КВЖД 1929. Взрыв и эхо: моногр. Москва: Изд-во ИВ РАН, 2017. 624 с.
18. За что Лашевич попал в опалу? // Заря (Харбин). 1926. 14 декабря.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 10. Д. 777.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9.
21. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. В 10 т. Т. 7. Восточная ветвь. 1920–1928 гг. Москва: Гей, 2015. 951 с.
22. Крузенштерн-Петерец Ю. В. Воспоминания // Россияне в Азии (Торонто). 1997. № 4. С. 124–209.
23. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 34618.
24. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Кио-ва-кай; ГБРЭМ, 1942. 414 с.
25. Туров Е. Чехарда красных вельмож. По «портретному залу» старого особняка // Заря (Харбин). 1935. 15 сентября.
26. Patrikeeff F. Russian Politics in Exile: The Northeast Asia Balance of Power, 1924–1931. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 230 p.

27. Документы внешней политики СССР. В 26 т. Москва: Госполитиздат, 1965. Т. 10. 687 с.
28. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 377.
29. Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Москва: Практикс; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. 696 с.
30. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 22. П. 178. Д. 221.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 669.
32. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 422.
33. Надежды артистов на М. М. Лашевича // Гун-бао (Харбин). 1928. 14 февраля.
34. Документы внешней политики СССР. В. 24 т. Москва: Госполитиздат, 1966. Т. 11. 792 с.
35. Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть I. Причины и начало восстания // Вестник института востоковедения РАН. 2020. № 1. С. 100–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-100-114.
36. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 36.
37. ГАРФ. Ф. Р-4599. Оп. 2. Д. 319.
38. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1350.
39. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 397.
40. Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. Москва: Центрполиграф, 2007. 557 с.
41. Стельмак М. М. К вопросу о националистических взглядах и антисемитской агитации в Сибири в период Гражданской войны // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2020. № 23. С. 53–60.
42. Петин Д. И. Политика, деньги и... любовь // Бюджетный учет. 2020. № 3. С. 72–77. EDN: PAUKXN.
43. Стельмак М. М., Петин Д. И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»: министр финансов И. А. Михайлов в оценках современников // Исторический вестник. 2022. Т. 42. С. 36–61. DOI: 10.35549/HR.2022.2022. 42.001. EDN: IPQJWP.
44. Последний путь тов. Лашевича // Красная звезда. 1928. 13 сентября.

КРОВОВА Мария Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург.
SPIN-код: 3221-2527
AuthorID (РИНЦ): 717684
ORCID: 0000-0001-7948-0251
Адрес для переписки: mary_krot@mail.ru

Для цитирования

Кротова М. В. «Сибирский сатрап» М. М. Лашевич и его смерть в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 97–105. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-97-105.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024 г.

© М. В. Кротова

«SIBERIAN SATRAP» M. M. LASHEVICH AND HIS DEATH IN HARBIN

The article is dedicated to the Soviet politician M. M. Lashevich (1884–1928), a participant in the revolution and the Civil War, chairman of the Siberian Revolutionary Committee. The relevance of the study is due to the fact that his activities as a fellow chairman of the Board of the CER in 1926–1928 little known, as are the causes of death in Harbin. The purpose of the article is to reconstruct the final period of Lashevich's life in the context of the Soviet presence in China, with emphasis placed on the perception of Lashevich's personality by Russian emigration in Manchuria, the circumstances of his death and posthumous biography using an anthropological approach and the biographical method. The research is based on unpublished sources, ego-documents and periodical materials from Harbin. The author emphasizes that the study of such extraordinary figures as Lashevich is important not only for understanding Soviet policy in China, but also for clarifying the problems of perception and assessment of the activities of Soviet leaders by ideological opponents.

Keywords: historical anthropology, Jews, M. M. Lashevich, CER, Manchuria, Harbin, Russian emigration, Russian Revolution, Civil War.

References

1. Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR. Entsiklopediya [The Civil War and military Intervention in the USSR: An Encyclopedia]. Moscow, 1987. 720 p. (In Russ.).
2. Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya Rossii: Entsiklopedicheskiy slovar' Granat [Leaders of the USSR and the revolutionary movement of Russia: The Encyclopedic Dictionary Granat] / Ed. by Yu. Yu. Figatner. Moscow, 1989. 831 p. (In Russ.).
3. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. V 3 t. [Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vols.]. Novosibirsk, 2010. Vol. 2. 807 p. (In Russ.).
4. Plotnikov I. Grazhdanskaya voyna na Urale (1917–1922 gg.). Entsiklopediya i bibliografiya. V 3 t. [The Civil War in the Urals. (1917–1922). Encyclopedia and bibliography. In 3 vols.]. Ekaterinburg, 2007. Vol. 1. 244 p. (In Russ.).
5. Politicheskie deyateli Rossii. 1917. Biograficheskiy slovar' [Political figures of Russia. 1917. Biographical Dictionary]. Moscow, 1993. 432 p. (In Russ.).
6. Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Rossii: 1917–1923 gg. Entsiklopediya. V 4 t. [The Revolution and the Civil War in Russia: 1917–1923. Encyclopedia. In 4 vols.]. Moscow, 2008. Vol. 2. 560 p. (In Russ.).
7. Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. V 4 t. [The Siberian Soviet Encyclopedia. In 4 vols.]. Novosibirsk, 1931. Vol. 3. 474 p. (In Russ.).
8. Nazarov O. G. Stalin i bor'ba za liderstvo v bol'shevistskoi partii v usloviyah NEPa [Stalin and the struggle for leadership in the Bolshevik Party in the conditions of the NEP]. Moscow, 2000. 204 p. (In Russ.).
9. Skorkin K. V. Obrechneny proigrat': (vlast' i oppozitsiya, 1922–1934) [They are doomed to lose: (The government and the opposition, 1922–1934)]. Moscow, 2011. 890 p. (In Russ.).
10. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb) [The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (CSAYPD SPb)]. File: 365862/2/1/1728. (In Russ.).
11. Gransberg S. P. Dela davno minuvshih dney: vospominaniya [The affairs of bygone days: Memories]. Moscow, 1992. 63 p. (In Russ.).
12. Protasov L. G. Ludi Uchreditel'nogo sobraniya: portret v inter'ere epohi [People of the Constituent Assembly: portrait in the interior of the epoch]. Moscow, 2008. 463 p. (In Russ.).
13. TsGAIPD SPb [CSAYPD SPb]. File: 4385/5/R-4000. (In Russ.).
14. Kratkii otchet Sibirskogo revolyutsionnogo komiteta Pervomu Sibirskomu kraevomu s'ezdu Sovetov: Delegatu s'ezda [Summary report of the Siberian Revolutionary Committee to the First Siberian Regional Congress of Soviets: To the Delegate of the Congress / Preface: M. Lashevich]. Novonikolaevsk, 1925. 84 p. (In Russ.).
15. Rechnoy passazhirskiy flot Rossii kontsa 19, nachala 20 veka [The Russian river passenger fleet of the late 19th and early 20th centuries] / Ed. by E. N. Kazantseva. Ufa, 2014. 480 p. (In Russ.).
16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH)]. File: 603-1/3/17. (In Russ.).
17. Kryukov V. M., Kryukov M. V. KVZhD 1929. Vzryv i eho [CER 1929. Explosion and echo]. Moscow, 2017. 624 p. (In Russ.).
18. Za chto Lashevich popal v opalu? [Why did Lashevich fall into disgrace?] // Zarya. Dawn (Harbin). 1926. December 14. (In Russ.).
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 777/10/323. (In Russ.).
20. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii GARF [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: 9/1/R-6599. (In Russ.).
21. Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-h godov XX veka. V 10 t. T. 7. Vostochnaya vetv'. 1920–1928 gg. [Russian military

- emigration of the 20–40s of the twentieth century. In 10 vols. Vol. 7. The Eastern branch. 1920–1928]. Moscow, 2015. 951 p. (In Russ.).
22. Kruzenshtern-Peterets Yu. V. Vospominaniya [Memoirs] // *Rossiyanе v Azii. Russians in Asia* (Toronto). 1997. No. 4. P. 124–209. (In Russ.).
23. Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraя [State Archive of Khabarovsk Region]. File: 34618/3/830. (In Russ.).
24. Velikaya Man'chzhurskaya imperiya: K desyatiletnemu yubileyu [The Great Manchurian Empire: On the tenth anniversary]. Harbin, 1942. 414 p. (In Russ.).
25. Turov E. Cheharda krasnyh vel'mozh. Po «portretnomu zalu» starogo osobnyaka [A leapfrog of red nobles. Through the «portrait hall» of the old mansion] // *Zarya. Dawn* (Harbin). 1935. September 15th. (In Russ.).
26. Patrikeeff F. *Russian Politics in Exile: The Northeast Asia Balance of Power, 1924–1931*. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 230 p. (In Engl.).
27. Dokumenty vneshney politiki SSSR. V 26 t. [Documents of the USSR's foreign policy. In 26 vols.]. Moscow, 1965. Vol. 10. 687 p. (In Russ.).
28. RGIA [RSHA]. File: 377/4/323. (In Russ.).
29. Serzh V. Ot revolyutsii k totalitarizmu. Vospominaniya revolyutsionera [From Revolution to Totalitarianism. Memoirs of a Revolutionary]. Moscow; Orenburg, 2001. 696 p. (In Russ.).
30. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. File: 221/178/22/04. (In Russ.).
31. RGASPI [RSASPH]. File: 669/3/17. (In Russ.).
32. RGIA [RSHA]. File: 422/4/323. (In Russ.).
33. Nadezhdy artistov na M. M. Lashevicha [The hopes of artists for M. M. Lashevich] // *Gun-bao. Gun-bao* (Harbin). 1928. February 14. (In Russ.).
34. Dokumenty vneshney politiki SSSR [Documents of the USSR's foreign policy]. Moscow, 1966. Vol. 11. 792 p. (In Russ.).
35. Kuz'min S. L. Barginskoe vosstanie 1928 g. Chast' I. Prichiny i nachalo vosstaniya [The rebellion of 1928 in Barga. Part I: Causes and the Beginning] // *Vestnik instituta vostokovedeniya RAN. Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2020. No. 1. P. 100–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-100-114. (In Russ.).
36. RGIA [RSHA]. File: 36/3/323. (In Russ.).
37. GARF [SARF]. File: 319/2/R-4599. (In Russ.).
38. RGIA [RSHA]. File: 1350/5/323. (In Russ.).
39. RGIA [RSHA]. File: 397/4/323. (In Russ.).
40. Balmasov S. S. Beloemigranty na voennoy sluzhbe v Kitae [White emigrants in the military service in China]. Moscow, 2007. 557 p. (In Russ.).
41. Stelmak M. M. K voprosu o natsionalisticheskikh vzglyadakh i antisemitskoy agitatsii v Sibiri v period Grazhdanskoy voyny [On the question of nationalist opinions and anti-semitic agitation in Siberia during the Civil War] // *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya. News of the Omsk State Museum of History and Local Lore*. 2020. No. 23. P. 53–60. (In Russ.).
42. Petin D. I. Politika, den'gi i... lyubov' [Politics, Money and ... Love] // *Byudzhetnyy uchet. Budget Accounting*. 2020. No. 3. P. 72–77. (In Russ.).
43. Stel'mak M. M., Petin D. I. «On nasytil svoje chestolyubiye pri Kolchake»: ministr finansov I. A. Mikhaylov v otsenke sovremennikov [«He fulfilled his ambitions in the presence of Kolchak»: Minister of Finance I. A. Mikhailov as seen by contemporaries] // *Istoricheskiy vestnik. Historical Reporter*. 2022. Vol. 42. P. 36–61. DOI: 10.35549/HR.2022.2022.42.001. EDN: IPQJWP. (In Russ.).
44. Posledniy put' tov. Lashevicha [The last way of Comrade Lashevich] // *Krasnaya Zvezda. Red Star*. 1928. September 13. (In Russ.).

KROTOVA Mariia Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of International Relations and Political Science Department, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg.
 SPIN-code: 3221-2527
 AuthorID (RSCI): 717684
 ORCID: 0000-0001-7948-0251
 Correspondence address: mary_krot@mail.ru

For citations

Krotova M. V. «Siberian Satrap» M. M. Lashevich and his death in Harbin // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 97–105. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-97-105.

Received February 19, 2024.

© M. V. Krotova

Критики и реплики

УДК 171

DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111

EDN: EGQNVС

Р. Л. КОЧНЕВ

Тюменский
государственный университет,
г. Тюмень

ТЕЛЕПОРТ И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Статья представляет собой комментарий к работе Алексея Кардаша *Телепорт и оригами*. Критически анализируются выдвинутые им возражения против выживания личности при телепортации: о скрытом дуализме, о нарушении причинно-следственных связей и о рефлексивном затруднении. Для ответа на них используется реконструкция взглядов Хавьера Идальго, представленных в статье *Выживание при телепортации*. Делается вывод о проблематичности выдвинутых Алексеем Кардашем возражений.

Ключевые слова: тождество личности, телепорт, причинно-следственные связи, Парфит, выживание.

Очень многие люди не любят длительное ожидание. Долгая дорога по однообразной и неприглядной местности чрезвычайно утомительна, особенно если приходится проделывать ее не в первый раз. Рискну предположить, что во многом это связано с тем, что мы пытаемся сохранить и рационально использовать то время, которое у нас есть. Неудивительно, что мгновенная телепортация на огромные расстояния кажется нам крайне удобным и почти необходимым инструментом для комфортной жизни.

Иронично, но согласно представлениям многих философов в своей погоне за выигрышем пары лет или даже часов при телепортации мы рискуем потерять вообще все, что имеем. Это связано с самим механизмом, благодаря которому осуществляется телепортация — ваши атомы в одном месте сканируются и полностью уничтожаются, а информация о них передается в нужное место, где атомы 'собираются заново'.

Статья Хавьера Идальго представляет собой развитие идей Дерек Парфита, согласно которым в самой процедуре телепортации нет ничего опасного, и она вполне способна обеспечивать наше тождество и выживание.

Кратко его аргументация звучит следующим образом: основываясь на научных данных мы точно знаем, что атомы нашего тела (почти) полностью меняются в течение несколько лет. Наши экзистенциальные сомнения в вопросе телепортации основываются именно на самом процессе уничтожения оригинальных атомов вкупе с их последующим воссозданием в новом месте. Но, в сущности, замена атомов при телепортации ничем не отличается от реальных биологических процессов, кроме скорости, с которой наша клеточная структура подвергается изменениям. Стремясь заблокировать критику о действительности важности скорости происходящих с телом изменений а-ля Скотт Кэмпбелл [1], в статье приводится пример *Медленной Телепортации*: атомы последовательно сканируются, уничтожаются и передаются в новое место с той же скоростью, как и при перемещении в привычном нам смысле.

В недавней статье-комментарии Алексей Кардаш приводит ряд контраргументов против того, способны ли мы пережить телепортацию и остаться той же самой личностью [2]. В своей критике он исходит из дуализма сознания-тело, присутствующего в исследовании Идальго, и пытается показать бес-

перспективность телепортации именно с точки зрения тождества тела. Конструируемые замечания можно свести к следующему набору утверждений:

(КА1) В аргументах Идальго присутствует скрытая предпосылка — дуализм сознания/тела.

(КА2) Если личность (тело) не была воспроизведена предельно дотошным образом, а именно с сохранением всех причинно-следственных связей в рамках ее организма, тождество не сохраняется. Автор называет подобную связь мереорганической преемственностью¹.

(КА3) Апелляция к психологическому состоянию 'нерожденной' личности после телепортации, которая (потенциально) не способна отразить собственное появление.

Рассмотрение данных возражений проще всего начать с реконструкции оригинального примера Идальго и лишь затем перейти к обсуждению излагаемых Кардашем контраргументов.

1. Парфит в собственном телепорте. «Начнем с мысленного эксперимента. Допустим, здесь, на Земле, я вхожу в Телепорт...» [3, с. 82], — так начинается известная статья Парфита. В этом эксперименте Парфит в очередной раз подчеркивает сформулированное им различие между выживанием (основанным на том, что является для нас важным и о чем мы готовы проявлять особого рода экзистенциальную заботу) и личным тождеством (основанием которого служат (не)локкианская идея психологической преемственности). Однако здесь следует обратить внимание хотя бы на заголовков работы, из которой была приведена цитата: *Мы — нечеловеческие существа*. Таким образом, даже исходя из названия, центральная задача исследования заключается в последовательной критике анимализма, как отдельного и очень влиятельного подхода к тождеству личности. Парфит показывает, что хотя взгляды анимализма действительно способны отражать и описывать наше выживание нас намного эффективнее, чем это делают (не)локкианские теории, сам по себе анимализм является противоречивым и непоследовательным. Просуммируем эти идеи ещё раз:

(ПА1) Нумерическое тождество психологических состояний не является чем-то важным, напротив, значение имеет выживание личности.

(ПА2) Анимализм сомневается в необходимости нумерического тождества психологических состояний для выживания и в данном отношении он довольно близок к собственным подходом Парфита (оцениваемым иногда как нигилизм [4]).

(ПА3) Но, несмотря на подобную схожесть подходов, анимализм содержит противоречивые основания и следствия, а потому является ложной теорией.

Эксперимент с телепортацией является лишь способом разграничения двух подходов, он призван показать разницу между анимализмом (в первую очередь, Эрика Олсона и Пола Сноудона) и представлениями о личности и вопросах ее выживания самого Парфита. На первый взгляд может показаться, что внимание к телу и телесным (атомным) изменениям, с которым Идальго подходит к кейсу телепортации, призвано показать приемлемость телепортации для анималистов. Это позволило бы нам устранить еще одно различие между парфитианскими и анималистскими взглядами на понятие личности. Ирония заключается в том, что Идальго идет дальше простой демонстрации приемлемости телепортации для анималистов, прежде всего, он стре-

мится раскритиковать саму идею выживания: «Вы можете прийти к мысли, что обычное выживание не столь уж и хорошо, как мы привычно считаем. Многие признают, что даже полная их копия просто не была бы ими, и что у них нет никаких пруденциальных причин проявлять заботу о благополучии подобной копии... из этого следует, что у нас также нет и никаких существенных пруденциальных причин заботиться о нашем собственном выживании... получается... *не так уж и важно, выживем ли мы сами или нет*» [5; курсив мой. — Р. К.].

Поэтому размышления Идальго можно рассматривать с точки зрения двух противоположных следовательских стратегий:

(I1) Реконструируя пример телепорта в терминах клеточной структуры тела, можно продемонстрировать его приемлемость для взглядов анималистов. Это служит доказательством того, что взгляды Парфита на выживание *изоморфны* идеям анимализма (критика ПА3, защита ПА1 и ПА2).

(I2) Реконструируя пример телепорта в терминах клеточной структуры тела, можно продемонстрировать его приемлемость для взглядов анималистов. Это служит доказательством того, что взгляды Парфита на выживание являются *противоречивыми* (Критика ПА1 и ПА3).

Как мне кажется, именно последняя версия ближе к оригинальному замыслу исследования Идальго. Действительно, если смысл понятия 'выживание' настолько широк, что позволяет мне как личности после телепортации сохраниться не только через психологические черты, но даже на уровне телесной преемственности, то данное понятие не может считаться удачным. Для второй стратегии тезис ПА2 сам по себе не имеет особого значения: если взгляды Парфита на выживание обозначаются как избыточно расширительная и не всегда последовательная позиция, то она может быть компаративным образом сопоставлена вообще с любыми другими взглядами на личность. Использование при этом мысленного эксперимента с телепортом, который, как уже было сказано, изначально использовался как раз *против* идей анимализма, лишь добавляет ситуации абсурдности. Поскольку если телепорт работает так, как его задумал и описал Парфит, это приводит нас к неприемлемому выводу, противоречащему изначальному замыслу выдающегося философа [6, р. 203–204].

2. (Не)оригинальное оригами. Теперь, когда мы, как мне кажется, лучше понимаем исходный замысел телепортации в статье Идальго, можно вернуться к замечаниям Кардаша.

Как уже стало понятно из предыдущего раздела, контраргумент о дуализме КА1 представляется наименее удачным, поскольку в этом случае мы говорим о дуализме не на уровне (пред)посылок, но о дуализме на уровне вывода. Причем именно об абсурдности подобного вывода, а значит, и самой идеи выживания как таковой, Идальго и предлагает нам порассуждать в самом конце статьи. Сложнее обстоит дело со следующим возражением КА2.

В своем комментарии Кардаш отрицает причинно-следственную связь между атомами/клетками тела до и после телепортации. С его точки зрения, в этом случае нарушается естественная причинная непрерывность наших внутренних биологических процессов. Здесь стоит разобраться, в чем именно могут заключаться подобного рода связи.

В комментарии говорится о нарушении внешних каузальных связей в момент воссоздания тела с по-

мощью телепорта, — в прошлом такого тела уже не будет факта, что именно оно когда-то родилось естественным для млекопитающих путем.

Расширим изначальный пример: представим, что телепортации подверглась зигота будущей личности (скажем, моя собственная), а после была помещена в тело суррогатной матери. Обладая таким же набором изначальных данных (в смысле набора ДНК), она станет точно таким же плодом, а в последствии и телом взрослого человека, каким стал бы и мой организм, развиваясь эта зигота в естественных условиях.

И хотя это не приведет ни к какому биологическому различию, предполагаю, что основным возражением станет апелляция к различию в каузальной истории, вызванная суррогатными родами. В таком случае данный пример может быть дополнительно модифицирован: зиготы моих родителей были телепортированы, после чего путем специального отбора необходимых сперматозоидов и яйцеклеток был получен необходимый набор ДНК. В этом случае, как мне кажется, невозможна апелляция ни к различию в организмах, ни к различию в их каузальном происхождении (по крайней мере, само зачатие прошло естественным путем).

Очевидно, что в подобной ситуации между организмами не будет никакого биологического различия. Выходит, что зигота после телепортации останется той же зиготой, в то время как физический непрерывный с ней взрослый человек уже не может считаться тем же самым. Другими словами, мы можем утверждать наличие прямых внешних причинно-следственных связей между личностями или любыми другими объектами до и после телепортации.

Последним шансом в таком случае остается апелляция к различию причинно-следственных связей не на уровне меня как организма, но на уровне предыдущих состояний мира (то есть, что в моей биографии теперь появился факт рождения описанным выше образом). Но это было бы довольно слабым утверждением, поскольку, во-первых, оно не соответствовало бы исходному замыслу противников телепортации, а во-вторых, вводило бы разговор о тождестве непосредственной личности (меня) в смежную исследовательскую область — проблему трансмирового тождества².

Однако это не совсем так. Кардаш и все, кто согласен с его позицией, могли бы, в свою очередь, настаивать на том, что в моем примере были нарушены внутренние каузальные свойства зиготы. По крайней мере, именно на таких связях делается акцент в принципе мереорганической преемственности.

Мне кажется, что принцип, опирающийся на столь сильные связи между клетками, имеет существенные недостатки.

Во-первых, можно спросить, о каких конкретно биологических связях идет речь в этом случае? Допустим, что мне оторвало руку, после чего она была пришта к обратно, и теперь, к моей радости, функционирует как обычно. Присутствует ли в данном примере нарушение нормальных связей на уровне клеток моих костей и мускулов? В случае, если пример утраты и возобновления части биологических связей не нарушает мереорганическую преемственность моего тела, то ее не может нарушить и *Мегленный Телепорт*. В противном случае я рискую утратить свое тождество по причине любой значительной травмы своего тела и под метафизический

запрет подпадает использование любых (даже футуристических!) протезов или имплантов³.

Таким образом, ключевая проблема принципа мереорганической преемственности заключается в очевидной невозможности установить даже потенциальную границу, за которой связи между клетками нарушаются настолько, чтобы мы могли непротиворечиво зафиксировать факт утраты тождества [подробнее см.: 9].

И, наконец, во-вторых, с точки зрения Идальго, процесс телепортации неизбежно нарушает существующие в нашем организме межклеточные связи. Но само по себе это возможно только в случае изначальной *метафизической неприспособленности* нашего организма к подобному событию.

Для наглядности представим себе фантастическое существо, которое может радикально менять свой внешний вид и за счет этого принимать облик различных людей⁴. Для анималистов подобный организм очевидным образом сохранит свою тождественность, несмотря на всевозможные трансформации на протяжении всего своего существования⁵. Теперь давайте посмотрим на связи между клетками в его организме-хамелеоне. Если данное существо мимикрирует под наш организм, то оно будет необходимо, хотя бы частично, имитировать и те межклеточные связи, которые постоянно образуются и разрушаются в рамках нашего биологического тела. В таком случае, с точки зрения мереорганической преемственности, каждое новое 'перевоплощение' данного существа создает некий абсолютно новый организм, не связанный ни на уровне выживания, ни тем более на уровне тождества, с более ранней версией этого существа. Это лишь яркий пример того, как мереорганический принцип может не работать даже в рамках анималистического подхода.

Ситуация с контраргументом КА2 осложняется еще и тем, что в нем изначально предполагается не просто достаточность, но прямая *необходимость* наличия причинно-следственных связей для выживания личности.

Но так ли это важно, если мы говорим о выживании? Так ли важно, выжил ли я после деления своего мозга на две равные половины, или если бы меня телепортировали лишь с ограниченным набором моих более ранних планов, целей и воспоминаний?

Для наглядности рассмотрим пример *Чужесного Перерождения*. Вы заходите в телепорт, но что-то ломается, и информация о вашей атомной структуре исчезает. Одновременно с этим некий сумасшедший ученый случайно воссоздает личность, чье тело и сознание максимально похоже на ваше. Между этими двумя примерами нет никакой прямой каузальной преемственности, но для выживания это не является чем-то значимым, появление по любой причине схожей до неразличимости личности будет рассматриваться как пример успешного выживания⁶. Как и прежде, это вполне объяснимо подходом самого Парфита, согласно которому для выживания достаточно наличие абсолютного *любого* каузального отношения.

3. (Не)важные факты. Прежде чем подвести итоги, нам следует закончить с последним из высказанных Кардашем контраргументов КА3, который говорит о трудностях с рефлексией над своим статусом 'нерожденного'.

Первая проблема данного возражения связана с тем, что в нем пространство мысленных экспе-

риментов (снова!) значительно сужается: в этом случае мы можем оспаривать статус 'личностей' в отношении слишком большого количества агентов, населяющих выдуманные философские миры — роботов, киборгов, различных инопланетян, для которых подобный способ появления на свет является естественным.

Вторая сложность заключается в том, что процедура телепортации была изначально сконструирована для обсуждения вопросов психологической преемственности и связанности. Как известно, несмотря на всю заманчивую очевидность, психологическая теория личности имеет значительный изъян в своем объяснении нашей природы: если доступное нам существование и выживание заключается в обладании и сохранении значительного количества ментальных состояний, то что мы можем сказать по поводу младенцев (не говоря уже об эмбрионах)? К сожалению, для сторонников (нео)локкианских теорий личности мы не можем утверждать наличия у новорождённых каких бы то ни было 'ментальных состояний' [16]. Отсюда логичным образом следует, что в рамках психологической теории ни одна существующая личность не была 'рождена' в естественном смысле этого слова. И пусть это идет против любых повседневных интуиций, но это то, с чем приходится работать сторонникам психологического подхода, если они хотят сохранить представление о личности, как о психологической сущности. Поэтому можно заключить, что возражение КАЗ бьет мимо изначальной цели.

Стоит отметить, что в обеих статьях (и Кардаша, и Идальго) бросается в глаза смешение понятий — в каких случаях мы говорим о тождестве, в каких о парфитианском выживании (R-отношении), а в каких случаях о выживании с учетом сохранения физических параметров наших тел.

Так, скажем, наличие татуировки не является критерием, устанавливающим тождество, за исключением ряда предельно дотошных примеров или случаев сохранения изначального атомного субстрата (когда передается не информация об атомах и их конфигурации, а сами атомы, пересобираемые на новом месте в абсолютно идентичном виде). Если мы говорим только о простом выживании тел, было бы странным учитывать эффекты старения, ведь даже безвозвратная утрата татуировки никогда не будет означать утрату чего-то фундаментального важного для меня, как для личности.

Идальго отмечает, что у нас нет никаких пруденциальных оснований беспокоиться о собственном выживании. И в этом с ним невозможно не согласиться. Проблема состоит лишь в том, что, с точки зрения наших интуиций, выжить в другом теле и в другом месте куда лучше, чем не выжить, сохранив при этом тождество тела или организма.

И хотя связка понятий 'личность' и 'тождество' обладает серьезным эвристическим потенциалом, я считаю, что его реализация ограничена сугубо областью философско-юридических проблем. Решение этих проблем, с моей точки зрения, требует переноса фокуса нашего внимания на связку понятий 'самость' и 'выживание'. Однако в данной статье я не буду утомлять читателей рассуждениями на эти темы.

Примечания

¹ Я позволил себе объединить три контраргумента, которые были выдвинуты, в один: (КА1') различие в механизмах

физической преемственности (т.е. факт естественного рождения в одном случае, и 'воссоздания' при телепортации в другом; (КА2') требование предельно дотошного воспроизведения (т.е. вопрос о том, насколько точно, вплоть до мельчайших абсурдных деталей, будет воспроизведено оригинальное тело); (КА3') очевидность разрушения исходных межклеточных связей при уничтожении оригинального тела. На мой взгляд, все три возражения сводятся к фиксации проблемы сохранения естественных внешних и внутренних причинно-следственных отношений, вызванных процедурой телепортации.

² Пример с зиготой является проблематичным также и потому, что в нем отсутствует какая-либо психологическая связанность или преемственность, а значит, мы не можем говорить о выживании зиготы в чисто парфитианском смысле. Поскольку для этого требуется психологическая связанность между двумя личностями, обоснованная любой каузальной причиной [6, р. 206–207]. Очевидно, что и зигота, и телепортированная зигота не обладают ментальными состояниями. Чуть ниже еще мы вернемся к вопросам связи между выживанием и причинностью.

³ Более того, подобное требование очевидным образом 'отменяет' множество мысленных экспериментов, вроде замены нейронов на микрочипы в знаменитом примере 'затухающих квалиа' [7, с. 314–341]. Аналогичным образом мы 'блокируем' и примеры неполной киборгизации (кибернетическое тело + биологический мозг и спинной мозг), наподобие тех, что описываются в работе Руи Куньи [8]. Я далек от мысли, что только лишь из-за этого следует отказаться от требования мереорганической преемственности, но, как мне кажется, необходимо отметить подобное 'обеднение' философского дискурса.

⁴ Похожих существ можно обнаружить в хоррорах *Не-что* (1982 г.) и *Особь* (1995 г.), а также других фантастических фильмах. Подобные каузальные связи между их клетками должны быть для них столь же естественны, как естествен процесс митоза для амёб и прочих одноклеточных организмов. Если признать, что данный вид существ метафизически возможен, тогда их клетки и межклеточные связи должны были вести себя соответствующим образом. Аналогично это будет работать для человеческих клеток и связей между ними в случае, если мы метафизически приспособлены к процедуре телепортации. Косвенное подтверждение этих размышлений можно обнаружить, например, здесь [10, р. 335–336].

⁵ К большому сожалению, я не нашел в работах анималистов каких бы то ни было исследований касательно подобных 'предельных' организмов. Однако, насколько я могу судить, они не стали бы спорить с сохранением тождества при изменении внешней оболочки организма.

⁶ Пример, максимально похожий на *Чужесное Перерождение* Идальго, был описан в работе Роберта Эллиота, именно его работе я обязан за убедительные аргументы для отрицания прямых причинно-следственных связей и выживания [11, р. 61–62, также см.: 12]. Что характерно, отрицание важности причинно-следственных связей для выживания можно найти также у Кэмпбелла [13], кроме того, схожие рассуждения присутствуют, например, в работе [14; но ср. с этим: 15].

Библиографический список

1. Кэмпбелл С. Стремительное психологическое изменение / пер. с англ. О. М. Кадочниковой // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 95–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-95-100. EDN: ECDWJL.
2. Кардаш А. М. Телепорт и оригами // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 102–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-102-107. EDN: LQDSOS.
3. Парфит Д. Мы — нечеловеческие существа / пер. с англ. У. В. Добронравовой // Омский научный вестник. Сер.

Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 82–95. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-82-95. EDN: IPDBNV.

4. Гаспаров И. Г. Парфит и нигилизм относительно лично-го тождества // *Analytica*. 2007. № 1. С. 10–36.

5. Идальго Х. Выживание при телепортации / пер. с англ. А. В. Нехаева // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2024. Т. 9, № 1. С. 97–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-97-101. EDN: RAUEJE.

6. Parfit D. *Reasons and persons*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p.

7. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. Москва: УРСС; ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с. ISBN 978-5-453-00045-6.

8. Кунья Р. В. Буду ли я когда-то киборгом? / пер. с англ. Кочнева Р. Л. // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 2. С. 106–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-106-115. EDN: QLHUXN.

9. Кочнев Р. Л. Типы тождества и координаты личности: способы классификации современных теорий тождества личности // *Эпистемология и философия науки*. 2023. Т. 60, № 2. С. 114–132. DOI: 10.5840/eps202360228. EDN: UMXAYW.

10. Shoemaker S. *Identity, Cause, and Mind: Philosophical Essays*. Oxford: Clarendon Press, 2003. 480 p.

11. Elliot R. Personal Identity and the Causal Continuity Requirement // *The Philosophical Quarterly*. 1991. Vol. 41, № 162. P. 55–75. DOI: 10.2307/2219786.

12. Elliot R. How to Travel Faster Than Light? // *Analysis*. 1981. Vol. 41, № 1. P. 4–6. DOI: 10.1093/analys/41.1.4.

13. Campbell S. Is Causation Necessary for What Matters in Survival? // *Philosophical Studies*. 2005. Vol. 126, № 3. P. 375–396. DOI: 10.1007/s11098-004-7786-1.

14. Kolak D., Raymond M. Personal Identity and Causality: Becoming Unglued // *American Philosophical Quarterly*. 1987. Vol. 24, № 4. P. 339–347.

15. Sidelle A. Parfit on 'the Normal/a Reliable/any Cause' of Relation R // *Mind*. 2011. Vol. 120, № 479. P. 735–760. DOI: 10.1093/mind/fzr050.

16. Олсон Э. Т. Был ли я когда-то эмбрионом? / пер. с англ. В. А. Сермакшевой // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2021. Т. 6, № 2. С. 113–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-113-123. EDN: IGZSUQ.

КОЧНЕВ Роман Леонидович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, медиа и журналистики Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

SPIN-код: 7887-8053

AuthorID (РИНЦ): 961891

ORCID: 0000-0001-9064-1175

ResearcherID: AAZ-6320-2021

Адрес для переписки: r.l.kochnev@utmn.ru

Для цитирования

Кочнев Р. Л. Телепорт и другие неприятности // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2024. Т. 9, № 2. С. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024 г.

© Р. Л. Кочнев

TELETRANSPORTER AND OTHER TROUBLES

The article is a commentary on the work of Alexey Kardash *Teletransporter and Origami*. It critically analyses the objections to the survival of the person in teleportation: about hidden dualism, about violation of cause-and-effect relations and about reflexive predicament. To answer, a reconstruction of Javier Hidalgo's views presented in *Survival of Teleportation* is used. It is concluded that the objections raised by Alexey Kardash are problematic.

Keywords: personal identity, teleportation, causation, Parfit, survival.

References

1. Kempbell S. Stremitel'noye psikhologicheskoye izmeneniye [Rapid Psychological Change] / trans. from Engl. O. M. Kadochnikovoj // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 95–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-95-100. EDN: ECDWJI. (In Russ.).
2. Kardash A. M. Teleport i origami [Teletransporter and Origami] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 102–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-102-107. EDN: LQDSOS. (In Russ.).
3. Parfit D. My – nechelovecheskiye sushchestva [We Are Not Human Beings] / trans. from Engl. U. V. Dobronravova // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 4. P. 82–95. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-82-95. EDN: IPDBNV. (In Russ.).
4. Gasparov I. G. Parfit i nigilizm otnositel'no lichnogo tozhdestva [Parfit and Nihilism about Personal Identity] // *Analytica. Analytica*. 2007. No. 1. P. 10–36. (In Russ.).
5. Hidalgo J. Vyzhivaniye pri teleportatsii [You Survive Teletransportation] / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 97–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-97-101. EDN: RAUEJE. (In Russ.).
6. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 506 p. (In Engl.).
7. Chalmers D. Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii. [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory] / trans. from Engl. V. V. Vasilyev. Moscow, 2013. 512 p. ISBN 978-5-453-00045-6. (In Russ.).
8. Kun'ya R. V. Budu li ya kogda-to kiborgom? [Will I Ever Be a Cyborg?] / trans. from Engl. R. L. Kochnev // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 2. P. 106–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-106-115. EDN: QLHUXN. (In Russ.).
9. Kochnev R. L. Tipy tozhdestva i koordinaty lichnosti: sposoby klassifikatsii sovremennykh teoriy tozhdestva lichnosti [Types of Identity and Coordinates of Person: Methods of Classifying Modern Theories of Personal Identity] // *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2023.

Vol. 60, no. 2. P. 114–132. DOI: 10.5840/eps202360228. EDN: UMXAYW. (In Russ.).

10. Shoemaker S. *Identity, Cause, and Mind: Philosophical Essays*. Oxford: Clarendon Press, 2003. 480 p. (In Engl.).

11. Elliot R. Personal Identity and the Causal Continuity Requirement // *The Philosophical Quarterly*. 1991. Vol. 41, no. 162. P. 55–75. DOI: 10.2307/2219786. (In Engl.).

12. Elliot R. How to Travel Faster Than Light? // *Analysis*. 1981. Vol. 41, no. 1. P. 4–6. DOI: 10.1093/analys/41.1.4. (In Engl.).

13. Campbell S. Is Causation Necessary for What Matters in Survival? // *Philosophical Studies*. 2005. Vol. 126, no. 3. P. 375–396. DOI: 10.1007/s11098-004-7786-1. (In Engl.).

14. Kolak D., Raymond M. Personal Identity and Causality: Becoming Unglued // *American Philosophical Quarterly*. 1987. Vol. 24, no. 4. P. 339–347. (In Engl.).

15. Sidelle A. Parfit on 'the Normal/a Reliable/any Cause' of Relation R // *Mind*. 2011. Vol. 120, no. 479. P. 735–760. DOI: 10.1093/mind/fzr050. (In Engl.).

16. Olson E. T. Byl li ya kogda-to embrionom? [Was I Ever a Fetus?] / trans. from Engl. V. A. Sermaksheva // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 113–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-113-123. EDN: IGZSUQ. (In Russ.).

KOCHNEV Roman Leonidovich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Philosophy, Media and Journalism Department, University of Tyumen, Tyumen.

SPIN-code: 7887-8053

AuthorID (RSCI): 961891

ORCID: 0000-0001-9064-1175

ResearcherID: AAZ-6320-2021

Correspondence address: r.l.kochnev@utmn.ru

For citations

Kochnev R. L. Teletransporter and other troubles // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111.

Received February 26, 2024.

© R. L. Kochnev

УДК 17.03
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-112-119
EDN: DEHJSF

С. КАН

Университет Индианы-Пердью
в Индианаполисе,
Индианаполис, США

Перевод с английского
А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

КАНТ И ВАГОНЕТКА

В статье исследуется вопрос применимости этики Канта, которая запрещает относиться к людям как простым средствам, в решениях различных сценариев Вагонетки. На основе различия между понятиями 'относиться как к простому средству' и 'обращаться как с простым средством' реконструируются точные требования Кантовского запрета.

Ключевые слова: Кант, проблема вагонетки, деонтология, Кантовский запрет, формула человечности, категорический императив.

Знаменитая проблема Томсон под названием 'Вагонетка' включает в себя два мысленных эксперимента:

Вагонетка: Вагонетка с грохотом несется по рельсам, и если она продолжит движение, то задавит пять человек, которые находятся на рельсах и не имеют возможности спастись. Вагонетку нельзя остановить, но вы можете перевести стрелку, чтобы она перешла на другой путь. Если вагонетка окажется на нем, она задавит одного человека, который там находится и не имеет возможности спастись (рис. 1). Вопрос в том, следует ли / можно ли перевести стрелку?

Толстяк: Вагонетка с грохотом несется по рельсам, и если она продолжит движение, то задавит пять человек, которые находятся на рельсах и не имеют возможности спастись. Вы стоите на мосту, который проходит над рельсами, и рядом с вами стоит Толстяк. Толкнув его, вы можете сбросить Толстяка на рельсы. Толстяк умрет, но его тело не даст вагонетке задавить пятерых людей на рельсах (рис. 2). Вопрос в том, следует ли / можно ли столкнуть Толстяка¹?

Томсон отмечает, что в сценарии *Вагонетки* большинство людей разделяют интуицию о том, что дозволительно переключить стрелку, тогда как в сценарии с *Толстяком*, напротив, скорее поддерживают интуицию о том, что толкать его на рельсы было бы чем-то недозволительным². Проблема в том, чтобы дать основанное на принципах объяснение этим наблюдаемым расхождениям в интуициях: почему в первом сценарии дозволительно спасти пятерых, убив одного, а во втором — нет?

Основная цель Томсон заключалась в том, чтобы показать, что расхождение в интуициях нельзя объяснить с помощью принципа 'убить всегда хуже, чем позволить умереть'³. Но она также стремилась показать и то, что его нельзя объяснить с помощью принципа Канта, запрещающего относиться к людям как простым средствам (далее — Кантовский запрет). Для достижения этой цели Томсон придумала третий вариант эксперимента, который представляет собой незначительную модификацию *Вагонетки*:

Петля: Тележка с грохотом несется по рельсам, и если она продолжит движение, то задавит пять человек, которые находятся на рельсах и не имеют возможности спастись. Вагонетку нельзя остановить, но вы можете перевести стрелку, чтобы она перешла на другой путь. Он является обьездным кольцом, которое возвращает вагонетку обратно на путь, где находятся пятеро человек. Однако, если вагонетка окажется на обьездном кольце, она задавит одного человека, который там находится и не имеет возможности спастись, и его тело помешает вагонетке вернуться на первый путь и задавить пятерых (рис. 3)⁴. Вопрос в том, следует ли / можно ли перевести стрелку?

Томсон полагает, что перевод стрелки в *Вагонетке* дозволителен, только если дозволителен перевод стрелки в *Петле*: «...мы не можем предположить, что наличие или отсутствие этого дополнительного отрезка пути имеет большое моральное значение для того, что агент может делать в подобных случаях» [2, р. 1403]. Но в *Петле* тот, кого сбивает вагонетка, необходим для спасения пятерых не меньше, чем в сценарии с *Толстяком*: «агенту [в примере

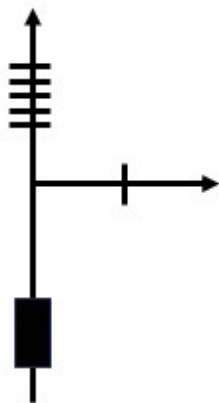

Рис. 1. Вагонетка

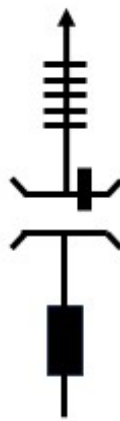

Рис. 2. Толстяк

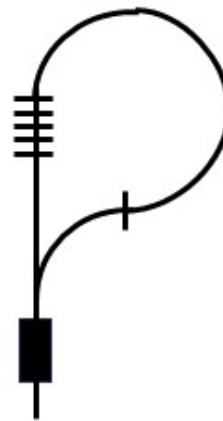

Рис. 3. Петля

Петли] нужен один (толстый) рабочий на объездном кольце, если он желает спасти пятерых» [2, р. 1403]. В итоге получается, что сценарий с *Толстяком* предполагает обращение с кем-то просто как со средством, только если это предполагает *Петлю*, из чего следует, что Кантианский запрет не работает (поскольку в сценарии с *Толстяком* нежелательно его сталкивать на рельсы, тогда как в сценарии *Петли* допустимо перевести стрелку). Томсон пишет: «Кажется, не существует правдоподобного объяснения того, что вовлечено или что необходимо для такого применения понятий 'обращаться с человеком только как со средством', или 'использовать одного, чтобы спасти пятерых', при котором считалось бы, что один агент это делает [в сценарии с *Толстяком*], тогда как другой — нет [в сценарии *Петли*]» [2, р. 1403]. Более того, Томсон отнюдь не одинока в своей негативной оценке Кантианского запрета, полученной на основе анализа проблемы 'Вагонетки'. Например, Фридман, подобно Томсон, тоже приходит к выводу, что в *Петле*, как и в сценарии с *Толстяком*, «нужен еще кто-то в качестве средства спасения пятерых. Так что Кантианское решение, по всей видимости, не работает» [5, р. 164].

Тем не менее такая оценка в целом ошибочна и не имеет под собой никаких оснований, что и призвана продемонстрировать данная статья. Она состоит из трех разделов. В первом разделе я представляю Кантианский запрет на использование человека в качестве простого средства. Во втором объясню, в каком месте 'Вагонетка' попадает на неправильный путь. Здесь я привлекаю недавний оригинальный вклад Клейнфельд в Кантианское решение проблемы 'Вагонетки'. В третьем разделе я представляю краткий набросок ряда важных деталей, необходимых для Кантианского решения проблемы 'Вагонетки'.

1. Кантианский запрет. Кант открывает I раздел своих *Основоположений метафизики нравов* знаменитым утверждением: «Нигде в мире, да и нигде вне его, невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только *доброй воли*» [6, с. 161]. Оно часто считается краеугольным для этики Канта, в частности, и для деонтологической этики в целом. Ключевая идея этого утверждения заключается в том, что, если добрая воля — единственное добро без ограничений, тогда объективное благо всегда обусловлено доброй волей. Добрая воля понимается

в терминах принципов или максим. Следовательно, чтобы определить деонтический статус действия, необходимо оценить принципы, на которых оно совершается, а не последствия его совершения или воплощаемые им добродетели.

Кант предоставляет нам ряд инструментов, позволяющих отличить хорошие принципы от плохих. Наиболее важным из них для наших целей будет так называемая Формула Человечности (ФЧ) в виде Категорического Императива (КИ). ФЧ основывается на различии между двумя разными видами ценностей: ценой и достоинством⁵. Цена является чем-то внешним, суммируемым и сравнительным, тогда как достоинство — внутренним, не суммируемым и не сравнительным. Объекты нашей склонности имеют цену, тогда как разумные существа обладают достоинством, и именно поэтому рациональная природа существует как самоцель. Исходя из этого, Кант утверждает ФЧ: «... *поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [6, с. 205].

Кантианский запрет, о котором шла речь выше во введении к данной статье, вытекает из последнего пункта ФЧ и может быть записан отдельно: никогда не относиться к человечности, в своем лице или в лице всякого другого, просто как к средству. Между этим запретом и тем запретом, на который ссылается Томсон, есть два важных различия: (i) Томсон говорит об обращении как с простым средством, тогда как Кант говорит об отношении как к простому средству, и (ii) Томсон говорит о людях, тогда как Кант говорит о человечности в людях. Разумно предположить, что я мог бы обращаться с кем-то как со средством, не относясь к нему в качестве такового⁶. В свою очередь, если отношение к человечности людей является способом отношения к людям, то также разумно предположить, что существует больше способов отношения к людям, чем одно только отношение к их человечности. Это позволяет нам говорить о том, что запрет Томсон более широкий, чем запрет Канта. Чтобы обозначить это различие, я буду называть подлинный запрет, выраженный в ФЧ, 'Кантовским запретом', а запрет Томсон и остальные, похожие на него и также вдохновленные Кантом, — 'Кантианскими запретами'. Моя основная цель — представить защиту объяснительной роли Кантовского запрета. Хотя большая часть из того, что я буду гово-

ритель, применима не только к Кантовскому запрету, но и (вероятно) к Кантианским запретам.

2. Как вагонетка попадает на неправильный путь. Собственную защиту Кантовского запрета я хочу начать с рассмотрения альтернативной защиты, недавно предложенной Клейнгельд. В работе *Кантианское решение проблемы Вагонетки* она выстраивает новую концепцию того, что значит относиться к кому-то просто как к средству: «... агент относится к другому человеку 'просто как к средству' тогда и только тогда, когда (1) агент *относится* к человеку *как к средству*, пригодному лишь для реализации целей агента, (2) без учета того, чтобы, отдавая должное моральным принципам, это отношение имело своим *условием согласие* человека, (3) где под требуемым согласием понимается *фактическое* искреннее согласие быть использованным агентом определенным образом в качестве средства достижения цели агента» [7, р. 210]. Клейнгельд утверждает, что в сценарии Вагонетки перевести вагонетку на другой путь не значит отнестись к человеку, который там находится, как к средству, а *fortiori* здесь этот человек не используется просто как средство. В сценарии же с *Толстяком*, Клейнгельд, напротив, считает, что Толстяк обязательно используется как средство для остановки вагонетки, и такое его использование обязательно имеет условием его фактическое согласие, из чего следует, что Толстяк там обязательно используется просто как средство. Это позволяет нам применить Кантовский запрет для объяснения расхождения наших интуиций в проблеме 'Вагонетки'. Но защита Клейнгельд должна также справляться и со сценарием *Петли*.

Клейнгельд настаивает на том, что *Петля* имеет общие черты как с *Вагонеткой*, так и с *Толстяком*. Из-за этого сценарий *Петли* допускает альтернативные толкования: один агент может принять недозволенную максиму «спасти больше, а не меньше человеческих жизней, даже если это требует отношения к другим людям как к средству достижения данной цели без их фактического согласия», тогда как другой агент может принять дозволенную максиму «спасти больше, а не меньше человеческих жизней, при условии, что я не буду никого использовать как средство достижения данной цели без его на то фактического согласия» [7, р. 218–220]. Релевантность различия в сценариях с *Толстяком* и *Петлей* обосновывается путем апелляции к двум посылкам о той разнице, которая существует между действиями и максимами: (1') Морально дозволенное действие остается дозволенным даже в том случае, если оно совершено на основании принципа морально недозволенного действия; и (2') если действие может быть совершено только на основании морально недозволенных принципов действия, то такое действие является недозволенным [7, р. 223]. Из этих двух посылок следует, что, поскольку сталкивание человека на рельсы в сценарии с *Толстяком* обязательно нарушает Кантовский запрет, данное действие является недозволенным. Но из них также следует, что перевод стрелки в *Петле* не обязательно нарушает Кантовский запрет, а значит, действие может быть дозволенным, даже если оно совершается на основании недозволенной максимы. В итоге получается, что Кантовский запрет оправдан: он может обосновать морально релевантное различие между *Толстяком* и *Петлей*.

В отношении предложенного Клейнгельд аргумента я бы хотел сказать три вещи. Во-первых, я

думаю, что ее интерпретация того, что значит использовать кого-то просто как средство, проблематична. Рассмотрим, в частности, пункты (2) и (3) ее интерпретации, которые в совокупности я буду называть 'фактическим условием согласия'. Основное текстуальное свидетельство в пользу фактического условия согласия Клейнгельд взято из примера, который Кант приводит в *Основоположениях метафизики нравов*. Кант указывает, что недозволительно давать кому-то лживое обещание ради того, чтобы получить наличные деньги, «ведь тот, кем я хочу пользоваться для своих целей посредством такого обещания, никак не может согласиться с моим образом действий по отношению к нему и, следовательно, сам содержать в себе цель этого поступка» [6, с. 206]. В этом отрывке говорится о том, что, если X относится к Y как к средству достижения своей цели, а Y не может дать на это согласие, этого достаточно, чтобы считать, что X использует Y как простое средство. Однако предоставить кому-то возможность дать согласие — условие значительно более слабое, чем получение его фактического согласия. Поэтому апелляция Канта к возможному согласию не является обоснованием условия фактического согласия Клейнгельд. Хотя Клейнгельд считает, что указание Канта относительно того, в чем содержится цель чье-либо действия, следует интерпретировать в терминах фактического согласия: агент содержит в себе самом цель действия тогда и только тогда, когда он дает фактическое согласие на данное действие [8, р. 402].

Тем не менее сам Кант не объясняет понятие 'содержать цель действия' в терминах фактического согласия (он вообще его никак не объясняет), и (при всем уважении к Клейнгельд) эти два понятия не кажутся эквивалентными. Чтобы понять, почему они не эквивалентны, нужно обратить внимание на то, что, с одной стороны, я могу содержать цели своих собственных действий без фактического согласия на них, и это предполагает, что фактическое согласие не является необходимым для агента, чтобы он мог содержать цель действия; с другой стороны, я могу дать фактическое согласие быть использованным просто как средство, а значит, фактическое согласие не является достаточным для агента, чтобы содержать в себе цель действия. На этом втором пункте (а именно: что я могу согласиться быть использованным просто как средство) следует сделать особый акцент, поскольку сама Клейнгельд вполне допускает, что такое возможно. Клейнгельд считает, что согласие быть использованным как простое средство морально недозволительно: «Например, вы не должны соглашаться на то, чтобы вас использовали в качестве сообщника в какой-то афере, так же как не должны соглашаться на продажу себя в рабство. Поэтому существует набор нормативных условий, которым обязан соответствовать всякий, кого просят послужить средством» [8, р. 404].

Но такое допущение кажется мне фатальным: ведь, независимо от того, должен ли я фактически не соглашаться быть использованным как простое средство (потому что сделать так — означало бы проявить неуважение к себе), сам факт того, что я могу дать фактическое согласие на это, немедленно влечет за собой то, что один агент может использовать другого как простое средство, даже несмотря на то, что «отдавая должное моральным принципам, это отношение имело своим *условием согласие* человека» [7, р. 210].

Однако, даже если не принимать во внимание эти проблемы с предложенной Клейнгельд защитой Кантовского запрета, второе, что я хотел бы сказать о ее подходе, — это то, что как ответ Томсон он крайне сомнителен. Причина этого в самих максимах, которые Клейнгельд рассматривает. Как отмечалось выше, в сценарии *Петли* она принимает две максимы: «спасти больше, а не меньше человеческих жизней, даже если это требует отношения к другим людям как к средству достижения данной цели без их фактического согласия» и «спасти больше, а не меньше человеческих жизней, при условии, что я не буду никого использовать как средство достижения данной цели без его на то фактического согласия» [7, р. 218–220]. Но ведь подход Томсон, по сути, состоит в том, что вторая максима применима в сценарии *Петли* тогда и только тогда, когда она применима в сценарии с *Толстяком*, и Клейнгельд не дает правдоподобного объяснения того, почему точка зрения Томсон ошибочна. Правдоподобное решение проблемы ‘Вагонетки’ не должно включать в себя нормативно нагруженные максимы.

Третья проблема с защитой Клейнгельд, я думаю, является наиболее важной для наших целей. Она связана с тем, как Клейнгельд проводит различие между действиями и максимами (в приведенной выше цитате с двумя посылками (1') и (2')).

Различение действия и максимы Клейнгельд, по всей видимости, лежит на заднем плане замечаний Томсон и является общепринятым в Кантианской этике. Например, согласно Погге, «поступок⁸ будет неправильным (противоречащим долгу) только в том случае, если всякая максима, на основании которой он может быть совершен, недовольствительна» [9, р. 55]. Нихольм предлагает формально эквивалентный подход, выраженный им в терминах дозволенности: поступок дозволен тогда и только тогда, когда он может быть выполнен на основании дозволенной максимы [10, р. 287]. Проблема, однако, в том, что эти подходы делают категорию недовольствительного неприменимой на практике. Существует бесконечное множество максим, на основании которых любое данное действие может быть выполнено, и поскольку ни один человек не в состоянии оценить бесконечное множество максим, у нас не было бы способа определить, является ли какое-то действие недовольствительным. Тем самым, если принять подход Клейнгельд на различие между действиями и максимами, станет невозможным определить, является ли действие по stalkingванию человека на рельсы недовольствительным в *Толстяке* или нет, что подрывает ее собственную позицию в этом сценарии, а значит, и попытку представить успешную защиту объяснительной роли Кантовского запрета в решении проблемы ‘Вагонетки’⁹.

Несмотря на общепринятость различения действий и максим в Кантианской этике, сам Кант его не принимает. Кант считает, что поступки и максимы не могут быть отделены друг от друга; поступок недовольствителен тогда и только тогда, когда он совершается на основании недовольствительной максимы. Это становится очевидным, если мы рассмотрим другие версии КИ, например, так называемую Формулу Всеобщего Закона (ФВЗ): «*поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом*» [6, с. 195]. ФВЗ абсолютно недвусмысленно утверждает, что поступок оценивается на основе конкретной максимы, кото-

рую он реализует. Другими словами, ФВЗ указывает нам, что действие недовольствительно, если оно совершается на основании максимы, которую нельзя пожелать одновременно с универсальным законом. В ФЧ, где термин ‘максима’ отсутствует, это не столь очевидно. Однако уловить смысл ФЧ, опираясь на общие экзегетические соображения, особенно когда мы берем ее в контексте, нам будет довольно сложно, если только мы не трактуем ее аналогичным образом. В этом случае Кантовский запрет должен говорить нам, что действие недовольствительно, если оно совершается на основании максимы, которая предполагает отношение к человечности какого-либо человека как к простому средству; в противном случае данный запрет было бы трудно согласовать с приведенным выше в разделе 1 утверждением Канта о ценности доброй воли.

Доказательства в пользу представления о том, что максимы и поступки не могут быть отделены друг от друга, есть не только в *Основположениях метафизики нравов*, но и во второй части *Метафизики нравов*, в учении Канта о добродетели. Там Кант выводит, в большинстве случаев из ФЧ, всякого рода общие обязательства, включая запреты на такие вещи, как самоубийство и осквернение себя похотью. И, что особенно важно для наших целей, сразу же после изложения этих обязательств он формулирует казуистические вопросы. Например, утверждая, что самоубийство в целом недовольствительно, Кант спрашивает: «Позволять ли предупреждать несправедливый смертный приговор своего повелителя самоубийством?» [11, с. 465–467]. Причина, по которой это важно, заключается в том, что Кант, по всей видимости, считает ответы на казуистические вопросы на самом деле открытыми, несмотря на тот факт, что он сам только что утверждал недовольствительность рассматриваемых действий. Это предполагает, во-первых, что недовольствительное действие может быть совершено на основании дозволенной максимы и, во-вторых, что мы можем знать, что действие недовольствительно, не зная, дозволительна ли всякая максима, на основании которой оно может быть совершено. Но что именно он имеет в виду?

Если кратко, Кант оперирует трехчастным делением на поступки, типы действий и максимы. Как мы уже видели, поступки индивидуализируются и оцениваются по максимами, на основании которых они совершаются (следует определить, можно ли пожелать эти максимы одновременно с универсальным законом, либо предполагают ли они обращение с человечностью в человеке как целью, и никогда просто как со средством). Типы действий, напротив, оцениваются путем обобщения максим, на основании которых совершаются поступки данного типа. Таким образом, тип действия дозволен тогда и только тогда, когда поступки данного типа в целом дозволены, а поступок дозволен тогда и только тогда, когда он совершается на основании дозволенной максимы.

То, что деонтический статус типов действий определяется обобщениями, подразумевает, что недовольствительный тип действия может совершаться на основании дозволенной максимы, из чего следует, что дозволенный тип действия может совершаться на основании недовольствительной максимы. Однако, если имеет место первая ситуация, тогда поступок, совершаемый на основании дозволенной максимы, дозволен сам по себе, даже несмотря на то, что он является поступком недоволь-

тельного типа, и наоборот, если имеет место вторая ситуация. А это значит, что и Томсон, и Клейн-гельд — обе встали на неправильный путь.

3. Перевод стрелки. В предыдущем разделе мы отмечали, что этика Канта не оценивает типы действий напрямую: она оценивает поступки через призму воплощаемых ими максим, обобщая их затем до типов действий. Разумеется, существует бесконечное множество возможных поступков, реализующих тип действия 'переводить стрелку' в сценариях *Вагонетки* или *Петли* и 'толкать человека на рельсы' в сценарии с *Толстяком*, и, соответственно, бесконечное множество максим. Проблема в том, что нет никакого очевидного способа выяснить деонтический статус всех этих поступков. Этого нельзя сделать путем их простого перебора одного за другим, ведь, помимо того, что у нас нет фиксированного списка таких поступков или максим, на основании которых мы можем действовать в подобного рода сценариях, сам перебор занял бы бесконечное количество времени. Для работы с моральными свойствами максим нет никакой индуктивной схемы, вроде той, что применяется нами при доказательстве свойств натуральных чисел. Действительно, *prima facie* кажется неправдоподобным, что каждая из множества максим, на основании которых агент может совершать поступок, реализующий тип действия 'переводить стрелку', будет иметь один и тот же деонтический статус (то же самое можно сказать и о максимах поступков, реализующих тип действия 'толкать человека на рельсы').

Лучшее, что мы можем сделать, — это дать правдоподобные обобщения о человеческой природе, которые приведут нас к правдоподобным обобщениям о видах максим, принимаемых агентами в ситуациях, когда они переключают стрелку или толкают людей на рельсы. Затем мы должны сделать некоторые разумные обобщения о деонтических статусах этих видов максим. Но на этом работа не закончится: то же самое нам придется сделать с видами максим, принимаемыми агентами в ситуациях, когда они не переключают стрелку или не толкают людей на рельсы. В итоге может оказаться, что оба варианта действий в целом будут выполнимы на основании дозволенных максим, либо, напротив, — недозволенных. Однако пока ни один из философов не занимался подобной работой, а ведь без нее нельзя что-либо утверждать о деонтическом статусе действий, рассматриваемых в сценариях с *Вагонеткой*, *Толстяком* или *Петлей*¹⁰.

Конечно, кто-то может возразить против сделанного мной предположения, что применять Кантовский запрет для определения деонтического статуса того или иного типа действия можно лишь посредством обращения к эмпирической информации. Но ведь Кант сам говорит об этом в *Метафизике нравов*: «... мы часто должны будем брать в качестве объекта особую природу человека, которую можно познать только из опыта, дабы на этом примере показать последствия, вытекающие из всеобщих моральных принципов; однако это ничуть не умаляет чистоты этих принципов и не ставит под сомнение их априорное происхождение. — Таким образом, метафизика нравов не может основываться на антропологии, однако может быть применена к ней» [11, с. 238]. Согласно Канту, множество формулировок КИ дано *a priori* и познается чистым разумом. Однако, чтобы определить наши общие обязательства, мы должны применять априорные принципы в сочетании с полученными из опыта антропологи-

ческими знаниями. Эти знания нам необходимы для того, чтобы прийти к вспомогательным гипотезам, которые можно было бы использовать для вывода обязательств с помощью априорных моральных принципов.

Я не буду давать полное описание того, как Кантовский запрет применим к сценариям *Вагонетки*, *Толстяка* или *Петли*. Вместо этого я обрисую в общих чертах только два вида соображений, которые должны быть нами приняты во внимание.

Во-первых, необходимо учитывать общие способности агентов обрабатывать такие сценарии. Если большинство агентов будут паниковать или действовать на основе привычки либо импульса, тогда вопросы об общей (не)дозволительности действий в данных сценариях будут основываться на общей (не)дозволительности видов привычек и импульсов, основанных на максимах, насаждаемых теми, у кого они есть, в противовес тем, у кого их нет. Из этого можно сделать необычный вывод: в зависимости от общепринятых контингентных психологических тенденций, (не)дозволительность перевода стрелки или толкания людей на рельсы может иметь очень мало общего с максимами, которые непосредственно касаются каждого из этих действий. Это объясняется тем, что (1'') максима является большей посылкой в практическом силлогизме, ведущем к действию, и если агенты не способны обрабатывать проблемные сценарии достаточно быстро и рационально, послышки об этих действиях могут быть малыми послышками в силлогизме, и (2'') действие может быть и вовсе не основанным на максиме; оно может быть импульсом, возникающим в результате продолжительного культивирования основанных на максимах привычек. Например, если агенты, которые при прочих равных отказывались толкать людей на рельсы, делали бы это в результате культивирования максимы 'избегать прямого физического насилия', тогда как агенты, которые при прочих равных толкали людей на рельсы, делали бы это в результате культивирования максимы 'безразличия к внутренней ценности других', у нас имелись бы все основания полагать, что действие типа толкания людей на рельсы будет недозволенным¹¹.

Во-вторых, необходимо учитывать общие предположения, которые будут у агентов в такого рода сценариях, на предмет того, содержат ли они в себе цели спасения пятерых (если допустить, что спасение пятерых является той целью, которая должна быть у агентов в данных сценариях). Максимумы — это принципы действий агентов. Внешние описания действия как таковые не достаточны для определения его деонтического статуса. Например, предположим, что я гуляю в сумерках и решаю присесть на минутку на то, что я принял за бревно. Но на самом деле это бревно — человек в спальном мешке¹². Моя максима не приводит к использованию человечности данного человека как простого средства, даже если с внешней точки зрения очевидно, что мое действие не содержит его в качестве своей цели. Внешние описания полезны лишь постольку, поскольку они служат окном в максимы агента. Соответственно, вопрос о том, содержит ли на самом деле сценарий *Толстяка* цель действия агента, толкнувшего его на рельсы, менее важен, чем вопрос о том, верит ли сам агент (добросовестно и искренне) в то, что он его содержит. Если сценарии *Вагонетки* и *Петли* не приводят в действие отказ толкать людей на рельсы, о котором говорилось в предыдущем параграфе, и если большинство

агентов в таких сценариях будут считать, что сталкиваемые ими на рельсы люди содержатся в целях их действий (потому что верят, что те пожертвовали бы собой ради высшего блага, или во что-то в этом роде), тогда перевод стрелки в сценариях с *Вагонеткой* и *Петлей* может быть вполне дозволительно на основании Кантовского запрета.

Описанные мной два вида соображений не являются (и не предназначались быть) исчерпывающими. Однако они необходимы, чтобы мы могли прийти к выводу о деонтическом статусе типов действий в рассматриваемых нами трех проблемных сценариях, хотя и не эквивалентны определению того, почему у агентов может возникать непосредственная реакция, что перевести стрелку в *Вагонетке* и *Петле* дозволительно, тогда как толкнуть человека на рельсы в *Толстяке* — недозволительно. Для ответа на этот вопрос необходимо изучить, как люди обычно заполняют детали этих проблемных сценариев (и на каких морально значимых аспектах они сосредотачивают внимание), когда о них размышляют. Из чего можно сделать вывод, что в исследованиях по проблеме 'Вагонетки' предлагаются полезные и занимательные сценарии, позволяющие выявить интересующие нас интуиции. Тем не менее непростая работа по включению данных интуиций в теорию (и определению того, не следует ли нам подвергнуть эти интуиции пересмотру) еще даже не начиналась, так что необдуманное обесценивание теоретических принципов, в том числе (но и не только) Кантовского запрета, столь характерное для подобных исследований, кажется мне слишком опрометчивым.

Примечания

¹ Чтобы избавиться от предрассудков, связанных с избыточным весом, *Толстяка* иногда модифицируют, заменив его человеком на огромном кресле или с тяжелым рюкзаком.

² В ранних формулировках проблемы 'Вагонетки' вторым сценарием был не *Толстяк*, а сценарий *Трансплантации* [1, р. 205–206; 2, р. 1395]. Там шла речь о хирурге, который решает, дозволительно ли ему извлечь органы у одного здорового человека, чтобы спасти жизни пяти больных пациентов. Томсон все это называет проблемой 'Вагонетки', так как ее в первую очередь интересует объяснение интуиции о дозволительности переключения стрелки, но она предлагает тем, кто больше озабочен интуицией о недозволительности извлечения органов, называть такие сценарии проблемой 'Трансплантации' [2, р. 1401]. Впрочем, в обеих ранних публикациях Томсон сценарий *Толстяка* фигурирует как своеобразная виртуальная замена сценария *Трансплантации*. Я позволил себе фактически поменять их местами друг с другом, поскольку Томсон и сама делает так в своей более поздней публикации [3].

³ Томсон тем самым пытается дать ответ на размышления Фут. В исходном варианте *Вагонетки* последняя задавалась вопросом, может ли ее водитель перевести стрелку. Пример задумывался в качестве иллюстрации принципа 'убийство пятерых хуже, чем убийство одного'. Глобальной целью Фут было показать, что принцип 'убить всегда хуже, чем позволить умереть' (как частный случай более общего принципа 'негативные обязательства носят более строгий характер, чем позитивные') может справляться с большим объемом объяснительной работы, чем Доктрина Двойного Эффекта [4]. Смещая наше внимание с водителя вагонетки на случайного прохожего, — деонтический статус переключения стрелки в этом случае должен остаться без изменений, — Томсон использовала собственный вариант сценария *Вагонетки*, чтобы выявить проблемы, стоящие перед принципом Фут (в отличие

от сценария с водителем, здесь случайный прохожий убивал одного или позволял умереть пятерым). Правда, в своих поздних работах Томсон утверждает, что ее исходный аргумент был основан на ошибке: если водителю и дозволительно переключать стрелку, для случайного прохожего это недозволительно. Таким образом, она возвращается к принципу 'убить всегда хуже, чем позволить умереть' [3].

⁴ В статье Кан не использует рисунки, но из соображений наглядности они были включены в перевод. Рисунки 1 и 3 взяты из работы Томсон *The Trolley Problem* [2, с. 1402; прим. переводчика].

⁵ Во II разделе *Основоположений метафизики нравов* Кант пишет: «В царстве целей все имеет или цену, или *достоинство*. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как *эквивалентом*; что выше всякой цены, стало быть, не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством» [6, с. 212; прим. переводчика].

⁶ Об этом, в частности, говорит Клейнфельд [7, р. 211].

⁷ Существует еще одна, дополнительная проблема для подхода Клейнфельда: подобно Томсон, она говорит об отношении к людям как простым средствам, но в разделе 1 данной статьи отмечалось, что ФЧ формулируется Кантом в терминах отношения к человечности в людях просто как к средству.

⁸ В цитате употреблена фраза 'act token', для перевода которой использован термин 'поступок' взамен более громоздкого буквального выражения 'токен действия' [прим. переводчика].

⁹ Действительно, действие может быть признано дозволительным, но только если агенту посчастливилось применить дозволительную максиму, и это будет делом случая: по причине отсутствия фиксированного набора максим для категории дозволительного не существует процедуры даже приближенного решения (semi-decision).

¹⁰ Проблема 'Вагонетки' сталкивается с похожими трудностями, когда речь заходит об утилитарной этике, по крайней мере, об утилитаризме действия. Согласно общепринятой трактовке различия между утилитаризмом действия и утилитаризмом правила, первый оценивает поступки, тогда как второй — типы действий. Вполне очевидно, что любой тип действия может быть реализован в бесконечно многих сценариях, поэтому опять же у нас нет никакой индуктивной схемы, которую можно было бы использовать для перехода от частного к общему, точно так же как нет никакой возможности оценить все это бесконечное множество поступков путем их простого перебора одного за другим. Поэтому лучшее, что можно сделать в рамках утилитаризма действия для определения деонтического статуса того или иного типа действия, это дать правдоподобные обобщения об обстоятельствах, в которых агент будет совершать поступки такого типа, а затем, на основе данных обобщений, дать дальнейшие обобщения о том, способствуют ли в целом такие поступки росту суммарной полезности или нет. Как и в случае с этикой Канта, никто до сих пор не сделал ничего подобного. (Если мы примем утверждение Лайонса, что утилитаризм действия и утилитаризм правила экстенционально эквивалентны, то окажемся перед лицом тех же самых затруднений в случае с утилитаризмом правила, поскольку для теории релевантности, которую мы обязаны принять, будет невозможно определить в каждой конкретной ситуации, правильный ли тип действия мы приписали нашему поступку [12].) Однако в этике Канта есть еще одна особенность, которой, я думаю, нет в утилитаризме. Этика Канта не оценивает максимы абстрактно; на самом деле нам неясно, может ли быть идея абстрактной максимы последовательной. Максима является субъективным принципом действия агента, репрезентацией закона, в соответствии с которым он собой управляет. Поэтому в итоге нам придется выяснять, действительно ли этот агент может обобщить свою максиму, и не перестанет ли он, действуя в соответствии с ней, относиться к кому-либо как к цели. Но в данной статье я не стану обращать внимание на такого рода осложнения.

¹¹ Хотя в подобном случае деонтический статус действия будет подвержен амфиболии: действие затрагивает других, тогда как его деонтический статус основывается на обязательствах по отношению к самому себе.

¹² Мой пример основан на аналогичном примере Клейн-гельд [8, с. 399–400].

Библиографический список

1. Thomson J. J. Killing, Letting Die, and the Trolley Problem // *The Monist*. 1976. Vol. 59, № 2. P. 204–217. DOI: 10.5840/monist197659224.
2. Thomson J. J. The Trolley Problem // *The Yale Law Journal*. 1985. Vol. 94, № 6. P. 1395–1415. DOI: 10.2307/796133.
3. Thomson J. J. Turning the Trolley // *Philosophy & Public Affairs*. 2008. Vol. 36, № 4. P. 359–374. DOI: 10.1111/j.1088-4963.2008.00144.x.
4. Foot P. *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 232 p.
5. Friedman A. *Minimizing Harm*. Ph. D. Thesis, Massachusetts Institute of Technology, Department of Linguistics and Philosophy. 2002. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/8155> (дата обращения: 10.02.2024).
6. Кант И. Основоположения метафизики нравов (1785). В 8 т. Т. 4. Прологомены. Основоположения метафизики нравов. Метафизические начала естествознания. Критика практического разума / пер. с нем. Л. Д. Б.; ред. А. В. Гулыга. Москва: ЧОРО, 1994. С. 153–246. ISBN 5-8497-0004-8.
7. Kleingeld P. A Kantian Solution to the Trolley Problem // *Oxford Studies in Normative Ethics*. Vol. 10 / ed. by M. Timmons. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 204–228. DOI: 10.1093/oso/9780198867944.003.0010.
8. Kleingeld P. How to Use Someone 'Merely as a Means' // *Kantian Review*. 2020. Vol. 25, № 3. P. 389–414. DOI: 10.1017/S1369415420000229.
9. Pogge T. Parfit on What's Wrong // *The Harvard Review of Philosophy*. 2004. Vol. 12, № 1. P. 52–59. DOI: 10.5840/harvardreview20041216.
10. Nyholm S. Kant's Formula of Universal Law Revisited // *Metaphilosophy*. 2015. Vol. 46, № 2. P. 280–299. DOI: 10.1111/meta.12125.

11. Кант И. *Метафизика нравов* (1797). В 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума. *Метафизика нравов* / пер. с нем. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканяна; ред. А. В. Гулыга. Москва: ЧОРО, 1994. С. 224–543. ISBN 5-8497-0006-4.

12. Lyons D. *Forms and Limits of Utilitarianism*. Oxford: Clarendon Press, 1965. 225 p.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

Kahn S. Kant and the Trolley // *The Journal of Value Inquiry*. 2023. Vol. 57, № 3. P. 487–497. DOI: 10.1007/s10790-021-09838-6.

Ссылка на полный текст эссе: <https://doi.org/10.1007/s10790-021-09838-6>.

Для цитирования

Кан С. Кант и вагонетка = Kahn S. Kant and the Trolley / пер. с англ. А. В. Нехаева // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2024. Т. 9, № 2. С. 112–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-112-119.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024 г.

© С. Кан

KANT AND THE TROLLEY

The article explores the applicability of Kant's ethics, which prohibited the use of people as mere means, in solutions to various Trolley problem scenarios. Based on the distinction between notions 'using as mere means' and 'treating as mere means', the precise requirements of Kant's prohibition are reconstructed.

Keywords: Kant, trolley problem, deontology, Kant's prohibition, formula of humanity, categorical imperative.

References

1. Thomson J. J. Killing, Letting Die, and the Trolley Problem // *The Monist*. 1976. Vol. 59, no. 2. P. 204–217. DOI: 10.5840/monist197659224. (In Engl.).
2. Thomson J. J. The Trolley Problem // *The Yale Law Journal*. 1985. Vol. 94, no. 6. P. 1395–1415. DOI: 10.2307/796133. (In Engl.).
3. Thomson J. J. Turning the Trolley // *Philosophy & Public Affairs*. 2008. Vol. 36, no. 4. P. 359–374. DOI: 10.1111/j.1088-4963.2008.00144.x. (In Engl.).
4. Foot P. *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 232 p. (In Engl.).
5. Friedman A. Minimizing Harm. Ph. D. Thesis, Massachusetts Institute of Technology, Department of Linguistics and Philosophy. 2002. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/8155> (accessed: 10.02.2024). (In Engl.).
6. Kant I. *Osnovopolozheniya metafiziki npravov (1785)*. V 8 t. T. 4. Prolegomeny. *Osnovopolozheniya metafiziki npravov. Metafizicheskiye nachala estestvoznaniya. Kritika prakticheskogo razuma [Fundamentals of the metaphysics of morals (1785)*. In 8 vols. Vol. 4. Prolegomena. Fundamentals of the metaphysics of morals. Metaphysical principles of natural science. Critique of Practical Reason] / trans. from Germ. L. D. B.; ed. by A. V. Gulyga. Moscow, 1994. P. 153–246. ISBN 5-8497-0004-8. (In Russ.).
7. Kleingeld P. A Kantian Solution to the Trolley Problem // *Oxford Studies in Normative Ethics*. Vol. 10 / ed. by M. Timmons. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 204–228. DOI: 10.1093/oso/9780198867944.003.0010. (In Engl.).
8. Kleingeld P. How to Use Someone 'Merely as a Means' // *Kantian Review*. 2020. Vol. 25, no. 3. P. 389–414. DOI: 10.1017/S1369415420000229. (In Engl.).
9. Pogge T. Parfit on What's Wrong // *The Harvard Review of Philosophy*. 2004. Vol. 12, no. 1. P. 52–59. DOI: 10.5840/harvardreview20041216. (In Engl.).
10. Nyholm S. Kant's Formula of Universal Law Revisited // *Metaphilosophy*. 2015. Vol. 46, no. 2. P. 280–299. DOI: 10.1111/meta.12125. (In Engl.).

11. Kant I. *Metafizika npravov (1797)*. V 8 t. T. 6. *Religiya v predelakh tol'ko razuma. Metafizika npravov [Metaphysics of Morals (1797)*. In 8 vols. Vol. 6. Religion within the limits of reason alone. Metaphysics of Morals] / trans. from Germ. S. Ya. Sheynman-Topshteyn, Ts. G. Arzakanyan; ed. by A. V. Gulyga. Moscow, 1994. P. 224–543. (In Russ.).
12. Lyons D. *Forms and Limits of Utilitarianism*. Oxford: Clarendon Press, 1965. 225 p. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

Kahn S. Kant and the trolley / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 112–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-112-119.

Received February 27, 2024.

© S. Kahn

Настоящим номером нашего журнала мы открываем новую рубрику «АРГУМЕНТЫ И ПРЕДИКАМЕНТЫ». В рамках данной рубрики мы будем систематически публиковать обзорные и аналитические статьи о ключевых понятиях и отдельных аргументах, оказавших значительное интеллектуальное влияние и активно используемых исследователями в самых разных разделах и тематических полях философии (метафизике, эпистемологии, этике, биоэтике, и др.). Мы не намерены целенаправленно продвигать какие-либо конкретные интерпретации или исследовательские идеологии. Критерием отбора текстов для нашей новой рубрики, как и всегда, станет их способность предлагать эвристически полезные инструменты для философских исследований.

Главный редактор
А. В. НЕХАЕВ

УДК 173.4
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-120-131
EDN: YSEOFY

С. ХОЛЬМ^{1,2}
ДЖ. ЛЬЮИС²

¹Университет Осло,
Осло, Норвегия

²Манчестерский университет,
Манчестер, Великобритания

Перевод с английского
А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

АБОРТЫ: АРГУМЕНТЫ PRO ET CONTRA

В статье содержится критический обзор ряда наиболее распространенных аргументов, активно применяемых в дебатах по проблеме абортов. На основе понятия моральной личности выделяются и характеризуются основные группы таких аргументов (отсутствия полного морального статуса, полного морального статуса и градуализм). Отдельно рассматриваются вопросы о праве беременных женщин на аборт, юридической защите права плода на жизнь, а также практике использования медицинской концепции жизнеспособности в законодательстве.

Ключевые слова: искусственный аборт, аргументы морального статуса, законы об абортах, права беременных женщин, жизнеспособность плода.

1. Введение. Во многих странах аборт является в крайней степени спорным вопросом, вызывающим ожесточенные публичные дебаты. Цель данной статьи заключается в том, чтобы обобщить некоторые наиболее значимые презумпции и аргументы, касающиеся моральных и юридических аспектов

аборта, вокруг которых обычно эти дебаты разворачиваются. В рамках вопросов о моральной оправданности абортов нами будут затронуты аргументы морального статуса эмбриона или плода, понятие личности, биологического онтогенеза эмбриона или плода, а также моральной значимости определен-

ных моментов в процессе его внутриутробного развития. Что касается *юридических* вопросов, нами будут рассмотрены понятия и принципы, на которые ссылается законодательство, в первую очередь такие, как права беременных женщин и медицинская концепция жизнеспособности. Для каждой моральной и правовой позиции в дебатах об абортах мы представим обзор ключевых презумпций и аргументов, а также обсудим основные критические замечания.

В статье рассматриваются исключительно моральные и юридические аспекты *искусственного* аборта (преднамеренного действия, ведущего к изгнанию или удалению из матки развивающегося эмбриона или плода). Поэтому любое использование термина 'аборт' без наличия каких-либо особых оговорок следует трактовать как указание на искусственный аборт. Ряд вопросов выходит за рамки данной статьи, например, вопрос о том, следует ли считать абортом методы экстренной контрацепции, применяемые как до, так и после имплантации¹ эмбриона [1–3], а также вопрос о том, как мы должны концептуализировать так называемую 'редукцию плода', когда при многоплодной беременности один или несколько плодов уничтожаются внутриутробно, но она не прерывается полностью, а продолжается с оставшимся плодом [4–6]. Кроме того, данная статья не может также в полной мере отразить некоторые тесно связанные с ней нормативные вопросы, в частности, вопрос о том, как различные права человека используются для оправдания или отчуждения юридического права женщины на аборт [7–9]; о доступе женщин к услугам по прерыванию беременности и их качестве [10]; о проблеме аномалии плода и ее моральных и юридических последствиях [11–13]; и репродуктивном выборе в других областях [7; 14–17].

Начнем мы с изучения ответов на вопрос о моральной оправданности аборта, основанных на различных презумпциях и аргументах, касающихся морального статуса плода, тесно связанного с ним понятия личности и морального значения определенных стадий его эмбрионального и внутриутробного развития. В следующем разделе будут рассмотрены юридические последствия концепции жизнеспособности плода и представлен обзор юридических оправданий абортов, основанных на аргументах, связанных с правами беременных женщин.

2. Моральный статус, личность и моральное значение эмбрионального и внутриутробного развития. Дебаты о моральном статусе плода нацелены на то, чтобы установить, являются ли они сущностями, которые сами по себе имеют моральное значение; иными словами, следует ли нам рассматривать с моральной точки зрения действия, которые потенциально могут повлиять на них либо на их интересы. Определение морального статуса плода является отправной точкой на пути к установлению того, следует ли приписывать плодам моральные права и, если следует, то какие именно. Связанные с этим вопросом аргументы занимают видное место в публичных дебатах о допустимости абортов, а также в области прикладной этики, хотя в целом и менее заметны в судебных прениях, особенно в тех юрисдикциях, которые не признают плод юридическим лицом.

В литературе по прикладной этике дебаты о моральном статусе плода часто переплетаются с вопросом о том, является ли плод 'личностью'. Условия, при которых нечто можно назвать 'личностью',

вызывают серьезные споры. Однако большинство все же сходится во мнении, что личность — это психологическая, а не биологическая концепция. Иными словами, личность концептуализируется в терминах наличия определенных особых (высокоорганизованных или развитых) психологических свойств [18]. Впрочем, ее также характеризуют и в терминах 'способностей' к приобретению этих свойств [19] или принадлежности к виду, члены которого обычно обладают такими свойствами, когда полностью развиты и находятся в здоровом состоянии [20]. Отдельно отметим, что понятие 'личность' не следует путать с понятием 'тождество личности', для которого существуют различные психологические и непсихологические теории [21].

Для специалистов по прикладной этике важным моментом является то, что термин 'личность' используется нами для обозначения сущности с полным моральным статусом, то есть 'моральной личности', что обычно подразумевает наличие существенных моральных прав и юридических защит, включая право не быть убитым. Поэтому для аргументов о моральном статусе отправной точкой служит вопрос о том, является ли плод отдельной от беременной женщины сущностью, и если является, то имеет ли он сам по себе моральное значение.

2.1. Аргументы отсутствия морального статуса. Существует множество аргументов, цель которых показать, что плод не обладает полным моральным статусом, где под полным моральным статусом понимается статус, которым обладает взрослый человек. Эти аргументы различаются в деталях, но в целом имеют одинаковую структуру. Сначала выясняется, каким образом взрослый человек приобретает полный моральный статус или что делает его личностью, а затем демонстрируется, что плод такой характеристикой не обладает [22, 23]. Подобные аргументы разрабатывались в 1970-х и 1980-х годах на основе ряда этических доктрин, вроде консеквенциализма предпочтений² [24, 25], теории прав, основанных на интересах³ [29, 32], либертарианства⁴ [33], или даже якобы без привлечения какой-либо теории, просто с помощью ответа на вопрос 'что делает неправильным убийство взрослого человека, подобного вам или мне?' [34]. Центральное место в них занимает тезис о том, что основой для приписывания полного морального статуса должно быть нечто внутренне присущее плоду, и что этим нечто является набор когнитивных способностей. В зависимости от конкретной теории, которой придерживается исследователь, они включают в себя способность к самосознанию [35], осознание себя в качестве непрерывного во времени субъекта [32], целеустремленность и ориентацию на будущее [36], способность к оценке [37] или целый комплекс сложных интеллектуальных и эмоциональных способностей, включая эмоциональное и рациональное осознание обязанностей и ответственности [38]. Очевидно, что у плода нет ничего из вышеперечисленного. Тем самым, согласно точке зрения сторонников данного подхода, плод не обладает полным моральным статусом. И поскольку плод не является моральной личностью, его уничтожение не должно быть чем-то неправильным. Проще говоря, аборт является морально безобидным актом. Поэтому выбор женщины в пользу аборта не требует дополнительных моральных оснований для его оправдания.

Подобные аргументы часто подвергаются критике на разных основаниях. Стандартное возражение

говорит об их недостаточной инклюзивности. Если мы предположим, что понятие личности включает в себя необходимость наличия сложных психологических свойств и когнитивных способностей, то новорожденные, дети младших возрастов и взрослые с тяжелыми когнитивными нарушениями по определению не будут считаться моральными личностями [32, 39, 40]. На этом основании можно было бы морально оправдать и детоубийство (по требованию родителей), и убийство взрослых с тяжелыми когнитивными нарушениями, — впрочем, как указывают Майкл Тули [32] и Мэри Уоррен [41], нет никаких препятствий считать данные действия морально отвратительными по причинам, которые никак не связаны с фактом наличия такого же морального статуса, что и у 'нормальных' взрослых людей. Кроме того, утверждается, что любой аргумент в защиту детоубийства является не более чем примером *reductio ad absurdum* самого этого аргумента [42; 43, р. 147–180; 44].

Аргументы отсутствия полного морального статуса оспариваются также и на том основании, что после 20-й недели беременности [45] у плода может развиваться способность испытывать такие чувства, как удовольствие и боль. При условии, что плод способен испытывать боль, болезненный аборт уже не кажется морально безобидным действием. Однако сторонники подхода, основанного на понятии личности, уверены в том, что их выводы остаются в силе, если аборт проводится таким образом, чтобы не причинять боль плоду. Аналогичным образом ряд исследователей при решении вопроса о личности плода обращается к теориям философии сознания, утверждая, например, что необходимым условием полного морального статуса служит некоторая форма электрической активности мозга, которая, как известно, возникает у плода примерно на 10-й неделе беременности [46, 47]. Данный подход влечет за собой и намного более консервативный вывод о личности плода и моральной допустимости абортов, а именно в нем утверждается, что, как только начинается электрическая активность мозга, необходимая для существования моральной личности, возникает и риск аборта, приводящего к убийству [46, 47]. Тем не менее, в конечном счете, при решении вопроса аборта на ранних стадиях беременности аргументы отсутствия полного морального статуса, включающие в себя соображения относительно моральной значимости сентиентности плода (способности иметь чувство боли и т.д.) или его мозговой деятельности, приводят нас к практическому выводу о том, что женщины должны иметь доступ к добровольным абортам.

2.2. Аргументы полного морального статуса.

На противоположной стороне дебатов мы найдем множество аргументов, нацеленных на демонстрацию того, что плод обладает полным или почти полным моральным статусом либо на протяжении всего срока беременности, либо в течение значительного периода вынашивания (гестации). Здесь мы представим описание трех групп таких аргументов: (i) религиозных, (ii) 'будущего-подобного-нашему', и наконец, (iii) от потенциальности.

Религиозные аргументы. Мы не можем дать исчерпывающий обзор всех существующих в настоящее время религиозных аргументов против абортов. Однако важно понимать основания этих аргументов, поскольку они занимают видное место в публичных дебатах во многих странах. Также следует иметь в виду и то, что многие религии не име-

ют какой-либо устоявшейся позиции в отношении морального статуса плода и не приписывают человеческой жизни абсолютной защиты ни на каком этапе [48, р. 38].

В некоторых мировых религиях (например, в христианстве, иудаизме, исламе) ключевой идеей аргументов против абортов служит представление о том, что человек состоит из тела и души и что душа является тем местом, где находится моральный агент. Поэтому утверждения о моральном статусе плода напрямую зависят от того, в какой период времени в ходе беременности происходит так называемое 'одушевление' плода (т.е. когда душа вселяется в тело) [подробнее см.: 49]. Хотя важно понимать, что религиозные подходы к аборту опираются и на не связанные с вопросом о моральном статусе плода практики и убеждения, которые нашли свое отражение в Священных Писаниях и укоренились в соответствующих религиозных традициях (наподобие идеи, что аборт аморален, поскольку он способствует сексуальной активности без деторождения).

Существует две точки зрения на период, в который происходит одушевление плода: теория немедленного одушевления и теория отсроченного одушевления [50]. Согласно первой из них, принятой в римско-католическом сообществе, одушевление происходит уже в момент зачатия и, следовательно, эмбрион в тот же самый момент времени становится моральной личностью, имеющей полное право на защиту от аборта. Это значит, что жизнь эмбриона в моральном смысле неприкосновенна при любых обстоятельствах [51, 52]. Альтернативная христианская теологическая точка зрения заключается в том, что одушевление и, следовательно, приобретение эмбрионом полного морального статуса, происходит позднее момента зачатия. Данный подход восходит к Фоме Аквинскому, который, вслед за Аристотелем, утверждал, что одушевление плода происходит 'на поздних сроках' беременности [53; современные томистские интерпретации понятия личности см.: 54, 55]. Аналогичный подход предлагает исламская традиция. Согласно ортодоксальному толкованию Корана и хадисов, одушевление происходит примерно на 120 день после зачатия (4 лунных месяца плюс 10 дней либо три периода по 40 дней), что эквивалентно 134-му дню с момента последней менструации женщины [56, 57]. Согласно другим толкованиям, период одушевления плода приходится на период между 49-м и 55-м днями после зачатия [49, р. 90]. Несмотря на это, исламские теологи утверждают, что эмбрион обладает святостью (т.е. правами плода) уже с момента зачатия [58], эта святость постепенно возрастает в течение всего периода вынашивания плода (гестации), поэтому плод должен считаться моральной личностью с момента своего зачатия, а значит, женщина, делающая добровольный аборт, рискует совершить убийство [58]. При этом поздние аборты по медицинским показаниям все еще разрешены во многих исламских странах. Напротив, иудейские теологи, хотя и упоминают морально значимые периоды вынашивания плода (гестации), не приписывают плоду статуса моральной личности вплоть до момента его рождения [59, 60].

Аргументы 'будущего-подобного-нашему'. Американский философ Дон Маркиз считает аборты аморальными действиями, поскольку они лишают плод 'будущего, подобного нашему' [61–64]. Ключевая идея его аргумента выражена тезисом, что

убийство любого из нас ('нормального' взрослого человека) было бы морально неправильным действием, так как лишало бы нас нашего будущего. То, что мы теряем, будучи убитыми, образует общую сумму всей нашей будущей жизни и будущего опыта. Возможность иметь будущую жизнь и будущий опыт не требует, чтобы я имел такой опыт прямо сейчас, либо даже знал, что он будет у меня в будущем, а предполагает только то, что он будет присутствовать в будущем. При таком подходе абортированный плод лишается того же самого, чего лишаемся мы, если нас убивают, а именно — 'будущего, подобного нашему'. Здесь мы выделяем аргумент Маркиза в отдельную группу, хотя вопрос о том, не является ли он на самом деле всего лишь разновидностью аргументов от потенциальности, остается открытым [см. например: 50, 65].

Аргументы от потенциальности. Выше мы уже показали, что аргументы отсутствия полного морального статуса строятся на основе тезиса об отсутствии у плода определенных когнитивных способностей. Тем не менее некоторые аргументы полного морального статуса, напротив, используют представление о личности, основанное на способности плода развить подобные способности. Обычно такой подход называют 'потенциальным' [66], его основанием становится следующий принцип: «Если морально неправильно убивать взрослого человека, потому что он обладает определенным свойством, тогда морально неправильно убивать и человеческий организм (например, в стадии плода), который приобретет это свойство в будущем, если будет нормально развиваться» [67, р. 209].

Британский философ Ингмар Перссон [68] предлагает оригинальный аргумент от потенциальности, который объединяет идею моральной значимости существа, развивающего сложные психологические способности, с принципом Маркиза 'будущего-подобного-нашему'. Перссон считает, что лишиться существования было бы внешним злом для плода, поскольку это бы препятствовало не только 'актуализации его потенциала по обретению сознания', но и его будущему опыту благополучия и автономии [68, р. 57]. И, наоборот, для плода было бы внешним благом, если бы способность испытывать удовольствие и проявлять автономию актуализировалась и «реализовалась в будущем, поскольку это привело бы к получению опыта, который был бы внутренним благом для него»⁵ [68, р. 51].

Аргументы от потенциальности, присваивающие плодам полный моральный статус, стали предметом ожесточенных дебатов. Например, некоторые критики утверждают, что факт простого наличия потенциальных высокоорганизованных психологических или когнитивных способностей не имеет важного значения при решении вопроса о присвоении плодам морального статуса [70]. Другие критики подчеркивают, что, даже если потенциальные способности эмбриона или плода могут быть такими же, что и потенциальные способности младенца, одно только это не позволяет присваивать эмбрионам или плодам точно такой же моральный статус, что и младенцам, хотя и может стать достаточным условием, чтобы присвоить им *какой-то* моральный статус [71]. Кроме того, когда дело доходит до вопроса о присвоении прав, связанных с моральным статусом, критики обращают внимание на то, что попытка выведения действительных прав из потенциальной возможности обладания такими правами является логической ошибкой, поскольку потенци-

альная возможность обладания правами необходимым образом влечет за собой лишь присвоение потенциальных, а не действительных прав [38].

2.3. Градуалистские аргументы. Среди тех, кто не имеет твердых взглядов на моральный статус плода, довольно популярна точка зрения, согласно которой моральная значимость плода постепенно увеличивается в течение всего периода вынашивания (гестации), начиная с самых ранних этапов его развития вплоть до момента полного созревания и рождения [43, 72]. Иными словами, на ранних сроках беременности плод не имеет практически никакого морального статуса, но его моральный статус постепенно повышается вплоть до момента рождения, когда новое человеческое существо становится полноценным экземпляром моральной личности [72–75]. Это означает, что на поздних сроках беременности плоды должны быть защищены в большей степени, чем на ранних, и, соответственно, по мере созревания плода его интересы и моральные права увеличиваются, тогда как моральные права беременных женщин уменьшаются [43]. С практической точки зрения, плоды третьего триместра считаются гораздо более важными в моральном отношении, чем плоды первого триместра [72]. Именно на этом основании так называемые 'градуалистские' подходы следует рассматривать как моральный фундамент для умеренно либеральной политики абортов, разрешающей добровольные аборты на ранних сроках беременности, но требующей от беременных женщин соблюдения ряда независимых от их желаний условий либо предоставления конкретных причин для проведения абортов после наступления определенного срока беременности.

Градуалистские подходы одновременно открыты для критики как со стороны аргументов отсутствия полного морального статуса, так и со стороны аргументов полного морального статуса. Поэтому их трудно защищать на принципиальных основаниях. Кроме того, градуалистские представления о моральном статусе плода остаются открытыми и для логического возражения, согласно которому действительные моральные права не могут быть выведены из потенциальной возможности обладания такими правами [38]. Даже если признать, что более развитый плод ближе к тому, чтобы *стать* моральной личностью, чем плод на более ранних стадиях беременности, никакая степень его близости к обладанию моральными правами не будет эквивалентна факту присвоения самих этих прав. Следовательно, не вполне очевидно, что именно делает более развитый плод, который ближе к тому, чтобы стать моральной личностью, заслуживающим большего морального статуса, чем менее развитый плод [ответ на это возражение и в целом защиту градуализма см.: 76].

3. Законы об абортах, права беременных женщин и юридическое значение концепции жизнеспособности плода. Содержание законодательства об абортах сильно различается в разных юрисдикциях. Актуальную информацию можно найти в базе данных по глобальной политике в отношении абортов Всемирной организации здравоохранения [77]. В некоторых странах аборты полностью или почти полностью запрещены на любых сроках беременности (Алжир, Бразилия, Иран, Ирак, Ливия, Мальта, Марокко, Саудовская Аравия, Судан, Сирия), тогда как в других странах не разрешены добровольные аборты, но беременным женщинам предоставлено более одного законного основания для получения

доступа к аборту (Чад, Индия, Израиль, Италия, Малайзия, Намибия, Нигер, Зимбабве и большинство штатов Мексики).

В мире наиболее распространенный подход к либеральному законодательству об абортах предполагает проведение четкого юридического различия между 'ранними' и 'поздними' абортами [78]. Для 'ранних' абортов единственным основанием является факт добровольного обращения беременной женщины. Для проведения абортов после наступления определенного срока беременности требуется конкретная причина или наличие независимого от желания самой беременной женщины условия, а само разрешение на аборт должно быть выдано компетентным лицом либо органом. К наиболее распространенным причинам относятся: существенный риск фатальных или серьезных аномалий при развитии плода, риск для жизни и здоровья беременной женщины в случае продолжения беременности, социальные условия, а также беременность, которая наступила в результате изнасилования, инцеста или другого сексуального преступления.

Право на безопасный и легальный аборт является фундаментальным правом человека, оно защищено международными и региональными соглашениями по правам человека и национальными конституциями. Как правило, аргументы в защиту данного права связаны с апелляцией к одному или нескольким общим правам, которыми обладают беременные женщины в соответствии с признанными международными соглашениями по правам человека, включая права на жизнь, свободу, неприкосновенность частной жизни, равенство, отсутствие дискриминации и свободу от жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения [7–9].

Обычно аргументы, основанные на сумме общих прав человека, считаются достаточными для обоснования обязательства со стороны государства принять такое законодательство об абортах, которое предусматривало бы положение о добровольном аборте. Действия со стороны государства в этом отношении могут принимать два направления. Либо происходит декриминализация аборта, а его регулирование обеспечивается положениями медицинского законодательства и процедурами, контролируемые системой здравоохранения (например, как это было сделано в 1970-х годах в скандинавских странах, и совсем недавно в Новой Зеландии, а также некоторых федеративных штатах Австралии). Либо аборт продолжает считаться уголовным преступлением, но вместе с тем в специальном законодательстве об абортах вводятся широкие исключения (например, как в Великобритании). В обоих случаях возможность для добровольного аборта, как правило, ограничена наступлением определенного срока беременности, который в зависимости от юрисдикции может составлять от 8 до 24 недель.

Установление ограничения на сроки беременности не является полностью произвольным, оно основывается (часто неявно) на медицинской концепции 'жизнеспособности' [7, 79]. Жизнеспособность плода связана с возможностью его выживания в случае рождения. В общем виде, период, когда плод при нормальных условиях развития считается жизнеспособным, наступает тогда, когда для его выживания может потребоваться внешнее вмешательство, позволяющее успешно поддерживать его

жизнь вне утробы матери. Это значит, что момент, когда плод становится жизнеспособным, зависит от современного состояния медицинского знания и, следовательно, от уровня развития медицинских технологий. Поэтому концепция жизнеспособности плода может с течением времени меняться. Кроме того, поскольку жизнеспособность плода связана с необходимостью внешнего вмешательства для поддержания его жизни, она, вероятно, будет различаться в разных странах мира и будет зависеть от способности системы национального здравоохранения обеспечивать неонатальную терапию.

Если на основании концепции жизнеспособности мы считаем интересы плода заслуживающими правовой защиты, то представляется вполне разумным рекомендовать, чтобы аборт был разрешен для защиты интересов плода в тех случаях, когда плод находится в тяжелом состоянии, при котором его жизнь вне утробы матери будет сопряжена со значительными страданиями, которые беременная женщина желает предотвратить [13]. Иными словами, интересы плода должны охватывать ситуации прерывания беременности на основании условий, наличие которых в неонатальный период могут привести к тому, что в наилучших интересах будет принято решение не сохранять жизнь младенца.

Положения законодательства об условиях или причинах для реализации права женщины на 'поздний' аборт неоднократно подвергались критике со стороны юристов. Например, британский юрист Эмили Джексон считает, что требование наличия независимых от желания беременной женщины условий, равно как и требование предоставления конкретных причин для аборта, на практике ставит право доступа к аборту в зависимость от усмотрения медиков, что несовместимо с принципом автономии пациента [80]. Джексон приходит к выводу, что аборт должен быть разрешен 'по любой причине или даже без всякой причины', тем самым поддерживая отказ от всех обоснованных положений в законодательстве об абортах, а также отмену установленных законом критериев и показаний к абортам в целом. Всемирная организация здравоохранения также настаивает (в первую очередь, исходя из соображений соблюдения прав человека) на том, что законодательные подходы, требующие оснований для абортов и ограничений по срокам беременности, должны быть полностью упразднены [9].

4. Заключение. В публичных дебатах о допустимости абортов существует риск объединения моральных и юридических аргументов (например, когда в них используется термин 'право', как в высказывании 'X имеет право на A'). Цель данной статьи заключалась в том, чтобы выделить вопросы, общие посылки и аргументы, значимые для подобных дебатов, и постараться разграничить их по соответствующим линиям моральных и юридических споров, в которых они обычно фигурируют. Но мораль и право не являются точными науками. В конце концов юридические аргументы как за, так и против абортов могут апеллировать к моральным принципам, нормам и теориям (например, к требованию уважения автономии беременных женщин, к 'градуалистским' аргументам в защиту морального статуса плода и т.д.). Соответственно, на область применения и содержание аргументов, касающихся вопросов моральной допустимости аборта, могут влиять изменения и ограничения в законодательстве (например, признание конкрет-

ными юрисдикциями законного права женщины на аборт, юридическая адаптация медицинской концепции жизнеспособности плода и т. д.). Следует отметить, что лишь немногие современные конвенции или соглашения по правам человека признают плод юридическим лицом, которое должно быть наделено независимыми от беременной женщины правами. Поэтому в целом, когда в публичных дебатах о допустимости абортов речь идет о статусе эмбриона или плода, в частности, его статусе по отношению к статусу 'нормального' взрослого человека, на кону стоит вопрос о моральных правах. В отличие от него, решения юридических вопросов, касающихся законодательства об абортах, как правило, опирается на международные соглашения по правам человека и национальные конституции, где основное внимание уделяется правам юридических лиц. Однако, как мы уже убедились выше, объем и возможные юридические последствия реализации законного права женщины на безопасный аборт, закрепленного в положениях законодательства об абортах, могут сильно различаться в разных странах мира.

Примечания переводчика

¹ Термин 'имплантация' здесь обозначает процесс внедрения эмбриона в слой эндометрия, или, проще говоря, процесс прикрепления эмбриона к стенке матки матери (при нормальных условиях это происходит на 5–8-й день беременности). Импантация считается первым критическим периодом беременности, во время которого эмбрион должен продемонстрировать свою жизнеспособность.

² Консеквенциализм предпочтений (Preference Consequentialism) — обширное семейство нормативных концепций, основанных на тезисе о том, что действие ϕ является правильным тогда и только тогда, когда оно максимизирует совокупное удовлетворение предпочтений для всего множества существ, которые способны формировать и иметь предпочтения.

³ Теория интересов (The Interest Theory) является примером нормативной концепции, задача которой установить источник и основания наших прав [подробнее см.: 26, p. 207–210; 27, p. 165–192; 28–30]. В ней права рассматриваются как базовые моральные понятия, значение которых может быть объяснено разными способами в разных моральных и политических теориях (в частности, с помощью таких терминов, как 'благо', 'долг' и др.). Полноценная теория прав, основанных на интересах, включает в себя два базовых положения: (IT1) чтобы существо X обладало правом δ , необходимо, хотя и недостаточно, чтобы данное право защищало некоторый аспект возможного положения дел W_x , который (при нормальных обстоятельствах) выгоден для такого существа, как X ; (IT2) чтобы существо X обладало правом δ , не является ни необходимым, ни достаточным, чтобы X было способно компетентно требовать либо отказываться от реализации данного права [28, p. 62; 29, p. 28; 30, p. 246]. Положение (IT1) выражает ключевую идею теории интересов — права существуют для того, чтобы улучшать благосостояние существ-правообладателей. Например, поскольку в наших интересах не подвергаться физическому насилию, мы имеем право на физическую неприкосновенность. Но также важно понимать, что теория интересов при этом не утверждает, что любые интересы создают права. Допустим, если крайне честолюбивый политик заинтересован в том, чтобы его избрали, из этого вовсе не следует, что он должен иметь право быть избранным независимо от реального уровня его поддержки среди избирателей. Поэтому наличие некоторого интереса δ является лишь необходимым, но не достаточным условием существования данного права. Положение (IT2) говорит о том, что существование

права не зависит от наличия у существа-правообладателя высокоразвитых когнитивных способностей. Тем самым, теория интересов предполагает, что множество потенциальных правообладателей не ограничивается исключительно компетентными взрослыми людьми, а может включать в себя любых существей, способных иметь интересы (нечеловеческих животных, искусственных агентов, вроде ИИ, корпорации и т.п.). Американский философ Майкл Тули в своем аргументе в защиту абортов, впервые опубликованном в 1972 году в журнале *Philosophy & Public Affairs* [31], пользуется усеченной теорией интересов, так как принимает в качестве базового только положение (IT1), но не (IT2). Ядром его аргумента служит тезис: существо X имеет право на жизнь, если и только если (MT1) X имеет понятие о Y как о непрерывном во времени субъекте опыта и (MT2) X верит, что сам является таким непрерывным во времени существом [31, p. 44].

⁴ Либертарианство (Libertarianism) — общая нормативная доктрина целого ряда политико-философских теорий, считающих безусловными приоритетами идеи благосостояния, свободы и процветания каждого отдельного человека. Для этого общество должно быть устроено так, чтобы предоставить каждому из нас максимальную свободу реализовывать свой потенциал за счет собственных сил и времени. Концептуальным ядром данной доктрины является так называемый 'принцип не-агрессии' (The Nonaggression Principle): ни один человек или группа людей не могут использовать насилие, направленное против личности, тела либо собственности другого человека, исключая случаи самообороны и защиты от насилия со стороны агрессора. Действие принципа не-агрессии применительно к социальной структуре общества влечет за собой, с одной стороны, недоверие к власти большинства, обычно реализуемой через институты государства в форме налогообложения, воинской повинности и политики криминализации частной жизни граждан, а с другой — веру в альтернативные экономические форматы, наподобие сети коммун с правами частных юрисдикций и капитализма с ничем неограниченной конкуренцией.

⁵ Перссон открыто атакует популярный в биоэтике принцип, который гласит, что, пока у плода нет сознания, хотя бы в форме сентиментности (способности к чувству удовольствия и боли), аборт лишь прекращает существование, которое в принципе не имеет никакой внутренней ценности [см. например: 36, p. 151]. До момента появления у плода сознания (предположительно на 18 неделе после зачатия) аборт не является чем-то морально неправильным, поскольку просто не существует того, кому данным действием мог бы быть причинен вред. Перссон предлагает делать различие между двумя следующими положениями [69, p. 295]: (P1) существование имеет внутреннюю ценность (является внутренним благом либо вредом) для существа X в определенный момент времени t , если и только если X обладает в t сознанием; (P2) действие A может принести вред существу X (быть морально неправильным из-за характера последствий действия A на X), если и только если X обладает сознанием в момент времени t , в который данное действие A совершается. Цель аргумента Перссона — показать, что даже если мы предположим, что утверждение (P1) истинно, мы все равно имеем разумные основания считать, что X может претерпеть вред от действия A , совершаемого в момент времени t , независимо от того, наступит ли в будущем такой момент времени t' , когда X действительно будет обладать сознанием. Технически он основывается на идее референциальной прозрачности контекстов использования выражения ' X был причинен вред действием A ', когда мы предполагаем, что применение этого выражения к некоторому существу X в разные моменты существования не меняет истинностного значения сделанного с его помощью утверждения [68, p. 56; 69, p. 296]. Например, если утверждение 'удаление части нервных клеток у плода в момент времени t причиняет вред, который претерпевает новорожденный младенец в момент времени t' ' (скажем, из-за заметного сни-

жения его когнитивных способностей) является истинным, тогда мы можем, при условии верности нашего предположения о тождестве 'плод в t = новорожденный младенец в t' ', заменить термин 'новорожденный младенец' на термин 'плод' без потери истинности данного утверждения. Иными словами, если плод действительно обладает тождеством с новорожденным младенцем и действие по удалению части нервных клеток у плода причиняет вред новорожденному младенцу, то оно также причиняет вред и самому плоду. Поэтому положение (P2) следует отвергнуть как ошибочное. В противном случае нам пришлось бы принять довольно странный тезис о том, что фактически не существует никакой возможности причинить вред существу X в момент времени t , если мы своими действиями не дадим ему в будущем обрести сознание в момент времени t' . Перссон, напротив, доказывает, что существу X можно причинить внешний вред действием A , даже если в действительности за все время существования X никогда не обладал сознанием (и соответственно, оно никогда не претерпевало никакого внутреннего вреда). Все, что нам для этого требуется, — это просто показать, что существо X могло бы обладать сознанием (а значит, и представлением о внутренней ценности жизни) в случае, если бы действие A не было совершено. Тем самым, аргумент Перссона требует пересмотра положения (P2) путем замены его следующего вида утверждением: (P2') действие A может принести вред существу X (быть морально неправильным из-за характера последствий действия A на X), если и только если (i) X уже обладает сознанием в момент времени t , в который данное действие A совершается, (ii) либо разовьет его позднее в момент времени t' , (iii) либо само действие A уничтожает любую возможность для X развить сознание в более поздний момент времени t' [69, p. 302–305; см. также: 68, p. 55–56].

Библиографический список

1. Sulmasy D. P. Emergency Contraception for Women Who Have Been Raped: Must Catholics Test for Ovulation, or Is Testing for Pregnancy Morally Sufficient? // *Kennedy Institute of Ethics Journal*. 2006. Vol. 16, № 4. P. 305–331. DOI: 10.1353/ken.2006.0026.
2. Purdy L. Is Emergency Contraception Murder? // *Reproductive BioMedicine Online*. 2009. Vol. 18. P. 37–42. DOI: 10.1016/S1472-6483(10)60114-9.
3. Sheldon S. The Regulatory Cliff Edge Between Contraception and Abortion: The Legal and Moral Significance of Implantation // *Journal of Medical Ethics*. 2015. Vol. 41, № 9. P. 762–765. DOI: 10.1136/medethics-2015-102712.
4. Hall A. Selective Reduction of Pregnancy: A Legal Analysis // *Journal of Medical Ethics*. 1996. Vol. 22, № 5. P. 304–308. DOI: 10.1136/jme.22.5.304.
5. McClimans L. Elective Twin Reductions: Evidence and Ethics // *Bioethics*. 2010. Vol. 24, № 6. P. 295–303. DOI: 10.1111/j.1467-8519.2008.01704.x.
6. Rao R. Selective Reduction: 'A Soft Cover for Hard Choices' or Another Name for Abortion? // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2015. Vol. 43, № 2. P. 196–205. DOI: 10.1111/jlme.12233.
7. Jackson E. *Regulating Reproduction: Law, Technology and Autonomy*. Oxford: Hart Publishing, 2001. 368 p.
8. Cook R. J., Dickens B. M., Fathalla M. F. *Reproductive Health and Human Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 584 p.
9. *Abortion Care Guideline*. World Health Organization, Geneva, 2022. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240039483> (дата обращения: 14.12.2023).
10. Romanis E. C. Abortion Access and the Benefits and Limitations of Abortion-Permissive Legal Frameworks: Lessons from the United Kingdom // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2023. Vol. 32, № 3. P. 378–390. DOI: 10.1017/S096318012200086X.

11. Scott R. Interpreting the Disability Ground of the Abortion Act // *The Cambridge Law Journal*. 2005. Vol. 64, № 2. P. 388–412. DOI: 10.1017/S0008197305006902.
12. Holm S. The Expressivist Objection to Prenatal Diagnosis: Can It Be Laid to Rest? // 2008. Vol. 34, № 1. P. 24–25. DOI: 10.1136/jme.2006.019984.
13. McGuinness S. Law, Reproduction, and Disability: Fatally 'Handicapped'? // *Medical Law Review*. 2013. Vol. 21, № 2. P. 213–242. DOI: 10.1093/medlaw/fws041.
14. Caplan A. L., Wilson J. M. The Ethical Challenges of in Utero Gene Therapy // *Nature Genetics*. 2000. Vol. 24, № 2. P. 107. DOI: 10.1038/72747.
15. Savulescu J. Procreative Beneficence: Why We Should Select the Best Children // *Bioethics*. 2001. Vol. 15, № 5/6. P. 413–426. DOI: 10.1111/1467-8519.00251.
16. Cameron C., Williamson R. Is There an Ethical Difference Between Preimplantation Genetic Diagnosis and Abortion? // *Journal of Medical Ethics*. 2003. Vol. 29, № 2. P. 90–92. DOI: 10.1136/jme.29.2.90.
17. Steinbock B. *Preimplantation Genetic Diagnosis and Embryo Selection // A Companion to Genetics / Eds.: J. Burley, J. Harris*. Oxford: Blackwell, 2004. P. 175–190.
18. Baker L. R. *Persons and Bodies: A Constitution View*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 233 p.
19. Chisholm R. M. *Person and Object: A Metaphysical Study*. La Salle, IL: Open Court, 1976. 230 p.
20. Wiggins D. *Sameness and Substance*. Oxford Blackwell, 1980. 238 p.
21. Shoemaker D. Personal Identity and Ethics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. E. N. Zalta*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-ethics/> (дата обращения: 14.12.2023).
22. Warren M. A. On the Moral and Legal Status of Abortion // *Monist*. 1973. Vol. 57, № 1. P. 43–61. DOI: 10.5840/monist197357133.
23. English J. Abortion and the Concept of a Person // *Canadian Journal of Philosophy*. 1975. Vol. 5, № 2. P. 233–243. DOI: 10.1080/00455091.1975.10716109.
24. Glover J. *Causing Death and Saving Lives: The Moral Problems of Abortion, Infanticide, Suicide, Euthanasia, Capital Punishment, War and Other Life-or-Death Choices*. London: Pelican Books, 1977. 336 p.
25. Singer P. *Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals*. New York: Harper Collins, 1975. 301 p.
26. Raz J. On the Nature of Rights // *Mind*. 1984. Vol. 93, № 370. P. 194–214. DOI: 10.1093/mind/XCIII.370.194.
27. Raz J. *The Morality of Freedom*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 435 p.
28. Kramer M. H. Rights without Trimmings // *A Debate over Rights: Philosophical Enquiries / Eds.: M. H. Kramer, N. E. Simmonds, H. Steiner*. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 7–111.
29. Kramer M. H. Getting Rights Right // *Rights, Wrongs and Responsibilities / Ed. M. H. Kramer*. London: Palgrave Macmillan, 2001. P. 28–95.
30. Kramer M. H. Some Doubts about Alternatives to the Interest Theory of Rights // *Ethics*. 2013. Vol. 123, № 2. P. 245–263. DOI: 10.1086/668705.
31. Tooley M. Abortion and Infanticide // *Philosophy & Public Affairs*. 1972. Vol. 2, № 1. P. 37–65.
32. Tooley M. *Abortion and Infanticide*. Oxford: Clarendon Press, 1983. 441 p.
33. Engelhardt H. T. *The Foundations of Bioethics*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 446 p.
34. Harris J. *The Value of Life: An Introduction to Medical Ethics*. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. 300 p.
35. McMahan J. *The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 540 p.
36. Singer P. *Practical Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 395 p.

37. Buss S. The Value of Humanity // *The Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 109, № 5/6. P. 341–377. DOI: 10.5840/jphil20121095/614.
38. Feinberg J., Levenbook B. B. *Abortion // Matters of Life and Death: New Introductory Essays in Moral Philosophy* / Ed. T. Regan. Philadelphia: Temple University Press, 1993. P. 183–234.
39. Cliven W. W. On the Trail of the Holy Humanhood // *Journal of Medical Ethics*. 1989. Vol. 15, № 2. P. 90–91. DOI: 10.1136/jme.15.2.90.
40. Kuhse H., Singer P. *Should the Baby Live? The Problem of Handicapped Infants*. Oxford: Oxford University Press, 1985. 228 p.
41. Warren M. A. The Moral Significance of Birth // *Hypatia*. 1989. Vol. 4, № 3. P. 46–65. DOI: 10.1111/j.1527-2001.1989.tb00591.x.
42. Langerak E. A. *Abortion: Listening to the Middle* // *The Hastings Center Report*. 1979. Vol. 9, № 5. P. 24–28. DOI: 10.2307/3561517.
43. Greasley K. *Arguments about Abortion: Personhood, Morality, and the Law*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 269 p.
44. Rodger D., Blackshaw B. P., Miller C. Beyond Infanticide: How Psychological Accounts of Persons Can Justify Harming Infants // *The New Bioethics*. 2018. Vol. 24, № 2. P. 106–121. DOI: 10.1080/20502877.2018.1438771.
45. Lagercrantz H., Changeux J.-P. The Emergence of Human Consciousness: From Fetal to Neonatal Life // *Pediatric Research*. 2009. Vol. 65, № 3. P. 255–260. DOI: 10.1203/PDR.0b013e3181973b0d.
46. Kluge E.-H. W. The Right to Life of Potential Persons // *Dalhousie Law Journal*. 1977. Vol. 3, № 3. P. 837–848.
47. Himma K. E. A Dualist Analysis of Abortion: Personhood and the Concept of Self Qua Experiential Subject // *Journal of Medical Ethics*. 2005. Vol. 31, № 1. P. 48–55. DOI: 10.1136/jme.2002.000828.
48. Dunstan G. R. The Moral Status of the Human Embryo: A Tradition Recalled // *Journal of Medical Ethics*. 1984. Vol. 10, № 1. P. 38–44. DOI: 10.1136/jme.10.1.38.
49. Aksoy S. The Beginning of Human Life and Embryos: A Philosophical and Theological Perspective // *Reproductive BioMedicine Online*. 2007. Vol. 14. P. 86–91. DOI: 10.1016/S1472-6483(10)60736-5.
50. Morgan L. M. The Potentiality Principle from Aristotle to Abortion // *Current Anthropology*. 2013. Vol. 54, № S7. P. S15–S25. DOI: 10.1086/670804.
51. Gymez-Lobo A. Inviolability at Any Age // *Kennedy Institute of Ethics Journal*. 2007. Vol. 17, № 4. P. 311–320. DOI: 10.1353/ken.2008.0008.
52. *Persons, Moral Worth, and Embryos: A Critical Analysis of Pro-Choice Arguments* / Ed. S. Napier. Dordrecht: Springer, 2011. 283 p.
53. Donceel J. F. Immediate Animation and Delayed Hominization // *Theological Studies*. 1970. Vol. 31, № 1. P. 76–105. DOI: 10.1177/004056397003100103.
54. Eberl J. T. The Beginning of Personhood: A Thomistic Biological Analysis // *Bioethics*. 2000. Vol. 14, № 2. P. 134–157. DOI: 10.1111/1467-8519.00186.
55. Meyer J. R. Embryonic Personhood, Human Nature, and Rational Ensoulment // *The Heythrop Journal*. 2006. Vol. 47, № 2. P. 206–225. DOI: 10.1111/j.1468-2265.2006.00285.x.
56. Al-Bukhari Imam M. *Sahih Al-Bukhari (Hadith)*. In 9 vols. Beirut: Dar Al Maarifah, 1995. Vol. 3. 238 p.
57. Albar M. *Human Development as Revealed in the Qur'an and Hadith: The Creation of Man Between Medicine and the Quran*. Jeddah: Saudi Publishing House, 1996. 149 p.
58. Khitamy B. A. Divergent Views on Abortion and the Period of Ensoulment // *Sultan Qaboos University Medical Journal*. 2013. Vol. 13, № 1. P. 26–31. DOI: 10.12816/0003192.
59. Rosner F. *Modern Medicine and Jewish Ethics*. New York: Yeshiva University Press, 1986. 405 p.
60. Jakobovits I. The Status of the Embryo in the Jewish Tradition // *The Status of the Human Embryo: Perspectives from Moral Traditions* / Eds.: G. R. Dunstan, M. J. Seller. London: King's Fund Publishing, 1988. P. 62–73.
61. Marquis D. Why Abortion Is Immoral // *The Journal of Philosophy*. 1989. Vol. 86, № 4. P. 183–202. DOI: 10.2307/2026961.
62. Marquis D. Deprivations, Futures and the Wrongness of Killing // *Journal of Medical Ethics*. 2001. Vol. 27, № 6. P. 363–369. DOI: 10.1136/jme.27.6.363.
63. Marquis D. Brill's Objections to the Future of Value Argument // *Social Theory and Practice*. 2005. Vol. 31, № 1. P. 105–114. DOI: 10.5840/soctheorpract20053115.
64. Marquis D. Why Abortion is Seriously Wrong: Two Views // *Bioethics with Liberty and Justice: Themes in the Work of Joseph M. Boyle* / Ed. C. Tollefsen. Dordrecht: Springer, 2011. P. 3–22.
65. Strong C. A Critique of 'the Best Secular Argument Against Abortion' // *Journal of Medical Ethics*. 2008. Vol. 34, № 10. P. 727–731. DOI: 10.1136/jme.2008.024646.
66. Stone J. Why Potentiality Matters // *Canadian Journal of Philosophy*. 1987. Vol. 17, № 4. P. 815–829. DOI: 10.1080/00455091.1987.10715920.
67. Hare R. M. Abortion and the Golden Rule // *Philosophy & Public Affairs*. 1975. Vol. 4, № 3 P. 201–222.
68. Persson I. *Inclusive Ethics: Extending Beneficence and Egalitarian Justice*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 272 p.
69. Persson I. Harming the Non-Conscious // *Bioethics*. 1999. Vol. 13, № 3/4. P. 294–305. DOI: 10.1111/1467-8519.00158.
70. Warren M. A. Do Potential People Have Moral Rights? // *Canadian Journal of Philosophy*. 1977. Vol. 7, № 2. P. 275–289. DOI: 10.1080/00455091.1977.10717018.
71. Holm S. The Moral Status of the Pre-Personal Human Being: The Argument from Potential Reconsidered // *Conceiving the Embryo* / Eds.: D. Evans, N. Pickering. Dordrecht: Kluwer, 1996. P. 193–220.
72. Burgess J. A. Potential and Foetal Value // *Journal of Applied Philosophy*. 2010. Vol. 27, № 2. P. 140–153. DOI: 10.1111/j.1468-5930.2010.00482.x.
73. Engelhardt H. T. The Ontology of Abortion // *Ethics*. 1974. Vol. 84, № 3. P. 217–234. DOI: 10.1086/291919.
74. Sumner L. W. *A Third Way* // *The Problem of Abortion* / Eds.: J. Feinberg, S. Dwyer. Belmont, CA: Wadsworth Publishing, 1997. P. 98–117.
75. Little M. O. Abortion and the Margins of Personhood // *Rutgers Law Journal*. 2008. Vol. 39. P. 331–348.
76. Warren M. A. *Moral Status: Obligations to Persons and Other Living Things*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 265 p.
77. *Global Abortion Policies Database*. World Health Organization, Geneva, 2022. URL: <https://abortion-policies.srhr.org/> (дата обращения: 14.12.2023).
78. *The World's Abortion Laws*. Center for Reproductive Rights, New York, 2022. URL: <https://reproductiverights.org/our-issues/abortion/> (дата обращения: 14.12.2023).
79. Romanis E. C. Is 'Viability' Viable? Abortion, Conceptual Confusion and the Law in England and Wales and the United States // *Journal of Law and the Biosciences*. 2020. Vol. 7, № 1. P. 1–29. DOI: 10.1093/jlb/l5aa059.
80. Jackson E. Abortion, Autonomy and Prenatal Diagnosis // *Social & Legal Studies*. 2000. Vol. 9, № 4. P. 467–494. DOI: 10.1177/096466390000900401.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень;

научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

Holm S., Lewis J. Abortion // Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy / Eds.: M. Sellers, S. Kirste. Dordrecht: Springer, 2023. P. 1–8. DOI: 10.1007/978-94-007-6730-0_1049-1.

Ссылка на полный текст статьи:

https://www.researchgate.net/publication/369659180_Abortion

Для цитирования

Хольм С., Льюис Дж. Аборты: аргументы pro et contra = Holm S., Lewis J. Abortion / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 120–131. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-120-131.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024 г.

© С. Хольм, Дж. Льюис

¹ University of Oslo,
Oslo, Norway

² The University of Manchester,
Manchester, United Kingdom

Translated from English
A. V. NEKHAEV

Omsk State
Technical University,
Omsk, Russia

ABORTION: PRO ET CONTRA

The article provides a critical review of some of the most common arguments actively used in the abortion debate. Based on the notion of moral personhood, the main groups of such arguments (no full moral status, full moral status, and gradualism) are identified and characterized. Separate consideration is given to the right of pregnant women to abortion, the legal defense of the fetus' right to life, and the practice of using the medical concept of viability in law.

Keywords: induced abortion, moral status arguments, abortion laws, rights of pregnant women, fetal viability.

References

1. Sulmasy D. P. Emergency Contraception for Women Who Have Been Raped: Must Catholics Test for Ovulation, or Is Testing for Pregnancy Morally Sufficient? // *Kennedy Institute of Ethics Journal*. 2006. Vol. 16, no. 4. P. 305–331. DOI: 10.1353/ken.2006.0026. (In Engl.).
2. Purdy L. Is Emergency Contraception Murder? // *Reproductive BioMedicine Online*. 2009. Vol. 18. P. 37–42. DOI: 10.1016/S1472-6483(10)60114-9. (In Engl.).
3. Sheldon S. The Regulatory Cliff Edge Between Contraception and Abortion: The Legal and Moral Significance of Implantation // *Journal of Medical Ethics*. 2015. Vol. 41, no. 9. P. 762–765. DOI: 10.1136/medethics-2015-102712. (In Engl.).
4. Hall A. Selective Reduction of Pregnancy: A Legal Analysis // *Journal of Medical Ethics*. 1996. Vol. 22, no. 5. P. 304–308. DOI: 10.1136/jme.22.5.304. (In Engl.).
5. McClimans L. Elective Twin Reductions: Evidence and Ethics // *Bioethics*. 2010. Vol. 24, no. 6. P. 295–303. DOI: 10.1111/j.1467-8519.2008.01704.x. (In Engl.).
6. Rao R. Selective Reduction: 'A Soft Cover for Hard Choices' or Another Name for Abortion? // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2015. Vol. 43, no. 2. P. 196–205. DOI: 10.1111/jlme.12233. (In Engl.).
7. Jackson E. *Regulating Reproduction: Law, Technology and Autonomy*. Oxford: Hart Publishing, 2001. 368 p. (In Engl.).
8. Cook R. J., Dickens B. M., Fathalla M. F. *Reproductive Health and Human Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 584 p. (In Engl.).
9. *Abortion Care Guideline*. World Health Organization, Geneva, 2022. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240039483> (accessed: 14.12.2023). (In Engl.).
10. Romanis E. C. Abortion Access and the Benefits and Limitations of Abortion-Permissive Legal Frameworks: Lessons from the United Kingdom // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2023. Vol. 32, no. 3. P. 378–390. DOI: 10.1017/S096318012200086X. (In Engl.).
11. Scott R. Interpreting the Disability Ground of the Abortion Act // *The Cambridge Law Journal*. 2005. Vol. 64, no. 2. P. 388–412. DOI: 10.1017/S0008197305006902. (In Engl.).
12. Holm S. The Expressivist Objection to Prenatal Diagnosis: Can It Be Laid to Rest? // 2008. Vol. 34, no. 1. P. 24–25. DOI: 10.1136/jme.2006.019984. (In Engl.).
13. McGuinness S. Law, Reproduction, and Disability: Fatally 'Handicapped'? // *Medical Law Review*. 2013. Vol. 21, no. 2. P. 213–242. DOI: 10.1093/medlaw/fws041. (In Engl.).
14. Caplan A. L., Wilson J. M. The Ethical Challenges of in Utero Gene Therapy // *Nature Genetics*. 2000. Vol. 24, no. 2. P. 107. DOI: 10.1038/72747. (In Engl.).
15. Savulescu J. Procreative Beneficence: Why We Should Select the Best Children // *Bioethics*. 2001. Vol. 15, no. 5/6. P. 413–426. DOI: 10.1111/1467-8519.0251. (In Engl.).
16. Cameron C., Williamson R. Is There an Ethical Difference Between Preimplantation Genetic Diagnosis and Abortion? // *Journal of Medical Ethics*. 2003. Vol. 29, no. 2. P. 90–92. DOI: 10.1136/jme.29.2.90. (In Engl.).
17. Steinbock B. *Preimplantation Genetic Diagnosis and Embryo Selection* // *A Companion to Genethics* / Eds.: J. Burley, J. Harris. Oxford: Blackwell, 2004. P. 175–190. (In Engl.).
18. Baker L. R. *Persons and Bodies: A Constitution View*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 233 p. (In Engl.).
19. Chisholm R. M. *Person and Object: A Metaphysical Study*. La Salle, IL: Open Court, 1976. 230 p. (In Engl.).
20. Wiggins D. *Sameness and Substance*. Oxford: Blackwell, 1980. 238 p. (In Engl.).
21. Shoemaker D. *Personal Identity and Ethics* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-ethics/> (accessed: 14.12.2023). (In Engl.).
22. Warren M. A. On the Moral and Legal Status of Abortion // *Monist*. 1973. Vol. 57, no. 1. P. 43–61. DOI: 10.5840/monist197357133. (In Engl.).

23. English J. Abortion and the Concept of a Person // *Canadian Journal of Philosophy*. 1975. Vol. 5, no. 2. P. 233–243. DOI: 10.1080/00455091.1975.10716109. (In Engl.).
24. Glover J. *Causing Death and Saving Lives: The Moral Problems of Abortion, Infanticide, Suicide, Euthanasia, Capital Punishment, War and Other Life-or-Death Choices*. London: Pelican Books, 1977. 336 p. (In Engl.).
25. Singer P. *Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals*. New York: Harper Collins, 1975. 301 p. (In Engl.).
26. Raz J. On the Nature of Rights // *Mind*. 1984. Vol. 93, no. 370. P. 194–214. DOI: 10.1093/mind/XCIII.370.194. (In Engl.).
27. Raz J. *The Morality of Freedom*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 435 p. (In Engl.).
28. Kramer M. H. Rights without Trimmings // *A Debate over Rights: Philosophical Enquiries* / Eds.: M. H. Kramer, N. E. Simmonds, H. Steiner. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 7–111. (In Engl.).
29. Kramer M. H. Getting Rights Right // *Rights, Wrongs and Responsibilities* / Ed. M. H. Kramer. London: Palgrave Macmillan, 2001. P. 28–95. (In Engl.).
30. Kramer M. H. Some Doubts about Alternatives to the Interest Theory of Rights // *Ethics*. 2013. Vol. 123, no. 2. P. 245–263. DOI: 10.1086/668705. (In Engl.).
31. Tooley M. Abortion and Infanticide // *Philosophy & Public Affairs*. 1972. Vol. 2, no. 1. P. 37–65. (In Engl.).
32. Tooley M. *Abortion and Infanticide*. Oxford: Clarendon Press, 1983. 441 p. (In Engl.).
33. Engelhardt H. T. *The Foundations of Bioethics*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 446 p. (In Engl.).
34. Harris J. *The Value of Life: An Introduction to Medical Ethics*. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. 300 p. (In Engl.).
35. McMahan J. *The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 540 p. (In Engl.).
36. Singer P. *Practical Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 395 p. (In Engl.).
37. Buss S. The Value of Humanity // *The Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 109, no. 5/6. P. 341–377. DOI: 10.5840/jphil20121095/614. (In Engl.).
38. Feinberg J., Levenbook B. B. Abortion // *Matters of Life and Death: New Introductory Essays in Moral Philosophy* / Ed. T. Regan. Philadelphia: Temple University Press, 1993. P. 183–234. (In Engl.).
39. Clinkenbeard W. W. On the Trail of the Holy Humanhood // *Journal of Medical Ethics*. 1989. Vol. 15, no. 2. P. 90–91. DOI: 10.1136/jme.15.2.90. (In Engl.).
40. Kuhse H., Singer P. *Should the Baby Live? The Problem of Handicapped Infants*. Oxford: Oxford University Press, 1985. 228 p. (In Engl.).
41. Warren M. A. The Moral Significance of Birth // *Hypatia*. 1989. Vol. 4, no. 3. P. 46–65. DOI: 10.1111/j.1527-2001.1989.tb00591.x. (In Engl.).
42. Langerak E. A. Abortion: Listening to the Middle // *The Hastings Center Report*. 1979. Vol. 9, no. 5. P. 24–28. DOI: 10.2307/3561517. (In Engl.).
43. Greasley K. *Arguments about Abortion: Personhood, Morality, and the Law*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 269 p. (In Engl.).
44. Rodger D., Blackshaw B. P., Miller C. Beyond Infanticide: How Psychological Accounts of Persons Can Justify Harming Infants // *The New Bioethics*. 2018. Vol. 24, no. 2. P. 106–121. DOI: 10.1080/20502877.2018.1438771. (In Engl.).
45. Lagercrantz H., Changeux J.-P. The Emergence of Human Consciousness: From Fetal to Neonatal Life // *Pediatric Research*. 2009. Vol. 65, no. 3. P. 255–260. DOI: 10.1203/PDR.0b013e3181973b0d. (In Engl.).
46. Kluge E.-H. W. The Right to Life of Potential Persons // *Dalhousie Law Journal*. 1977. Vol. 3, no. 3. P. 837–848. (In Engl.).
47. Himma K. E. A Dualist Analysis of Abortion: Personhood and the Concept of Self Qua Experiential Subject // *Journal of Medical Ethics*. 2005. Vol. 31, no. 1. P. 48–55. DOI: 10.1136/jme.2002.000828. (In Engl.).
48. Dunstan G. R. The Moral Status of the Human Embryo: A Tradition Recalled // *Journal of Medical Ethics*. 1984. Vol. 10, no. 1. P. 38–44. DOI: 10.1136/jme.10.1.38. (In Engl.).
49. Aksoy S. The Beginning of Human Life and Embryos: A Philosophical and Theological Perspective // *Reproductive BioMedicine Online*. 2007. Vol. 14. P. 86–91. DOI: 10.1016/S1472-6483(10)60736-5. (In Engl.).
50. Morgan L. M. The Potentiality Principle from Aristotle to Abortion // *Current Anthropology*. 2013. Vol. 54, no. S7. P. S15–S25. DOI: 10.1086/670804. (In Engl.).
51. Gymez-Lobo A. Inviolability at Any Age // *Kennedy Institute of Ethics Journal*. 2007. Vol. 17, no. 4. P. 311–320. DOI: 10.1353/ken.2008.0008. (In Engl.).
52. Persons, Moral Worth, and Embryos: A Critical Analysis of Pro-Choice Arguments / Ed. S. Napier. Dordrecht: Springer, 2011. 283 p. (In Engl.).
53. Donceel J. F. Immediate Animation and Delayed Hominization // *Theological Studies*. 1970. Vol. 31, no. 1. P. 76–105. DOI: 10.1177/004056397003100103. (In Engl.).
54. Eberl J. T. The Beginning of Personhood: A Thomistic Biological Analysis // *Bioethics*. 2000. Vol. 14, no. 2. P. 134–157. DOI: 10.1111/1467-8519.00186. (In Engl.).
55. Meyer J. R. Embryonic Personhood, Human Nature, and Rational Ensoulment // *The Heythrop Journal*. 2006. Vol. 47, no. 2. P. 206–225. DOI: 10.1111/j.1468-2265.2006.00285.x. (In Engl.).
56. Al-Bukhari Imam M. *Sahih Al-Bukhari (Hadith)*. In 9 vols. Beirut: Dar Al Maarifah, 1995. Vol. 3. 238 p. (In Arab.).
57. Albar M. *Human Development as Revealed in the Qur'an and Hadith: The Creation of Man Between Medicine and the Quran*. Jeddah: Saudi Publishing House, 1996. 149 p. (In Engl.).
58. Khitamy B. A. Divergent Views on Abortion and the Period of Ensoulment // *Sultan Qaboos University Medical Journal*. 2013. Vol. 13, no. 1. P. 26–31. DOI: 10.12816/0003192. (In Engl.).
59. Rosner F. *Modern Medicine and Jewish Ethics*. New York: Yeshiva University Press, 1986. 405 p. (In Engl.).
60. Jakobovits I. The Status of the Embryo in the Jewish Tradition // *The Status of the Human Embryo: Perspectives from Moral Traditions* / Eds.: G. R. Dunstan, M. J. Seller. London: King's Fund Publishing, 1988. P. 62–73. (In Engl.).
61. Marquis D. Why Abortion Is Immoral // *The Journal of Philosophy*. 1989. Vol. 86, no. 4. P. 183–202. DOI: 10.2307/2026961. (In Engl.).
62. Marquis D. Deprivations, Futures and the Wrongness of Killing // *Journal of Medical Ethics*. 2001. Vol. 27, no. 6. P. 363–369. DOI: 10.1136/jme.27.6.363. (In Engl.).
63. Marquis D. Brill's Objections to the Future of Value Argument // *Social Theory and Practice*. 2005. Vol. 31, no. 1. P. 105–114. DOI: 10.5840/soctheorpract20053115. (In Engl.).
64. Marquis D. Why Abortion is Seriously Wrong: Two Views // *Bioethics with Liberty and Justice: Themes in the Work of Joseph M. Boyle* / Ed. C. Tollefsen. Dordrecht: Springer, 2011. P. 3–22. (In Engl.).
65. Strong C. A Critique of 'the Best Secular Argument Against Abortion' // *Journal of Medical Ethics*. 2008. Vol. 34, no. 10. P. 727–731. DOI: 10.1136/jme.2008.024646. (In Engl.).
66. Stone J. Why Potentiality Matters // *Canadian Journal of Philosophy*. 1987. Vol. 17, no. 4. P. 815–829. DOI: 10.1080/00455091.1987.10715920. (In Engl.).
67. Hare R. M. Abortion and the Golden Rule // *Philosophy & Public Affairs*. 1975. Vol. 4, no. 3. P. 201–222. (In Engl.).
68. Persson I. *Inclusive Ethics: Extending Beneficence and Egalitarian Justice*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 272 p. (In Engl.).

69. Persson I. Harming the Non-Conscious // *Bioethics*. 1999. Vol. 13, no. 3/4. P. 294–305. DOI: 10.1111/1467-8519.00158. (In Engl.).
70. Warren M. A. Do Potential People Have Moral Rights? // *Canadian Journal of Philosophy*. 1977. Vol. 7, no. 2. P. 275–289. DOI: 10.1080/00455091.1977.10717018. (In Engl.).
71. Holm S. The Moral Status of the Pre-Personal Human Being: The Argument from Potential Reconsidered // *Conceiving the Embryo* / Eds.: D. Evans, N. Pickering. Dordrecht: Kluwer, 1996. P. 193–220. (In Engl.).
72. Burgess J. A. Potential and Foetal Value // *Journal of Applied Philosophy*. 2010. Vol. 27, no. 2. P. 140–153. DOI: 10.1111/j.1468-5930.2010.00482.x. (In Engl.).
73. Engelhardt H. T. The Ontology of Abortion // *Ethics*. 1974. Vol. 84, no. 3. P. 217–234. DOI: 10.1086/291919. (In Engl.).
74. Sumner L. W. *A Third Way* // *The Problem of Abortion* / Eds.: J. Feinberg, S. Dwyer. Belmont, CA: Wadsworth Publishing, 1997. P. 98–117. (In Engl.).
75. Little M. O. Abortion and the Margins of Personhood // *Rutgers Law Journal*. 2008. Vol. 39. P. 331–348. (In Engl.).
76. Warren M. A. *Moral Status: Obligations to Persons and Other Living Things*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 265 p. (In Engl.).
77. *Global Abortion Policies Database*. World Health Organization, Geneva, 2022. URL: <https://abortion-policies.srhr.org/> (accessed: 14.12.2023). (In Engl.).
78. *The World's Abortion Laws*. Center for Reproductive Rights, New York, 2022. URL: <https://reproductiverights.org/our-issues/abortion/> (accessed: 14.12.2023). (In Engl.).
79. Romanis E. C. Is 'Viability' Viable? Abortion, Conceptual Confusion and the Law in England and Wales and the United States // *Journal of Law and the Biosciences*. 2020. Vol. 7, no. 1. P. 1–29. DOI: 10.1093/jlb/lsaa059. (In Engl.).
80. Jackson E. Abortion, Autonomy and Prenatal Diagnosis // *Social & Legal Studies*. 2000. Vol. 9, no. 4. P. 467–494. DOI: 10.1177/096466390000900401. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

Holm S., Lewis J. Abortion: pro et contra / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 120–131. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-120-131.

Received February 2, 2024.

© S. Holm, J. Lewis

УДК 101.1
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-132-140
EDN: AZSDXH

А. Р. ГАЛЛОУЭЙ

Школа культуры,
образования и человеческого
развития Штайнхардта,
Нью-Йоркский университет,
Нью-Йорк, США

Перевод с английского
З. М. НЕУСТРОЕВ

Тюменский
государственный университет,
г. Тюмень

АУТИЗМ РАЗУМА

В статье разбираются ключевые положения проекта не-философии Франсуа Ларюэля и проводится его сравнительный анализ с кантовскими категориями априорного, апостериорного, аналитического и синтетического. Устанавливаются определенные параллели между априорным и трансцендентальным характером не-философии, ее теорией субъектности и аутистическим восприятием реального.

Ключевые слова: не-философия, априорное, субъект, Эго, Одно, Ларюэль, Кант.

Провинокуренная и разбодяженная Платоном, обжаренная до карамельных отсветов и поплавленная Декартом, реципированная Кантом, взбитая Садам, поглощенная Гегелем, изрыгнутая Штирнером, отварьированная Гуссерлем, пережеванная и взвешенная заново Ницше, попавшая не в то (в другое) горло Деррида, повороченная туда и обратно Хайдеггером, высранная Делезом, сблеванная Ларюэлем. Она [философия] вернулась бы за добавкой, если б мы ее пустили!

Франсуа Ларюэль, *Obscénité de la philosophie* [1, р. 123].

В приведенной выше литании Франсуа Ларюэль перечисляет многочисленные преступления философов, что попали в цепкие лапы своего порочного призвания. Философия, по словам Ларюэля, — это «самый древнейший из предрассудков» [2, р. 123]. Заниматься философией — значит взращивать тайную позицию по отношению к миру: сжимать, поедать и переваривать его; разрушать его, чтобы затем вновь воздвигать. А сама философия — вечный обжора, жаждущий наказания за будущие злоупотребления. Она всякий раз будет возвращаться за добавкой, если мы продолжим ее впускать.

Поэтому следует начать с *возвращения к первым принципам* — с этой символической философ-

ской обязанности возвращаться к первопринципам. Иными словами, следует задаться вопросом: что же такое философия? Чтобы задать этот вопрос, философу обычно требуется вернуться к истокам мысли, нырнуть в глубины бытия на поиски ее оснований. Так поступает Кант в *Критике чистого разума*, так делает Хайдеггер в *Бытии и времени* и даже Делез и Гваттари в *Что такое философия?* Но не Ларюэль. Он отказывается отвечать на этот вопрос, отказывается даже ставить его. Ни что такое философия, ни то, как философия, ни то, где она и когда. Если Ларюэль и задается каким-либо вопросом, то это вопрос: *почему философия?* И, что еще важнее, а почему бы и нет? Почему бы не *не-философия?*

Не последовав своим первым принципам, Ларюэль переходит к последним принципам, или, точнее, к *последней инстанции*. Там, где философия соревнуется за первое место, не-философия довольствуется последним. В конечном счете, ларюэлевское Одно — это не перводвижитель, не фундаментальная субстанция. На самом деле все наоборот: Одно — 'последний движитель', конечное и имманентное реальное.

Делёз в своей книге о Канте пишет: «Вопрос *Quid facti?* — предмет *метафизики*» [3, с. 156]. Что такое *факт* знания? Не какой-то фрагмент знания (то, что Ларюэль называет региональным знанием), а само состояние знания, его *факт*.

От Канта к Фуко и далее основной вопрос философии кроется не столько в том, что *есть* нечто, и даже не в том, *как* это нечто может себя повести, сколько в том, *каковы условия возможности* всякого *x*? Иными словами, если Платон спрашивает, что такое истина, Кант задается вопросом, каковы условия ее возможности? Кант неоднократно озвучивает свой интерес: «Как возможна метафизика вообще?», «Как возможно познание из чистого разума?», «Как возможны априорные синтетические познания?», «Как возможна чистая математика?» [4, с. 29–34]. Вопрос не столько в том, что такое философия, сколько в том, каковы условия возможности самой философии?

Однако, в конечном счете, эти два вопроса совпадают, поскольку, по определению Ларюэля, философия — это и есть не что иное, как решение выявить условия возможности философии. В этом смысле Кант, по мнению Ларюэля, оказывается философом *par excellence*, философом, возведенным в квадрат, поскольку он не просто приводит в действие философское решение (и тем самым *занимается* философией), не рефлексировать над философским решением (вопрошая, что же такое философия), а демонстрирует философские метаслова для всякого вида философской рефлексии.

Именно поэтому Ларюэль, в отличие от остальных философов, никогда не возвращается к 'первым принципам'. Он не пытается основать новую философию или вдохнуть новую жизнь в уже существующую, рефлексировав над ее особенностями. Все-таки Ларюэль — не модернист. Вместо этого он бросается на поиски 'последних принципов'. И раз уж на то пошло, работа Ларюэля — вопрос 'последней философии'. Отклоняясь от траекторий декартовых «Размышлений о первой философии», проект Ларюэля учреждает серию *размышлений о последней философии*.

Но для Ларюэля 'последнее' — это не хронологическое последнее, не последнее, как козырь (который разыгрывается последним). Это мессианское последнее. Последняя философия Ларюэля — последняя лишь в смысле 'последней инстанции', имманентная и предельная конечность, которая ничем не козыряет, не служит ничему заменой и вообще не является 'размышлением' в подлинном смысле слова, как раздумье или осознание. Скорее, 'в-последней-инстанции' у Ларюэля означает нечто, вроде 'в самом общем смысле'. Мессианизм Ларюэля, таким образом, не является ни древним, ни новым, ни узким, ни специфичным. Но просто общим. Последним, наименьшим, конечным.

Как бы выглядел Ларюэль, если бы можно было наложить его на кантовскую матрицу два на два: априорное/апостериорное и аналитическое/синтетическое¹? Ответ не очевиден, поскольку вероятнее всего Ларюэль просто отбросил бы эти диады, окрестив их безнадежно философскими, хотя и сохранив при этом данную терминологию для своих целей (в частности, понятия 'аналитический' и *a priori*). Основная трудность заключается в том, что термины *a priori* и *a posteriori*, определяемые Кантом как 'предшествующий опыту или независимый от него' и 'последующий за опытом или зависящий от него', не имеют особого смысла в рамках не-философии. Корреляционистские нотки 'опыта' делают его нежизнеспособным понятием для Ларюэля, поэтому использование Кантом этих терминов в существующем виде, по сути, для него невозможно.

По этой причине, а также ради дальнейшего прогресса в понимании Ларюэля, можно выкинуть понятие 'опыт' из данных определений и перекодировать их так, чтобы они означали просто 'из того, что идет до' (*a priori*) и 'из того, что идет после' (*a posteriori*). Только в этом случае мы можем исследовать возможности существования *a priori* Ларюэля или *a posteriori* Ларюэля.

Точно так же и различие аналитическое/синтетическое лишь отчасти применимо к Ларюэлю. Начнем с того, что синтез, определяемый Кантом как суждение, содержащее расширяющий понятие субъекта предикат, Ларюэль категорически отвергает. Мало найдется понятий, более антонимичных не-философии, чем синтез. Ларюэль постоянно подчеркивает не-синтетическую природу клона, или необратимую логику унилатеральной дуальности, или мононаправленность детерминации-в-последней-инстанции. Одно, о котором говорит Ларюэль, ни с чем не вступает в синтез. Ларюэль называет его 'в-Одном' именно потому, что его нельзя синтезировать в другие вещи. Одно не-герменевтично, потому что не поддается интерпретации; Одно не-феноменологично, потому что не раскрывает себя любопытному субъекту. В этом смысле в Одном 'нет отверстий', и, следовательно, оно не может быть соединено ни с чем другим, что могло бы произвести синтез.

Если Делез и Гваттари размышляют о детерриториализующем потенциале лица (поскольку, как они объясняют, это часть тела с наибольшим количеством отверстий), то Ларюэль делает нечто совершенно иное, воспевая не-соединимость Одного, *воздавая хвалу абсолютной и радикальной территориализации Одного*. В этом смысле Одно — режим гипертерриториализации, в котором ничего не может передаваться или сообщаться — онтология *предохранения*, возможно, было бы лучшим названием для него, сродни тому, как львиная доля философий предлагает бесчисленную серию онтологий *промыскитетта*. Таким образом, синтетические суждения, в первом приближении, вынуждены оставаться твердо философскими, а не не-философскими.

Аналогично, аналитическое суждение, которое Кант определяет как суждение, не выражающее в предикате ничего, что не было бы уже известно в понятии субъекта, также не вполне отвечает требованиям не-философии. Но здесь речь идет скорее о технической стороне вопроса, а не о фундаментальной несовместимости: Одно само по себе не является ни суждением или понятием, ни объектом суждения или понятия, оно радикально реально и, следовательно, не может стать субъектом (или предикатом) пропозиции. Поэтому в строгом смысле невозможно вынести никаких аналитических суждений об Одном. И, что более важно, процесс не-философии никогда не заключается в производстве аналитических утверждений, сделанных на основе 'аксиомы Одного' (из которой исходят все последующие) или построенных вокруг нее².

Однако в более общем смысле ларюэлевская вселенная — насквозь аналитическая вселенная. Если Кант пытался как можно шире распахнуть окно синтетического *a priori*, и тем самым поймать хотя бы часть раскатов грома юмовского скептицизма в этой области, то Ларюэль стремится распахнуть окно аналитического *a priori*. Действительно, подобно тому, как Кант использовал синтетические суждения *a posteriori* для обобщения на формальные условия всякого познания, Ларюэль берет

на вооружение сами условия познания (синтетическое *a priori* Канта, 'основания метафизики' Хайдеггера или то, что Фуко назвал бы 'условиями возможности' знания) и клонирует их в трансцендентальные аксиомы и априорные дуальности. Вместо того, чтобы укоренять мышление в различие, как это делает философия, Ларюэль укореняет его в тождестве, от латинского *idem*, означающего 'тот же самый'. И, как напоминает нам Кант, аналитическое имеет два полюса — тождество ($n = n$) и противоречие ($n = \sim n$). Последнее — противоречие — не играет особой роли в не-философии Ларюэля, но тождество имеет решающее значение, практически равное всей не-философии как таковой. Именно это указывает на ее близость к сфере аналитического.

Аналогичным образом, даже самое поверхностное понимание 'Одного-в-Одном' Ларюэля указывает на аналитическое, хотя и на его унилатерализованную и общую версию. Одно-в-Одном — это не состояние онтологического различия (Одно/Другое), а состояние имманентности и тождества. Само выражение 'Одно-в-Одном' не содержит в себе расширяющего понятие субъекта предиката и уже поэтому является аналитическим. (Разумеется, в выражении 'Одно-в-Одном' буквально нет ни глагола, ни сказуемого, а потому оно не является расширяющим; но даже если 'в' рассматривать как предикативную связку, второе 'Одно' не становится расширяющим по отношению к первому.)

По этим причинам проект Ларюэля можно охарактеризовать как крайний формализм или крайний рационализм, пусть и гностического/мистического толка. Его проект — затмение мира с помощью *a priori*, в котором измерение *a priori* распахнуто настолько широко, насколько это возможно. Ларюэль не столько инвертирует Канта, сколько пересчитывает его координаты: вместо определенной части условий человеческого существования, отведенной для *a priori*, Ларюэль хочет расширить окно *a priori* так, чтобы в него вошли области, несовместимые с прежними философскими формулировками.

Итак, на первый взгляд кажется очевидным, что Ларюэль сопротивляется синтетическому (основному интересу Канта) и укореняет не-философию в аналитическом³. Это делает логичным следующее, пусть и наивное утверждение: 'Мир Ларюэля — это априорный мир' или даже 'Если Кант определяет метафизику как синтетическое *a priori*, то Ларюэль определяет не-философию как аналитическое *a priori*'. Подобные утверждения, вероятно, и не вызывают споров, однако гораздо больше вопросов вызывает то, как именно Ларюэль осуществляет этот пересчет кантовских координат, и действительно ли они пересчитываются заявленным способом.

Чтобы увидеть, как Ларюэль отклоняется от метафизики, давайте углубимся в Канта и его 'великую сделку' между истинами *a priori*, суждениями *a posteriori* и более или менее сбалансированными отношениями (или корреляциями) между человеком и миром. Существуют два основных способа отклонения. Очень прямолинейный: если мыслитель убежден, что Вселенная располагается в сфере синтетических *a posteriori*, результатом станет эмпиризм, мир Юма, который и стал вдохновителем кантовской *Критики чистого разума*. Но если мыслитель считает, что Вселенная лежит в сфере аналитического *a priori*, то на выходе получается нечто очень близкое Ларюэлю.

В этом и кроется секрет странной мысли Ларюэля. Его цель — сформулировать чисто аналитическую имманентность *a priori*, причем сделать это так, чтобы не превратить в банальность или бессмыслицу (таковой счел бы данную операцию Кант; на самом деле, в этом отношении Ларюэль ближе к Фихте, чем к Канту; особенно в том, что касается интереса Фихте к чисто идеальной сфере *a priori*)⁴.

Поэтому часто можно наблюдать, как Ларюэль останавливается на тождествах, вроде $n = n$ или имманентного тождества Одного-в-Одном, приписывая им прочную и основательную (даже практическую) пользу. Другие мыслители подобные выражения сочли бы бессмысленной тавтологией или, в лучшем случае, частью фундаментальных законов анализа (например, закона противоречия). И все же, как ни странно, выражения наподобие $n = n$ оказываются очень вескими для Ларюэля, поскольку они служат подтверждением закона тождества, необходимого для финального шага к радикальной имманентности (Одного-в-Одном). Иначе говоря, тавтология вновь обретает у Ларюэля респектабельность⁵.

Итак, можно сказать, что в классической кантовской метафизике *a priori* — сфера трансценденталий (пространство, время, тождества, научные истины и т.д.), *a posteriori* же — сфера актуального, реального, эмпирического (вы, я, мои мысли, мое тело, это место, этот мир). Кантовский подход состоит в том, чтобы сохранять разделение между этими двумя сферами, отдавая предпочтение трансцендентальному, но признавая при этом, что трансцендентальное — лишь одна из составляющих опыта, пусть даже и постоянно заполняющая и стягивающая его.

Конечно, многие мыслители, работавшие после Канта, произвели реконфигурацию этих понятий: для Делёза смысл в том, чтобы полностью сгладить это разделение, дабы виртуальное стало реальным, а любые трансцендентальные категории определялись и переживались имманентно в самовыражении материи. Гегель же, через Фихте и Шеллинга, превратил сферу идеи в чистую логическую науку самовыражения.

Весьма заманчиво было бы сказать, что Кант для Ларюэля как Гегель для Маркса: первый породил буржуазный идеализм, который должен быть перевернут с ног на голову, — Гегель, в конце концов, постоял на голове, так почему бы не постоять и Канту, — и превращен в новую науку, будь то наука политэкономии для Маркса или наука не-философии для Ларюэля. Но, опять же, хотя это и звучит соблазнительно, данная аналогия не полностью отражает вмешательство Ларюэля в философию, кантовскую, гегелевскую или любую другую⁶. У Ларюэля сфера аналитического *a priori* находится уже не в меньшинстве, а в большинстве. Априорное — это уже не просто трансцендентальное, но и реальное. Точно так же вещи, которые раньше считались реальными (вы, я, мое тело, это место), теперь трансцендентальны, ибо они являются трансцендентальными клонами Одного.

Выражаясь терминологией Ларюэля, он 'априоризирует' мир. Ларюэль меняет местами реальное и трансцендентальное (с кантовских позиций) и переписывает реальное и трансцендентальное как априорное. Таким образом, реальное, которое Ларюэль называет Одним, является *a priori* в силу своей имманентности: истинной имманентности можно достигнуть лишь в том случае, когда реальное является *a priori*. Точно так же транс-

ценденталии, начиная с субъекта, аксиоматических и теоретических утверждений и заканчивая самой не-философией, являются *a priori*. Единственная область, что непоколебимо остается апостериорной, это философия, а также региональные знания и науки, подражающие философской вычурности. Они — новые 'данные', новое эмпирическое знание, врученное не-философии, чтобы аксиоматизировать и препарировать его⁷.

Очевидно, что использование *a priori* в контексте не-философии влечет за собой некоторую путаницу, поскольку априорное, определяемое как 'из того, что было раньше', по своей сути основано на понятии отношения, в данном случае — отношения генетического или структурного приоритета. Но это лишь просто отвлекающий маневр, одна из многих ложных ловушек, которые не-философия должна обойти, удерживая ориентиры внутри словаря философии. Реляционный смысл, присущий *a priori*, должен быть переосмыслен в рамках не-философии как унилатеральное и детерминированное отношение или 'не-отношение'.

Тем не менее, Ларюэль остается верным кантианцем, по крайней мере, в одном смысле: подобно тому, как Кант помещает философию в область априорного (метафизика как синтетическое *a priori*), так и Ларюэль помещает не-философию в априорное (не-философия как аксиоматическое трансцендентальное тождество и теорематическая априорная дуальность).

Теперь становится не совсем ясно, является ли не-философия, в конечном счете, 'синтетической'. Ведь, с одной стороны, не-философия решительно не синтетическая, поскольку она уклоняется от всех синтетических логик, вроде комбинаций, амплификаций, смещений, диалектических противоречий, различий, гибридных и т.д. Ларюэль неоднократно проговаривает, что не-философия не является *расширяющей* по отношению к Одному. Таким образом, если исходить из строгого определения синтетического как 'содержащего расширяющий предикат', не-философия не является расширяющей или ампликативной в каком бы то ни было смысле.

Но, с другой стороны, не-философию можно было бы назвать 'синтетической' (если пользоваться терминологией Ларюэля, в смысле 'не-синтеза' или 'синтеза-без-синтезирования') из-за того, что она выводит не-философские аксиомы из философских смесей. Таким образом, философские химеры Бытия/Другого, Бытия/сущего, или Единого/Другого устанавливаются в тождестве с Одним. Сами диады при этом не сливаются и не деконструируются, а остаются нетронутыми как данное. «Каждая из этих [диад] по большому счету рассматриваются как нечто, *a priori* располагающее тождеством» [5, р. 227], — объясняет Ларюэль. «Например, онтологическое различие превращается в унилатеральную дуальность Бытия и сущего» [5, р. 228]. Не-философия, таким образом, оказывается, по крайней мере, минимально 'синтетической' — и здесь важны кавычки — в том смысле, что она содержит в себе нечто такое в предикате (унилатеральная дуальность Бытия и сущего), что еще не проявилось в субъекте (онтология Хайдеггера или любая другая онтология различия). Однако Ларюэль не счел бы данную трансформацию расширяющей, поскольку процесс клонирования философского данного не осуществляет комбинирования или смешения в строгом смысле слова. Он

производит лишь клон или двойника, обладающего трансцендентальным тождеством по отношению к Одному и эмпирическому миру философии, который он унилатерализирует.

Ларюэль здесь довольно любопытным образом использует *a priori*. Ведь, с одной стороны, философские химеры Бытия/Другого, Бытия/сущего и т.д. принимаются за априорные подобно тому, как Кант считал априорными время и пространство. Но, с другой стороны, Ларюэль утверждает, что эти философские химеры *сами по себе являются данными*: именно они даны не-философии как более или менее эмпирическая, мирская реальность, которая должна быть клонирована или дуализирована. Таким образом, философия как эмпирическое данное, 'пережитое' или обработанное не-философией, размещается в области апостериорного. Итак, хотя философия и может быть априорной для самой себя или своих целей, она дублируется в качестве апостериорного данного для не-философии.

Это еще одно доказательство беспорядочной конвертируемости философии. Вещи, которые являются глубоко 'необходимыми и чистыми', или априорными по отношению к философии — будь то хайдеггеровское *Ereignis* или парменидовское уподобление мышления и бытия, — переворачиваются и конвертируются в эмпирические объекты, 'измерить' которые можно с помощью дуализации или клонирования. Эмпирические объекты философии переводятся друг в друга, и на выходе получают 'универсальные идиомы' не-философии. «Не-философия — перевод Канта 'в' Декарта, Декарта 'в' Маркса, Маркса 'в' Гуссерля и так далее» [5, р. 273].

Исходя из этого, можно выстроить следующую аналитическую иерархию: (1) физика/эмпирические данные, (2) философия/метафизика, (3) не-философия. Каждая ступень — апостериорное условие, которое предоставляет свои данные для априорных утверждений следующей ступени. Следовательно, (1) физические законы производят апостериорные данные, которые (2) становятся условиями возможности, составляющими априорные границы метафизического познания (Кант и др.), которые, в свою очередь, выводятся из наглядности Одного (видение-в-Одном) как апостериорные данные для трансцендентальных тождеств и априорных дуальностей не-философии (Ларюэль). Однако эта иерархия носит чисто эвристический характер, поскольку Ларюэль настаивает на том, что не-философия не располагается ни морально, ни структурно дальше/выше/лучше философии или эмпирического мира.

Если обобщить, то различие между *a priori* и *a posteriori* у Канта так или иначе носит *теппуриальный* характер, то есть оба термина намечают некие *сферы* познания. У Ларюэля же эти понятия носят *рациональный* характер, то есть они существуют на уровне *гетерминации* или *мессанства* (например, детерминация-в-последней-инстанции, или сила(-)мысли). В сущности, *a priori/a posteriori* — это тот тип различения, который Ларюэль бы отнес к разряду неизлечимо философских. Следовательно, само по себе это различие не имеет большого веса в рамках не-философии. Равно как и различие Бытие/сущее, оно служит данными для не-философского анализа¹⁰.

Но в конце концов в живых остается именно *a priori* — *a posteriori* не играет большой роли в не-философии, — поскольку Одно в некотором смыс-

ле является радикальным *a priori* (не следует ли нам называть его 'приорным-без-постериорного'), а сама не-философия — царство трансцендентального *a priori*, так как волей-неволей клонирует априорный статус Одного.

Правда, есть один смысл, в котором философия может восприниматься как *a posteriori*: не-философия следует за [posterior] Одним. Подобно тому, как у Канта время и пространство составляют условия возможности апостериорного опыта, Одно становится составляющей условий возможности не-философии. Однако это всего лишь артикуляция на языке философии. На самом же деле Одно ничего не конституирует и, следовательно, никогда не сможет 'произвести' матрицу возможностей, позволяющую сопоставлять чистое/практическое и предшествующее/последующее. Одно — не 'чистый разум', обеспечивающий существование 'практического разума'. Это означало бы философствовать об Одном. Напротив, настаивает Ларюэль, Одно имманентно самому себе, а значит, может быть понято лишь 'в' самом себе (т.е. 'в-Одном'). В этом смысле *a posteriori* у Ларюэля — лишь условная [provisional] категория. По большей части он предпочитает радикализировать или априоризировать *a posteriori* в чистую трансцендентальную рациональность. (В этом отношении Ларюэль подавляет *a posteriori* так же, как Делёз подавляет негативность: можно сказать, что Делёз создает 'абсолютную величину' негативного, которая приводит к измерению аффирмативного; тогда как Ларюэль создает 'абсолютную величину' *a posteriori*, приводящую к всепроникающему трансцендентальному *a priori*.)

Поэтому, хотя Ларюэль и низвергает различие между *a priori* и *a posteriori*, в сущности *априоризируя* его, это не значит, что не-философия — область 'до', чистого или предшествующего¹¹. Напротив, не-философия — область последнего, а не первого, о чем свидетельствует ее причинная детерминация-в-последней-инстанции. Ларюэль никогда не предлагал *вернуться к первопринципам* или *определить универсальные возможности познания*, как это делают философы, вроде Канта или Хайдеггера. Он призывает не-философского субъекта *уйти от решения и обосноваться рядом с последним, наименьшим, конечным*.

Таким образом, привычные законы *a priori/a posteriori* уступают место новой причудливой логике: не-философия одновременно и априорна, и апостериорна. (И здесь можно увидеть некоторое сходство, пусть и отдаленное, с концепцией метастабильной виртуальности Делёза.) Как строго аксиоматическая и теорематическая наука, не-философия обнаруживает себя сугубо в априорном. Но вместе с тем она — *posterior* Одного и им детерминируется, а значит, она есть нечто последующее за философией, апостериорное в отношении определяющей ее инстанции.

В итоге, несмотря на то, что Ларюэль и Кант не используют терминологию одинаково, а иногда и вовсе говорят на разных языках, Ларюэль, по сути, добился того, что Кант считал невозможным: не просто аналитического *a priori* — что не так уж и трудно, — но *аналитического a posteriori*, которое для Канта оставалось невообразимым.

Как же тогда быть с современным трансцендентальным субъектом, который можно найти у Канта и Декарта? Если существует унивокальное бытие, как говорит Делёз, то должно существовать и моно-

фоническое. Если бытие говорит одним голосом, то его данность должна быть услышана одним ухом. Ларюэль говорит нечто подобное, но при этом унилатерализирует делёзовское условие в радикально имманентную концепцию человеческой персоны. Этика Ларюэля — монофоническая этика. Это не этика одного и того же, а этика моно, этика тождества. Поупражняемся в методологии Ларюэля. Для начала давайте клонируем и унилатерализируем трансцендентальный субъект и посмотрим, что получится. Ларюэль не начинает с Одного. Он начинает с философии, для примера, с философского понятия Эго. Изначально Эго пребывает в имманентном состоянии, которое Ларюэль называет 'Эго-в-Эго'. Или же Эго может распасться на определенные исторические и философские состояния, например, современное Эго, наблюдаемое в картезианском сговоре бытия и мышления (*cogito ergo sum*). В этом смысле 'трансцендентальная диалектика' или 'амфиболия' между Эго и субъектом приобретает конкретный, региональный профиль; то есть возникает *определенный тип субъекта*, в основании которого находится сговор бытия и мышления. «Принцип 'Модерности', 'Духа' — это амфиболичность Эго и субъекта, сведения их одно-го к другому» [5, р. 99], — пишет Ларюэль. «Этот субъект есть синтез бытия и мышления, — но он более или менее непосредственный либо скорее опосредующий, чем различающий» [5, р. 99]. Здесь в игру вступают четыре понятия: Эго и субъект, мышление и бытие. Когда Эго принимает форму картезианского субъекта, этот субъект имеет раздробленное ядро, в котором мышление и бытие взаимосвязаны и 'амфиболично' перемешаны. Ларюэль оскорбляет эта локальная амфиболия мышления и бытия у картезианского субъекта, однако в не меньшей степени его смущает и амфиболия субъекта и Эго. И Ларюэль отправляется на поиски теории субъекта, укорененной в имманентном Эго (Эго-в-Эго). Иными словами, сама по себе антиномия ничего не объясняет; ее самополагаемость — являюсь субъектом по отношению к трансцендентальному Эго, а трансцендентальное Эго проявляет себя в субъектах, вроде меня, — свидетельствует об ее псевдо-самодостаточности. Саму антиномию необходимо объяснить. И в этом смысле антиномия Эго-субъекта — философский повод, позволяющий не-философии начать свою работу. Как говорит Ларюэль, «мы должны дать теоретическое объяснение причинам, по которым философии Эго и субъекта переплетаются» [5, р. 97].

Таким образом, Ларюэль начинает не с Одного. Он начинает с философии, с отношения 'Эго — субъект' у Декарта. И затем, путем силы(—) мысли аксиоматически утверждает тождество Эго и субъекта (нечто вроде $E = s$). Это и есть первый шаг к не-философии. Он утверждает трансцендентальное тождество, которое 'раньше' и носит более 'общий' характер, чем Эго и субъект вместе взятые. «Теория субъекта возможна только в случае, если Эго перестанет путаться с субъектом или со структурой Философского Решения: Эго больше не субъект, а Реальное; и сам субъект тоже 'освобожден' от смешения с Эго (но не от него самого)» [5, р. 99]. Утверждение тождества Эго и субъекта ($E = s$) — вот что устраняет путаницу. Только в силу того, что картезианство столь саморефлексивно — самость, оборачивающаяся на самость, — оно может указать Ларюэлю путь к общему тождеству Эго. Иными словами, нарциссизм картезиан-

ского субъекта становится топливом для имманентности не-философского Эго. И, наконец, априорно преобразует тождество в дуальность по принципу унилатеральной дуальности (т.е. преобразует $E = s$ в $E - s$). Это и есть не-философия. В ходе этого процесса Одно никогда не выходит на свет. Оно возникает лишь в 'последней инстанции', ведь в конце мы приходим к родовому состоянию реального¹².

Итак, если работу Ларюэля действительно можно назвать серией 'размышлений о последней философии', вырисовывается главная ее характеристика: Ларюэль — это *рациональный мессианизм*, или мессианизм разума, который он, вероятно, назвал бы 'мессианством-без-мессии'. Делая упор не на первой, а на последней философии (как не-философии), Ларюэль внедряет в мышление мессианскую темпоральность. В рамках такой темпоральности не-философия дуализирует (Делёз бы сказал — виртуализирует) первое и последнее, предшествующее и последующее, *a priori* и *a posteriori* в метастабильное тождество после-до и до-после. Ведь, как гласит Евангелие от Матфея (20:16): *так будут последние первыми, и первые последними*.

Первое, второе, последнее — какие числа наиболее важны для философии? Хайдеггер взывает к четверице; Делёз и Гваттари ведут разговор о тысяче (хотя могли бы взять и большее число). Для Бадью ключевую роль играет множество и бесконечность. Для Гегеля — триада и операция отрицания. Для Иригарей это иногда два, а иногда один. Для одних — бинарность. Для других — просто ничто. Но, как мы заметили, у Ларюэля центральное место занимают два числовых концепта: Одно и дуальность.

Для Ларюэля не существует ни синтеза, ни диалектики мира, есть только Одно и его тождества: «В имманенции более нельзя отделить Одно от Многого, здесь нет ничего, помимо $n = 1$ и Многого-без-Всего. Нет никакого многообразия, просматриваемого над горизонтом, в полете или в развитии: всюду подлинный хаос зависших в отрыве от остальных или не стыкующихся с ними детерминаций <...> Между Тождественностью и Множественностью нет никакого синтеза посредством третьего термина <...>» [2, р. 99]. По этой формуле можно легко запомнить трех главных метафизиков последнего полувека: *Делёз есть $n + 1$; Бадью есть $n - 1$; Ларюэль есть $n = 1$* . Делёз — мыслитель разномножения, повторения и расширяющего выражения (а не отрицающего или диалектического). Для него Одно — прибавочный продукт чистой множественности. Таким образом, полнота — конечная точка онтологии Делёза.

Бадью же является субтракционистом. Для Бадью событие никогда не выступает составной частью ситуации, оно всегда вычитается из нее, как нечто отличное от бытия. Поэтому конечная точка онтологии Бадью — пустота.

Ларюэль, напротив, не прибавляет и не вычитает; его оператор не плюс и не минус, а равенство. Ларюэль — великий мыслитель радикального равенства, того, что он называет тождеством (опять этимологически означающее 'то же самое'). Его не занимает ни полнота, ни пустота; его конек — тождество, Одно как радикально имманентное и однообразное, не выходящее за пределы себя.

В общем, если 'герменевтика подозрения' Рикёра обернула критику в паранойю, а Делёз и Гваттари написали портрет философии как шизофрении, то Ларюэль превращает не-философию в аутизм.

Подобно детям-аутистам, мы испытываем трудности в общении с Реальным. Мы не можем установить никаких реальных отношений напрямую с Одним. И абстрактные философские концепты не очень нам помогают. Одно абсолютно закрыто для нас. Мы можем лишь пытаться угнаться за ним, преданные его Тождественности, жизни «науки и реальности, которую наука может описать наивно, в последней инстанции» [2, р. 10]. Если Делёз выбирает Спинозу, Юма и других философов радикального материализма, то Ларюэль идет другой тропой, — тропой аутистической философии Фихте ($Я = Я$) или Анри (Эго).

«Да, в определенном смысле я аутист, точно чартица, проходящая сквозь гору» — с блеском в глазах признает Ларюэль¹³.

Благодарности

Огромная благодарность Артему Морозову за помощь, оказанную в процессе перевода и редактирования текста.

Примечания

¹ «Наука и философия встречаются в универсальности синтетического *a priori*», — пишет Ларюэль, отдавая должное тому месту, что занимает Кант в современном философском дискурсе. «Примером не-философского предприятия может послужить проблема *a priori*. Мы берем 'синтетическое априорное суждение', которое, по Канту, является фундаментальной сущностью и алгоритмом философии в качестве гибрида метафизики и науки, и рассматриваем его как собственный материал» [5, р. 314, 321].

² Я выражаю огромную благодарность Рэю Брассе за идеи, представленные здесь и далее. Хотя нет необходимости говорить, что я беру на себя ответственность за выдвинутые тезисы и возможные недостатки данной работы.

³ Почему расширяющий/синтетический и не расширяющийся/аналитический — единственная пара вариантов? На самом деле ряд мыслителей, среди которых Ален Бадью и Джорджо Агамбен, продемонстрировали ограниченность аналитической/синтетической модели. Вместо расширяющих и не расширяющих предикатов они предлагают субтрактивистскую модель, в которой предикаты изымаются из субъектов, а не прибавляются к ним. Используя понятия 'родовое' [generic] или 'любая сингулярность', они, по сути, предлагают альтернативу, которую невозможно свести ни к синтетическому, ни к аналитическому. В частности, см. разделы о сингулярном и родовом в *Бытии и событии* Бадью [6] или главу «Любое» в *Грядущем сообществе* Агамбена [7, с. 7–11]. Хотя Ларюэль и нельзя назвать 'субтракционистом' как таковым, в широком смысле он входит в эту традицию, поскольку выбирает общность имманенции, будь то реальное как Одно-в-Одном, человечество как Чужестранец или Человек-собственной-персоной (*Homme-en-personne*) [см. например: 8; о понятии 'человек-собственной-персоной' см. также: 9, р. 2, 5, 20; 10, р. 26, 50].

⁴ Ларюэль неоднократно возвращается к Фихте, в частности, к его трактовке 'Я = Я' и отношения 'Я = Я', отвергая при этом фихтеское Я как 'интеллектуальную интуицию', неспособную достичь подлинной имманентности внутри реального [см. например: 5, р. 105–106, 165–185].

⁵ Напомним, что многие считают тавтологию просто бесполезной, хотя находятся и те, кто называет ее зловредным симптомом порочного круга современной жизни. Маркс же, например, начинает свое изложение всеобщей формулы капитала с тавтологического выражения $D - D$, или деньги — деньги, сокращенной формулы цепочки $T - D - T - D - T - D$ (товар — деньги — товар — ... и т.д.). Это позволяет ему внедрить

в данную цепь концепцию прибавочной стоимости, в результате чего и возникает цикл $D-D$, где деньги «не тратятся... [а] лишь авансируются» [11, с. 155]. Позже Жан Бодрийяр и Ги Дебор будут сетовать на замкнутые круговые общества и культуры именно по причине их кажущейся непроницаемости, тавтологичности, и, как следствие, репрессивности. «Фундаментально тавтологический характер спектакля вытекает из того простого факта, что его средства представляют собой в то же время и его цель» [12, с. 25]. Ларюэль, в свою очередь, довольствуется тем, что просто отмахивается от этих гнусных коннотаций. Имманентность — слишком соблазнительная награда. Он утверждает, что тавтологическая формула тождества (например, Одно-в-Одном) — единственное истинное выражение имманенции.

⁶ Говоря о марксизме, Ларюэль, по общему признанию, в некоторой степени может быть подвержен той же критике, которую Рансьер обрушил на Альтюссера в *Уроке Альтюссера*. В этой работе он обвиняет Альтюссера в интеллектуальном элитизме, в том, что он, делая Маркса более научным, сделал марксизм всего лишь 'безопасным' для университетских профессоров и других элитариев [13, р. 35]. Поэтому нам стоит принимать в расчет возможные обвинения в адрес Ларюэля, что-то вроде 'Урока Ларюэля'. Ведь найдутся и те, кто обвинит его в том, что он превращает философию в элитарную науку — не-философию, доступную немногим и почти никем не практикуемую. Но это, как и в случае с Рансьером, кажется каким-то дешевым трюком. Так что пусть это обвинение прозвучит только здесь, и только паратекстуально, в надежде заранее обезопасить Ларюэля от этой уязвимости в глазах остальных.

⁷ Ларюэль использует слово *data* (англицизм, несмотря на то, что французский намного ближе к латыни), вероятно, чтобы подчеркнуть его различие с более прозаическим *données* (данные). Как бы то ни было, латинское происхождение *data* — от глагола *dare* (давать) — довольно показательно, особенно с точки зрения его феноменологических обертонов: *data* — это *то, что было дано*.

⁸ Один из интересных примеров не-философского клонирования представлен в коротком экспериментальном тексте Ларюэля *Вариации на тему Хайдеггера*. Начиная с одного из наиболее важных отрывков *Бытия и времени* Хайдеггера, раздела, в котором описывается онтическая отличительность онтологических аспектов *Dasein*, Ларюэль, точно музыкант, вновь и вновь возвращающийся к различным мотивам, модулирует язык Хайдеггера в шестнадцать параграфов до тех пор, пока утверждения Хайдеггера не обретут более или менее не-философский вид. Ларюэль завершает этот текст следующими словами: «Два ряда вариаций делают философское решение и отворяют его до 'не-философии'. С одной стороны, вариации на окружность или круг как вариация: Бытие-как-сущее, Высказывание-как-высказанное, *Логос*-как-различие(а) ние, Желание-как-нехватка, Повседневность-как-субъект и даже Различие-как-Одно <...> А с другой стороны в ход идут вариации, которые воздействуют на саму онтику, будь то сущее, Другой, нехватка, замещение — короче, Одно <...> Когда в конце концов человек — через видение-в-Одном, которое и 'есть' он, — прежде всякого постижения Бытия — снова видит наматывание кругом кругов, то он замечает, как они наматываются вне и под Одним, над и даже 'поверх' него, как облака поверх луны — или как поднимается солнце-разум на непроницаемый тенек человека. Вот тогда философия, остуженная безразличием, витает в атмосфере 'не-философии'» [14, р. 93–94].

⁹ В ходе изложения аксиом и теорем не-философии Ларюэль объединяет все следующие фигуры в унилатерализованное, трансцендентальное тождество: Платон, Аристотель, Лейбниц, Кант, Фихте, Маркс, Хайдеггер, Витгенштейн и Гёдель [5, р. 276–277].

¹⁰ Чтобы внести ясность, *анализ*, понимаемый как процесс препарирования на составные части, Ларюэль всегда удержи-

вает на расстоянии вытянутой руки, даже если сфера *аналитического* кажется ему привлекательной. Иными словами, сам по себе анализ не более заманчив, чем синтез; хотя сфера аналитического приоткрывает дверь к чисто имманентному и родовому состоянию априорного.

¹¹ Конечно, время от времени Ларюэль обращается к историографической терминологии, например, когда рассуждает об эллинистической и еврейской линиях философии, которым предшествовала не-философия: «'Историческая' значимость не-философии устанавливается следующим образом: ни греческая, ни иудейская, ни обе вместе взятые, не-философия — *догреческая и доиудейская идентичность мысли, опыт мысли 'го' греко-иудейского раскола*» [5, р. 211].

¹² Имя Ларюэля иногда ассоциируется со спекулятивным реализмом (вероятно, благодаря Рэю Брассье, сыгравшему огромную роль в представлении фигуры Ларюэля англоязычной аудитории) и, как следствие, с объектно-ориентированной онтологией (ООО). Но именно здесь, в ларюэлевской теории субъекта, мы видим, по крайней мере, одну несовместимость с реализмом, проповедуемым ООО. Один из центральных постулатов данного движения — это так называемый тезис 'равного положения', в соответствии с которым все объекты находятся наравне друг с другом, в том числе и человек, являющийся лишь одним из объектов. Данный тезис, по сути, предполагает, что человек с его непомерной гордыней согрешил, а потому в качестве наказания должен быть низведен до уровня всех остальных объектов. Иными словами, человек со своим агрессивным корреляционизмом слишком глубоко запустил щупальца в само устройство мира, и только некорреляционистский реализм может освободить человека от бремени властителя. Но, как пишет Ларюэль, в своей дразнище короткой работе под названием *Теоремы о Благой весте*: «Это не человек колонизирует планету, а планета и весь космос переступают через одинокий порог человека» [15, р. 84]. Таким образом, реализм Ларюэля — реализм совсем иного рода. Согрешила философия, а не человек. Согрешил мир объектов, а не человек. Это философия и мир объектов породили порочную корреляцию, а не человек. Ох, если бы только они оставили нас в покое! Лишь тогда человек сможет унилатерализовать те претензии на равенство, которые заложены в тезисе 'равного положения'. А после этого — заменить эту нечестивую 'демократию объектов', навязанную нам планетой, на радикально имманентное объектное тождество, унилатеральное тождество человека и объекта. Это, по мнению Ларюэля, и есть тот реализм, о котором стоит вести речь.

¹³ Выдержка из комментариев Ларюэля во время дискуссии 6 апреля 2011 года в нью-йоркской галерее Miguel Abreu Gallery.

Библиографический список

1. Laruelle F. Obscénité de la philosophie // *Théorie-Rébellion: Un ultimatum* / Ed. G. Grelet. Paris: L'Harmattan, 2005. P. 123–125. ISBN 978-2747592109.
2. Laruelle F. *The Concept of Non-Photography* / trans. from Fr. by R. Mackay. Falmouth, New York: Urbanomic/Sequence, 2011. 303 p. ISBN 978-0-9832169-1-9.
3. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. Я. И. Свирского. Москва: Per Se, 2001. 480 с. ISBN 5-9292-0036-X.
4. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука (1783) / пер. с нем. В. Соловьева, М. Беляева // *Сочинения*. В 8 т. Москва: Чоро, 1994. Т. 4. С. 5–150.
5. Laruelle F. *Principes de la non-philosophie*. Paris: PUF, 1996. 344 p. ISBN 978-2130478560.
6. Badiou A. *Being and Event* / trans. from Fr. O. Feltham. London: Continuum, 2005. 560 p. ISBN 0-8264-5831-9.

7. Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. с итал. Д. Новикова. Москва: Три квадрата, 2008. 144 с. ISBN 978-5-94607-107-6.

8. Laruelle F. The Generic as Predicate and Constant: Non-Philosophy and Materialism // *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism* / Eds. L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman. Melbourne: re.press, 2011. P. 237–260. ISBN 978-0-9806683-4-6.

9. Laruelle F. *Future Christ: A Lesson in Heresy* / trans. from Fr. A. P. Smith. London: Continuum, 2010. 184 p. ISBN 978-1-4411-1833-2.

10. Laruelle F. *L'Ultime honneur des intellectuels*. Paris: Textuel, 2003. 160 p. ISBN 978-2845970854.

11. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В 3 т. Москва: Изд-во политической литературы, 1952. Т. 1. 794 с.

12. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. Москва: Логос, 2000. 184 с. ISBN 5-8163-0008-3.

13. Rancière J. *La Leçon d'Althusser*. Paris: Gallimard, 1974. 270 p. ISBN 978-1-4411-0805-0.

14. Laruelle F. *Variations sur en thime de Heidegger* // *La Décision philosophique*. 1987. No. 1. P. 86–94.

15. Laruelle F. *Théorèmes de la Bonne Nouvelle* // *La Décision philosophique*. 1987. No. 1. P. 83–85.

НЕУСТРОЕВ Захар Максимович, студент Школы перспективных исследований (SAS) Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

Адрес для переписки: z.neustroev.sas@gmail.com

Источник перевода: Galloway A. *The Autism of Reason* // *Angelaki: Journal of Theoretical Humanities*. 2014. Vol. 19, № 2. P. 73–83. DOI: 10.1080/0969725X.2014.950863.

Ссылка на полный текст эссе:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0969725X.2014.950863>

Для цитирования

Галлоуэй А. Р. Аутизм разума = Alexander R. Galloway *The Autism of Reason* / пер. с англ. З. М. Неустроева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 132–140. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-132-140.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024 г.

© А. Р. Галлоуэй

THE AUTISM OF REASON

The article examines the key principles of Francois Laruelle's non-philosophical project and analyzes it comparatively with the Kantian categories of a priori, a posteriori, analytical and synthetic. It discovers certain parallels between the a priori and transcendental account of non-philosophy, its theory of subjectivity and autistic perception of the real.

Keywords: non-philosophy, a priori, subject, Ego, One, Laruelle, Kant.

Acknowledgements

Many thanks to Artem Morozov for his help during the translation and editing of the text.

References

1. Laruelle F. Obscénité de la philosophie [Obscenity of Philosophy] // *Théorie-Rébellion: Un ultimatum [Rebellion Theory: An Ultimatum]* / Ed. G. Grelet. Paris: L'Harmattan, 2005. ISBN 978-2747592109. P. 123–125. (In Fr.).
2. Laruelle F. *The Concept of Non-Photography* / trans. from Fr. by R. Mackay. Falmouth, New York: Urbanomic/Sequence, 2011. 303 p. ISBN 978-0-9832169-1-9. (In Engl.).
3. Deleuze G. *Empirizm i sub'yektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: ucheniye o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza [Empiricism and Subjectivity: An Essay on Human Nature According to Hume. Kant's Critical Philosophy: The Doctrine of Abilities. Bergsonism. Spinoza]* / trans. from Fr. by Y. I. Svirskiy. Moscow: Per Se, 2001. 480 p. ISBN 5-9292-0036-X. (In Russ.).
4. Kant I. *Prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafizike, kotoraya mozhet poyavit'sya kak nauka (1783) [Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Present Itself as a Science (1783)]* / trans. from Germ. by V. Solovyev, M. Belyayev // *Sochineniya. V 8 t. [Essays. In 8 vols.]*. Moscow, 1994. Vol. 4. P. 5–150. (In Russ.).
5. Laruelle F. *Principes de la non-philosophie [Principles of Non-Philosophy]*. Paris: PUF, 1996. 344 p. ISBN 978-2130478560. (In Fr.).
6. Badiou A. *Being and Event* / transl. from Fr. O. Feltham. London: Continuum, 2005. 560 p. ISBN 0-8264-5831-9. (In Engl.).
7. Agamben G. *Gryadushcheye soobshchestvo [Coming Community]* / trans. from Ital. D. Novikov. Moscow, 2008. 144 p. ISBN 978-5-94607-107-6. (In Russ.).
8. Laruelle F. *The Generic as Predicate and Constant: Non-Philosophy and Materialism // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism* / Eds. L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman.

Melbourne: re.press, 2011. P. 237–260. ISBN 978-0-9806683-4-6. (In Engl.).

9. Laruelle F. *Future Christ: A Lesson in Heresy* / trans. from Fr. A. P. Smith. London: Continuum, 2010. 184 p. ISBN 978-1-4411-1833-2. (In Engl.).

10. Laruelle F. *L'Ultime honneur des intellectuels [The Ultimate Honor of Intellectuals]*. Paris: Textuel, 2003. 160 p. ISBN 978-2845970854. (In Fr.).

11. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. V 3 t. [Capital. Criticism of Political Economy. In 3 vols.]*. Moscow, 1952. Vol. 1. 794 p. (In Russ.).

12. Debor G. *Obshestvo spektaklya [Society of the Performance]* / trans. from Fr. S. Ofertas, M. Yakubovich. Moscow, 2000. 184 p. ISBN 5-8163-0008-3. (In Russ.).

13. Rancière J. *La Leçon d'Althusser [Althusser's Lesson]*. Paris: Gallimard, 1974. 270 p. ISBN 978-1-4411-0805-0. (In Fr.).

14. Laruelle F. *Variations sur en thème de Heidegger [Variations on Heidegger's Theme]* // *La Décision philosophique. The Philosophical Decision*. 1987. No. 1. P. 86–94. (In Fr.).

15. Laruelle F. *Théorèmes de la Bonne Nouvelle [Theorems of the Good News]* // *La Décision philosophique. The Philosophical Decision*. 1987. No. 1. P. 83–85. (In Fr.).

About the translator

NEUSTROEV Zakhar Maksimovich, Student of the School of Advanced Studies (SAS), University of Tyumen, Tyumen.

Correspondence address: z.neustroev.sas@gmail.com

For citations

Galloway A. R. The autism of reason / trans. from Engl. Z. M. Neustroev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 132–140. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-132-140.

Received February 20, 2024.

© A. R. Galloway

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ

В эссе содержится критика метафизических способов использования термина 'личность'. Поскольку данный термин не обозначает какой-либо естественный вид, философы должны перестать задаваться вопросом 'что составляет основу непрерывного существования личности!'. Это просто плохой вопрос. Правильно поставленные вопросы о тождестве ('что такое тождество человеческого животного!', 'что такое тождество человеческого разума!' и т.д.) следует формулировать только в терминах естественных видов.

Ключевые слова: личность, квазиличность, тождество личности, естественные виды, фазовые сортали.

Я пришел к тревожному выводу, что понятие личности в том виде, в каком его используют философы, является плохим понятием. Его применение приводит к постановке плохих вопросов, на которые не могут быть даны ясные ответы. Оно не обозначает какой-либо естественный вид и является источником откровенных заблуждений. Поэтому от него, как от важного понятия в философии, следует отказаться, за исключением ряда крайне ограниченных случаев.

Что же считается личностью? Как правило, мы применяем слово 'личность' по отношению к обычным взрослым людям в здравом уме, предполагая наличие у них определенного набора психических характеристик — интеллекта, сознания, саморефлексии, самоконтроля, памяти и так далее. Но как тогда быть с детьми? В какой именно момент времени человеческий ребенок становится личностью? В возрасте половой зрелости, или когда ребенок начинает ходить и говорить, или при рождении, или в третьем триместре беременности, или в момент зачатия? В этом вопросе наши взгляды кардинально расходятся. Согласно стандартному локкеанскому определению¹, в основе которого лежит критерий сознательной саморефлексии, личности должны обладать развитыми когнитивными навыками, так что становление личности начинается только тогда, когда разум достигает определенного уровня развития, — вероятнее всего, где-то в период полового созревания или даже позже, в зависимости от конкретного человека. По этой причине многие человеческие дети должны считаться не-личностями (nonpersons), хотя у них есть человеческие тела, разум, язык и воля. Но как тогда быть с теми, кто страдает различными формами умственной отсталости, — являются ли они личностями? Является ли взрослый аутист личностью? Уничтожает ли кома или болезнь Альцгеймера личность? Являетесь

ли вы личностью во время сна или перед смертью во сне? И существует ли наука о личности? Полезно ли это понятие в биологии или психологии? Почему оно у нас есть? Что оно нам дает?

Мы склонны ограничивать понятие личности человеческим родом — только о людях говорят, что они являются личностями. Наши домашние животные не считаются личностями, как и наши ближайшие биологические родственники. Разве стали бы мы называть личностями других особей из семейства гоминид, если бы они все еще существовали — Неандертальцев, *Homo erectus* и всех остальных? Когда-то даже отрицалось, что представители других рас являются личностями. Но не ошибаемся ли мы, накладывая эти ограничения? Может, вскоре мы обнаружим, что гориллы на самом деле являются личностями? Что повлечет за собой такое открытие? Может ли их ДНК заставить нас признать, что гориллы — это тоже личности, точно так же как оно требует признать, что они принадлежат к тому же семейству, что и лемуры? Может ли их личность стать научным открытием? И если они личности, то как тогда нам быть с другими приматами, с другими млекопитающими или даже с рептилиями, — может быть, они тоже личности, просто мы об этом еще не знаем? Значит ли это, что на основе эмпирических фактов мы можем знать, что крокодилы не являются личностями, так же как мы знаем, что они не теплокровны? Является ли это научным фактом? Возможно ли, чтобы черепахи оказались личностями, а акулы или осьминоги — нет? И когда именно в ходе эволюции появился биологический вид *личностей*? И можем ли мы перестать называть себя личностями, если наши психические способности упадут ниже определенного уровня (например, можем ли считать осмысленными высказывания вида 'раньше мы были личностями, но теперь не соответствуем требуемым стандартам')?

Существует отдельный философский вопрос под названием 'тождество личности', в рамках которого мы пытаемся найти нечто, что составляет основу непрерывного существования личности. Он охватывает множество хитроумных мысленных экспериментов, но теория, которая бы нас удовлетворила все еще не найдена. Предполагается, что ответ на данный вопрос не должен включать в себя не-личностей: мы ведь не ищем условия неличного тождества, — очевидно, что речь идет исключительно о личности как таковой. Поэтому официально нас не интересуют маленькие дети и представители других биологических видов, поскольку они не считаются личностями. Тем не менее все те же мысленные эксперименты и все те же теории можно применить и к таким не-личностям. Допустим, у нас есть человеческий ребенок, скажем, трехлетний Джилл, которая непрерывным образом существует во времени. Мы могли бы спросить, в чем заключается основа ее непрерывного существования, — что именно делает этого ребенка тем, кого мы называем Джилл? Это ее тело, или мозг, или воспоминания, или сознание, или особенности характера — или ничего из вышеперечисленного? Мы можем представить, как меняем ее мозг на мозг Джека, или делим ее мозг на две части, или стираем ее воспоминания, используя типичные для философии мысленные эксперименты. Впрочем, все это не будет иметь никакого отношения к тождеству личности: Джилл просто-напросто не является личностью (пока) в соответствии с нашим стандартным определением. Или вы считаете, что человеческие дети в действительности являются личностями, начиная уже с периода возникновения плода? А как тогда нам быть с кошками и собаками — в чем заключается основа их тождества во времени? Что делает собаку по кличке Фидо тем самым Фидо? Можно заменить мозг Фидо, стереть воспоминания, поменять особенности характера и подвергнуть телепортации, то есть типичным философским экспериментам. Но все это будет касаться не тождества личности, а лишь собачьего тождества: ведь здесь мы ищем ответ на вопрос 'это та же самая собака?', а не на вопрос 'это та же самая личность?'. Хотя, конечно же, эти вопросы о не-личностях на деле ничем не отличаются от вопросов о личностях, — у нас нет двух разных философских проблем, одна из которых касается личностей, а другая — не-личностей. Вопрос о тождестве личности в том виде, в каком он обычно ставится, в действительности не является вопросом о тождестве личности как таковой. Это ошибочное наименование. И понятие личности — это не то понятие, которое нам необходимо для решения подобных вопросов; оно слишком ограничено.

Вполне возможно, что именно это обстоятельство превращает наши вопросы о тождестве в заведомо неразрешимые проблемы, так как само по себе понятие личности оказывается слишком расплывчатым, запутанным и неестественным. Можно задаваться вопросами о том, что представляет собой тождество тела, тождество разума и тождество животного (скажем, собаки или гориллы), однако задаваться вопросом о тождестве 'личности' — это пытаться ответить на плохо сформулированный вопрос, требующий более ясного представления о том, что *есть* личность. Что останется от этого вопроса после того, как мы ответим на все остальные, и в частности на вопрос о том, что такое собачье или человеческое тождество? Если у нас есть

теория человеческого тождества во времени, разве у нас нет всего необходимого? Иными словами, почему бы нам не сосредоточить свое внимание на видовых понятиях и не сформулировать вопрос о тождестве таким образом? Видовые понятия — это сорталии с хорошей репутацией в отличие от предполагаемой сорталии 'личность', допускающей в своем применении высокую степень неопределенности. Если мы выясним, что можем успешно решать вопросы тождества животных (собак, черепашек, людей и т.д.), то зачем нам тогда проявлять дополнительное беспокойство о якобы важном, но на самом деле надуманном вопросе тождества личности? Возможно, такое беспокойство лишь порождает псевдо-вопросы, на которые нет никаких ответов. Можно вполне осмысленно задаваться вопросами о тождестве разума во времени: например, что позволяет мне сегодня обладать тем же разумом, что и вчера или год назад? В ответе скорее всего будут предъявлены конкретные ссылки на мои психические способности, а также на определенные виды психологической преемственности; на этот вопрос тем самым можно дать ясный ответ. Хотя он вряд ли удовлетворит того, кто нацелен на разгадывание тайн тождества личности, понимаемых как вопросы о совершенно ином виде сущностей — не как вопросы о разуме, а как вопросы о личности. Почему, спросит вас такой исследователь, одна и та же личность не может иметь разные разумы в разное время, и почему разные личности не могут разделять один и тот же разум? Такие вопросы кажутся надуманными, но они легко возникают на основе предположения о том, что существует некий важный *дополнительный* (further) вопрос о тождестве личности. Однако, я думаю, если мы перестанем задаваться этим вопросом и прекратим беспокоиться о надуманной категории личности, то у нас исчезнут все препятствия и мы сможем охватить все то, что действительно важно, а именно тождество тела, животного и разума. На самом деле там просто нет никаких дополнительных вопросов, которыми стоило бы задаваться, по крайней мере, так утверждают скептики в отношении 'тождества личности'. Поэтому те, кто занимается тайнами тождества личности, должны нам объяснить, что еще за вопрос (ясно сформулированный) останется после того, как ответы на все остальные вопросы будут получены. И хотя понятие личность вошло в наш концептуальный словарь совсем недавно (взамен прежних понятий 'души' или 'духа'), вопросы о нашем тождестве, несомненно, возникли задолго до того, как оно появилось.

Довольно подозрительно, что у нас нет термина, соответствующего понятию 'личности', для других видов. Некоторые равнодушные люди предлагают распространить это понятие на другие виды, основываясь на их психологическом сходстве с нами; но подобное предложение кажется мне скорее вынужденным и слишком условным. Не менее странно и то, что у нас нет более общего понятия, в рамках которого *личность* рассматривалась бы как частный случай, особенно учитывая тот факт, что мы признаем за животными наличие как разума, так и тела. Мы считаем, что каждый день своего существования Фидо остается той же самой собакой, равно как и Билл продолжает быть тем же самым человеком на всем протяжении жизни; однако мы не имеем термина, соответствующего 'личности', который мы могли бы добавить к нашему описанию Фидо. У нас просто нет слова для указания на есте-

ственный психологический вид, который охватывал бы и Билла, и Фидо, и который напоминал бы нам понятие личности, поэтому нам приходится делать прямое утверждение, что Фидо — это не-личность. Мы могли бы попробовать использовать термины 'психологический субъект', 'эго' или 'самость', но они не выражают понятие нечеловеческого, хотя и личностно-подобного существа ('квази-личности'?). Все это говорит о том, что понятие личности на самом деле не является понятием естественно-го вида — оно не *предназначено* для того, чтобы с его помощью фиксировать значимые природные признаки вещей. У него совершенно иная функция. Именно поэтому мы не располагаем более широким понятием личности, несмотря на признание определенного сходства между людьми и другими видами, а также между взрослыми людьми и малолетними детьми. Функция слова 'личность' не в том, чтобы выразить природу определенного вида вещей; скорее оно предназначено для того, чтобы навязать определенный тип деления, или установить некоторый принцип исключения. Оно намеренно создавалось в качестве ограничения.

Известно, что Локк считал 'личность' судебным термином² (*forensic term*), то есть термином, принадлежащим сфере права. Я согласен с тем, что 'личность' — это политический и юридический термин, как и обозначаемое им понятие. Включить человека в класс личностей значит наделить его определенными *правами* — юридическими, политическими, моральными. Личность — это тот, кто обладает либо считается обладателем таких прав, правообладатель. Это все равно что назвать кого-то 'джентльменом', а не 'простолудином': смысл в том, чтобы указать, как к такому человеку следует относиться, а не в том, чтобы добраться до его природной сущности. Мы отказываемся называть детей и животных личностями не потому, что считаем их принципиально отличными от нас по их реальной природе, а потому, что выводим их за пределы нормативной сферы, к которой принадлежат взрослые нормальные люди, — то есть сферы ответственности, юридических обязательств, собственности и тому подобного. И хотя существуют реальные признаки, лежащие в основе такого рода судебных различий, термин 'личность' используется для того, чтобы абстрагироваться от них и сосредоточить наше внимание на вопросах права и политики. Мы *объявляем* молодого человека личностью по достижении им определенного положения в обществе, точно так же как мы могли бы *договориться считать* гориллу личностью, если бы гориллы имели юридические права, сопоставимые с теми, которыми обладают взрослые люди. И дело здесь вовсе не в том, что мы путем наблюдения или анализа *открываем* факты, свидетельствующие о том, что эти существа являются личностями, — пусть даже мы и можем таким образом обнаружить соответствующие факты об их разуме или теле. Термин 'личность' — это своего рода почетный или статусный термин, призванный обозначать принадлежность к некоторой группе, он только указывает на юридическое и политическое положение. Так же, например, как и термины 'гражданин' или 'аристократ', 'звезда' или 'леди'. Это не понятие определенного вида природных существ.

Теперь мы ясно видим, что не так с философским применением понятия личность. Это понятие создавалось для использования в политическом и юридическом контексте, а не в метафизическом

или научном. Поэтому нет такого вопроса, как 'природа личности' или 'тождество личности во времени', хотя есть вполне реальные вопросы о природе животных и их разума, равно как и о тождестве животных и их разума во времени. Конечно, мы можем задаваться вопросами о природе разумов разного уровня сложности, включая локкеанское саморефлективное сознательное существо, которое способно 'рассматривать себя как себя'. Но их не следует интерпретировать как деление на 'личностей' и 'не-личностей': подобная дихотомия просто не может быть реалистичной из-за существующего множества степеней разумности животных (и человека). Нет такого онтологического субъекта, как *личность*, — по крайней мере, в том смысле, в каком это понятие обычно используют философы. Вид 'нормальный взрослый человек с юридическими правами и обязанностями' не является *метафизическим* видом, каким его пытаются нам представить философы³. Они вырвали понятие личности из привычного судебного контекста и попытались поставить на службу метафизике, задавая с его помощью вопросы о надуманной онтологической категории. Отсутствие какого-либо значительного прогресса в решении этих вопросов служит лучшим свидетельством того, что понятие личности было превратно истолковано. Давайте избавимся от понятия личности в метафизике и вернем его на место в сферу права и политики. Мы по-прежнему можем обсуждать природу животных, включая людей, и задаваться вопросами о тождестве этих существ во времени, признавая, что они по своей природе являются воплощенными разумами, но будем это делать уже не в рамках категории 'личности' или 'тождества личности'. Ведь личности — примитивных или непримитивных — просто-напросто *не существует* (в философском смысле слова).

Примечания переводчика

¹ Под 'стандартным локкеанским определением' Колин МакГинн скорее всего подразумевает фрагмент XXVII главы *Опыта о человеческом разумении* (§9): «... личность есть разумное мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах только благодаря тому сознанию, которое неотделимо от мышления и, на мой взгляд, существенно для мышления, ибо невозможно, чтобы кто-нибудь воспринимал, не воспринимая, что он воспринимает» [1, с. 387].

² В отдельном параграфе XXVII главы *Опыта о человеческом разумении* (§ 26) Джон Локк дает специальное разъяснение термина 'личность', в частности, указывая, что «это юридический термин, касающийся действий и их ценности и относящийся поэтому только к разумным существам, знаем, что такое закон, счастье и несчастье» [1, с. 400].

³ В историко-философских дебатах о месте понятия личности в предложенной Джоном Локком классификации идей сложились три конкурирующие между собой интерпретации. Общим основанием для них служит локкеанский тезис о том, что все сложные идеи можно подвести под три базовые онтологические категории — субстанции, модусы и отношения [1, с. 213–214]. Наиболее влиятельной считается традиционная интерпретация, истоки которой принято возводить к небольшой брошюре Эдмунда Лоу *A Defence of Mr. Locke's Opinion Concerning Personal Identity* (1769 г.) [2]. Ее многочисленные сторонники [3–8], отталкиваясь от утверждения о юридической природе личностей, говорят о том, что мы должны понимать их именно как модусы, а не как субстанции. Другой, значительно менее популярной интерпретацией является по-

пытка рассматривать личности в качестве субстанций [9–12]. И наконец, совсем недавно была предложена еще одна интерпретация, где личности трактуются как отношения, в частности, между многочисленными диахроническими итерациями одного и того же сознания [13]. Очевидно, что Колин МакГинн в своем эссе защищает и развивает традиционную интерпретацию понятия локкеанской личности.

Библиографический список

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении: сочинения. В 3 т. Москва: Мысль, 1985. Т. 1. 620 с.
2. Law E. A Defence of Mr. Locke's Opinion Concerning Personal Identity; In Answer to the First Part of a Late Essay on That Subject. Cambridge: Printed by J. Archdeacon Printer to the University, 1769. 40 p.
3. Mattern R. Moral Science and the Concept of Persons in Locke // *The Philosophical Review*. 1980. Vol. 89, № 1. P. 24–45. DOI: 10.2307/2184862.
4. Uzgalis W. L. Relative Identity and Locke's Principle of Individuation // *History of Philosophy Quarterly*. 1990. Vol. 7, № 3. P. 283–297.
5. Thiel U. 'Epistemologism' and Early Modern Debates about Individuation and Identity // *British Journal for the History of Philosophy*. 1997. Vol. 5, № 2. P. 353–372. DOI: 10.1080/09608789708570971.
6. Thiel U. The Early Modern Subject: Self Consciousness and Personal Identity from Descartes to Hume. Oxford: Oxford University Press, 2011. 483 p.
7. LoLordo A. Person, Substance, Mode and 'the Moral Man' in Locke's Philosophy // *Canadian Journal of Philosophy*. 2010. Vol. 40, № 4. P. 643–667. DOI: 10.1080/00455091.2010.10716738.
8. LoLordo A. Locke's Moral Man. Oxford: Oxford University Press, 2012. 145 p.
9. Alston W. P., Bennett J. Locke on People and Substances // *The Philosophical Review*. 1988. Vol. 97, № 1. P. 25–46. DOI: 10.2307/2185098.
10. Chappell V. Locke on the Ontology of Matter, Living Things and Persons // *Philosophical Studies*. 1990. Vol. 60, № 1/2. P. 19–32. DOI: 10.1007/BF00370973.
11. Winkler K. Locke on Personal Identity // *Journal of the History of Philosophy*. 1991. Vol. 29, № 2. P. 201–226. DOI: 10.1353/hph.1991.0041.
12. Gordon-Roth J. Locke on the Ontology of Persons // *The Southern Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 53, № 1. P. 97–123. DOI: 10.1111/sjp.12098.
13. Simendic M. Locke's Person Is a Relation // *Locke Studies*. 2015. Vol. 15. P. 79–97. DOI: 10.5206/lis.2015.681.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

McGinn C. The Concept of a Person // *Philosophical Provocations: 55 Short Essays*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. P. 207–210.

Ссылка на полный текст эссе:

https://www.google.ru/books/edition/Philosophical_Provocations/OAQxDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1&dq

Для цитирования

МакГинн К. Понятие личности = McGinn C. The Concept of a Person / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 141–145. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-141-145.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024 г.

© К. МакГинн

THE CONCEPT OF A PERSON

The essay contains a critique of the metaphysical ways to use of the term 'person'. Since the term does not designate any natural kind, philosophers must abandon the question 'what constitutes the continued existence of a person?'. It's just a bad question. All well-defined questions about identity ('what is human animal identity?', 'what is human mind identity?', and so on) should formulate only in terms of natural kinds.

Keywords: person, quasi person, personal identity, natural kinds, phase sortals.

References

1. Lakk Dzh. Opyt o chelovecheskom razumenii: sochineniya. V 3 t. [An experience about human understanding: essays. In 3 vols.] // Moscow, 1985. Vol. 1. 620 p. (In Russ.).
2. Law E. A Defence of Mr. Locke's Opinion Concerning Personal Identity; In Answer to the First Part of a Late Essay on That Subject. Cambridge: Printed by J. Archdeacon Printer to the University, 1769. 40 p. (In Engl.).
3. Mattern R. Moral Science and the Concept of Persons in Locke // The Philosophical Review. 1980. Vol. 89, no. 1. P. 24–45. DOI: 10.2307/2184862. (In Engl.).
4. Uzgalis W. L. Relative Identity and Locke's Principle of Individuation // History of Philosophy Quarterly. 1990. Vol. 7, no. 3. P. 283–297. (In Engl.).
5. Thiel U. 'Epistemologism' and Early Modern Debates about Individuation and Identity // British Journal for the History of Philosophy. 1997. Vol. 5, no. 2. P. 353–372. DOI: 10.1080/09608789708570971. (In Engl.).
6. Thiel U. The Early Modern Subject: Self Consciousness and Personal Identity from Descartes to Hume. Oxford: Oxford University Press, 2011. 483 p. (In Engl.).
7. LoLordo A. Person, Substance, Mode and 'the Moral Man' in Locke's Philosophy // Canadian Journal of Philosophy. 2010. Vol. 40, no. 4. P. 643–667. DOI: 10.1080/00455091.2010.10716738. (In Engl.).
8. LoLordo A. Locke's Moral Man. Oxford: Oxford University Press, 2012. 145 p. (In Engl.).
9. Alston W. P., Bennett J. Locke on People and Substances // The Philosophical Review. 1988. Vol. 97, no. 1. P. 25–46. DOI: 10.2307/2185098. (In Engl.).
10. Chappell V. Locke on the Ontology of Matter, Living Things and Persons // Philosophical Studies. 1990. Vol. 60, no. 1/2. P. 19–32. DOI: 10.1007/BF00370973. (In Engl.).
11. Winkler K. Locke on Personal Identity // Journal of the History of Philosophy. 1991. Vol. 29, no. 2. P. 201–226. DOI: 10.1353/hph.1991.0041. (In Engl.).
12. Gordon-Roth J. Locke on the Ontology of Persons // The Southern Journal of Philosophy. 2015. Vol. 53, no. 1. P. 97–123. DOI: 10.1111/sjp.12098. (In Engl.).
13. Simendic M. Locke's Person Is a Relation // Locke Studies. 2015. Vol. 15. P. 79–97. DOI: 10.5206/lis.2015.681. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

McGinn C. The concept of a person / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 141–145. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-141-145.

Received February 12, 2024.

© C. McGinn

УДК 338.012
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-146-152
EDN: TEYMTN

А. Е. МИЛЛЕР
Н. С. РУДЕНКО

Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ХОЛДИНГОВ

В статье отражены достигнутые результаты исследований методических положений, связанных с применением экономических моделей при цифровой трансформации промышленных холдингов. Рассматриваемая методология использования экономических моделей позволила выделить целевую направленность и основные задачи цифровой трансформации. Характерными чертами предложенной методологии следует считать: обобщение признаков цифровой трансформации; аргументация отличительных свойств, влияющих на развитие экономических моделей при цифровой трансформации промышленных холдингов. Исследуемые аспекты позволяют уточнить концептуальные положения классической теории цифровой трансформации экономических систем в части исследования проблемных ситуаций, возникающих в процессе цифровой трансформации промышленных холдингов, а также обоснования таких понятий, как моделирование, цифровая трансформация, модели цифровой трансформации промышленных систем, выделить основные этапы развития цифровой трансформации промышленных систем. В рамках методической реализации предложенной методологии рассмотрен инструментальный подход, позволяющий систематизировать инструменты цифровой трансформации промышленных систем, в разрезе цифровых бизнес-моделей, цифровых технологий и платформенных решений, а также аргументировать ключевые признаки каждого из инструментов. Преимуществом инструментального подхода является возможность исследования сложившихся экономических моделей цифровой трансформации и обоснования авторской модели цифровой трансформации промышленного холдинга. Предложенная модель позволяет: оптимизировать конфигурацию производимой продукции и процессов ее жизненного цикла с точки зрения оптимизации добавленной стоимости промышленного холдинга; интегрировать системы и процессы, а также цепочку создания стоимости промышленного холдинга, компонентами которой являются: оптимизация производства, экологическая безопасность, сокращение затрат, продуктивность активов, повышение производительности, рост рентабельности и увеличение стоимости холдинга.

Ключевые слова: промышленный холдинг, технологическая трансформация, моделирование, технологии, инструментальный подход, промышленность.

Введение. На современном этапе научно-технологического развития экономики России сквозные цифровые технологии существенно влияют на динамику и уровень технологической модернизации экономических систем, включая промышленные холдинги. Существенная роль в этом отводится экономическим моделям цифровой трансформации.

Ключевыми предпосылками цифровой трансформации становятся новые современные технологии, присущие шестому технологическому укладу. Как следствие, одним из приоритетных направлений развития экономических систем, включая промышленные холдинги, актуализируется проблематика, ориентированная на исследование зависимости

цифровой трансформации экономических систем исходя из оперативности подготовки и реализации в практике хозяйствования новых цифровых решений. Разносторонние условия формирования стабильности развития, как правило, определяются набором средств, формирующих уровень развития производства, а в долгосрочном периоде достигаются благодаря цифровой трансформации экономических систем. На протяжении периода формирования направлений стабильного развития приоритетным становится реализация инструментов, способных всесторонне обеспечить желаемый уровень развития экономической системы. В данный момент времени на стабильность развития экономических систем существенное влияние оказывает цифровая модернизация, направленная на внедрение современных технологий.

Цель исследования. Целью исследования является систематизация сложившихся теоретико-методологических подходов к моделям цифровой трансформации в крупных экономических системах, в том числе в промышленных холдингах.

Обзор литературы. Основополагающим фактором процедуры, характеризующей условия реализации цифровой трансформации, применительно к проблематике разработки цифровой стратегии, следует считать сформированную промышленным холдингом модель цифровой трансформации, в контексте процедурных составляющих цифровых проектов [1, 2]. В настоящее время, при исследовании проблемных областей экономики, в качестве основополагающего инструмента все чаще используется потенциал построения экономических моделей [3]. Экономические модели делают возможным в обобщенном виде отражать сложившиеся социально-экономические этапы развития, прогнозировать дальнейшее развитие процессов, вносить корректировки и изменения в исходную информацию в целях нивелирования возможных кризисных условий [4, 5].

Среди проводимых исследований выделяется несколько подходов к определению сущности экономической модели.

С точки зрения Saman Razavi и Anthony Jakeman, модели должны отражать особенности, которые присущи определенным ситуациям, но не должны описывать общее поведение субъектов экономики [6]. Авторы полагают, что цель модели — выделить основополагающие факторы и процессы и продемонстрировать необычные случаи, имеющие важное теоретическое и практическое значение.

Атаева М. Э. определяет сущность экономической модели как упрощенное описание реальности, которое предназначено для выработки гипотез об экономическом поведении, которые можно проверить [7]. Следует констатировать, что данное определение наиболее полно раскрывает сущность модели в экономической науке.

В переводе с латинского языка трансформация означает изменение, преобразование, превращение. Трансформация связана с такого рода изменениями, благодаря которым осуществляется позитивное развитие и перерождение экономических систем [8].

Проблематика цифровой трансформации в научной литературе всесторонне исследована. Так, Артамонов В. А. и Артамонова Е. В. в своем исследовании определяют сущность цифровой трансформации на основе процессов интегрирования цифровых технологий в каждую составляющую

производственной деятельности, а также их встраивания в компоненты инфраструктуры общественных отношений, ориентированные на структурные корректировки в технологические операции и технологические переделы, задействованные при производстве новой продукции или оказания услуг [9].

Руководитель проектного направления «Цифровая экономика Российской Федерации» В. Месропян предлагает рассматривать цифровую трансформацию как процесс проведения коренных изменений бизнес-моделей, основанные на использовании методического аппарата цифровой платформы и направленные на достижение значимого уровня сегментов рынка и конкурентоспособности организаций [10].

Зарубежные исследователи, такие как F. Sklenarz, A. Edeling и другие, определяют цифровую трансформацию, как фундаментальный процесс изменений, который вызван развитием цифровых технологий в целях достижения существенных изменений в структуре и построение цепочки ценностей всех участников технологической трансформации посредством долгосрочной технологической модернизации производственных процессов и технологического потенциала [11].

Резюмируя существующие подходы, следует подчеркнуть, что на начальных этапах цифровая трансформация рассматривалась как процесс применения новых технологий при осуществлении процессов производства и реализации продукции промышленными организациями. В ходе становления и развития элементов цифровой трансформации ученые-исследователи сместили акценты в сторону основополагающих изменений в производственной бизнес-среде, ориентируясь на непрерывный процесс использования цифровых технологий во всех сферах производственно-экономической деятельности экономических систем, включая промышленные холдинги.

Следует констатировать, что, с точки зрения ученых, под цифровой трансформацией промышленного холдинга понимается разработанная материнской компанией стратегия внедрения цифровых технологий для коренного изменения деятельности бизнеса холдинговой структуры, включая ее бизнес-модели в дочерних структурах: от изменения существующих до создания новых моделей.

По мнению коллектива исследователей Зайченко И. М., Горшечникова П. Д., Лёвина А. И. и Дубгорн А. С., цифровая трансформация возможна при условии существования бизнес-модели предприятия, обоснования выбора релевантных информационных технологий и наличия ресурсных возможностей, включая временные и финансовые, в целях трансформации имеющегося или вновь сформированного цифрового бизнеса [12].

Цифровая трансформация в своем развитии прошла несколько этапов, содержание которых нашло отражение в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. Так, К. Перес в своих исследованиях делает акцент на трех этапах развития цифровой трансформации. Каждый из этапов она увязывает с действием конкретного технологического прорыва [13].

Так, началом первого этапа они предлагают считать временной период с 1970 по 1980 год, связывая его с этапом разработки интегральных микросхем, позволяющих минимизировать и существенно ускорить процессы вычислений. Второй этап с 1990 по 2000 год дает старт зарождению взаимосвязи

Систематизация инструментов цифровой трансформации в экономических системах

Перечень инструментов	Ключевые признаки
Цифровая бизнес-модель	— универсальность благодаря своевременной корректировке основных параметров; — быстрые темпы ответной реакции на изменения условий конкурентной среды
Цифровые технологии	— улучшение процессов в экономической системе в целях повышения эффективности ее деятельности; — оптимальное расширение ресурсных возможностей
Платформенные решения	— объединение ресурсных возможностей в ключевых сферах деятельности; — интеграция производственных возможностей различных отраслей, в целях достижения условий роста конкурентоспособности экономической системы и динамического роста ее результативности

Источник: составлено авторами

цифровых процессов: компьютеры начали объединять в локальные и глобальные сети. Третий этап, который формировался с 2010 по 2015 годы, связан с появлением дешевых датчиков, которые объединяют в беспроводные сети, позволяющие развивать мониторинговые системы.

Гарифуллин Б. М. и Зябриков В. В. дополняют четвертым этапом периодичность развития цифровой трансформации (с 2015 года по настоящее время), в котором получил активное распространение и развитие искусственный интеллект, существенно расширяющий возможности обработки значительных объемов данных, осуществлять функции человека посредством робототехнических систем, ориентированных на способность обучения исходя из опыта прошлых лет [14].

Проведенные исследования показывают, что процессы цифровой трансформации носили нелинейный характер. Продвижение передовых технологий происходит благодаря устойчивому динамичному ускорению, что позволяет экономическим системам, включая промышленные холдинги, развиваться ускоренными темпами, тем самым подчеркивая целесообразность оперативного введения в действие широкого спектра цифровых технологий в производственную деятельность [15].

Результаты исследования. Необходимо подчеркнуть, что в последнем десятилетии развитие цифровой трансформации способствовало значительной дифференциации экономических систем, включая промышленные холдинги в части достигнутого уровня цифровизации бизнес-процессов. Экономические системы, являющиеся лидерами благодаря стабильному введению в действие современных инноваций, существенно отрываются от отстающих и догоняющих организаций, даже в рамках одной отрасли. Это объясняется, с одной стороны, высоко результативным применением уже имеющихся материальных и денежных ресурсов, с другой — целевое выделение государственных финансовых средств, расширение технологической интеграции и инжиниринговых услуг, создание высококвалифицированных управленческих команд, применение проектного инновационного управления.

Современные процессы цифровой трансформации в экономических системах осуществляются с помощью широкого спектра инструментов (табл. 1).

Используя инструментальный подход к развитию цифровой трансформации, исследования российских экономистов моделей, связанных с проб-

лематикой анализа цифровой развитости экономических систем, а также точки зрения зарубежных ученых, занимающихся вопросами моделей анализа цифровой развитости экономических систем, включая промышленные холдинги, дает возможность сделать акцент на наиболее значимых.

1. Модель цифровой зрелости. Разработана на примере компании Deloitte. Обеспечивает оценку цифровых возможностей на основе пяти ключевых параметров, включающих: потребителей; стратегии; технологии; все виды (типы) операций, в том числе производственные; структуру и культуру экономической системы.

2. Модель цифровой трансформации, основанная на вычислении индекса цифровой трансформации. Данная модель разработана исследовательской организацией Arthur D. Little. Основу приведенной модели составляет значительное количество агрегированных вариантов оценочных параметров, включающих: стратегию и руководство; клиентский сервис; работы и услуги; все виды (типы) операций и цепочки поставок; рабочие места и культуру, информационные технологии. Особенностью рассматриваемой модели является её способность выдавать для любой экономической системы значения оценочных параметров в графическом виде, что позволяет учитывать специфику отрасли, достигнутые значения «виртуальными звездами», а также рассчитывать усредненные значения для каждой отраслевой экономической системы.

Такой подход позволяет компаниям получить объективную оценку своего текущего уровня цифровой трансформации и определить области, в которых необходимо улучшить свои показатели. Это также помогает компаниям сравнить свои результаты с другими компаниями в своей отрасли и определить, какие действия необходимо предпринять для достижения высокого уровня цифровой трансформации.

3. Модель оценки цифровых способностей. Создана компанией KPMG и позволяет интегрировать до пяти оценочных вариантов, с включением: видения и стратегий; цифровых талантов; основных цифровых процессов; гибких источников и технологий; руководства. Каждый из оценочных вариантов может содержать дополнительные оценочные составляющие.

Таким образом, можно конкретизировать оценочные варианты, которые позволяют объединить данная модель, и показать целевую направленность их действия:

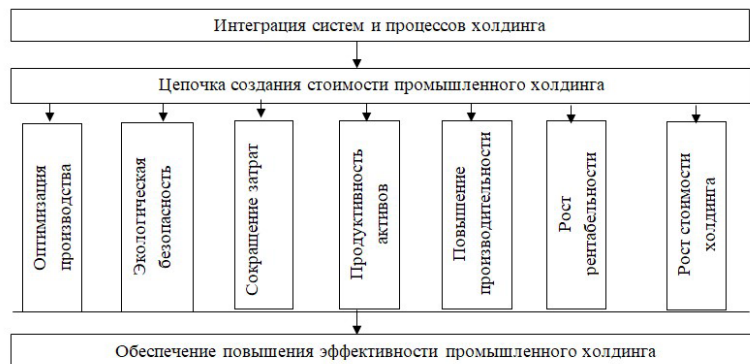

Рис. 1. Модель цифровой трансформации промышленного холдинга
Источник: составлено авторами

— стратегия: позволяет оценить способность компании разрабатывать и реализовывать стратегию цифрового развития;

— организация: оценивается способность компании эффективно организовывать свои цифровые ресурсы и процессы;

— культура: оценивание способности компании развивать культуру, поддерживающую цифровое развитие;

— технологии: оценка способности компании использовать и внедрять новые технологии;

— операции: оценивание способности компании эффективно управлять операциями в цифровом контексте.

Предложенные оценочные варианты помогают компании KPMG получать достаточно важную и актуальную информацию: насколько хорошо организация использует цифровые технологии и как она может улучшить свои цифровые способности для достижения поставленных бизнес-целей.

Учитывая положительные моменты рассмотренных экономических моделей, следует указать на отсутствие методической проработки вопросов, связанных с цепочками создания стоимости экономической системы, и, особенно, промышленного холдинга за счет интеграции систем и процессов, происходящих в нем.

Предложена авторская модель цифровой трансформации промышленного холдинга (рис. 1).

Основополагающим принципом предложенной модели является оптимизация конфигурации промышленной продукции и процессов ее жизненного цикла с целью увеличения добавленной стоимости холдинга. Данная модель цифровой трансформации промышленного холдинга учитывает в себе интеграцию систем и процессов холдингов, а также цепочку создания стоимости промышленного холдинга, включающую в себя:

— оптимизацию производства с помощью автоматизации процессов, использования робототехники, интернета вещей (IoT), искусственного интеллекта (AI) и других технологий для повышения эффективности и точности производственных процессов. Это позволяет сократить время на производство, снизить количество брака и повысить качество продукции;

— экологическую безопасность — использование технологий, которые позволяют снизить негативное воздействие на окружающую среду. Это может включать в себя использование возобновляемых источников энергии, переработку отходов, снижение выбросов вредных веществ и другие меры;

— сокращение затрат — оптимизация использования ресурсов, автоматизация процессов, снижение издержек на производство и логистику. Это позволяет холдингу снизить свои затраты и повысить прибыльность;

— продуктивность активов — использование технологий для повышения эффективности использования активов холдинга;

— повышение производительности — использование технологий для повышения эффективности работы сотрудников;

— рост рентабельности — использование технологий для повышения прибыльности промышленного холдинга.

Преимущественно приемлемым вариантом оценивания модели цифровой трансформации промышленного холдинга следует считать вариант, благодаря которому можно получить интегральные значения из шести вышеприведенных составляющих, отражающих состояние цепочки создания стоимости промышленного холдинга. Данный подход предоставляет возможность осуществлять всесторонний анализ отклонений в процессе моделирования цифровой трансформации в контексте обобщенных групп факторов с последующей конкретизацией обособленных показателей.

Вместе с тем обобщенные группы факторов нельзя считать статичными, поэтому недопустимо игнорировать концептуальную направленность отклонений объектной области анализа при реализации динамического оценивания цифровой трансформации промышленного холдинга применительно к его целевой направленности. Следовательно, при появлении необходимости установить и произвести расчет соответствующего уровня цифровой трансформации промышленного холдинга, в качестве объектной области анализа следует рассматривать систему, позволяющую провести расчет каждого параметра обособленного показателя, что, в конечном счете, гарантирует универсальность рассматриваемого подхода с соблюдением требований их целевой направленности.

Вместе с тем очевидно, что разработка модели оценивания цифровой трансформации промышленного холдинга трудно представить, игнорируя факторы внешней и внутренней среды. Поскольку итогом формирования перечня имеющих влияние факторов и показателей следует считать результат, который находится в прямой зависимости от уровня их многогранности, то, применительно к факторам внешней среды, допустимо разработка индикативной модели оценивания. Применительно

к факторам внутренней среды модель должна носить характер сфокусированной на осуществление процедуры оценивания.

Предложенная модель позволит достичь конкурентоспособности промышленным холдингам и обеспечит экономический рост экономике государства.

Заключение и выводы. Таким образом, цифровая трансформация промышленного холдинга — это процесс, который позволяет улучшить эффективность системы управления цепочкой создания стоимости посредством реализации нескольких ключевых задач:

Во-первых, обеспечивается работа единой информационной среды холдинга, которая позволяет управлять данными о промышленной продукции на всех этапах ее жизненного цикла. Это позволяет улучшить координацию и взаимодействие между различными подразделениями холдинга, а также повысить качество и скорость принятия решений.

Во-вторых, формируется интегрированный цифровой ландшафт информационных и технологических систем на промышленном холдинге. Это позволяет выполнять взаимосвязанные процессы управления, анализа узких мест производственных процессов, анализа потоков данных от всех дочерних предприятий холдинга и их оптимизации для реализации поставленных задач.

Библиографический список

1. Ценжарик М. К., Крылова Ю. В., Стешенко В. И. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36, № 3. С. 390–417. DOI: 10.21638/spbu05.2020.303. EDN: LJLLJT.
2. Хоменко Е. Б., Вагутина Л. А., Злобина Е. Ю. Современные тенденции цифровой трансформации промышленных предприятий // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2022. Т. 32, № 4. С. 676–682. DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-4-676-682. EDN: EYHZIV.
3. Поздеев В. Ю., Соколова О. Г. Применение цифровой трёхуровневой системы управления и планирования как фактор повышения качества предоставляемой заказчику услуги // Актуальные проблемы экономики и управления: сб. статей Одиннадцатой Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 19–20 октября 2023 г. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2023. С. 67–70. EDN: WUKFXE.
4. Кокшаров В. А., Костюченко К. Л. Теоретические аспекты концепции моделирования экономических процессов // Инновации и инвестиции. 2023. № 7. С. 291–293. EDN: BJQLKG.
5. Шапошникова Б. Д., Лифарев А. А., Сармадаева А. Ц. Цифровизация промышленных предприятий как инструмент повышения эффективности производства // Экономика и предпринимательство. 2023. № 2 (51). С. 622–625. DOI: 10.34925/EIP.2023.151.2.118. EDN: CUBIPV.
6. Razavi S., Jakeman A. The Future of Sensitivity Analysis: An essential discipline for systems modeling and policy support // Environmental Modelling & Software. Vol. 137. 2020. P. 104954. DOI: 10.1016/j.envsoft.2020.104954.
7. Атаева М. Э., Чарыева О. И., Джумаева Д. Д. Экономические модели // Молодой ученый. 2023. № 46 (493). С. 80–82. EDN: QGFYWW.

8. Кирильчук С. П. Экономические механизмы инновационной трансформации социально-экономической системы России: моногр. Симферополь: Ариал, 2021. 269 с.

9. Артамонов В. А., Артамонова Е. В. Роль цифровой трансформации в современном социуме // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15. С. 28–32. EDN: MPTLKLZ.

10. Месропян В. Цифровые платформы — новая рыночная власть. Москва. 2018. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment> (дата обращения: 22.01.2024).

11. Sklenarz F., Edeling A. Does Bigger Still Mean Better? How Digital Transformation Affects the Market Share-Profitability Relationship // International Journal of Research in Marketing. 2024. URL: DOI: 10.1016/j.ijresmar.2024.01.004.

12. Зайченко И. М., Горшечникова П. Д., Лёвина А. И. [и др.]. Цифровая трансформация бизнеса: подходы и определение // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. С. 205–212. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-2-205-212. EDN: DAKJGY.

13. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. Москва: ДЕЛО, 2011. 231 с. ISBN 978-5-7749-0626-0.

14. Гарифуллин Б. М., Зябриков В. В. Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 9. С. 1345–1358. DOI: 10.18334/ce.12.9.39332. EDN: VKHFUG.

15. Миллер А. Е., Руденко Н. С. Теоретико-методологические аспекты технологической трансформации промышленных холдингов в условиях индустрии 4.0 // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12, № 4. С. 86–91. DOI: 10.24412/2225-8264-2023-4-86-91. EDN: QKBFZF.

МИЛЛЕР Александр Емельянович, доктор экономических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «Экономика и финансы» Омского государственного университета (ОмГУ) им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

SPIN-код: 7023-6349

AuthorID (РИНЦ): 383531

AuthorID (SCOPUS): 56712204000

ResearcherID: R-2948-2016

Адрес для переписки: aem55@yandex.ru

РУДЕНКО Николай Сергеевич, преподаватель Института среднего профессионального образования и довузовской подготовки ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

SPIN-код: 8828-9273

AuthorID (РИНЦ): 1027118

ORCID: 0000-0002-1110-3991

Адрес для переписки: runiks94@list.ru

Для цитирования

Миллер А. Е., Руденко Н. С. Моделирование цифровой трансформации промышленных холдингов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 146–152. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-146-152.

Статья поступила в редакцию 14.02.24 г.

© А. Е. Миллер, Н. С. Руденко

MODELING THE DIGITAL TRANSFORMATION OF INDUSTRIAL HOLDINGS

The article reflects the achieved results of research on methodological provisions related to the application of economic models in the digital transformation of industrial holdings. The methodology of using economic models under consideration made it possible to identify the target orientation and the main tasks of digital transformation. The characteristic features of the proposed methodology should be considered: generalization of the signs of digital transformation; argumentation of distinctive properties that affect the development of economic models in the digital transformation of industrial holdings. The studied aspects make it possible to clarify the conceptual provisions of the classical theory of digital transformation of economic systems, in terms of studying problematic situations arising in the process of digital transformation of industrial holdings, as well as substantiating concepts such as modeling, digital transformation, models of digital transformation of industrial systems, to highlight the main stages of development of digital transformation of industrial systems. As part of the methodological implementation of the proposed methodology, an instrumental approach is considered that allows to systematize the tools of digital transformation of industrial systems in the context of digital business models, digital technologies and platform solutions, as well as to argue the key features of each of the tools. The advantage of the instrumental approach is the possibility of studying the established economic models of digital transformation and substantiating the author's model of digital transformation of an industrial holding. The proposed model allows you to: optimize the configuration of manufactured products and processes of its life cycle in terms of optimizing the added value of an industrial holding; integrate systems and processes, as well as the value chain of an industrial holding, the components of which are: optimization of production, environmental safety, cost reduction, asset productivity, productivity improvement, profitability growth and increase in the value of the holding.

Keywords: industrial holding, technological transformation, modeling, technologies, instrumental approach, industry.

References

1. Tsenzharik M. K., Krylova Yu. V., Steshenko V. I. Tsifrovaya transformatsiya kompaniy: strategicheskiy analiz, faktory vliyaniya i modeli [Digital transformation in companies: strategic analysis, drivers and models] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. St. Petersburg University Journal of Economic Studies. 2020. No. 3. P. 390–417. DOI: 10.21638/spbu05.2020.303. EDN: LJLLJT. (In Russ.).
2. Khomenko E. B., Vatutina L. A., Zlobina E. Yu. Sovremennyye tendentsii tsifrovoy transformatsii promyshlennykh predpriyatiy [Modern trends in digital transformation of industrial enterprises] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya ekonomika i pravo. Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2022. Vol. 32, no. 4. P. 676–682. DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-4-676-682. EDN: EYHZIV. (In Russ.).
3. Pozdeyev V. Yu., Sokolova O. G. Primeneniye tsifrovoy trekhurovnevoy sistemy upravleniya i planirovaniya kak faktor povysheniya kachestva predstavlyayemoy zakazchiku uslugi [The use of a digital three-level management and planning system as a factor in improving the quality of the service provided to the customer] // Aktual'nyye problemy ekonomiki i upravleniya. Current Problems of Economics and Management. Ekaterinburg, 2023. 297 p. EDN: WUKFXE. (In Russ.).
4. Koksharov V. A., Kostyuchenko K. L. Teoreticheskiye aspekty kontseptsii modelirovaniya ekonomicheskikh protsessov [Theoretical aspects of the concept of modeling economic processes] // Innovatsii i investitsii. Innovation and Investment. 2023. No. 7. P. 291–293. EDN: BJQLKG. (In Russ.).
5. Shaposhnikova B. D., Lifarev A. A., Sarmadayeva A. Ts. Tsifrovizatsiya promyshlennykh predpriyatiy kak instrument povysheniya effektivnosti proizvodstva [Digitalization of industrial enterprises as a tool to improve production efficiency] // Ekonomika i predprinimatel'stvo. Economy and Entrepreneurship. 2023. No. 2 (51). P. 622–625. DOI: 10.34925/EIP.2023.151.2.118. EDN: CUBIPV. (In Russ.).
6. Razavi S., Jakeman A. The Future of Sensitivity Analysis: An essential discipline for systems modeling and policy support // Environmental Modelling & Software. Vol. 137. 2020. P. 104954. DOI: 10.1016/j.envsoft.2020.104954. (In Engl.).
7. Atayeva M. E., Charyyeva O. I., Dzhumayeva D. D. Ekonomicheskiye modeli [Economic models] // Molodoy uchenyy. Young Scientist. 2023. No. 46 (493). P. 80–82. EDN: QGFYWW. (In Russ.).

8. Kiril'chuk S. P. Ekonomicheskiye mekhanizmy innovatsionnoy transformatsii sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy Rossii [Economic mechanisms of innovative transformation of the socio-economic system of Russia]. Simferopol, 2021. 269 p. (In Russ.).

9. Artamonov V. A., Artamonova E. V. Rol' tsifrovoy transformatsii v sovremennom sotsiume [The role of digital transformation in modern society] // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. *Russia: Trends and Development Prospects*. 2020. No. 15. P. 28–32. EDN: MPTLKZ. (In Russ.).

10. Mesropyan V. Tsifrovyye platformy — novaya rynochnaya vlast'. Moskva. 2018 [Digital platforms — the new market power. Moscow. 2018]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=467818>. (accessed: 13.12.2023). (In Russ.).

11. Sklenarz F., Edeling A. Does Bigger Still Mean Better? How Digital Transformation Affects the Market Share-Profitability Relationship // *International Journal of Research in Marketing*. 2024. URL: DOI: 10.1016/j.ijresmar.2024.01.004. (In Engl.).

12. Zaychenko I. M., Gorshechnikova P. D., Levina A. I. [et al.]. Tsifrovaya transformatsiya biznesa: podkhody i opredeleniye [Digital transformation of business: approaches and definitions] // *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya: ekonomika i ekologicheskii menedzhment. Scientific Journal of NIU ITMO. The Series Economics and Environmental Management*. 2020. No. 2. P. 205–212. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-2-205-212. EDN: DAKJGY. (In Russ.).

13. Peres K. Technological revolutions and financial capital: the dynamics of bubbles and periods of prosperity / trans. from Engl. Moscow, 2011. 231 p. ISBN 978-5-7749-0626-0. (In Russ.).

14. Garifullin B. M., Zyabrikov V. V. Tsifrovaya transformatsiya biznesa: modeli i algoritmy [Digital transformation of business: models and algorithms] // *Kreativnaya ekonomika. Creative Economy*. 2018. Vol. 12, no. 9. P. 1345–1358. DOI: 10.18334/ce.12.9.39332. EDN: VKHFUG. (In Russ.).

15. Miller A. E., Rudenko N. S. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty tekhnologicheskoy transformatsii promyshlennykh

kholdingov v usloviyakh industrii 4.0. [Theoretical and methodological aspects of technological transformation of industrial holdings in the context of industry 4.0] // *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy. Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2023. Vol. 12, no. 4. P. 86–91. DOI: 10.24412/2225-8264-2023-4-86-91. EDN: QKBFZF. (In Russ.).

MILLER Alexander Emelianovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of Economics and Finance Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk. SPIN-code: 7023-6349

AuthorID (RSCI): 383531

AuthorID (SCOPUS): 56712204000

ResearcherID: R-2948-2016

Correspondence address: aem55@yandex.ru

RUDENKO Nikolai Sergeevich, Lecturer at the Institute of Secondary Vocational Education and Pre-University Training, Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

SPIN-code: 8828-9273

AuthorID (RSCI): 1027118

ORCID: 0000-0002-1110-3991

Correspondence address: runiks94@list.ru

For citations

Miller A. E., Rudenko N. S. Modeling the digital transformation of industrial holdings // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 146–152. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-146-152.

Received February 14, 2024.

© A. E. Miller, N. S. Rudenko

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОВЕРКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АУДИТА РАСХОДОВ

В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы, касающиеся планирования проведения проверки финансовых результатов деятельности субъекта хозяйствования, в частности изложены организационно-методические подходы к аудиту расходов. Авторами обобщены существующие методики аудита различных групп расходов компании, систематизирован опыт проведения аудиторских проверок с учетом норм действующего законодательства РФ. Предложено авторское видение организационно-методического оформления планирования проведения аудита расходов, разработана программа проверки, сформирован перечень рабочих документов аудитора, даны практические рекомендации.

Ключевые слова: учет, аудит, аудитор, расходы, методика, аудиторская проверка, аудиторское заключение, программа аудита.

Введение. В экономических условиях хозяйствования субъект предпринимательской деятельности формирует финансовый результат, отражающий по итогам отчетного периода эффективность ведения этой деятельности. Как известно, в экономике конечной целью любого субъекта предпринимательства становится наиболее полное удовлетворение спроса со стороны физических и юридических лиц на выпускаемую продукцию, товары либо услуги соответствующего уровня качества в контексте рационального уровня затрат и, как следствие сказанного, получение положительного финансового результата — прибыли. Поэтому одной из важнейших задач современной системы бухгалтерского учета организации является достоверность отражения расходов организации, как показателей, влияющих на конечный финансовый результат. В свою очередь, аудит ориентирован на проверку соответствия отражения в учете расходов правовому полю законодательства РФ.

Цель исследования. Целью проведенного авторами исследования стала оценка полноты формирования, достоверности и точности отражения в системе учета и отчетности расходов организации, разработка организационно-методических рекомендаций по планированию аудита расходов. Актуальность исследования обусловлена тем, что в сложившихся условиях возрастает потребность организации внутреннего контроля на предприятии для целей улучшения качества учета и для целей аудита — отслеживания искажений отчетности внешними пользователями. Аудиторская проверка

необходима также предприятию для организации правильной и рациональной системы бухгалтерского и налогового учета, а следовательно, для улучшения показателей деятельности хозяйствующего субъекта. Многообразие теоретических вопросов учета расходов по их видам и специфика существующих положений норм законодательства определяют актуальность темы данной статьи.

Основная часть. В современной цифровой экономике существенно возрастает роль аудиторской деятельности, отмечается рост требований к качеству аудита со стороны пользователей, происходит расширение спектра и сферы приложения аудиторских услуг.

В теории и практике аудиторской деятельности под аудитом расходов принято понимать анализ и контроль за расходами субъекта хозяйствования, нацеленные на изучение движения финансовых ресурсов и денежных средств компании для прогнозного расчета будущего финансового положения аудируемого юридического лица на заданном временном интервале.

Среди основных проблем аудита финансовых результатов деятельности организации на микроуровне выделяют: большой объем информации; незаинтересованность руководства предприятия в качественном подробном аудите; недостаточный уровень осведомленности аудитора о деятельности проверяемого предприятия [1, с. 54].

Целевая функция аудита расходов производна от генеральной целевой установки аудита финансовой (бухгалтерской) отчетности, обозначенной

в международном стандарте аудита (МСА) 200 «Основные цели независимого аудитора и проведение аудита в соответствии с международными стандартами аудита» [2]:

— получение адекватного разумного подтверждения отсутствия в финансовой отчетности существенных искажений, позволяющего сформировать аудиторское заключение о соответствии / несоответствии финансовой отчетности используемым принципам;

— составление итогового заключения по результатам аудита и представление данного документа согласно требованиям МСА.

Таким образом, исходя из вышесказанного, цель аудита расходной составляющей финансовой деятельности субъекта предпринимательства видится в получении объективной оценки применяемых методов отражения в учете и финансовой отчетности аудируемого юридического лица его расходной составляющей.

В качестве первоочередной задачи аудитора в процессе проверки выступает анализ существующей контрольной среды, эффективности организации системы учета и надежности системы внутреннего контроля. Реализация предварительных оценочных процедур позволит установить вероятность появления искажений в учете клиента и выстроить последующую работу аудитора. Оценку системы внутреннего контроля следует проводить согласно МСА 315 «Выявление и оценка рисков существенного искажения» [2].

В аудиторской практике существует достаточно четко определенное и разделяемое всеми субъектами аудита толкование термина «контрольная среда» как совокупности факторов и обстоятельств, прямо и непосредственно не связанных с учетной системой предприятия, но оказывающих влияние на ее результативность. Предметное изучение контрольной среды начинается на начальном этапе аудиторской проверки и заключается в установлении таких пунктов, как:

— влияние на практику ведения бухгалтерского учета организационной структуры управления, отраслевой принадлежности, видов и способов ведения предпринимательской деятельности аудируемым лицом;

— сложившаяся иерархия менеджмента компании, принципы разделения зон ответственности и полномочий;

— специфика процесса коммуникаций и характер взаимоотношений, уровень доверительных отношений собственников с сотрудниками, реализующими административные и финансово-экономические функции;

— сложившееся отношение топ-менеджмента аудируемого юридического лица к вопросам бухгалтерского учета;

— степень ответственности и отношение персонала к значимости порученных учетных задач.

Для получения этой информации принято использовать такие методы, как наблюдение, личные интервью, обзор учредительных документов.

Являясь, по существу, одной из стадий аудиторской проверки, оценка внутреннего контроля дает возможность аудитору сформировать и оценить потенциальный уровень доверия к проверяемым данным. Итогом становится формирование аудитором перечня аудиторских процедур, установление их типа, масштаба выборки и периодичности. Впоследствии параметры тестирования оценки

внутреннего контроля будут положены в основу заключения аудитора относительно риска средств контроля.

Как известно, существенность в аудите есть вероятность того, что искажения в отчетности аудируемого лица будут установлены в ходе проведения аудиторских процедур и оценены возможности влияния последствий этих искажений на процесс принятия решений пользователями отчетности. Под уровнем существенности принято понимать «предельное значение ошибки финансовой (бухгалтерской) отчетности, начиная с которой квалифицированный пользователь этой отчетности с большей степенью вероятности не в состоянии делать на ее основе правильные выводы и принимать правильные экономические решения» [2]. Согласно положениям МСА 320 «Существенность при планировании и проведении аудита» [2] субъектом аудита, используя профессиональное собственное суждение, осуществляется выбор контрольного показателя в целях установления уровня существенности для финансовой отчетности.

Выбор контрольного показателя подвержен глубокому анализу, фиксированию влияющих факторов в документации аудитора, оценке произведенного выбора по критериям оптимальности. Совокупность данных процедур позволяет получить надлежащий контрольный показатель.

Выбор и обоснование контрольных показателей по указанному выше стандарту носит рекомендательный характер в зависимости от специфики деятельности организации. К примеру, для организаций коммерческого сектора таковым будет являться прибыль до налогообложения. В случае отступления от рекомендаций, указанных в стандарте и применении других контрольных показателей за аудитором, остается обязанность обоснования их применения.

Хотим обратить внимание на факт невозможности использования идентичных контрольных критериев к схожим по организационно-правовой форме, отраслевой специфике, сфере деятельности и условиям ее осуществления субъектам хозяйствования. В аудите принимаются в рассмотрение индивидуальные особенности и внутренние процессы организации, оценивая совокупность которых, аудитор формирует собственное суждение и принимает, либо не принимает их к рассмотрению.

В целях проведения расчета уровня существенности по показателям финансовой отчетности аудитором применяется определенное процентное значение выбранного подконтрольного параметра, количественное значение которого устанавливается исходя из профессионального суждения аудитора. Сразу же отметим, что необходимо учесть зависимость данного количественного выражения существенности от объема потенциальных не устраненных ошибок проверенной финансовой отчетности и степени важности данных искажений для ее пользователей. Существует зависимость: при высокой значимости каждого конкретного искажения контрольного параметра примененное к нему процентное отношение низкое, и наоборот. В целом можно говорить о том, что контрольное процентное значение показателя устанавливается исходя из его удельного веса в структуре отчетности, далее идет расчет предельно допустимого коридора отклонений количественных значений показателей.

Общеизвестно, что между контрольным показателем и выбранным значением процента существу-

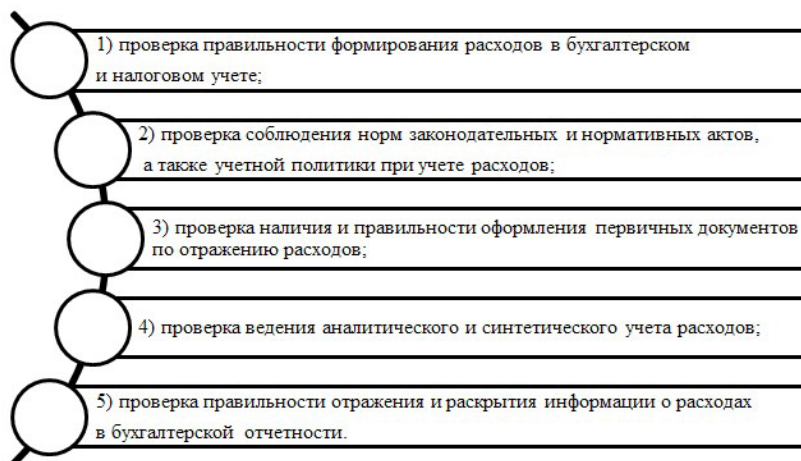

Рис. 1. Задачи аудиторской проверки расходов

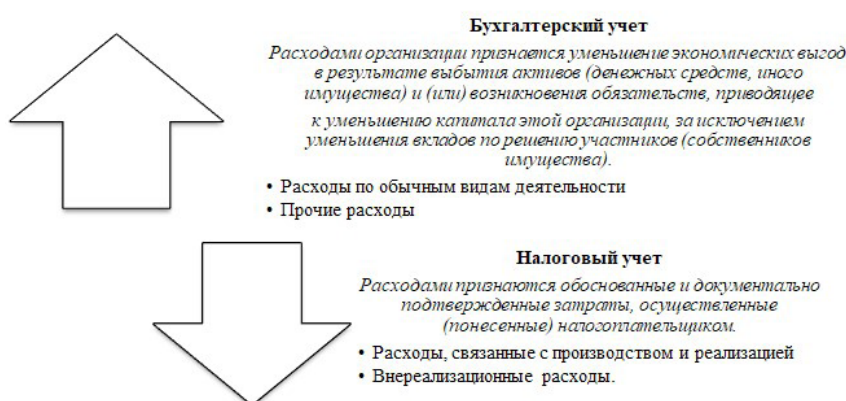

Рис. 2. Понятие и виды расходов

ет взаимосвязь. Аудитор, принимая во внимание данный факт, ориентируется на собственное профессиональное суждение при корректировке выбранного значения процента и далее работает с тем его количественным выражением, которое для него наиболее обоснованно. При этом как само количественное выражение, так и коридор допустимых отклонений достаточно условны, выступая только лишь определенными ориентирами в аудите, а процедура их установления не стандартизирована.

В МСА 320 «Существенность при планировании и проведении аудита» не регламентирован интервал процентных значений, но в нем содержится указание на то, что «с учетом конкретных обстоятельств приемлемым может быть признан как более высокий, так и более низкий процент» [2]. Следовательно, за аудитором остается право собственного обоснования применения различных интервалов и количественных выражений критериев контроля.

Обоснованное мнение аудитора относительно выбранного контрольного показателя и его количественного процентного выражения фиксируется документально. Стандартной формы такого документа нет, на это указано в МСА, где прописана процедура рекомендательного характера по отражению в рабочих материалах аудитора расчетов количественных цифровых значений уровней существенности и их обоснованность.

Логичным завершением проверки становится аудиторское заключение — «официальный документ, предназначенный для пользователей бухгал-

терской (финансовой) отчетности аудируемых лиц, содержащий выраженное в установленной форме мнение аудиторской организации, индивидуального аудитора о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица» [3]. Оно составляется согласно нормам МСА 700 «Формирование мнения и составление заключения о финансовой отчетности» [2].

В заключение приводится детальная информация о соблюдении норм законодательства РФ при формировании финансовой отчетности субъекта предпринимательства, позволяющая оценить процесс хозяйственной деятельности на момент начала аудита и сделать соответствующие выводы рекомендательного характера относительно дальнейших шагов по его урегулированию. Помимо этого, в этом документе зафиксированы максимально допустимые размеры искажений для данного аудируемого юридического лица, используемые в процессе проверки.

Резюмируя сказанное, можно говорить о том, что аудиторская проверка идентифицируется с высоким уровнем трудоемкости аудиторских операций и процедур и видится как упорядоченный алгоритм действий, первым шагом которого является анализ надежности системы внутреннего контроля, результаты которого в дальнейшем будут использованы при разработке плана и программы аудита расходов.

Применительно к выбранному объекту исследования данной работы целью аудита расходов

Общая стратегия аудита		РД 02		
Аудиторская организация				
Реквизиты				
Аудируемое лицо				
Реквизиты				
Период аудита				
ФИО, составившего документ				
Дата составления документа				
Уровень существенности: _____ тыс. руб.				
Сроки аудита: _____ г. — _____ г.				
Состав аудиторской группы: _____				
№ п/п	Выполняемая процедура	Период проведения (в часах)	Ответственное лицо	Примечание (используемый РД)
1	2	3	4	5
I. Общие процедуры				
1.1	Ознакомление с системой учета			
1.2	Тестирование системы внутреннего контроля			
1.3	Расчет аудиторского риска и существенности			
II. Практические разделы учета, подлежащие проверке				
2.1	Аудит расходов			
2.2	Прочие вопросы: — оценка качества ведения бухгалтерского и налогового учета			
III. Завершающие процедуры				
3.1	Оформление рабочей итоговой документации			
3.2	Представление письменной информации по результатам аудита руководству юридического лица			
3.3	Оформление и представление аудиторского заключения			
3.4	Подписание акта приема-сдачи выполненных работ			

Подпись аудиторской организации
печать, дата

Подпись аудируемого лица
печать, дата

Рис. 3. Шаблон: Общая стратегия аудита

является проверка обоснованности формирования и учета расходов аудируемых лиц в соответствии с действующими нормами законодательства. Соответственно, в качестве задач проверки учета расходов можно обозначить следующие (рис. 1).

Прежде чем переходить к изложению организационно-методических основ проверки обоснованности, полноты и своевременности отражения в учете расходов компании, поясним, что следует относить к данной категории. Итак, согласно положениям действующего правового поля, расходы организации идентифицируются по видам учета (бухгалтерский и налоговый) [4]. Трактовка сущности понятия «расходы» и их виды в рамках каждого вида учета показаны на рис. 2 [5, 6].

Правильность отражения расходов в бухгалтерском и налоговом учете влияет на формирование конечного результата деятельности организации и показатели предоставляемой отчетности. Поэтому важна объективная оценка законности отобра-

жения расходов в регистрах бухгалтерского и налогового учета, а также в финансовой отчетности аудируемого юридического лица.

На этапе планирования аудиторской проверки аудитором разрабатывается в соответствии с полученным заданием на аудит общая стратегия последнего, которая, будучи оформленной документально, становится неотъемлемой частью общей информационной системы аудита и подлежит включению в состав аудиторских документов, содержащих итоги проверки. Стратегия аудита сугубо индивидуальна для каждого юридического лица, предусматривает установление оптимального пути реализации цели аудита, обусловлена профессиональным опытом аудитора, его квалификацией, продолжительностью контактов проверяемой организации и аудиторского сообщества, уровнем информированности субъекта аудита об объекте и т. д.

При разработке общей стратегии проверки аудитор:

Программа проведения аудиторской проверки расходов

Проверяемая организация _____ наименование организации
 Период проведения аудита _____ Дата начала – дата окончания проверки _____
 Количество человеко-часов _____ количество часов
 Руководитель аудиторской группы _____ ФИО _____
 Состав аудиторской группы _____ ФИО _____
 Планируемый аудиторский риск _____ %
 Планируемый _____ уровень _____
 существенности

	Наименование процедур	Период	Исполнитель	Рабочие документы
1	Оценка финансово-хозяйственной деятельности предприятия, организации учета расходов	gama	ФИО	Аналитический обзор
2	Анализ основных положений учетной политики. Анализ принятой в организации классификации расходов и порядка их отражения в учете	gama	ФИО	Аналитический обзор
3	Проверка правильности отражения расходов по обычным видам деятельности	gama	ФИО	Аналитический обзор, таблицы
3.1.	Проверка материальных расходов	gama	ФИО	Аналитический обзор, таблицы
3.2.	Проверка расходов на персонал	gama	ФИО	Аналитический обзор, таблицы
3.3.	Проверка состава амортизируемого имущества, первоначальной стоимости, сумм начисленной амортизации	gama	ФИО	Аналитический обзор, таблицы
3.4.	Проверка списания на себестоимость прочих расходов, связанных с реализацией	gama	ФИО	Аналитический обзор, таблицы
4	Проверка правильности отражения прочих расходов	gama	ФИО	Аналитические таблицы
5	Определение полноты и своевременности отражения в бухгалтерском учете расходов	gama	ФИО	Аналитические таблицы
6	Сравнение данных о расходах в регистрах синтетического и аналитического учета	gama	ФИО	Аналитические таблицы
7	Проверка правильности отражения расходов в бухгалтерской отчетности	gama	ФИО	Аналитические таблицы
8	Проверка полноты раскрытия информации о расходах	gama	ФИО	Аналитические таблицы
9	Проверка правильности формирования показателей отчета о финансовых результатах	gama	ФИО	Аналитические таблицы
10	Обобщение результатов аудита	gama	ФИО	Аналитический обзор, таблицы
11	Подготовка и печать отчета	gama	ФИО	Аудиторское заключение

Руководитель аудиторской группы _____ ФИО

Рис. 4. Шаблон: Программа проведения аудиторской проверки расходов

1) выявляет особенности аудиторского задания, имеющие определяющее значение для его объема;

2) изучает результаты предварительной работы по аудиторскому заданию и оценивает наиболее существенные факторы с позиции направлений деятельности аудиторской группы;

3) определяет период аудита и характер информационных коммуникаций с руководством аудируемого лица;

4) устанавливает характер, сроки использования и объем ресурсов, необходимых для проведения данного аудита.

Шаблон документа «Общая стратегия аудита», разработанного нами для прикладного использования в аудиторской практике, показан на рис. 3.

Как было сказано выше, проверка результатов финансово-хозяйственной деятельности начинается с составления плана аудита, который в дальнейшем позволит аудитору спланировать все свои действия, необходимые для осуществления проверки и тем

самым обеспечить своевременное и качественное выполнение работ по аудиту расходной составляющей финансовой отчетности аудируемого лица. Применительно к предмету данной статьи планирование аудита можно обозначить как определение перечня аудиторских операций и процедур, их трудоемкости и сроков выполнения, составление программы аудита [2].

Алгоритм планируемых шагов по проведению аудита расходов условно можно разделить на три блока: ознакомительный; основной; заключительный, либо обозначить как «...подготовительный план; разработка полного плана проверки; разработка программы аудита» [7, с. 105]. По итогам проверки должен быть подготовлен комплект аудиторских документов и составлено аудиторское заключение.

Программа аудита является развитием общего плана аудита и представляет собой детальный перечень содержания аудиторских процедур, необхо-

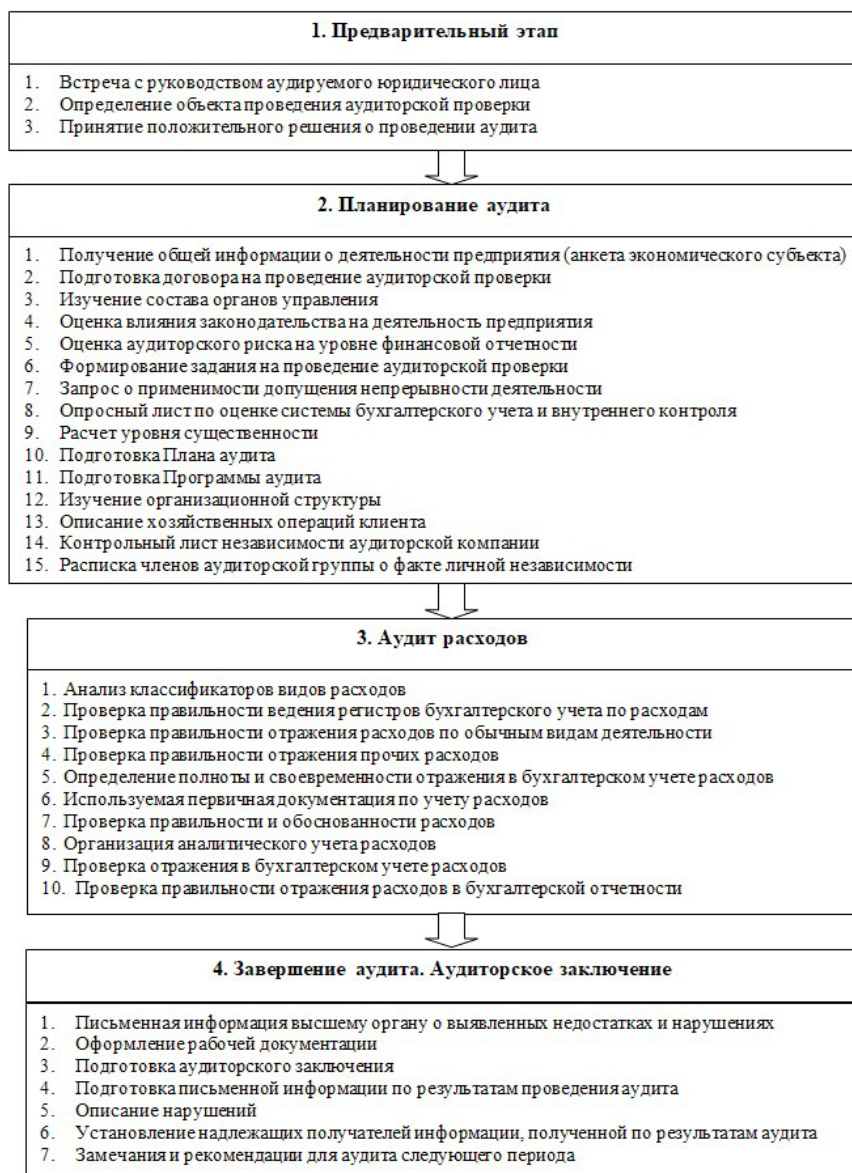

Рис. 5. Структурная блок-схема проведения аудиторской проверки расходов

димых для практической реализации плана аудита. Программа составляется и оформляется аудитором самостоятельно в виде документа, в котором приводится обозначение номера или кода каждой аудиторской процедуры. Шаблон программы аудита расходов имеет вид (рис. 4).

Процедура проведения аудита представлена на рис. 5. Перечень рабочих документов аудитора, систематизированных по этапам указанной процедуры, приведен в табл. 1.

В ходе проверки аудитор в соответствии с программой проведения аудита изучает соответствующие первичные учетные документы, перечень которых представлен в табл. 2.

По мнению ряда ведущих аудиторов, для сбора аудиторских доказательств с целью формирования выводов, положенных в дальнейшем в основу аудиторского заключения, можно использовать проведение «процедур оценки рисков; дальнейших аудиторских процедур, включающих в себя тестирование средств контроля и процедуры по существу, в том числе детальные тесты и аналитические процедуры проверки по существу» [8, с. 28].

Далее, следуя логике изложения последовательности аудита расходов, требуется рассчитать

вероятность того, что используемые аудиторские процедуры и полученные в ходе их проведения доказательства не позволят обнаружить ошибки, превышающие допустимую величину, путем вычисления риска не обнаружения (*РНО*) при установленном аудиторском риске 5 % по формуле [8]:

$$PNO = \frac{ПАР}{НР \times РСК}, \quad (1)$$

где *ПАР* — приемлемый аудиторский риск;

НР — неотъемлемый риск;

РСК — риск средств контроля.

Проведение расчета уровня существенности и его распределение по статьям баланса регулируется МСА (ISA) 320 «Существенность при планировании и проведении аудита» [2].

Для отражения процедуры расчета уровня существенности рекомендуется использовать табличный формат (табл. 3).

На основании разработанной программы, обобщая итоги проверки исследуемого участка учета, рекомендуется составление ведомости ошибок и нарушений (табл. 4).

Перечень рабочих документов аудитора

Этап проведения аудиторской проверки	Рабочие документы аудитора
1. Предварительный этап	Протокол встречи; Анкета; Письмо-обязательство; Письмо-предложение; Договор на аудит; Приложение к договору; Письмо о начале работы; Запрос пояснение; Запрос подтверждение; Устные разъяснения; Журнал регистрации ответов
2. Планирование аудита	Понимание деятельности; Неотъемлемый риск; Риск системы внутреннего контроля и бухгалтерского учета; Аудиторский риск; Определение общего уровня существенности; Распределение существенности по элементам; Расчет показателей выборки; Общий план аудита; Программа проведения аудита; Оценка стоимости аудита
3. Аудит расходов	Тестирование системы внутреннего контроля; Тестирование системы бухгалтерского учета; Анализ учетной политики в целях бухгалтерского учета; Анализ учетной политики в целях налогового учета; Анализ рабочего плана счетов; Проверка тождественности показателей в регистрах бухгалтерского учета и данных бухгалтерского баланса; Расчет объема и построение выборки; Проверка наличия оснований для начисления расходов; Проверка правильности документального оформления расходов; Проверка правильности оценки в учете и отчетности расходов; Проверка соответствия произведенных расходов отчетному периоду; Проверка раскрытия в отчетности всей существенной информации; Предварительный перечень ошибок и замечаний; Выводы по разделу аудита
4. Завершение аудита. Аудиторское заключение	Письменная информация; Отчет аудитора

Таблица 2

Перечень первичных документов для осуществления аудита расходов

Статья расходов	Документ
Расходы будущих периодов	— договоры; — первичные учетные документы, подтверждающие расходы, которые подлежат списанию в течение длительного периода времени (лицензии, сертификаты, страховые полисы и др.); — бухгалтерские справки и расчеты; — акты инвентаризации; — внутренние организационно-распорядительные документы; — регистры бухгалтерского и налогового учета и др.
Расчеты с дебиторами и кредиторами	— договоры; — документы по формированию дебиторской и кредиторской задолженности (акты, накладные, платежные документы и т.п.); — акты инвентаризации; — бухгалтерские справки и расчеты; — внутренние организационно-распорядительные документы; — регистры бухгалтерского и налогового учета и т. п.
Расходы на оплату труда и страховых взносов	— кадровые документы; — ведомости начисления заработной платы; — табели учета рабочего времени; — платежные ведомости и иные платежные документы; — бухгалтерские справки и расчеты; — внутренние организационно-распорядительные документы; — регистры бухгалтерского и налогового учета; — отчетность в Социальный фонд России и т. п.
Расходы при расчете налога на прибыль	— декларации по налогу на прибыль; — бухгалтерские справки и расчеты; — внутренние организационно-распорядительные документы; — регистры бухгалтерского и налогового учета и др.

По результатам проведения аудиторской проверки расходов, руководствуясь нормативно-правовыми актами РФ, составляется аудиторское заключение. Предложенный авторами алгоритм методики аудита при его практической реализации призван способствовать повышению качества контрольно-оценочных операций в процессе проверки расходов и снижению вероятности ошибок. Как справедливо замечено в работе, «риски и ошибки искажения соответствующей информации в финансовой отчетности, обнаруженные путем аудита, могут быть своевременно исправлены, что позволит руководству организации избежать недостатков в системе

контроля и повысить эффективность деятельности предприятия» [9].

Заключение. В заключение хотелось бы отметить, что организационно-методический аспект аудита расходов представляется комплексом мероприятий, имеющих общую целевую направленность, в качестве ключевых из которых выделяют разрабатываемый на этапе планирования проверки общий план аудита и программу аудита, формируемую в процессе выработки стратегии и тактики аудита. Что касается методов сбора аудиторских доказательств, то здесь традиционно применяются такие способы, как: пересчёт, подтверждение, на-

Определение единого уровня существенности по данным бухгалтерской отчетности

Базовый показатель	Значение базового показателя бухгалтерской отчетности, тыс. руб.	Доля, %	Значение, применяемое для нахождения уровня существенности, тыс. руб.
1. Прибыль до налогообложения		5	
2. Выручка		2	
3. Валюта баланса		2	
4. Собственный капитал		10	
5. Расходы, произведенные организацией за период		2	
Среднее значение уровня существенности			

Таблица 4

Рабочий документ 07 «Нарушения, выявленные в результате аудиторской проверки»

Аудиторские процедуры	Выявленные нарушения	Рекомендации по устранению
1	2	3
Контроль соблюдения положений учетной политики		
Проверка правильности отнесения расходов на производство и реализацию налогоплательщиком, определяющим доходы и расходы по методу начисления		
Проверка списания на себестоимость прочих расходов, связанных с реализацией		
Проверка материальных расходов		

блюдение, проверка учётных записей и т. д. В ходе исследования разработана методика аудиторской проверки расходов в виде структурированной блок-схемы, описан регламент ее применения.

Предложенная методика, дополненная систематизированным перечнем рабочих документов аудитора, распределенных по стадиям аудита расходов, направлена на улучшение аудиторского обслуживания в соответствии с нормами законодательства РФ. Кроме того, у аудиторов в процессе работы с выделенным объектом — расходами — появится возможность повысить профессиональные компетенции, а также оптимизировать трудоемкость аудиторских операций и процедур в процессе реализации трудовых функций. Последнее реализуется посредством применения «... максимально выгодных для аудируемого лица наборов аудиторских методик» [10, с. 1605].

Практическая значимость исследования видится в применении методических разработок в процессе совершенствования аудита расходов юридического лица. Разработанные в соответствии с требованиями законодательства рекомендации позволят организации наиболее четко и правильно отражать возникающие расходы в бухгалтерском и налоговом учете. Вследствие этого повысится качество формируемой бухгалтерской (финансовой) и налоговой отчетности, и снизятся налоговые риски при проверке налоговой базы по налогу на прибыль организаций.

Библиографический список

1. Ломаенко М. А., Макарьева В. Ю. Проблемы аудита финансовых результатов организации // *Cognitio Rerum*. 2022. № 1. С. 52–55. EDN: CVWTKM.

2. О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов Министерства финансов Российской Федерации: приказ Минфина России от 09 января 2019, № 2н. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. Российская Федерация. Законы. Об аудиторской деятельности: федер. закон от 30 декабря 2008, № 307-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Российская Федерация. Законы. О бухгалтерском учете: федер. закон от 06 декабря 2011, № 402-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

5. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть 2 (НК РФ ч. 2) от 05 августа 2000, № 117-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

6. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99: приказ Минфина России от 06 мая 1999, № 33н. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

7. Пучкова Е. М., Ильясов М. Х. Теоретико-методические основы аудита финансовых результатов организации // *Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»*. 2023. № 1. С. 104–109. EDN: UAGUNX.

8. Казакова Н. А., Ефремова Е. И. Аудит / общ. ред. Н. А. Казаковой. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2024. 425 с. ISBN 978-5-534-18573-7.

9. Семиколенных Н. В. Методики аудита финансовых результатов от обычных видов деятельности // *Вектор экономики*. 2022. № 9 (75). EDN: EWMRM.

10. Зарубайло Н. Ю. Методика аудита финансовых результатов и направления ее оптимизации // *Инновации. Наука. Образование*. 2022. № 51. С. 1603–1610. EDN: QFRDJB.

КАЛИНИНА Наталья Михайловна, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Менеджмент и сервис» Омского государственного технического университета (ОмГТУ), г. Омск.

SPIN-код: 6580-3352

AuthorID (РИНЦ): 508769

ORCID: 0000-0001-9364-3686

Адрес для переписки: kalinina-nata@mail.ru

БАЛАШОВА Елена Александровна, доцент кафедры «Менеджмент и сервис» ОмГТУ, г. Омск.

SPIN-код: 3587-2080

AuthorID (РИНЦ): 713311

ORCID: 0000-0002-2242-8783

Адрес для переписки: elen__79@mail.ru

Для цитирования

Калинина Н. М., Балашова Е. А. Планирование проверки результатов финансово-экономической деятельности предприятия: организационно-методический аспект аудита расходов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 153–163. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-153-163.

Статья поступила в редакцию 12.02.24 г.

© Н. М. Калинина, Е. А. Балашова

PLANNING THE AUDIT OF RESULTS OF THE FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITIES OF AN ENTERPRISE: ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL ASPECT OF AUDITING EXPENSES

This article discusses current issues related to planning an audit of the financial results of a business entity, in particular, it outlines organizational and methodological approaches to auditing expenses. The authors summarized the existing methods for auditing various groups of company expenses, systematized the experience of conducting audits taking into account the norms of the current legislation of the Russian Federation. The author's vision of the organizational and methodological design of planning an expense audit is proposed, an audit program is developed, a list of auditor working documents is generated, and practical recommendations are given.

Keywords: accounting, audit, auditor, costs, methodology, audit report, audit program.

References

1. Lomayenko M. A., Makar'yeva V. Yu. Problemy audita finansovykh rezul'tatov organizatsii [Problems of auditing the financial results of an organization] // *Cognition Rerum. Cognition Rerum*. 2022. No. 1. P. 52–55. EDN: CVWTKM. (In Russ.).

2. O vvedenii v deystviye mezhdunarodnykh standartov audita na territorii Rossiyskoy Federatsii i o priznanii utrativshimi silu nekotorykh prikazov Ministerstva finansov Rossiyskoy Federatsii: prikaz Minfina Rossii ot 09 yanvarya 2019, № 2n [On the enactment of International Standards on Auditing in the Russian Federation and on the invalidation of certain orders of the Ministry of Finance of the Russian Federation: order of the Ministry of Finance of Russia of 09 January 2019, no. 2n]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).

3. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob auditorskoy deyatel'nosti: feder. zakon ot 30 dekabrya 2008, № 307-FZ [Russian Federation. Laws. On auditor activity: federal law of 30 December 2008, no. 307-FL]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).

4. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O bukhgalterskom uchete: feder. zakon ot 06 dekabrya 2011. № 402-FZ [Russian Federation. Laws. On Accounting: Federal Law of 06 December 2011, no. 402-FL]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).

5. Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii chast' 2 (NK RF ch. 2) ot 05 avgusta 2000, № 117-FZ [Tax Code of the Russian Federation Part 2 (TC of the RF Part 2) of 5 August 2000. No. 117-FL]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).

6. Ob utverzhdenii Polozheniya po bukhgalterskomu uchetu «Raskhody organizatsii» PBU 10/99: prikaz Minfina Rossii ot 06

maya 1999, № 33n [On Approval of the Regulations on Accounting «Expenses of the Organisation» PBU 10/99: order of the Ministry of Finance of Russia dated 06 May 1999, no. 33n]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).

7. Puchkova E. M., Ilyasov M. Kh. Teoretiko-metodicheskiye osnovy audita finansovykh rezul'tatov organizatsii [Theoretical and methodological foundations for auditing the financial results of an organization] // *Nauchnyy vestnik Gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Nevinnomysskiy gosudarstvennyy gumanitarno-tekhnicheskii institut»*. *Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute»*. 2023. No. 1. P. 104–109. EDN: UAGUNX. (In Russ.).

8. Kazakova N. A., Efremova E. I. Audit [Audit] / ed. by N. A. Kazakovoy. 5th ed. Moscow, 2024. 425 p. ISBN 978-5-534-18573-7. (In Russ.).

9. Semikolennykh N. V. Metodiki audita finansovykh rezul'tatov ot obychnykh vidov deyatel'nosti [Methodologies for audit of financial results from ordinary activities] // *Vektor ekonomiki. Vektor Economy*. 2022. No. 9 (75). EDN: EWMMRM. (In Russ.).

10. Zarubaylo N. Yu. Metodika audita finansovykh rezul'tatov i napravleniya eye optimizatsii [Methodology for auditing financial results and directions for its optimization] // *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye. Innovation. Science. Education*. 2022. No. 51. P. 1603–1610. EDN: QFRDJB. (In Russ.).

KALININA Natalya Mikhailovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate

Professor of Management and Service Department,
Omsk State Technical University (OmSTU), Omsk.

SPIN-code: 6580-3352

AuthorID (RSCI): 508769

ORCID: 0000-0001-9364-3686

Correspondence address: kalinina-nata@mail.ru

BALASHOVA Elena Alexandrovna, Associate Professor
of Management and Service Department, OmSTU,
Omsk.

SPIN-code: 3587-2080

AuthorID (RSCI): 713311

ORCID: 0000-0002-2242-8783

Correspondence address: elen___79@mail.ru

For citations

Kalinina N. M., Balashova E. A. Planning the audit of results of the financial and economic activities of an enterprise: organizational and methodological aspect of auditing expenses // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 153–163. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-153-163.

Received February 12, 2024.

© N. M. Kalinina, E. A. Balashova

НЕКОМПЕТЕНТНЫЕ УПРАВЛЕНЦЫ — СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ В РОССИЙСКИХ КОМПАНИЯХ

В статье автором поднимается вопрос о некомпетентности современных управленцев. Выбранная тема для изучения является весьма актуальной, поскольку текущая политическая ситуация в мире требует от РФ грамотных решений, принятие которых во многом зависит от уровня профессионализма управленцев всех уровней. Целью исследования является анализ такой категории, как управленцы, а также выявление причин их некомпетентности и предложения рекомендаций по улучшению ситуации. В заключение автор делает вывод о проделанной работе и предлагает комплекс мероприятий для повышения уровня компетентности наших управленцев. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности предприятий страны, а также в органах власти.

Ключевые слова: понятие «управленец», руководитель, административно-управленческий персонал, кадры предприятия, компетентность, обучение персонала, трудовые ресурсы.

Введение. Современная рыночная экономика всегда бросала вызовы нашим предприятиям, а в последнее время появился ещё один — это нехватка высококвалифицированных управленцев на всех уровнях функционирования государства и организации. Текущая геополитическая ситуация в мире, да и внутри нашей страны, показала сильную потребность в таких кадрах, говоря нам об актуальности рассматриваемой темы. Ряд исследователей постоянно изучают данную область, что лишний раз подчеркивает её востребованность в научных кругах.

Основная часть. Для начала стоит раскрыть суть понятия «управленец», что мы будем иметь в виду, используя это слово в нашем исследовании. Для этого рассмотрим подходы разных авторов к этому термину.

Молодые исследователи Соловьева Н. А., Капустя Адриана А. и Аделина А. в своей работе выделяют основное отличие руководства от управления, которое заключается в том, что первый процесс отражает наличие у человека полномочий (например, подкрепленных трудовым договором на должность директора предприятия), второй — наличие у человека способностей, знаний и навыков, необходимых для решения различных задач, которые связаны с продвижением бизнеса [1, с. 1611].

Также, по их мнению, управленцы планируют, организуют, мотивируют и контролируют. В задачи управленца входит анализ состояния коллектива и понимание мотивов действий подчиненных. Специалист обладает необходимыми навыками сбора, оценки и сравнения информации, а также умеет ставить перед собой цели и задачи. В то же время управленцы знают, как донести задачи до исполнителей, мобилизовать и стимулировать их [1, с. 1612].

В свою очередь, в отечественной социально-психологической литературе понятия «управленец»

и «руководитель» часто отождествляются [2]. Английское слово «management» так же означает и управление, и руководство, однако публикации ряда исследователей менеджмента позволяют утверждать, что, хотя управление и руководство осуществляются в единстве, они не тождественны. Так, П. М. Еманский считает руководство непосредственным управлением [3].

Различие этих процессов представляется наиболее убедительным в градации управленческих кадров, предложенной западными учеными. В зависимости от места в иерархии управления они выделяют три группы управленцев (рис. 1).

Из всего вышесказанного мы можем подвести небольшой итог: любой управленец должен обладать множеством характеристик для выполнения поставленных задач, причем их набор зависит от занимаемого уровня в иерархии управления компании.

С другой стороны, управленцы не только должны иметь определённые профессиональные характеристики, но и обладать личностными качествами, способствующими их деятельности [4].

В силу того, что управленец имеет столь большое значение в жизнедеятельности предприятия, к нему устанавливаются жесткие требования. В первую очередь, управленец — человек аналитического склада ума, поскольку он должен обрабатывать много поступающей информации и делать определенные выводы, прорабатывать стратегию компании для ее развития и поддержания [5]. Кроме того, работодатели предпочитают на такие вакансии людей амбициозных и целеустремленных, обладающих духом лидера, способных находить компромиссы в различных ситуациях, умеющих слушать и слышать [6].

Основные черты успешного менеджера, представленные на рис. 2, формируют идеальный пор-

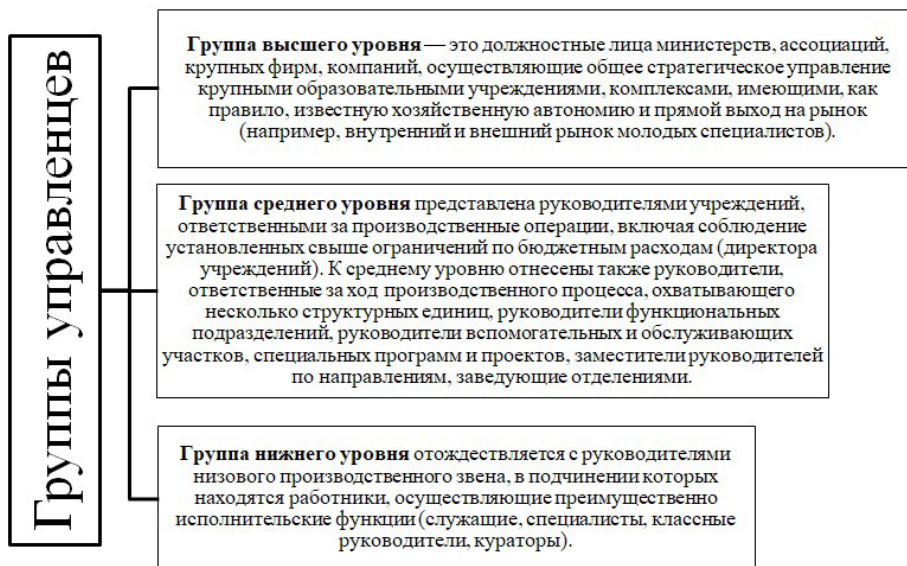

Рис. 1. Три группы управленцев

Рис. 2. Основные черты успешного управленца

Таблица 1

Потребность организаций РФ в руководителях и специалистах высшего уровня квалификации (по данным выборочного обследования организаций)

Тыс. человек

Категория персонала	2016 год	2018 год	2020 год
Руководители	27,1	30,2	49,1
Специалисты высшего уровня квалификации:	174,0	184,7	254,1
— специалисты в области науки и техники	39,7	38,4	63,9
— специалисты в области здравоохранения	58,5	59,4	73,2
— специалисты в области образования	30,9	32,6	46,3
— специалисты в сфере бизнеса и администрирования	18,2	26,1	32,6
— специалисты по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ)	9,4	10,3	14,5
— специалисты в области права, гуманитарных областей и культуры	17,4	17,7	23,4

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Потребность в руководителях по сферам экономики за 2018–2020 годы

Человек

Сфера экономики	2018 год	2020 год	Темп прироста, %
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1 160,89	1 166,89	0,5
Добыча полезных ископаемых	955,18	1 689,86	76,9
Обрабатывающие производства	4 023,23	6 106,8	51,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2 265,35	2 609,12	15,2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	331,75	453,38	36,7
Строительство	776,34	2 173,04	179,9
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	5 078,89	10 578,79	108,3
Транспортировка и хранение	4 319,88	6 371,54	47,5
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	449	558,5	24,4
Деятельность в области информации и связи	1 258,49	2 184,35	73,6
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	894,24	1 199,38	34,1
Деятельность профессиональная, научная и техническая	2 880,38	5 372,46	86,5
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	439,31	1 044,02	137,6
Образование	1 840,85	2 789,96	51,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	2 341,44	3 254,1	39,0
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1 192,48	1 497,39	25,6
Всего	30 207,7	49 049,58	62,4

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система.

трет управленца, которого работодатели желали бы видеть в своей компании.

Из рис. 2 мы можем увидеть следующее: чтобы стать успешным управленцем необходимо обладать множеством разнообразных навыков, которые требуют постоянного развития со стороны самого управленца [7]. Поэтому наличие диплома об образовании, а также занимаемая руководящая должность не являются гарантом грамотного управления людьми.

Стоит также отметить, что в последние годы заметно выросла потребность организаций в компетентных управленцах. Особенно это стало заметно в период коронавирусной эпидемии COVID-19, когда от управленцев зависело многое как в плане постановки целей, так и принятия решений.

Для наглядности приведем официальные данные Федеральной службы государственной статистики о потребности организаций РФ в руководителях и специалистах высшего уровня квалификации за 2016 – 2020 годы (табл. 1) [8].

Как видно из данных табл. 1, наблюдается повышенный спрос на управленцев во всех областях экономики. Особенно остро это ощущается в области здравоохранения, науки и техники: суммарная потребность в 2020 году составила 137,1 тыс. человек.

Одной из возможных причин такой потребности могла являться смена трудовых процессов в сфере медицины, образования и др. в связи с рестройкой деятельности предприятий к новым условиям функционирования в период COVID-19, что требовало грамотных управленческих решений и, как следствие, компетентных специалистов в свой штат. Таким образом, мы видим, что потребность

в административно-управленческом персонале (далее — АУП) есть, причем во многих сферах.

Далее рассмотрим потребность в руководителях в разрезе основных сфер российской экономики. Для этого проанализируем статистические данные, представленные в табл. 2 [9 – 10].

Как видно из таблицы, общая потребность в руководителях по всем сферам экономики растет и в 2020 году по сравнению с 2018 годом составила 49 049,58 человек, или 62,4 %. Одна из причин такой потребности была озвучена ранее; стоит подчеркнуть лишь то, что больше половины отраслей экономики испытывают нехватку в управленцах.

Особенно хочется отметить возросшую потребность в таких сферах, как строительство, административная деятельность, торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов. Это связано с тем, что уход с российского рынка западных игроков из-за пандемии дал возможность нашим компаниям расширяться, что заставило их искать новые управленческие кадры. В итоге большая нехватка управленцев ощущается в тех местах экономики, где раньше присутствовали западные компании.

С другой стороны, российские предприятия готовы платить грамотным управленцам достойные заработные платы, понимая, что их управленческие решения могут в значительной мере улучшить показатели фирмы.

Для этого проведем анализ среднемесячной заработной платы административно-управленческого персонала организаций РФ в динамике за последние шесть лет (табл. 3) [8].

Мы видим, что средняя начисленная заработная плата управленческого персонала ежегодно растет и в 2021 году по сравнению с 2015 годом увеличи-

Средняя начисленная заработная плата административно-управленческого персонала на предприятиях РФ (по результатам выборочных обследований организаций)

Профессиональная группа	Годы			
	2015	2017	2019	2021
Руководители	60 719	74 539	84 410	112 269
Специалисты высшего уровня квалификации	37 023	43 361	48 848	63 573

Источник: Федеральная служба государственной статистики

лась по профессиональной группе руководители — на 51 550 руб. (84,8 %), специалисты высшего уровня квалификации — на 26 550 руб. (71,7 %). На это влияло множество факторов, основным из которых мог быть следующий: бурное развитие российских компаний в период санкций со стороны зарубежных стран, что требовало от них крупных вложений в производство, в том числе и в персонал.

Хочется также отметить положительный момент, что в 2019–2021 годах, когда эпидемия COVID-19 заставила наши предприятия в ускоренном темпе адаптироваться к новым реалиям, заработная плата АУП продолжала повышаться. По итогу можно сделать небольшой вывод: в вопросах оплаты труда управленцев замечена тенденция на постоянный рост, что является положительным фактором для нашей страны.

Таким образом, анализ кадровой потребности компаний в управленцах обратил наше внимание ещё на одну важную проблему — это низкий уровень компетентности и недостаток профессионализма у текущих руководителей. В результате чего любая организация может столкнуться с рядом внутренних сложностей, а именно:

- отсутствие на предприятии четко поставленных целей как перед самим руководством всех уровней управления, так и перед работниками;

- падение прибылей компании из-за низкой производительности труда в результате неэффективного использования ресурсов, возникающей из-за ошибок в управлении;

- непонимание работником требований со стороны управленцев по выполнению тех или иных задач, их неясности, т.е. «языковой барьер» между сотрудником и руководителем;

- загруженность персонала из-за нерационального распределения обязанностей, что негативно сказывается на трудовом процессе;

- текучесть кадров и низкая мотивация труда;

- банкротство или ликвидация самой фирмы и др.

Как правило, многих из вышеуказанных ситуаций можно избежать, если в штате компании работает достаточно профессиональный и квалифицированный АУП.

Также стоит отметить, что недостаток в грамотных управленцах есть и в бюджетных учреждениях, и в органах власти, и в некоммерческих организациях. Поэтому нашей стране стоит начать реализовывать процесс по комплектованию кадровых резервов высококвалифицированными руководителями в разных сферах экономики.

Для повышения уровня компетентности наших управленцев и, как следствие, улучшения россий-

ской экономики, автором был разработан комплекс мероприятий, применив которые можно будет изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону:

- 1) внедрить в систему обучения управленцев технологии виртуальной реальности. С их помощью можно смоделировать различные ситуации и события, которые уже происходили в тех или иных условиях и требующие принятия управленческих решений. Благодаря этому у современных управленцев, в том числе у молодых руководителей, начинающих свой путь в этом деле, появится возможность получить реальный опыт, а не «теоретический», а также сформировать определенные навыки, которые пригодятся в их практической деятельности;

- 2) разработать и ввести в цепочку «управленец – работник» универсальный язык коммуникации, который бы способствовал быстрому обмену информацией между ними в решении трудовых задач. Это даст возможность работникам понимать требования руководства, а также более качественно достигать поставленные цели. Плюс ко всему это повысит производительность труда;

- 3) стремиться назначать на управленческие должности людей, которые соответствуют квалификационным требованиям к этой должности. Стараться исключать такие ситуации, когда, например, на должность директора учреждения здравоохранения ставят человека из сферы торговли и т.д. В итоге этот управленец не до конца понимает все трудовые и технологические процессы в организации и, как следствие, управляет ею неэффективно;

- 4) ввести на постоянной основе «круглые столы» между управленцами и работниками организации для обсуждения проблемных вопросов, внесения предложений по улучшению деятельности предприятия и т.д. К сожалению, современная практика показывает, что этим занимаются не все компании, поэтому необходима массовая реализация подобных мероприятий;

- 5) создать в нашей стране единую систему «Управленец», которая бы объединяла все предприятия России на одном ресурсе. Благодаря такой платформе у большинства руководителей компаний появилась бы возможность обмениваться опытом, разработками, учебными материалами, проводить видео презентации и реализовывать множество других полезных вещей. В дальнейшем эту систему можно интегрировать в мировое пространство, тем самым перенимая управленческий опыт зарубежных товарищей.

Таким образом, предложенный выше комплекс мероприятий, при реализации его в практической деятельности, должен помочь повысить уровень компетенций наших управленцев, что благоприятно

скажется как на них самих, так и на деятельности компаний, которыми они управляют.

Заключение. Подводя итоги нашему исследованию, хочется сделать несколько выводов.

Во-первых, управленец — это не просто руководитель, а человек с множеством навыков и умений, от которых зависит вся деятельность в организации и дальнейшее её существование.

Во-вторых, многие сферы экономики нуждаются в высококвалифицированных управленцах, причем независимо от того, какой уровень управления на предприятии они будут занимать.

В-третьих, грамотного управленца можно воспитать и обучить, конечно, не без поддержки со стороны государства.

В завершение статьи хочется отметить, что наша страна и предприятия за несколько десятков лет сталкивались с различными трудностями и научились выходить из них победителями, и поэтому автор статьи думает, что вопрос о некомпетентности управленцев в ближайшее время будет решен, а Россия не только пополнит свои кадровые резервы управленцами высокого уровня, но и поднимет свою экономическую систему на новую ступень развития.

Библиографический список

1. Соловьева Н. А. Управленец и руководитель, сходства и различия в понятиях // Теория и практика современной аграрной науки: сб. IV Нац. всерос. науч. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 26 февраля 2021 г. Новосибирск: Изд-во центр НГАУ Золотой колос, 2021. С. 1610–1612. EDN: UDNKNQ.
2. Николаев А. А., Миндубаева Н. Р., Мартынова О. Ю. [и др.]. Основные типы управленцев // Форум молодых ученых. 2020. № 10 (50). С. 509–513. EDN: GTBXFT.
3. Кузьмицкая А. Н. О разграничении понятий «управленец» и «руководитель» в системе среднего профессионального образования // Интеграция образования. 2001. № 3. С. 16–17. EDN: QVKHIN.
4. Яфаркина К. Е. Управленческая культура руководителя: современный тип руководителя // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2016. № 2 (7). С. 74–76. EDN: VSUGSL.

5. Латыпова И. В. Совершенствование профессиональной компетентности руководителя на основе оценки эффективности деятельности руководителя // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2021. № 3 (14). С. 89–93. EDN: KWKPVV.

6. Адоньева Е. Е. Анализ потребности в управленческих профессиях на российском рынке труда // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 4. С. 1–5. EDN: YIENFP.

7. Личность в управлении. Личность управленца: материалы заочной Всерос. науч.-практ. конф. 09 февраля 2010 г. // Орловская региональная академия государственной службы / под ред. О. Н. Андреевой, А. М. Блудова. Тамбов: Изд-во Тамбовский фил. ОРАГС, 2010. 130 с. ISBN 978-5-903435-47-0.

8. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2023).

9. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59086> (дата обращения: 13.12.2023).

10. Аналитический портал ФСН России. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru> (дата обращения: 11.09.2023).

МЕДВЕДЕВ Евгений Владимирович, ведущий экономист отдела экономики и бюджетного планирования департамента культуры Администрации города Омска, г. Омск.

SPIN-код: 3879-3120

AuthorID (РИНЦ): 981158

Адрес для переписки: evgeniy_medvedev94@mail.ru

Для цитирования

Медведев Е. В. Некомпетентные управленцы — современные реалии в российских компаниях // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 164–169. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-164-169.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024 г.

© Е. В. Медведев

INCOMPETENT MANAGERS — MODERN REALITIES IN RUSSIAN COMPANIES

In the article, the author raises the question of the incompetence of modern managers. The purpose of the study is to analyze such a category as managers, as well as to identify the reasons for their incompetence and offer recommendations for improving the situation. In conclusion, the author draws a conclusion about the work done and proposes a set of measures to increase the level of competence of our managers. The results of the study can be used in the practical activities of the country's enterprises, as well as in the authorities.

Keywords: the concept of a manager, manager, administrative and managerial personnel, enterprise personnel, competence, personnel training, labor resources.

References

1. Solovyeva N. A. Upravlenets i rukovoditel', skhodstva i razlichiya v ponyatiyakh [Manager and leader, similarities and differences in concepts] // *Teoriya i praktika sovremennoy agrarnoy nauki. Theory and Practice of Modern Agricultural Science*. Novosibirsk, 2021. P. 1610–1612. EDN: UDHKNQ. (In Russ.).
2. Nikolayev A. A., Mindubayeva N. R., Martynova O. Yu. [et al.]. Osnovnyye tipy upravlentsev [Main types of managers] // *Forum molodykh uchenykh. Young Scientists Forum*. 2020. No. 10 (50). P. 509–513. EDN: GTBXFT. (In Russ.).
3. Kuzmitskaya A. N. O razgranichenii ponyatiy «upravlenets» i «rukovoditel'» v sisteme srednego professional'nogo obrazovaniya [On the distinction between the concepts of «manager» and «leader» in the system of secondary vocational education] // *Integratsiya obrazovaniya. Integration of Education*. 2001. No. 3. P. 16–17. EDN: QBKHIH. (In Russ.).
4. Yafarkina K. E. Upravlencheskaya kul'tura rukovoditelya: sovremennyy tip rukovoditelya [Managerial culture of a leader: a modern type of leader] // *Dukhovnaya situatsiya vremeni. Rossiya XXI vek. Duhovnaâ Situaciâ Vremeni. Rossiâ XXI vek*. 2016. No. 2 (7). P. 74–76. EDN: VSUGSL. (In Russ.).
5. Latypova I. V. Sovershenstvovaniye professional'noy kompetentnosti rukovoditelya na osnove otsenki effektivnosti deyatelnosti rukovoditelya [Improving the professional competence of the head based on the evaluation of the effectiveness of the head] // *Nauchno-metodicheskoye obespecheniye otsenki kachestva obrazovaniya. Scientific and Methodical Provision to Assessment the Education Quality*. 2021. No. 3 (14). P. 89–93. EDN: KWKPVV. (In Russ.).
6. Adonyeva E. E. Analiz potrebnosti v upravlencheskikh professiyakh na Rossiyskom rynke truda [Analysis of the need for management professions in the Russian labor market] // *Nauchno-metodicheskyy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*. *Scientific and Methodological Electronic Journal «Koncept»*. 2017. Vol. 4. P. 1–5. EDN: YIENFP. (In Russ.).
7. Lichnost' v upravlenii. Lichnost' upravlentsa: materialy zaachnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Personality in management. Personality of a manager: materials from the All-Russian correspondence scientific-practical conferences] // *Orlovskaya regional'naya akademiya gosudarstvennoy sluzhby. Orel Regional Academy of Public Service / Ed. by O. N. Andreyevoy, A. M. Bludova. Tambov, 2010. 130 p. ISBN 978-5-903435-47-0*. (In Russ.).
8. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: <http://rosstat.gov.ru> (accessed: 26.11.2023). (In Russ.).
9. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema [Unified interdepartmental information and statistical system]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59086> (accessed: 13.12.2023). (In Russ.).
10. Analiticheskiy portal FSN Rossii [Analytical portal of the Federal Tax Service of Russia]. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru> (accessed: 11.09.2023). (In Russ.).

MEDVEDEV Evgeniy Vladimirovich, Leading Economist of Economics and Budget Planning Department, Department of Culture of the Administration of the city of Omsk, Omsk.
SPIN-code: 3879-3120
AuthorID (RSCI): 981158
Correspondence address: evgeniy_medvedev94@mail.ru

For citations

Medvedev E. V. Incompetent managers — modern realities in Russian companies // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 164–169. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-164-169.

Received January 09, 2024.

© E. V. Medvedev

**Российский научный фонд извещает о проведении конкурса на получение грантов
«Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований
отдельными научными группами» (региональный конкурс)**

Гранты Фонда выделяются на осуществление фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований в 2025 – 2027 годах по отраслям знаний, указанным в конкурсной документации.

В конкурсе могут принимать участие проекты научных коллективов независимо от должности, занимаемой руководителем проекта, его ученой степени и гражданства, организационно-правовой формы и формы собственности организаций, с которыми руководитель проекта и члены научного коллектива состоят в трудовых или гражданско-правовых отношениях.

Финансовое обеспечение проекта формируется из гранта Фонда в размере от 2 до 3,5 млн рублей ежегодно и не менее чем паритетного финансирования (гранта) региона.

Руководитель проекта имеет право в качестве руководителя подать только одну заявку для участия в данном конкурсе.

Количество проектов, которые могут выполняться на базе одной организации, не ограничивается.

Не допускается представление в Фонд проекта, аналогичного по содержанию проекту, одновременно поданному на конкурсы Фонда, иных научных фондов или организаций (за исключением конкурсных отборов, связанных с порядком финансирования субъектом Российской Федерации поддержанных проектов, организаций-партнеров (при наличии)), либо реализуемому в настоящее время за счет средств фондов или организаций, государственного (муниципального) задания, финансируемых за счет федерального бюджета, программ развития.

Условием предоставления гранта является обязательство научного коллектива сделать результаты своих научных исследований общественным достоянием, опубликовав их в рецензируемых российских и зарубежных научных изданиях.

Заявка на конкурс представляется не позднее **17 часов 00 минут (по московскому времени) 2 октября 2024 года** в виде электронного документа через Информационно-аналитическую систему Фонда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу **<https://grant.rscf.ru>**.

Результаты конкурса утверждаются правлением Фонда в срок по **3 марта 2025 года** включительно и размещаются на сайте Фонда в сети «Интернет».

Полный текст конкурсной документации, Порядок конкурсного отбора научных, научно-технических программ и проектов, Порядок проведения 3-й экспертизы научных и научно-технических программ и проектов и Критерии конкурсного отбора научных, научно-технических программ и проектов опубликованы на сайте Фонда по адресам **www.pnfp.pf** и **www.rscf.ru**.

